зала 38
шкафъ 53
полка
№ 155

Проверено 1956

З. 38
Ш. 53
П. 1
№ 55

Л. А. Чарская.

СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

Дмитрія-Самозванца и Василія Шуйскаго.

СЪ РИСУНКАМИ

Художниковъ М. А. Андреева, Чорикова и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе В. И. Губинскаго.

Л. А. Чарская.

Свѣтлый Воинъ

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

Дмитрія-Самозванца и Василія Шуйскаго.

СЪ РИСУНКАМИ

Художниковъ М. А. Андреева, Чорикова и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе В. И. Губинскаго.

Гос.

СОЧИНЕНІЯ Л. А. ЧАРСКОЙ.

„СѢВЕРНЫЙ БОГАТЫРЬ“

А. В. СУВОРОВЪ

ВЕЗДѢ ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Иллюстрированное изданіе.

Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою „науку побѣждать“, какъ человѣкъ, котораго (по выраженію поэта „природа отлила въ особую форму и потомъ разбила форму“—Суворовъ среди современниковъ, въ толпѣ царедворцевъ Екатерины и Павла, покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель на Рымникѣ, рѣшитель судебъ Польши, онъ дожилъ до начала кровавыхъ событій, коими волновался міръ въ концѣ XIX вѣка—онъ ходилъ „спасать Царей“ и народы, бился на берегахъ Требіи и льдахъ Сенъ-Готарда, въ улусѣ Ногайскомъ, на степяхъ заволжскихъ и закубанскихъ, засѣдалъ въ совѣтахъ Царей и кабинетѣ дипломатовъ, жилъ на бивакѣ солдатскомъ, въ своемъ сельскимъ уединеніи—пѣлъ на крылосѣ своей деревенской церкви, игралъ съ ребятишками въ бабки. Вездѣ самобытный, неизмѣнный, странный—*великій*—загадка, которую разгадаетъ только тотъ, кто разгадаетъ Русь и ознакомится съ могучимъ духомъ Русскимъ.

„Помилуй Богъ“, говорилъ Суворовъ—„не трудитесь—я вамъ самъ себя раскрою: Цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись.—Езопомъ являясь при дворахъ, побасенками говорилъ я правду, былъ Балакиревымъ для пользы отечества, и пѣлъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ, а родись я Цезаремъ, я былъ бы гордъ, какъ онъ, но удержался бы отъ его пороковъ!“ (Готовится къ печати).

Яркія звѣздочки. Разсказы для дѣтей младшаго возраста *Л. А. Чарской*; съ 60 рисунками и заставками художника И. Зубрилова и др., въ папкѣ, ц. 1 р. Содержаніе: Папина дочка.—Труськина елка.—Нютина посылка.—Василекъ.—Диночка.—Новенькая.—Злючка. — Гришина елка.—Кто лучше?—Скучно.—На берегу моря.—Ко дню рожденія мамы.—Я такъ хочу.—По методѣ доктора Мартина.—О чемъ плакала птичка.—Барашекъ.—Дѣдушкины глазки.—Кто любилъ Тарочку больше?—Несчастливый день Тони.—Котикъ и Попка.—Царица мама. — Семейство Царапкиныхъ.—Въ первый разъ.—Большая кукла.—Жалоба Трезорки.—Судъ Соломона.—Сѣренькая птичка.—Три слезинки королевы.—Пріѣздъ мамы.—Свѣтлый мальчикъ.—Маленькій графчикъ.—Муся.—Сюрпризъ.—Весенняя сказка.—Ильюшка и Дружокъ.—Разбойники.

Синія тучки. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста *Л. А. Чарской* съ 49 рисунками и заставками художн. А. Шлицера и др. Красивый томъ, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: Двѣ елки. — Аганька.—Юнга.—Привидѣніе.—Экзаменъ.—Недѣля русалочки.—Предательница. — Только для бѣдныхъ. — Благодѣтель. — Волченокъ. — Мальчишка. — Безъ сердца.—Графиня Зозо.—Лидочка.—Синичка.—Гиме живая игрушка.—Чудовище.—Бѣдный Топсикъ.—Въ гости къ бабушкѣ.—Танюша.—Приключеніе мишки.

Гимназисты. Сирена. Повѣсть *Л. А. Чарской*, съ рис. художн. Андреева, въ папкѣ. ц. 1 р. 20 к.

Солнышко. Сборникъ разсказовъ для дѣтей *Л. А. Чарской*. Солнышко, разсказъ.—Принцъ.—Фіалка.—Катенька, Катюша, Катинъ и Катринъ. Исторія одной Кати. — Ея братишка. — По царскому повелѣнію. Разсказъ.—Ванька и др. разсказы. Съ рисунками, въ папкѣ. Спб. ц. 1 руб. 20 коп.

„Коммерческая печатня“. Невскій, 88.

Оглавленіе.

Часть первая.

		Стр.
ГЛАВА	I. За зеленымъ тыномъ. — Нежданный гость. — Тревога	1
ГЛАВА	II. Юный царь.—Измѣна.— Сироты	10
ГЛАВА	III. Наединѣ.—Прошлое.—Смѣлый замыселъ	18
ГЛАВА	IV. Въ толпѣ.—Молодой орелъ и старая лисица	31
ГЛАВА	V. Грабители.—Невѣдомый спаситель.—Безмощныя.—Странное предсказаніе	39
ГЛАВА	VI. Свои враги.— Одинъ противъ тысячей.— Страшная расправа	46
ГЛАВА	VII. Сердце матери.—Въѣздъ.—Великій мечникъ	52
ГЛАВА	VIII. Муки совѣсти. — Рѣшеніе.—Заговоръ.—Горе крамольникамъ!	61
ГЛАВА	IX, Нежданный женихъ. — Отказъ. — Новый врагъ	70
ГЛАВА	X. Совье гнѣздо. — Предсказательница. — Похищеніе	78
ГЛАВА	XI. Важное порученіе	89
ГЛАВА	XII. Плѣнница въ когтяхъ коршуна.—Спасеніе	95
ГЛАВА	XIII. Первая любовь. — Въ кельѣ иноческой	102
ГЛАВА	XIV. На плахѣ. — Неожиданное счастье.	108
ГЛАВА	XV. Странное царствованіе. — Царская невѣста	119
ГЛАВА	XVI. Въ гостяхъ у царицы. — Выборъ. — Новый замыселъ.	124
ГЛАВА	XVII. Кровавое утро	133

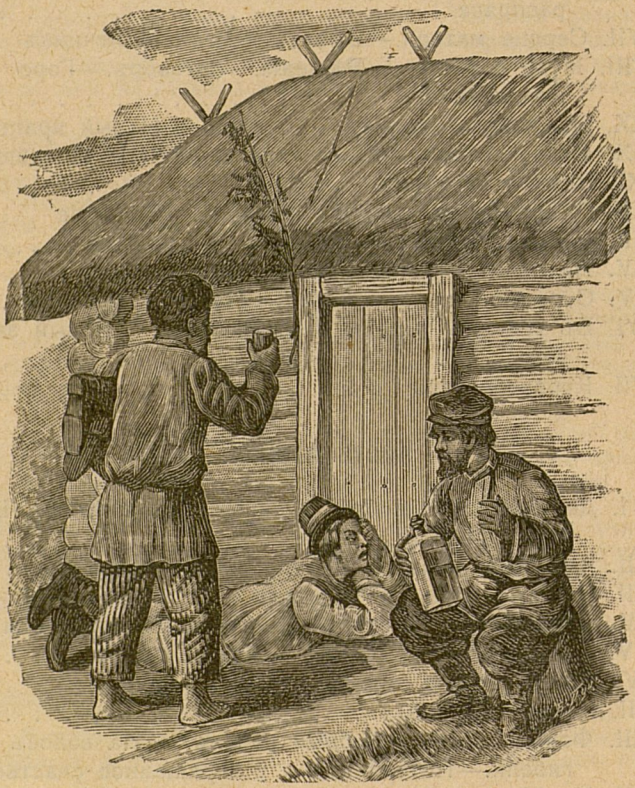
Часть вторая.

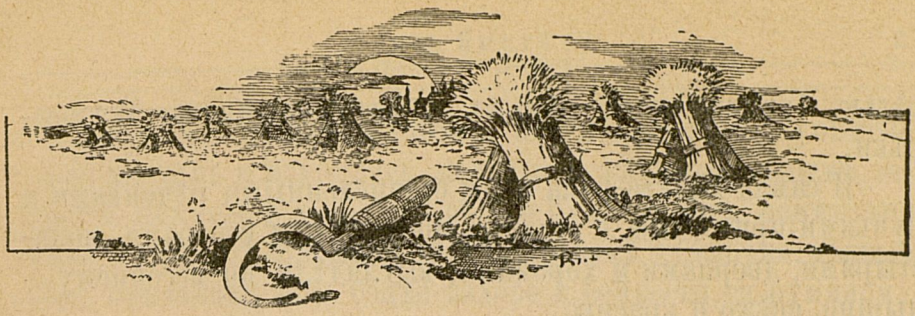
ГЛАВА	I. Два брата.—Недобрый гонецъ.—Завистникъ.—Царское рѣшеніе	151
ГЛАВА	II. Что было послѣ. - Мечты князя.—Прощанье.	162
ГЛАВА	III. Въ аду.—Слава побѣдителю.— Горе побѣжденнымъ	171
ГЛАВА	IV. Нападеніе.—Бѣгство.—Въ лѣсу.—Грозныя очи	182
ГЛАВА	V. Въ невѣстиной кельѣ. — Ударъ судьбы.	197
ГЛАВА	VI. Подъ грохотъ пушекъ и стонъ пищалей	203
ГЛАВА	VII. Передъ казнью	211
ГЛАВА	VIII. Фенина затѣя.—Добрый казакъ. — На волосъ отъ гибели.—Потерянное и возвращенное счастье	219
ГЛАВА	IX. На Милость царя	232

Часть третья.

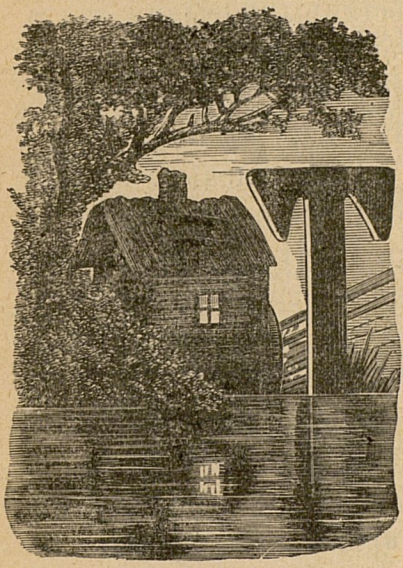
Стр.

ГЛАВА I. Свадьба 1
ГЛАВА II. Тучи собрались снова 11
ГЛАВА XII. Гроза разразилась.—Народъ шумитъ.—Неожиданное спасенье.—Снова опасность.—На шагъ отъ смерти.—Раскаяніе—Встрѣча друзей 22
ГЛАВА XIII. Снова Свистуля. — Рѣшеніе княгини. — Опасный путь.—Въ руки враговъ 34
ГЛАВА XV. Изъ бродягъ въ цари.—Внезапная помощь.—За добромъ—добро 45
ГЛАВА XVI. Россія гибнетъ.—По ступенямъ славы.—Звѣзда разгорается 56
ГЛАВА XVII. Грудь грудью на врага.—Еще побѣда 65
ГЛАВА XVIII. Въ гнѣздѣ черныхъ враговъ.—Когти смерти . . 77
ГЛАВА XIX. Сонъ или дѣйствительность. — Тріумфальная встрѣча — Черная зависть 89
ГЛАВА XX. Лукавый врагъ. — Прорицательница. — Страшное слово.—Шакалъ и волчица 99
ГЛАВА XXI. Недобрый сонъ.—Отравленный кубокъ.—Смерть. 104
Заключеніе 118





СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

За зеленымъ тыномъ. — Нежданный гость. — Тревога.

ТЕПЛЫЙ майскій день тихо вѣялъ своимъ нѣжнымъ весеннимъ дыханіемъ. Весело голубѣло небо, весело улыбалось солнце, золотя огромные купола Успенскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, то дробясь милліардами золотыхъ искръ на крестахъ многочисленныхъ церквей и монастырей Московской столицы, то ударяя горячими лучами въ высокую кровлю недавно выстроенной колокольни Ивана Великаго, гордо возвышавшейся надъ всѣми остальными зданіями Москвы. Бѣлыя стѣны Бѣлгорода, Китай-города и Кремля казались особенно нарядными въ праздничномъ сіяніи солнца. Обычно мутныя рѣчки, Неглинная, съ двухъ сторонъ омывающая Кремль, и Ходынка, пересѣкающая огромный пустырь, теперь, при этомъ яркомъ весеннемъ блескѣ, утеряли свой непривлекательный видъ и, словно, подернутыя серебряною

сѣтью, бурливо стремились въ объятія красавицы Москвы-рѣки.

И самая Москва-рѣка съ ея безчисленными рѣченками и ручьями-притоками, и столица Москва съ ея соборами, монастырями, дворцами и хоромами, выглядѣли по весеннему—пышно, свѣжо и красиво...

На одной изъ окраинъ Китай-города, на берегу быстрой рѣченки Неглинной возвышались просторныя хоромы боярскія. Одной стороною своею онѣ выходили на широкую улицу, сплошь застроенную персидскими гостинными рядами, что за Троицкимъ соборомъ, другой стороною примыкали къ огромному саду, спускающемуся вплоть до самой Неглинной рѣки.

Обычно густой и тѣнистый, онъ въ эту пышную весеннюю пору нарядно одѣлся молодою свѣжею зеленью. Столѣтнія липы и стройные высокіе тополи, густо разросшись, и своими длинными вѣтвями давали прохладу даже въ эту раннюю пору. Тамъ, гдѣ кусты малинника окружили со всѣхъ сторонъ небольшую поляну, привѣшеныя къ сучьямъ двухъ исполинскихъ липъ, тихо поскрипывали качели.

Двѣ молоденькія дѣвушки, почти дѣвочки, одѣтыя въ цвѣтные шелковые лѣтники со свѣтлыми-же повязками на головахъ, разсшитыми золотомъ сидѣли на широкой доскѣ качели. Одна изъ нихъ, повидимому старшая, черноглазая, чернобровая, съ толстой темною косою, съ нѣжно бѣлымъ личикомъ, казалась настоящей красавицей. Малиновый лѣтникъ, какъ нельзя болѣе оживлялъ ея задумчивое, безъ единой тѣни румянца, недѣтски серьезное личико. Ни-то затаенная печаль, ни-то глубокая дума таилась въ самой глубинѣ ея большихъ черныхъ глазъ.

Младшая дѣвушка казалась полной противоположностью своей задумчивой подругѣ. Изъ-подъ голубой повязки свободно выбивались на стройныя, почти дѣтскія плечи, кудрявые, золотистые волосы. Лучи солнца, пробиваясь сквозь свѣжую молодую зелень липъ, ласкали ихъ своимъ яркимъ сіяніемъ и вся русая головка дѣвушки, благодаря имъ какъ-бы

отливала червоннымъ золотомъ. Живые, быстрые, лучистые глазенки такъ и искрились молодымъ жизнерадостнымъ задоромъ. Немного вздернутый носъ и пухлый ротъ, поминутно лукавой улыбкой обнажающій мелкіе, какъ у бѣлочки, тѣсные зубы, придавали еще болѣе задора и бойкости ея румяному свѣжему личику. Нельзя было пройти мимо него, чтобы не полюбоваться его своеобразной прелести. Ей было не болѣе пятнадцати лѣтъ и вся ея стройная, юная фигурка воплощала собою праздникъ весны, радости, счастья...

— Машенька! Да полно тебѣ хохлиться! Уставилась въ одну точку и сидитъ, не двигаясь, словно твоя царевна Несмѣяна!—звонкимъ голосомъ вскричала младшая дѣвушка и, однимъ прыжкомъ очутившись на доскѣ качели, изо всей силы качнула ее въ сторону.

— Ахъ!—испуганно проронила низкимъ грудным голосомъ та, которую звали Машенькой и обѣими руками схватилась за края доски, въ то время какъ ея подруга такъ и залилась веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ, отъ души наслаждаясь ея смятеніемъ.

— Да полно тебѣ баловаться Санюшка,—произнесла она съ укоромъ, — я чаю, не махонькая... Пора бросить дѣтскія шалости.

— Ну, вотъ,—забавно надула свои пухлыя губки быстроглазая Саня—и ты туда-же, умница-разумница! И батюшка съ матушкой и нянюшка Степановна только о томъ и толкуютъ: «не балуй, да не шали Санюшка, не махонькая, молъ». А коли мнѣ любо баловать да шалить? Коли любо быть махонькой? Любо бѣгать и рѣзвиться... не здѣсь только, а на свободѣ, въ Новгородской вотчинѣ, вѣстимо! Ахъ, Машенька, подружка моя милая! Тошно мнѣ здѣсь! То-ли было дѣло подъ Новгородомъ, среди лѣсовъ дремучихъ! Въ родительской вотчинѣ! Цѣлый день-то по лѣсу гуляли съ дѣвоньками, ягоды, грибы собирали, хоронились другъ отъ друга, аукались, пѣсни пѣли! А тутъ я затянула было пѣсенку, такъ батюшка гроза-грозой на меня напустился — до пѣсни-ли, говоритъ,

глупая! Не ко времени распѣлась! И тутъ-же приказалъ въ терему сидѣть, да воздухи въ Успенскій соборъ шить каменьями на гробницу новопреставленнаго—государя. Куда какъ весело! И надо-же было братцу Семѣ насъ сюды въ тѣсноту да скуку выписать...

И большіе сѣрые красивые глазки дѣвочки подернулись туманомъ.

Красавицѣ Машѣ стало жаль свою юную подружку. Она обняла кудрявую головку Сани, прижала ее къ своему плечу и тихо заговорила, тѣмъ примиряющимъ тономъ, какимъ говорятъ обыкновнено взрослые съ маленькими дѣтьми.

— Полно, Санюша. Не кручинься... Знаю, тяжело тебѣ вольной пташкѣ, привыкшей къ свободѣ, ужиться въ душномъ терему. Лучше было-бы тебѣ оставаться въ твоей Новгородской лѣсовщинѣ. Да вѣдь супротивъ судьбы не пойдешь. Семенъ Васильевичъ былъ одинъ изъ любимыхъ «жильцовъ» покойнаго Государя Бориса Ѳедоровича... Его царь отличилъ и облагодѣтельствовалъ. Пожаловалъ, видишь, въ молодыхъ годахъ въ царскіе стольники... Такъ чѣмъ-же теперь Семену Васильевичу и отплатить покойному благодѣтелю, какъ не вѣрной службой своей и своихъ близкихъ, сиротѣ—юному государю. Вѣдь молодому царю Ѳедору Борисовичу нужны теперь вѣрные слуги. А твой родитель бояринъ Василій Петровичъ вѣрой и правдой готовъ служить сыну покойнаго царя... Нынче каждый вѣрный слуга особенно дорогъ государю... Ты слышала, я чаю, про того злодѣя, что назвался именемъ покойнаго царевича Дмитрія и мутитъ народъ?

— Чудно мнѣ на него, Маша,—разомъ позабывъ недавнюю свою жалобу и досаду и, снова оживившись, произнесла Саня—какъ это можно такъ придумать складно! Слыхала я намедни, какъ разговаривалъ братъ Семенъ съ батюшкой о томъ злодѣѣ и грѣшна, позадумалась: нѣшто впрямь онъ злодѣй самозванный, нѣшто не могъ и впрямь спастись отъ руки убійцъ царевичъ Дмитрій...

— Шш! Шш! Шш! Никшни, глупая! И себя и меня погу-

бишь рѣчью такою!—вся разомъ поблѣднѣвъ, какъ саванъ, прошептала Маша и плотно зажала ротъ своей не въ мѣру болтливой подругѣ.—Развѣ не знаешь, что повсюду бродятъ послухи *) царскіе? Что они обо всемъ слышанномъ доносятъ боярамъ и не сдобровать намъ тогда, коли узнаютъ, какія ты рѣчи о разстригѣ **) держишь!

И говоря это, чутко прислушивалась боярышня и зорко оглядывалась по сторонамъ, пронизывающимъ чащу сада взоромъ.

Внезапный шорохъ привлекъ ея вниманіе. Еще большая блѣдность разлилась по томному личику Машеньки. Ея тревога невольно передалась бойкой Санѣ.

— Тсс! Не чуешь? идетъ кто-то!—прошептала первая,—ахти, бѣда намъ! Услышали, подкрались царскіе послухи! Бѣда! Бѣжимъ скорѣича въ хоромы! и быстро схвативъ за руку подругу, красавица Маша, обезумѣвъ отъ страха, ринулась въ сторону.

Шумъ шаговъ теперь все яснѣе доносился до слуха дѣвушекъ Не помня себя, онѣ кинулись было стрѣлою по дорожкѣ сада, какъ вдругъ громкій веселый смѣхъ раздался за ихъ спиною.

Кусты малинника разомъ раздвинулись и нежданно-негаданно передъ ними, какъ въ сказкѣ, появились два юноши въ богатыхъ одеждахъ царскихъ стольниковъ.

При видѣ ихъ весь страхъ боярышень исчезъ, какъ по волшебству.

— Братецъ Сема! — вскричала радостно быстроглазая Санюшка и въ одинъ мигъ, высоко подпрыгнувъ, повисла на шеѣ статнаго, пригожаго юноши, какъ двѣ капли похожаго на нее.

— Испугались? а?—засмѣялся послѣдній,—ахъ, ты трусиха моя! Чего схоронилась? а? Ты прости ужъ сестру, князь,—

*) Шпіоны, доносчики.

**) Лишенный сана монахъ.

обратился онъ къ товарищу, — несмышленочекъ она у насъ. Привыкла въ Новгородской чащѣ бѣгать да рѣзвиться и не знаетъ не вѣдаетъ, какъ обходиться съ гостями. Вишь, при чужомъ человѣкѣ на шеѣбрата повисла! Постыдись, срамница— притворно сурово упрекнулъ онъ сестру,—дай, хошь съ гостьей поздороваться. Давненько не видалъ я княжну Буйносову-Ростовскую.—И съ трудомъ оторвавшись отъ цѣпкихъ рученокъ сестры, Семенъ Васильевичъ Головинъ подошелъ къ потупившейся отъ смущенія красавицѣ Машѣ и произнесъ низко, низко ей кланяясь:

— Будь здрава на долгіе годы, княжна Марья Петровна! Радъ встрѣтить тебя въ гостяхъ у сестры...

— Здравствуй и ты, Семенъ Васильевичъ,—въ свою очередь, низко кланяясь, отвѣчала своимъ пріятнымъ пѣвучимъ голосомъ красавица Маша.

И вдругъ неожиданный веселый хохотъ Сани прервалъ эту сцену.

— Ха, ха, ха, ха!—заливалась молоденькая Головина,— чтой-то съ тобою, князь! Всегда-ли ты такимъ сычемъ смотришь? Ровно тебя кислой брагой попотчивали. Ни дать—ни взять!

И она во всѣ глаза смотрѣла въ лицо гостя, одиноко стоявшаго въ сторонкѣ въ ожиданіи, когда молодой хозяинъ познакомитъ его съ обѣими дѣвушками.

Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, вѣрнѣе, юноша, едва достигшій семнадцатилѣтняго возраста. Высокій, статный, широкоплечій онъ былъ настоящимъ красавцемъ по виду, тѣмъ красавцемъ, о которомъ поется въ русскихъ пѣсняхъ и былинахъ. Большіе темно-синіе глаза юноши смѣло и гордо смотрѣли изъ подъ быстраго взмаха соболиныхъ бровей. Тонкій, красивый носъ съ подвижными трепещущими ноздрями и благородныя губы, чуть прикрытыя первымъ пухомъ юности, обличали породу. Темно-русые кудри вились изъ-подъ золотомъ шитой мурмолки *), высокій козырь **) на-

*) Родъ шапки. **) Воротникъ.

ряднаго кафтана былъ зашитъ дорогимъ шитьемъ. Стройный станъ опоясывался поясомъ заморской чеканки. Что-то величественное, безстрашное, своеобразное, какая-то сила чуялась во всей фигурѣ юноши, въ его юномъ прекрасномъ лицѣ. Мужествомъ и отвагой пылали его прекрасныя, какъ синія звѣзды, очи, а на бѣломъ юношески чистомъ лбу лежала глубокая морщинка, придающая сурово-вдумчивое выраженіе всему облику молодого стольника.

Это-то суровое выраженіе, такъ мало гармонирующее съ юностью красавца, и разсмѣшило Саню...

Молодой стольникъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности, отъ рѣзкаго звука беззаботнаго дѣтскаго смѣха. Вздрогнулъ и взглянулъ съ неудовольствіемъ на веселую боярышню.

Передъ нимъ была задорно-смѣющаяся головка, чудесно позлащенная майскимъ солнцемъ и веселые, искрящіеся лучистые глаза.

И вдругъ при видѣ этихъ жизнерадостныхъ глазъ и прелестнаго личика, молодой стольникъ точно встряхнулся, ожилъ. Морщинка, прорѣзывающая лобъ, исчезла, ротъ улыбнулся ласковой, сочувственной улыбкой.

— Чему смѣешься, боярышня Александра Васильевна? произнесъ онъ послѣ двухъ низкихъ поклоновъ, привѣтствовавшихъ дѣвушекъ.

— А потому смѣюсь,—снова зазвучалъ веселый смѣхъ Санюшки, что я тебя, николи не видя, сразу узнала! Мнѣ братецъ Сема не разъ про тебя сказывалъ...

— А что сказывалъ? — Едва сдерживая улыбку, снова спросилъ тотъ, невольно любуясь прекраснымъ жизнерадостнымъ ребенкомъ.

— А то сказывалъ,—бойко зазвенѣлъ ея звучный голосокъ,—что среди палатъ царскихъ медвѣдь заявился, неповоротливый, неуклюжій, ни на кого не взглянетъ, ни съ кѣмъ не пошутитъ... Какъ есть бирюкомъ сидитъ. И зовутъ того медвѣдя Михайлой свѣтъ Васильевичемъ, княземъ.

— Санюшка! Въ умѣ-ли ты?.. Нѣшто можно срамить

такъ князя - стольника! Тихонько дернувъ подругу за рукавъ лѣтника, въ смятеніи прошептала княжна Буйносова-Ростовская въ то время, какъ Семенъ Головинъ такъ и покатился со смѣху. Улыбнулся и юный князь, отчего лицо его приняло мягкое дѣтское выраженіе.

— Вотъ невидаль! Царскій стольникъ! Кому стольникъ, а кому медвѣдь косолапый!—не унималась дѣвочка...—Что туча-тучей, княже, смотришь?—Обратилась она снова къ юношѣ: не любо, что такъ тебя назвала?.. А? Такъ ты докажи, что и впрямь ты не медвѣдь неповоротливый. Догони меня, князь, а коли догонишь, инъ правда будетъ твоя и братова—царскій ты стольникъ, а не Мишка-бирюкъ. Куды ни шло!

И прежде, чѣмъ братъ и красавица Машенька успѣли остановить ее, хорошенькая Саня метнулась впередъ и стрѣлой понеслась по дорожкѣ сада.

Но не эта выходка ихъ любимицы удивила красавицу Машу и молодого Головина. Къ бойкимъ шалостямъ подростка Сани они оба привыкли съ тѣхъ поръ, какъ привезли эту, удержку не знающую, живую, какъ ручеекъ, дѣвочку изъ ея Новгородскихъ лѣсовъ.

А то удивило, что всегда не по лѣтамъ серьезный, суровый Миша Скопинъ, царскій стольный, любимецъ покойнаго царя Бориса и теперь первый другъ-наперстникъ юнаго Ѳеодора Борисовича, забывъ свою обычную сдержанность съ разомъ прояснившимся лицомъ быстро-быстро помчался слѣдомъ за хохотушкой Саней.

А та того и ждала только. Не бѣжала, а неслась она, какъ птица, вся легкая и стройная, едва касаясь ногами земли.

— Не догнать, княже! Не томи себя понапрасну, поворачивая къ нему черезъ плечо раскраснѣвшееся отъ бѣга личико, смѣялась дѣвочка. Но Миша въ нѣсколько секундъ почти настигъ ее и на поворотѣ дорожки схватилъ за рукавъ лѣтника.

— Анъ и догналъ тебя, Александра Васильевна! произнесъ онъ весело и въ ту же минуту что-то тревожное, необычайное разлилось по его лицу.

Первая встрѣча.

Онъ направилъ быстрый взоръ въ конецъ дорожки и сдвинулъ брови.

Прямо къ нимъ бѣжалъ человѣкъ въ одеждѣ дворцовой челяди, широко махая шапкой, кричалъ издали:

— Во дворецъ бѣги скорѣйча, Михайла Васильевичъ! Молодой царь тебя требуетъ къ себѣ! Бѣда великая приключилась, княже! Бѣги къ государю скорѣй!

Мгновенно послѣдніе признаки оживленія сбѣжали съ лица Миши. Внезапная блѣдность покрыла его черты.

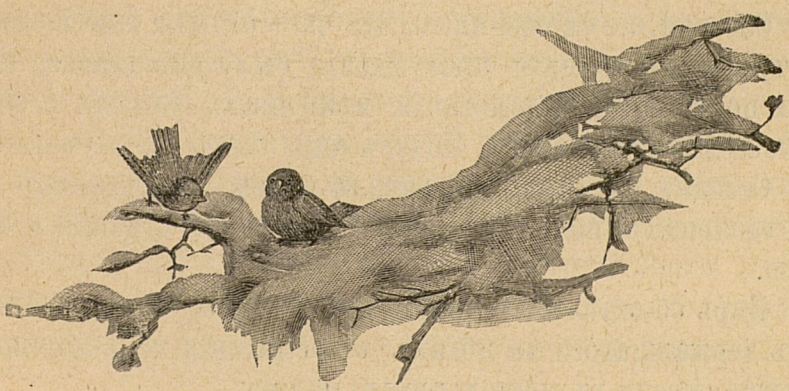
— Какая бѣда? Что за напасть еще? ронялъ онъ, испытующимъ взглядомъ пронизывая посланнаго. Но тотъ ничего не зная, твердилъ только одно:

— Бѣда великая! Страшная бѣда! Спѣши къ государю, княже!

— Идемъ, Семенъ Васильевичъ! позвалъ Миша Головина—и впрямь стряслось что-то. Вишь лица нѣтъ на посланномъ. Прощенья просимъ, боярышни!

И наскоро поклонившись обѣимъ дѣвушкамъ, онъ поспѣшилъ, въ сопровожденіи Головина и дворцоваго холопа, вонъ изъ сада.

Встревоженныя, испуганныя дѣвушки бросились въ домъ разсказать о случившемся.



ГЛАВА II.

Юный царь.— Измѣна.— Сироты.

ВЪ БОЛЬШОЙ постельничей палатѣ юнаго царя Ѳеодора собрались ближайшіе сподвижники его — бояре. Ласковое майское солнышко, съ трудомъ пробиваясь сквозь цвѣтныя, хитро размалеванныя окна Кремлевскаго дворца, скупо освѣщало горницу. Широкія лавки, крытыя коврами, съ наброшенными на нихъ подушками, стѣны, обитыя тяжелымъ штофомъ; въ углу божница съ драгоцѣнными стариннаго Византійскаго письма иконами съ неустанно теплющимися передъ нею лампадами, нѣсколько ларей и поставцевъ по стѣнамъ, въ переднемъ углу широкая чуть не подъ потолокъ взбитая постель съ грудою лебяжьихъ на ней перинъ и подушекъ, вотъ и все нехитрое убранство тогдашней горницы, гдѣ проводилъ ночное время царь московскій.

Сегодня, не смотря на то, что часъ отдыха еще не наступалъ, а отъ утренняго пробужденія было уже далеко, юный царь по причинѣ недомоганія принималъ ближнихъ людей въ постельничей палатѣ. Недугъ царя былъ не случайный.

Сегодня, на зарѣ, прискакали гонцы изъ царскаго войска, стоявшаго подъ Кромами и привезли страшную вѣсть царю.

Царь обомлѣлъ, услыша эту вѣсть, и взволнованнаго, чуть державшагося на ногахъ отъ смятенія мать-царица съ сестрою отвели въ постельничью палату.

Приказано было и боярамъ прослѣдовать туда. Съ поту-

пленными взорами, нехотя, въ смятеніи пошли они за царемъ Ѳедоромъ.

Ихъ собралось всего нѣсколько человѣкъ. Старый сѣдовласый Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, недавно лишь оправившійся отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвѣ съ Лжедмитріемъ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ и Богданъ Ѳеодоровичъ Бѣльскій, недавно выпущенный изъ заточенія, куда сослалъ его не въ мѣру подозрительный покойный царь и Семенъ Годуновъ, дядя новаго царя, и князья Михайло Котыревъ-Ростовскій и Андрей Телятевскій и братья Шуйскіе, одинъ высокій, худой черноглазый съ пронзительнымъ, недобрымъ взглядомъ и сумрачнымъ лицомъ, другой маленькій невзрачный старикъ съ красными словно припухшими глазками, которые у него безпокойно бѣгали, какъ мыши въ западнѣ, съ острой, рѣденькой бородкой клинушкомъ, вертлявый не по лѣтамъ, пятидесятилѣтній старикъ. Тутъ же немного поодаль сидѣла въ широкихъ креслахъ съ золоченными ручками, съ образомъ Спаса, вдѣланномъ въ высокую спинку его, дородная, еще далеко не старая женщина съ суровымъ лицомъ, съ рыжими волосами, старательно убранными подъ обильно шитую чернымъ жемчугомъ траурную кику *) въ темную же ферязь **), поверхъ которой, не смотря на весеннюю пору, была накинута тѣлогрѣя, подбитая соболемъ. Быстрые пронзительные недобрые глаза женщины перебѣгали отъ бояръ на красиваго статнаго юношу, безпокойно шагавшаго изъ угла въ уголъ по палатѣ, крытой мягкими, пушистыми азіатскими коврами. Въ домашнемъ кафтанѣ, растегнутомъ на груди такъ, что можно было видѣть тонкую, шелковую сорочку, расшитую шелками, съ растрепавшимися темными кудрями, юный и взволнованный Ѳеодоръ Годуновъ совершенно не походилъ на величаваго царя—властителя земли русской. Онъ былъ встревоженъ, удрученъ и нисколько не стѣснялся выказывать обуревавшихъ его чувствъ передъ боярами.

*) Головной уборъ.

**) Женская одежда.

Его мать (высокая женщина въ тѣлогрѣѣ, была никто иная, какъ недавно овдовѣвшая царица, супруга Бориса Годунова Марія Григорьевна, и дочь извѣстнаго, во времена Іоанна Грознаго, палача Малюты Скуратова) напрасно старалась взорами придать мужества сыну. Юный царь даже не глядѣлъ на нее и метался по горницѣ точно львенокъ, запертый въ клѣтку.

— Полно, Ѳедя, — произнесли блѣдныя, тонкія губы царицы,— не приходи въ отчаянность, свѣтъ мой, не на одномъ измѣнникѣ держится войско наше... Ну, предался Петька Басмановъ врагу, покарай его Богъ Всемогущій, есть у насъ милостію Господнею и другіе воеводы!.. Пошли ихъ въ войско... Слышь, Ѳедя? Вѣдь разбили-же еретика подъ Добрынничами! Разобьютъ и еще...

И полная, не женски сильная рука царицы тяжело опустилась на плечо царя. Въ одну минуту юный Ѳедоръ остановился. Глаза его, безпокойно бѣгавшіе по сторонамъ, стремительно глянули на мать. Царица Марья невольно отшатнулась отъ этого полнаго глубокаго отчаянія и печали взора. А Ѳедоръ съ горькой усмѣшкой, глухо заговорилъ, не глядя на мать.

— Послать, говоришь? А кого пошлю? Не одинъ Басмановъ предался. Слышь што князь Михайло говоритъ: князь Иванъ Татевъ предался злодѣю, Михайло Салтыковъ, Долгоруковъ... Слышь, изъ Путивля ужъ двинулся измѣнникъ, къ Москвѣ идетъ... А ты говоришь послать воеводъ, матушка! Кого послать-то! Штобъ и эти, какъ Басмановъ, насъ продали? А?—И жестомъ, исполненнымъ отчаянія, юный Ѳедоръ схватился за свою кудрявую голову. Чуть слышный стонъ пронесся по палатѣ. Это простоналъ юный царь... Горе сломило его...

Изъ толпы приближенныхъ отдѣлилась почтенная рослая фигура князя Мстиславскаго, старшаго изъ думскихъ бояръ. Степенно поглаживая свою длинную сѣдую бороду, ста-

рый князь произнесъ твердымъ голосомъ, глядя прямо въ затуманившіеся очи юнаго царя:

— Не обижай, по напрасну бояръ, государь... Не всѣ мы такъ, какъ тотъ злодѣй собака Петька Басмановъ, тебѣ съ царицей Марьей крестъ цѣловали. Тебѣ присягали по смерти родителя твоего—тебѣ и прямить будемъ. Напрасно только ты, царь, отозвалъ меня отъ войска, да князей Шуйскихъ. Оставались-бы мы съ княземъ Васильемъ Ивановичемъ, да княземъ Дмитріемъ подъ Кромами, не было-бы измѣны и предательства, царь-государь.

Такъ говорилъ старый испытанный въ вѣрности думскій бояринъ, а юный Ѳедоръ, въ глубокой задумчивости, стоялъ посреди горницы, едва слушая его.

Слыхалъ онъ ужъ не однажды такія слова! И увѣренія въ вѣрности и службѣ честной слыхалъ... Но говорилъ ихъ не старый, сѣдой бояринъ, а черноглазый молодой красавецъ, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, говорилъ два мѣсяца лишь тому назадъ. Обласканный и задаренный покойнымъ царемъ Борисомъ, произведенный имъ не по лѣтамъ въ санъ думскаго боярина за побѣду надъ еретикомъ, онъ тоже, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, въ этой самой палатѣ, поклялся Ѳедору умереть за него. А что вышло? Едва доѣхалъ до мѣста, едва принялъ начальство надъ войскомъ, какъ безсовѣстно смутилъ дружины царскія и вмѣстѣ съ прочими измѣнниками, князьями Голицыными, Салтыковыми и другими предался самозванцу.

Такъ можетъ-ли онъ Ѳедоръ вѣрить теперь кому-нибудь?

И, махнувъ рукой, царь опустился на скамью, упавъ головой на низкій поставецъ, стоявшій подлѣ и закрылъ лицо руками...

Въ ту-же минуту сладкій, скрипучій, старческій голосъ зазвучалъ надъ его головою. Незамѣтно выдѣлилась изъ толпы бояръ невзрачная фигурка князя Василія Ивановича Шуйскаго, и онъ тихонько заговорилъ, чуть покашливая, надъ самымъ ухомъ юнаго царя.

— Не тужи, государь—милостивый, не все еще потеряно. Дозволь мнѣ, старому слугѣ твоему, выйти къ народу и съ лобнаго мѣста сказать еще разъ людямъ московскимъ, что умеръ царевичъ въ Угличѣ, а его именемъ прикрылся злодѣй, еретикъ, волшебствомъ прельстившій умы! Дозволь — государь!

Ѳедоръ поднялъ голову. Глянулъ... Передъ нимъ стоялъ, униженно склонившись хитрый, лукавый Шуйскій, которому никогда ни довѣрялъ покойный царь Борисъ, и даже подвергъ его опалѣ въ свое время. Маленькіе, подслѣповатые глазки князя впились выжидательно въ лицо царя. Тонкія губы подъ рѣденькими усами безпокойно шевелились. Все въ немъ казалось лживымъ, недобрымъ, невѣрнымъ. И такому защитнику онъ, Ѳедоръ, долженъ былъ довѣриться, пустить его къ народу, среди котораго уже бродили подосланные отъ самозванца люди, мутя и волнуя московскую чернь.

Нѣтъ, нѣтъ! Низачто на свѣтѣ!—Хотѣлось крикнуть юному царю, и вдругъ, когда губы его уже раскрылись, готовыя произнести рѣшающее слово, неожиданно распахнулась дверь опочивальни и въ комнату безъ доклада вошелъ, вѣрнѣе, вбѣжалъ юный стольникъ царя, знакомый уже читателю Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

— Миша! радостно вскричалъ Ѳедоръ и протянулъ руки юношѣ.—Гдѣ ты запропастился, Миша? Хорошо, что пришелъ! Слышь, что говоритъ твой дядя?

И слово за словомъ государь повторилъ Михаилу слова Василія Шуйскаго.

— Ну, што скажешь на это, Миша?—Заключилъ свою рѣчь вопросомъ государь.

Легкій ропотъ поднялся среди бояръ. Укоризненно закачались сѣдыя головы. Не было еще примѣра на Руси, чтобы въ присутствіи почтенныхъ думцевъ, государь московскій обращался къ простому стольнику, спрашивая его совѣта, къ тому-же юношѣ, почти мальчику годами.

Выступилъ впередъ черноглазый, темнобородый Дмитрій Ивановичъ Шуйскій и проговорилъ, нахмуривъ свои и безъ того нависшія брови, подъ которыми сверкалъ жесткій, негодующій взоръ.

— Што ты, государь! Видано-ли, чтобы мальчишка смѣлъ соваться въ бесѣды думцевъ съ ихъ царемъ? Хошь и племянникъ мой, Михайла, а все-же скажу, не гожее это дѣло.

— Такъ государь, не гожее это дѣло,—вмѣшалась въ разговоръ и царица, до сихъ поръ внимательно вслушивавшаяся въ то, что говорили бояре.—Молодъ еще княжичъ, на губахъ молоко не обсохло, чтобы съ думцами-боярами рядить, хошь и другъ онъ твой и слуга вѣрный... А князь Василій Ивановичъ дѣло говоритъ. Прикажи ему выйти къ народу и сказать черни и гостямъ московскимъ, что умеръ царевичъ въ Угличѣ, а народъ мутитъ завѣдомый самозванецъ—воръ. На томъ и рѣшимъ. А теперь съ Богомъ, бояре! Царю покой нуженъ. — Обратилась она съ легкимъ кивкомъ головы въ сторону бояръ.

— Князь Василій Ивановичъ, зайди ко мнѣ въ свѣтлицу. Потолкуемъ!—бросила царица на-ходу Шуйскому, все еще въ раболѣпной позѣ стоявшему подлѣ царя.—И окинувъ ласковымъ взоромъ уныло сидящаго на лавкѣ Ѳедора, она удалилась во внутренніе покои своего женскаго терема. Не слышно, чуть ступая по мягкимъ коврамъ, одинъ за другимъ, съ низкими поклонами вышли и бояре изъ царской опочивальни. Когда юный царь поднялъ голову и оглянулся кругомъ, онъ увидѣлъ подлѣ себя только сурово-сумрачное лицо своего стольника Скопина.

— Ушли?—шепотомъ почему-то спросилъ царь.

— Ушли, государь.—Такъ же тихо отвѣчалъ Миша.

— Слыхалъ, я чаю, про горе наше? Про измѣну Петра?—снова прошепталъ Ѳедоръ.

— Сейчасъ только услыхалъ, какъ бѣжалъ сюды къ тебѣ. Ушамъ своимъ не вѣрилъ! Такъ-ли, государь? Вѣрно-ли до-

несли тебѣ?—И синіе смѣлые глаза Михаила впились въ дѣтски простодушный, полный отчаянія взоръ царя.

Молчаливый отвѣтъ прочелъ въ этомъ скорбномъ взорѣ юный стольникъ. И мгновенно лицо его, исполненное беззавѣтной преданности и любви къ государю, стало неузнаваемо. Онъ словно выросъ, переродился. Грозно сверкнули разомъ потемнѣвшіе глаза, губы дрогнули, лицо поблѣднѣло.

— Государь!—произнесъ не юношескій, а чей-то новый глухой голосъ,—дозволь поѣхать къ Путивлю и изрубить измѣнника!—И говоря это, князь Скопинъ весь задрожалъ отъ охватившаго его порыва.

Царь Ѳедоръ съ печальной улыбкой глянулъ на своего любимца.

— Охъ, Миша, Миша! — произнесъ онъ, обнимая Скопина, — изрубить не долго. Послать войско, велѣть схватить Басманова злодѣя, да что толку? Изрубишь одного, на его мѣстѣ другіе выростутъ. Растетъ измѣна не по днямъ, а по часамъ. И не измѣнники страшны намъ, а вѣра въ того, кто изъ гроба воскресъ и идетъ требовать отчета! Вѣра въ его правоту страшна, Миша.—Совсѣмъ уже тихо заключилъ царь.

— Что ты! Что ты! Окснись государь! Что вымолвилъ-то?—И Михаилъ даже отступилъ на нѣсколько шаговъ отъ своего царственнаго друга.

— Вѣрно, Миша!—тихо и печально возразилъ тотъ:—никому не сознавался я доселѣ въ этомъ, а нынѣ сознаюсь. Матушкѣ родимой не покаялся, а тебѣ покаюсь. Кажинный день дума меня одна мучитъ-томитъ... Не Петрушка Басмановъ, ни Голицыны, ни Салтыковъ, никто другой неповиненъ въ измѣнѣ, потому какъ повѣрили они тому, что сердце имъ сказало... Не можетъ, Миша, воръ худородный, еретикъ, такое страшное дѣло помыслить! Не можетъ простой монахъ Гришка Отрепьевъ величать себя воскресшимъ изъ гроба царевичемъ. Значитъ и впрямь онъ царевичъ, если вѣрные слуги покойнаго батюшки признали его. Знать и впрямь, коли самъ король Жигимондъ Литовскій ему помощь оказалъ,

а Сендомірскій воевода, почитай, что первый королевскій вельможа въ Литвѣ, за него свою дочь прочитъ... А казачество? Нѣшто пойдетъ оно подъ присягу бѣглому монаху? Ахъ, Миша, Миша, чуетъ мое сердце—царевичъ онъ!—Чуть слышно закончилъ свою рѣчь юный царь Московскій и, закрывъ лицо руками, тихо неутѣшно заплакалъ.

Что-то словно ударило по сердцу Михаила. Кровь бросилась яркими пятнами румянца въ его лицо. Глаза запылали.

— Неправда! — вскричалъ онъ, забывшись, что передъ нимъ не только другъ его, но и царь, могущій распорядиться его жизнью и смертью.—Неправда, государь! Не ладное ты молвилъ!

— Нѣтъ, правда—истинная правда, Миша!—прошепталъ снова едва слышно Ѳедоръ.

— Правда!—эхомъ отозвался невѣдомый голосъ съ порога горницы и, поднявъ голову, молодой князь увидѣлъ красавицу-дѣвушку, незамѣтно вошедшую въ царскую опочивальню.

Черныя очи ея смотрѣли съ тоскою и грустью на царя. Блѣдное лицо, обрамленное каштановыми локонами, не заплетенными въ косы, а вольно струившимися по плечамъ изъ-подъ дѣвичьей повязки, оттѣняли прекрасное, какъ у ангела, но блѣдное безъ кровинки лицо.

— Царевна Ксенія!—пораженный неожиданностью произнесъ съ низкимъ поклономъ Михаилъ.

Сестра юнаго царя, красавица царевна Ксенія Борисовна быстрой легкой походкой приблизилась къ брату и, обнявъ его кудрявую голову своею бѣлой полной рукой, прошептала чуть слышно:

— Не убивайся, Ѳедя! Съ нами Богъ! Положимся на Его святую волю! Будемъ молиться, Ѳедя, государь мой безталанный и, коли суждено прійти бѣдѣ, встрѣтимъ ее стойко, уповая на милость Господню и Его святую волю!

Не выдержала царевна и заплакала. Заплакалъ пуще и

Ѳедоръ, никогда не отличавшійся твердой волею и мужествомъ.

Сироты, братъ съ сестрою, упали въ объятія другъ друга и тѣсно-тѣсно прижались одинъ къ другому.

Сердце князя Михаила стѣснилось отъ жалости и какого-то тяжелаго, мучительнаго предчувствія. Не будучи въ силахъ видѣть чужое страданіе, онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ царской опочивальни.

ГЛАВА III.

Наединѣ. — Прошлое. — Смѣлый замыселъ.

БОЛЬШОЙ домъ князей Скопиныхъ, стоявшій неподалеку отъ Богоявленскаго монастыря, въ Китай-городѣ, погрузился въ тихій, безмятежный сонъ. Спала княгиня Елена Петровна, вдова бывшаго Новгородскаго намѣстник боярина Василія Ѳеодоровича, спала притомившаяся за день въ работѣ челядь, спали сѣнныя дѣвушки и дурки княжія, карлицы и уродки, безъ которыхъ тогда не было ни одного богатаго дома на Руси. Только въ одной изъ горницъ обширныхъ княжьихъ хоромъ, выходившей въ садъ, двигалась чья-то тѣнь. Тамъ, очевидно, не спали. Молодой князь недавно, подъ вечеръ лишьвернув-

шійся изъ дворца, еще не ложился. Весенняя бѣлая ночь таинственно вливалась черезъ открытое окно въ горницу Михаила, напоминая ему объ отдыхѣ. Но онъ не могъ спать. Онъ то присаживался къ столу и долго смотрѣлъ въ садъ, напряженнымъ задумчивымъ взоромъ, то вскакивалъ и большими шагами мѣрилъ горницу и снова садился и снова думалъ напряженную, не юношески серіезную, глубокую думу.

Тяжелая, невеселая то была дума. Четкая морщинка снова появилась на юномъ лбу князя и придала всему лицу его мрачную суровость. Быстрыя, какъ сонъ, картины, чередуясь, панорамой проходили въ его головѣ...

Вспоминалось ему далекое дѣтское время. Смутно оно рисуется передъ нимъ, а все же обрывки воспоминаній о младенческихъ годахъ памятны князю. Словно въявь стоитъ передъ нимъ высокій темноусый человѣкъ въ боярской шапкѣ, въ дорогомъ кафтанѣ, опушенномъ бобрами. Это его отецъ, князь-бояринъ Василій Ѳедоровичъ Скопинъ-Шуйскій. Не молодъ ужъ онъ. Въ пожилыхъ годахъ женился князь на боярышнѣ Еленѣ Петровнѣ изъ рода князей Татевыхъ, въ бытность свою намѣстникомъ Новгорода. Но въ годъ рожденія сына Миши, бояринъ Василій Ѳедоровичъ уже лишился намѣстничества, а за одно и Каргополя, подаренной ему государемъ вотчины, и былъ въ опалѣ у царя, за то, что жалѣя о прекращеніи рода царскаго (у Ѳедора Іоанновича, сына Іоанна Грознаго, царствовавшаго въ то время, не было дѣтей), онъ совѣтовалъ вмѣстѣ съ родственниками своими Шуйскими, Мстиславскимъ и митрополитомъ Діонисіемъ, царю развестись съ женою и жениться вторично. Тогдашній ближній къ царю бояринъ Борисъ Годуновъ, братъ царицы жены Ѳедора и царь впослѣдствіи, разслѣдовалъ это дѣло и сослалъ совѣтчиковъ, а князя Василія Ѳедоровича лишилъ намѣстничества и царской милости. Правда, при восшествіи на престолъ этого же самаго Бориса Годунова простили Шуйскихъ, а князя Скопина царь Борисъ удержалъ въ Москвѣ, разрѣшивъ его отъ опалы. Но привыкшему къ дѣлу во времена своего Новгородскаго на-

мѣстничества князю Василію нелегко было жить въ бездѣйствіи въ столицѣ и это отражалось на его здоровьѣ и настроеніи.

Маленькій Миша, незамѣтно подростая въ огромныхъ отцовскихъ хоромахъ, каждый разъ смущался при видѣ своего хмураго, всегда недовольнаго и суроваго на видъ отца.

Толстенькимъ, здоровымъ, сильнымъ мальчикомъ росъ красавчикъ Миша на рукахъ безчисленныхъ мамушекъ и нянюшекъ.

Цѣлая свита челяди была приставлена смотрѣть за маленькимъ княжичемъ. Въ просторныхъ свѣтлицахъ, на женской половинѣ боярскихъ палатъ, безмятежно протекало дѣтство мальчика.

Вставали рано; съ первымъ ударомъ колокола Богоявленскаго монастыря мамушка будила свое ненаглядное дитятко и, умывъ и пріодѣвъ въ нарядный, шитый золотымъ шнуркомъ кафтанчикъ, вела здороваться княжича къ его боярынѣ-матушкѣ. Потомъ всѣ шли въ молельню и попъ изъ ближняго прихода служилъ здѣсь краткую обѣдню.

А по большимъ праздникамъ возили Мишу въ крытой колымагѣ въ соборъ.

Любилъ эти поѣздки мальчикъ! Сани, либо колымага (смотря по времени года), запряженныя двумя лошадьми цугомъ, ѣхали медленно по городскимъ улицамъ, впереди бѣжали челядинцы, разгоняя народъ, расчищая путь. А въ храмѣ Миша становился рядомъ съ матерью и слушалъ внимательно всю службу, глядя на величественную обстановку собора недѣтски смышленнымъ взоромъ. По пути изъ храма на церковной паперти мать-княгиня щедро одѣляла нищую братію мѣдными грошами, которые несла въ мѣшкѣ за нею сѣнная дѣвушка. Тѣмъ-же путемъ отъѣзжали обратно домой, прямо къ полднику *), состоящему изъ многочисленныхъ блюдъ того времени, подовыхъ пироговъ, курниковъ, оладей,

*) Обѣду.

утокъ жареныхъ, курей, похлебокъ разныхъ, запиваемыхъ сладкими домашними медами. А послѣ полдника уводили Мишу снова въ свѣтлицу и заставляли спать положенное время по обычаю.

А вечеромъ зажигали жировыя плошки, нерѣдко восковыя свѣчи въ тяжелыхъ шандалахъ, а въ свѣтлицу впускались потѣшные дурки и карлы чтобы забавлять княжича, а съ нимъ заодно и мамушекъ, и нянюшекъ, и самое княгиню Елену Петровну.

Иной разъ доводилось заглянуть на княжій дворъ страннику-сказочнику. И до самой поздней ночи слышался его мѣрный голосъ, нѣвуче разсказывающій о походахъ древняго Олега князя, о Владимірѣ — Красномъ Солнышкѣ, о храбромъ воителѣ съ татарами Димитріи Донскомъ...

Ребенокъ засыпалъ подъ этотъ нѣвучій лепетъ, и его соннаго тихонько раздѣвали мамушки и нянюшки и осторожно укладывали на мягкіе пуховики. И во снѣ чудились Мишѣ и несмѣтныя полчища враговъ и храбрые витязи, сражавшіеся за Русь и за вѣру святую.

А на утро онъ приставалъ снова къ матери позволить послушать сказочника, и летѣла княжеская челядь разыскивать старика по всей Москвѣ бѣлокаменной.

Такъ подросталъ Миша, то слушая сказки, да тѣшась дурками, да карлами, то бѣгая на перегонки съ маленькими дворовыми ребятами сверстниками, дѣтьми холоповъ по огромному саду, катая съ ними кубарь подъ бдительнымъ надзоромъ нянюшекъ...

Но вотъ стряслась бѣда, дикая, неминучая... Черная туча повисла надъ княжеской семьею...Занемогъ внезапно князь-бояринъ и отдалъ Богу душу, едва успѣвъ причаститься Святыхъ Тайнъ и принять схиму, то есть постричься въ монахи на смертномъ ложѣ подъ именемъ Іоны, какъ то дѣлали знатные люди въ то отдаленное время. Все словно вверхъ дномъ перевернулось въ княжихъ хоромахъ со смертью боярина... Тѣло князя подъ неумолкаемый плачъ и причитаніе

овдовѣвшей супруги положили въ дубовую колоду и повезли въ Суздаль, гдѣ и погребли въ фамильной усыпальницѣ.

Мишѣ было тогда семь лѣтъ. Но онъ казался чуть-ли не десятилѣтнимъ мальчикомъ. Не по-годамъ высокій, широкоплечій, здоровый и румяный, онъ утѣшалъ мать, какъ умѣлъ, когда она осунувшаяся, похудѣвшая вернулась въ Москву изъ Суздаля.

— Не горюй, матушка, я тебѣ остался. Твой сынокъ Миша тебѣ на радость!—произнесъ серьезно мальчикъ, боготворившій съ дѣтства свою мать. И сдержалъ слово. По истинѣ былъ радостью матери княжичъ Миша...

Въ семь лѣтъ по обычаю того времени, дѣтей начинали учить грамотѣ. И княжича Мишу посадили за букварь. Въ одинъ прекрасный день пріѣхали его дяди—князья Василій, Дмитрій и Иванъ Шуйскіе, позвали протопопа ближайшаго собора, отслужили молебенъ архангелу Михаилу, чье имя носилъ мальчикъ, и окропили ребенка, а съ нимъ и букварь святой водою. Дядя князь Василій, какъ старшій въ родѣ, вмѣсто покойнаго отца благословилъ Мишу, потомъ мальчикъ поклонился въ ноги учителю, изъявляя этимъ свою покорность ему и сѣлъ за указку.

Быстро одолѣлъ азбуку и склады Миша, прочелъ Часословъ, Псалтирь и Евангеліе, удивляя своимъ умомъ и рвеніемъ окружающихъ.

Вскорѣ священника замѣнилъ настоящій заправскій «мастеръ» (учитель) ученый грекъ, попавшій въ Москву въ началѣ царствованія Ѳедора Ивановича и отъ него-то Миша узналъ больше того, что надо было знать боярскимъ дѣтямъ того времени.

Быстрый, смѣтливый умъ мальчика схватывалъ на лету разныя толкованія о прошломъ не только Россійскаго, но и прочихъ Европейскихъ государствъ. Зналъ отлично и «цыфирю» Миша, зналъ и географическое положеніе разныхъ странъ и народностей. Слава объ умномъ, смѣтливомъ и красивомъ мальчикѣ дошла до царя Бориса, восшедшаго тогда

на престолъ послѣ смерти слабоумнаго Ѳедора Ивановича и онъ пожелалъ зачислить мальчика въ свои царскіе «Жильцы». Такъ назывались дѣти боярскіе и дворянскіе, которыхъ съ малыхъ лѣтъ привозили въ Москву для дворцовыхъ услугъ къ царю. Ихъ было до двухъ, трехъ тысячъ. Они составляли внутреннюю стражу кремлевскихъ палатъ; сорокъ человѣкъ изъ нихъ, поочередно, ночевало въ третьей отъ спальни государевой комнатѣ. Кромѣ того, триста человѣкъ жильцовъ являлись во дворецъ для почетной службы за столомъ.

Такимъ-то жильцомъ и сдѣлали десятилѣтняго Мишу. Ему дали парчевую одежду, черную лисью шапку и повѣсили золотую цѣпь на грудь. Среди взрослыхъ юношей жильцовъ, особенно выдѣлялся красивый синеглазый княжичъ. Борисъ, увидя его, забылъ свою былую непріязнь къ покойному боярину Василію Ѳедоровичу и всячески ласкалъ маленькаго Мишу. Великій князь, царевичъ Ѳедоръ, съ перваго же дня появленія во дворцѣ маленькаго жильца воспылалъ къ нему горячей братской любовью. Мальчики были однолѣтками и скоро самая тѣсная дружба связала ихъ. Во время часовъ ученія своего царственнаго друга Миша присутствовалъ тутъ-же и усвоивалъ съ поразительной быстротой все, что преподавали учителя царевичу. И въ часы досуговъ они были неразлучны. Царь Борисъ охотно покровительствовалъ этой дружбѣ. Нѣсколько вялый и не мужественный царевичъ Ѳедоръ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ сестрою въ свѣтлицахъ женскаго терема, казался смѣлѣе, расторопнѣе и быстрѣе въ присутствіи красиваго, смѣлаго и ловкаго княжича Миши.

Не менѣе царевича, пожалуй, полюбилъ и царя юный Скопинъ. Всегда ласковый къ нему Борисъ не могъ не вызывать добраго чувства къ себѣ въ мальчикѣ. Правда, живя во дворцѣ слышалъ княжичъ разные не добрые слухи, доходившіе сюда изъ народа. Говорили много не хорошаго про царя. Говорили, что не по закону возсѣлъ Борисъ на престолъ московскій.

Послѣ смерти Іоанна Васильевича Грознаго оставалось

два сына: слабоумный Ѳедоръ, которому и перешелъ престолъ, женатый на сестрѣ Бориса Годунова, тогда еще любимаго ближняго боярина царскаго, и восьмилѣтній царевичъ Дмитрій отъ царицы Маріи Ѳеодоровны Нагой, послѣдней жены Іоанна Грознаго. Но сразу послѣ смерти царя Грознаго, царица Марія Ѳеодоровна съ малолѣтнимъ сыномъ была безо всякой видимой причины отослана въ дальній Угличъ, а вскорѣ затѣмъ разнеслась страшная вѣсть по Москвѣ: будто юный царевичъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни и тутъ же умеръ. Попутно съ этой вѣстью ходили и другіе слухи: говорили въ народѣ, что бояринъ Годуновъ подослалъ убійцъ Качалова и Битяговскаго покончить съ царевичемъ, чтобы послѣ смерти бездѣтнаго Ѳедора самому въ качествѣ самаго близкаго къ царю лица и его шурина, занять престолъ.

Чтобы опровергнуть эти слухи, былъ посланъ на разслѣдованіе въ Угличъ бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій и, вернувшись показалъ, скрѣпляя свои слова страшной клятвою, на лобномъ мѣстѣ, что подлинно зарѣзался въ припадкѣ, не помня себя, царевичъ.

Царицу Марью, мать несчастнаго, постригли въ дальнюю Выксинскую обитель, сослали ея братьевъ Нагихъ и разомъ умолкли странные слухи про убійство царевича его недругомъ Годуновымъ.

А когда умеръ бездѣтный Ѳедоръ, народъ, патріархъ и бояре провозгласили умнаго, хитраго боярина Годунова царемъ.

Миша Скопинъ былъ крошечнымъ трехгодовымъ ребенкомъ, когда свершилось страшное угличское убійство и не могъ, конечно, знать о немъ. Но лишь только началъ подростать мальчикъ, сталъ онъ своимъ чуткимъ ухомъ ловить всякіе слухи, проникающіе въ теремъ. А когда попалъ въ жильцы царскіе, то и пуще прислушивался ко всему тому, что вскользь шепотомъ, подъ страхомъ смерти быть услышаннымъ, говорилось повсюду.

Дѣтство Скопина.

Узналъ Миша, что незаконно дѣтоубійцей-царемъ захваченъ престолъ. Что коваренъ, жестокъ и не въ мѣру хитроуменъ Борисъ. Что народъ не любитъ его за подозритель-

Смерть царевича Дмитрія въ Угличѣ 1591 года.

ность и жестокость. Что онъ много людей сослалъ, пытать и казнилъ безвинно изъ знатнѣйшихъ боярскихъ семействъ за то, что они недостаточно мирволили ему, — недавнему простому боярину, потомку татарскаго мурзы, а теперь царю.

Но глядя на ласково улыбающееся лицо государя, на

его доброе обхожденіе съ ближними людьми, на ласку къ нему, Мишѣ, не могъ вѣритъ дурнымъ слухамъ подростающій княжичъ.

А тутъ еще какъ выросъ онъ, достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, сдѣлалъ его царь своимъ любимымъ стольникомъ и тѣмъ приблизилъ еще болѣе къ своей особѣ. Горячо любилъ царя Миша, еще больше любилъ царевича и не придавалъ никакой вѣры темнымъ слухамъ, доходившимъ до него.

И вдругъ страшная вѣсть пронеслась надъ Москвою. «Никогда не убивали царевича Дмитрія, гласила она,—живъ царевичъ! Въ ту ужасную 1591-ую годину—говорили люди—ему удалось избѣжать руки убійцъ; царица мать спасла его и съ надежными людьми, переслала въ Польшу, а убили по ошибкѣ сына дворцоваго челядинца».

И вотъ черезъ тринадцать лѣтъ появляется царевичъ Дмитрій въ дальнемъ Сомборѣ, въ Литвѣ, у князей Вышневецкихъ. Онъ скрывался подъ вымышленнымъ именемъ до сихъ поръ, а теперь открылся кой-кому изъ Литовскихъ людей. Горячее участіе принялъ въ немъ воевода Сендомірскій и іезуиты. Ихъ происками удалось выпросить ему аудіенцію (пріемъ) у короля, и король Сигизмундъ принялъ его, какъ подобаетъ русскаго царевича.

Самъ Папа римскій черезъ своего нунція кардинала Ренгани благословилъ его. Католическому духовенству было выгодно признать воскресшаго мертвеца, чтобы черезъ него утвердиться въ землѣ Русской и ввести въ ней свою вѣру. Королю Сигизмунду также былъ съ руки этотъ шагъ мнимаго воскресшаго царевича: помогая ему войти на престолъ, король могъ разсчитывать пріобрѣсти сильнаго союзника въ лицѣ Московскаго царя и кто знаетъ? можетъ быть, удастся ввести въ Московіи католическую вѣру, и вовсе присоединить Россію къ Польшѣ.

Ужасъ и отчаяніе овладѣло Борисомъ, когда онъ узналъ о появленіи Самозванца. Онъ приказалъ оповѣстить народъ

что воскресшій Дмитрій никто иной, какъ инокъ Чудова монастыря Гришка Отрепьевъ, лишенный монашескаго сана.

Дѣйствительно,— въ Чудовомъ монастырѣ жилъ такой инокъ, и скрылся оттуда, какъ разъ за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія Самозванца. Во всѣхъ церквахъ было приказано предать дерзкаго вора, анаѳемѣ, то-есть проклятію и рѣшено было перевезти останки покойнаго царевича Дмитрія въ Москву.

Но никакія проклятія не смутили смѣлаго Самозванца. Онъ задался твердой цѣлью. Собрать сильное войско, явиться на Москву, отнять престолъ отъ Бориса и самому царствовать на Руси. И вотъ со всѣхъ сторонъ стали собираться къ нему на службу люди: удалое казачество, польская шляхта, бѣглые холопы, и всякіе другіе охотники до легкой наживы. Польскіе паны и іезуиты помогали ему деньгами, Сендомірскій воевода Юрій Мнишекъ обѣщалъ ему въ жены красавицу дочь свою Марину. Первый городъ, сдавшійся Лжедмитрію былъ Моравскъ, находящійся въ 30 верстахъ отъ Литовской границы. Народъ, не любившій Годунова, охотно предался Самозванцу. За Моравскомъ сдался Черниговъ. 11-го ноября, значительно увеличившееся отъ приставшихъ къ нему по дорогѣ городовъ войска Лжедмитрія подошли къ стѣнамъ Новгорода-Сѣверскаго. Тамъ сидѣлъ храбрый молодой воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, наотрѣзъ отказавшійся сдаться Самозванцу. Царь выслалъ въ подмогу изъ Москвы войско, подъ начальствомъ Дмитрія Шуйскаго и Мстиславскаго. Произошла битва, въ которой ранили старика Мстиславскаго и которая кончилась ни въ чью пользу. Однако, всѣ приступы къ Новгороду были отбиты и Самозванецъ, оставленный поляками, ушелъ къ Сѣвску. Тогда Борисъ послалъ новыхъ воеводъ Ѳедора Шереметьева и Василія Шуйскаго подъ Сѣвскъ.

Лжедмитрій вышелъ изъ Сѣвска и далъ сраженіе подъ Добрынничами, которое оставило полными побѣдителями царскихъ воеводъ.

Борисъ ожилъ. Служили молебны въ церквахъ, раздава-

лись награды. Послѣ Новгородской битвы особенно отличилъ царь Басманова. Отозвавъ его въ Москву, сдѣлалъ думнымъ бояриномъ, пожаловалъ богатыми дарами. А Самозванецъ засѣлъ въ Путивлѣ. Царское же войско осаждало Кромы, гдѣ заперлись Запорожскіе казаки, подъ начальствомъ ихъ лихого атамана Корелы.

Въ это время скончался царь Борисъ. Говорили въ народѣ, что страхъ передъ местью воскресшаго царевича, къ которому стекались въ Путивль все новыя и новыя толпы бродягъ и измѣнниковъ, свелъ царя въ могилу.

Вошелъ на престолъ царевичъ Ѳедоръ, сынъ Бориса, и первымъ его дѣломъ была отсылка Басманова воеводою къ Путивлю. Между тѣмъ слухи о воскресшемъ царевичѣ росли все настойчивѣе, все упорнѣе. Смерть царя еще болѣе усилила ихъ. На престолѣ сидѣлъ далеко неприрожденный царь, не Рюриковичъ родомъ, а сынъ потомка татарскаго мурзы. Къ тому же Ѳедоръ былъ молодъ и не умѣлъ править. За него отдавала приказанія его мать, злая, жестокая дочь Малюты Скуратова, нелюбимая народомъ. А тамъ въ далекомъ Путивлѣ бился за свои права молодой природный царевичъ, думалось народу, къ тому же царевичъ милостивый и добрый, не казнившій враговъ, а гостепріимно принимавшій всѣхъ желающихъ въ свое войско. Храбрость и смѣлость его не могли не расположить къ себѣ народъ. А тутъ еще подоспѣла измѣна Басманова, перваго защитника и ближайшаго теперь человѣка къ царю, за нимъ другихъ именитыхъ бояръ, Голицыныхъ, Салтыкова... и, наконецъ, большая часть войска предалась смѣльчаку.

Послѣ Чернигова, Моравска, Путивля, присягнули ему Рыльскъ, Сѣвскъ, Борисовъ, Бѣлгородъ, Валуйки, Кромы, Воронежъ и Елецъ. Подъ Новгородомъ Сѣверскимъ царскія войска были приведены Басмановымъ къ присягѣ новому государю. Ему оставалось идти на Москву и довершить свое дѣло воцаренія на московскомъ престолѣ. И въ десятеро увеличившаяся рать Лжедимитрія двинулась изъ Путивля къ столицѣ.

. . . . . .

. . . . . .

Всѣ эти, быстрыя какъ зарница, впечатлѣнія проносились въ мысляхъ юнаго князя Михаила. Бѣлая майская ночь приходила къ концу, а юноша и не думалъ ложиться. Голова его горѣла подъ напоромъ этихъ странныхъ, запутанныхъ мыслей, кровь точно молотомъ ударяла въ темя. Сегодняшняя неожиданная, страшная вѣсть поразила его... Войско во главѣ съ Басмановымъ предалось мнимому царевичу... Города склонились передъ нимъ... Испытанные въ вѣрности государевы воины признали другого названнаго, ложнаго царя... Но главное Басмановъ! Честный до сей поры Басмановъ, тотъ самый Басмановъ, который еще пять мѣсяцевъ тому назадъ на предложеніе Лжедимитріева посланнаго ляха Бучинскаго сдать Новгородъ-Сѣверскій, поклялся, что его самозванный царевичъ будетъ посаженъ на колъ, казненъ страшною смертью въ самомъ непродолжительномъ времени и мужественно отбилъ всѣ приступы Самозванца... И вотъ, этотъ самый Басмановъ... Минутами Мишѣ казалось, что онъ спитъ и видитъ страшный сонъ и только. Измѣна Басманова, обласканнаго покойнымъ и нынѣшнимъ царями, казалась ему чудовищной, нелѣпой...

Да кто же онъ, наконецъ, этотъ дерзкій, назвавшій себя Дмитріемъ, которому прямятъ и храбрые воеводы и войско? И почему народъ повѣрилъ этой сказкѣ о живомъ, законномъ царевичѣ! Даже самъ Ѳедоръ съ сестрою вѣрятъ! Даже тѣ во вредъ себѣ самимъ почти-что признали его Дмитріемъ...

Даже дѣти и тѣ говорятъ тоже...—подумалъ съ тоскою Скопинъ и вдругъ невольно улыбнулся. Глубокая морщинка разомъ исчезла съ его лба... Глаза мягко засіяли. Тѣнистый, роскошно убранный по весеннему садъ представился Мишѣ... Небольшая полянка...Качели...Двѣ дѣвушки на нихъ.. Лучи яркаго весенняго солнца обливаютъ золотую головку одной изъ боярышенъ и вся она горитъ подъ яркимъ блескомъ, словно плавленое червонное золото...А звонкій голосокъ говоритъ безпечно:

— Нѣшто впрямь не могъ спастись отъ руки убійцъ царевичъ Дмитрій?

И она, и она вѣритъ, — значитъ, — эта чудная, совсѣмъ необычайная дѣвочка, съ ея лучистыми глазами, которую онъ—Миша увидѣлъ сегодня впервые...

И словно живой всталъ передъ нимъ очаровательный образъ Сани... Такихъ, какъ она, живыхъ да бойкихъ онъ еще и не видывалъ. По старымъ московскимъ обычаямъ, русская боярышня не показывается молодымъ людямъ, не разговариваетъ, не смѣется при случайномъ гостѣ. Она должна сидѣть у себя въ терему и шить шелками безконечныя пелены и покровы въ церковь или чинно и степенно распѣвать пѣсни съ сѣнными своими дѣвушками.

— А ну-ка засади такую за шитье, да за низанье бусъ!— подумалъ Миша и невольно усмѣхнулся. Въ эти тяжелыя смутныя минуты боярышня Саня, словно яркимъ солнышкомъ, освѣтила его душу. Страшныя, мрачныя мысли разомъ присѣклись.

Точно на яву заискрились передъ нимъ ея свѣтлые живые, лучистые глазенки... Веселый смѣхъ зазвучалъ въ ушахъ. Сладкое чувство защемило сердце Миши... Ему показалось вдругъ, что давно онъ знаетъ эту милую Санюшку, что родная и близкая она ему, какъ сестра...

И вдругъ ея образъ заслонился другимъ. Красивый статный широкоплечій бояринъ съ черными проницательными взорами предсталъ въ его мысляхъ.

— Петрушка Басмановъ! Злодѣй! Измѣнникъ!—прошепталъ Миша,—и ты, злодѣй, воръ Растрига!—погрозилъ онъ кому-то въ пространство,—берегитесь оба!.. Не всѣ же люди безголовые бараны на Руси... Найдутся и у царя Ѳедора вѣрные слуги... и тогда — бѣда вамъ! Бѣда обоимъ! — горячо и убѣжденно прозвучалъ голосъ. И, какъ бы призывая Бога въ свидѣтели, онъ взглянулъ на небо.

Красное зарево восхода озаряло его. Золотые лучи готовы уже были брызнуть и затопить землю своимъ яркимъ потокомъ.

Солнце всходило надъ землею величавое и прекрасное, а въ душѣ Миши теперь снова царили прежніе мракъ и печаль... Только раннимъ утромъ позабылся тяжелымъ, нездоровымъ сномъ юный царскій стольникъ...

ГЛАВА IV.

Въ толпѣ.— Молодой орелъ и старая лисица.

ПЕРВАГО ІЮНЯ, въ день мученика Іустина, преподобныхъ Діонисія Глушицкаго и Агапита Печерскаго выпало на Москву чудесное лѣтнее утро. Юная боярышня Александра Васильевна Головина и оснулась, спрыгнула съ высоко взбитой лебяжьей перины и подбѣжала къ окну. Солнце пекло во всю. Небо словно ис нс я бирюза сіяло надъ землею. Голоса пернатыхъ пташекъ раздавались въ саду особенно радостно и звучно.. а душѣ златокудрой дѣвочки было также адостно и привѣтливо въ этотъ день. Правда, Москва переживала страшную годину: дерзкій обманщикъ шелъ на нее съ несчетнымъ войскомъ, взялъ по дорогѣ многіе города, другіе города поддались ему волею... Въ полтора мѣсяца миновалъ Сѣверскую землю, Орелъ, Рязань, Тулу... Слышно, стоитъ теперь тамъ и ждетъ покорности отъ самой Москвы. Да что ей за дѣло до этого страшнаго человѣка, Санюшкѣ!

Москва сильна, стрѣльцы ее отстоятъ дружно, когда по-

надобится, прогонятъ врага... и все будетъ хорошо по старому. Отвезетъ ее, какъ обѣщала во дворецъ Машенька Буйносова къ царевнѣ Ксеніи. Давно хочется Санѣ повидать царевну; добрая она, говорятъ, милостивая и такая красавица, что и разсказать—не повѣрятъ. Она набираетъ себѣ теперь ближнихъ боярышенъ для услугъ и хоть не хочется идти Санѣ въ теремъ царевнинъ, въ эту золоченую клѣтку, а все-же охота беретъ повидать поближе ласковую, пригожую Ксенію.

Сегодня особенно свѣтло на душѣ у Сани. Рѣшили они съ княжной Машей да со старой няней Степановной поѣхать на обѣдню въ церковь Василія Блаженнаго. Еле-еле уговорили матушку боярыню отпустить ихъ помолиться. Старая боярыня боялась за дочку. Москва волновалась... Въ народѣ ходили подосланные отъ вора и мутили чернь. Но няня Степановна не побоялась уговорить боярыню.

— Отпусти насъ, матушка, — небось, сестру царскаго стольника не посмѣютъ тронуть! Да и холопей я приказала отрядить побольше съ собою. А помолиться надо нашей лебедушкѣ. Отроческая молитва дайдетъ до Бога скорѣе нашихъ грѣшныхъ, старыхъ молитвъ.

Боярыня нескоро, однако, согласилась на эти доводы старухи.

На утро запрягли колымагу. Санюшка, одѣваясь съ нетерпѣніемъ, поминутно торопила дѣвушекъ-служанокъ, то и дѣло поглядывала въ окно. Не видать-ли, ѣдетъ-ли княжна Буйносова-Ростовская, которую обѣщали отпустить родители съ ними на богомолье.

— Пріѣхала княжна! быстро вбѣгая, возвѣстила сѣнная дѣвушка Феня и почти слѣдомъ за ней вошла въ горницу статная красавица Маша.

— Готова? Ѣдемъ, Санюшка! поцѣловавшись на-скоро съ подругой, произнесла она.

Минутъ черезъ пять съ грохотомъ выѣзжала крытая колымага изъ воротъ боярскаго дома.

Поѣхали, не спѣша, по берегу Неглинной; впереди скакали бирючи, разгоняя народъ.

Обѣ дѣвушки поминутно высовывались въ окна возка и съ любопытствомъ глядѣли на толпу, снующую по улицамъ.

— Чтой-то народу сколько нонѣ на улицахъ? подивилась няня Степановна, сидѣвшая насупротивъ боярышенъ.

И впрямь огромныя толпы народа бѣжали къ Кремлю и на Красную площадь къ Лобному мѣсту, что-то громко крича. Смутный гомонъ носился надъ городомъ...

— Ахти, бѣда стряслась какая-то! — снова прислушавшись, прошептала старая Степановна и опасливо выглянула изъ возка.

Дальше колымагѣ не было ни ходу, ни выходу. Она остановилась. Толпа гудѣла кругомъ и напирала со всѣхъ сторонъ на боярскій возокъ. Протискаться впередъ не было никакой возможности, повернуть назадъ тоже.

У окошка колымаги появился дворовый человѣкъ бояръ Головиныхъ, сидѣвшій до сихъ поръ на козлахъ вмѣстѣ съ кучеромъ и заявилъ Степановнѣ, что ѣхать далѣе невозможно.

— Такъ поворoти назадъ, безмозглая твоя башка,—накинулась на него нянька.

— И воротить никакъ нельзя, Домна Степановна. Народъ сзаду такъ и претъ... Всего лучше выйти тебѣ съ боярышнями и пѣшими дойти до собора. А мы тѣмъ временемъ, може, и проберемся и васъ подождемъ у паперти.

— Пѣшими! Ишь что выдумалъ, дурья башка, накинулась на него снова Степановна — статочное-ли дѣло, чтобы боярскихъ дитятей пѣшими въ народъ пущать? Да онѣ мои голубушки...

Но сильный ударъ въ стѣнку возка разомъ прервалъ негодующую рѣчь старухи. Толпа, напирая, грозила сломать ежеминутно колымагу и ушибить какъ нибудь ненарокомъ сидящихъ въ ней... Приходилось уступить совѣту слуги и выйти изъ колымаги...

Смущенно, не смѣло вышла изъ возка серьезная Машенька Ростовская,—не доводилось ей еще никогда бывать въ народѣ. За нею легкой птичкой выпорхнула беспечная

Саня Головина. Этой все было ни почемъ, и народъ, толкавшій ее какъ обыкновенную простолюдинку справа и слѣва, и говоръ толпы, запрудившей улицы, и встревоженныя лица людей, бѣгущихъ по направленію Лобнаго мѣста.

— Милые вы мои! Задавятъ, васъ какъ есть задавятъ, совсѣмъ! Шептала растерявшаяся и смущенная Степановна, теперь уже раскаявшаяся въ томъ, что выпустила боярышень изъ колымаги.

— Родимыя мои!... Жмутъ-то какъ! Держись, Санюшка, за меня съ княжною... Сейчасъ кликну Ивашку да Сеньку, чтобы прочистили намъ путь, — суетилась няня.

Но не суждено было сбыться ея словамъ.

Огромная толпа народа нахлынула вдругъ разомъ и, подхвативъ обѣихъ дѣвушекъ, успѣвшихъ однако быстро схватиться рука за руку, понесла ихъ своимъ могучимъ потокомъ прямо впередъ за собою на Красную площадь.

Не помня, какъ все это случилось, обѣ боярышни очутились въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Лобнаго мѣста. Тамъ, окруженныя несмѣтными толпами народа, какіе-то два человѣка стояли въ красныхъ кафтанахъ, размахивая бумагою, которую одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ, они что-то громко кричали на всю площадь.

— Что кричатъ-то, родимые? спрашивалъ какой-то купецъ съ окладистой сѣдою бородою, молодого стрѣльца, стоявшаго по сосѣдству съ нашими героинями, совершенно потерявшимися отъ неожиданности, шума и натиска толпы...

— Слышь, старина, гонцы это отъ благовѣрнаго царя Дмитрія Ивановича;—отвѣчалъ вмѣсто стрѣльца купцу какой-то молодой-малый въ рваномъ кафтанѣ.

— Ахъ ты, измѣнникъ! Какого еще себѣ царя нашелъ!— разомъ закипѣлъ старикъ, накидываясь на парня, — одинъ царь у насъ на Руси, благочестивый и благовѣрный Ѳедоръ Борисовичъ, а тотъ смутьянъ, принявшій на себя имя по-

койнаго царевича, еретикъ и колдунъ, помутившій умы народа!

— Врешь, старина! послышался чей-то громкій голосъ подлѣ, — живъ царевичъ Дмитрій... и не сегодня завтра ждемъ его на родительскій престолъ. А Ѳедька Годуновъ царствуетъ обманно. Слышь, и гонцы царевича говорятъ то-же!

— Слушайте, слушайте что говорятъ гонцы!—Послышались громкіе голоса въ народѣ и, точно по мановенію волшебнаго жезла стихло все на площади. Человѣкъ на возвышеніи взмахнулъ еще разъ бумагой и, снявъ шапку, перекрестился. Его примѣру послѣдовалъ и его товарищъ.

На огромной площади стало вдругъ тихо, совсѣмъ тихо, какъ въ могилѣ. Народъ замеръ ожидая, что ему скажутъ. И вотъ четко и громко разнеслась свободная, смѣлая рѣчь, уносясь далеко въ окружности, звеня и тая въ тепломъ іюньскомъ воздухѣ.

Гонецъ Самозванца, дворянинъ Пушкинъ, присланный сюда вмѣстѣ съ другимъ гонцомъ Плещеевымъ изъ Тулы, гдѣ въ это время утвердился Лжедмитрій, — заговорилъ съ народомъ.

— Народъ московскій—произнесъ зычнымъ голосомъ Гаврила Пушкинъ, снова осѣняя себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ. — Царевичъ Дмитрій Ивановичъ, Божіей милостію живъ и шлетъ тебѣ свой поклонъ!

— Живъ царевичъ! живъ! Гуломъ прокатилось по площади.

— Ждите его въ Москву! снова прозвучалъ съ Лобного мѣста мощный окликъ боярина.

Потомъ онъ развернулъ грамоту и прочелъ по ней обращеніе мнимаго царевича къ народу.

Въ этой грамотѣ говорилось, какъ спасся онъ, Дмитрій, отъ руки убійцъ и послѣ долгихъ скитаній идетъ возсѣсть на родительскій престолъ. Онъ тутъ-же заранѣе прощалъ народъ, который, по незнанію, держалъ сторону его убійцы

Годунова и боролся съ нимъ, Дмитріемъ, своимъ единымъ и законнымъ царемъ, обѣщая отпустить вину народную передъ нимъ Дмитріемъ и быть добрымъ, милостивымъ правителемъ. Въ то же время въ грамотѣ упоминалось о томъ, что если народъ московскій не послушаетъ своего законнаго царя, то бояре окрутятъ всѣхъ православныхъ россіянъ и задавятъ ихъ своею властью, такъ какъ молодъ еще годами Ѳедоръ Годуновъ, чтобы править безъ ихъ помощи. Лучше-же принять законнаго царя, нежели служить ненавистнымъ Годуновымъ и ихъ приспѣшникамъ... — Такъ заканчивалась грамота.

Долгое молчаніе воцарилось за ея послѣднимъ словомъ. И вдругъ громкіе, зычные голоса рѣзко пронзили наступившую тишину площади...

— Живъ царевичъ Дмитрій! Да здравствуетъ царевичъ!

— Да здравствуетъ Дмитрій. Прозвучало и раскатилось могучей волной.

Долой Годуновское отродье! подхватили новые голоса.

И черезъ минуту вся Красная площадь уже стонала отъ сплошного неистоваго крика.—Здравъ буде царь Дмитрій Іоановичъ. Гряди! Царствуй надъ нами милостивый нашъ государь-батюшка!

Какъ разъ въ это самое мгновенье на концѣ площади показались два всадника, пробиравшіеся съ большимъ трудомъ сквозь толпу къ Лобному мѣсту. Одинъ изъ нихъ невзрачный, подслѣповатый старикъ съ лукавымъ лицомъ, и бородкой клинушкомъ, въ которомъ не трудно было узнать князя Василія Ивановича Шуйскаго. Другой юный, синеглазый въ красномъ, золотомъ шитомъ кафтанѣ царскаго стольника, былъ князь Михаилъ Скопинъ.

Въ его блѣдномъ, какъ смерть лицѣ, выражалось отчаяніе... Мрачной рѣшимостью горѣли потемнѣвшіе взоры...

— Какъ же это, дядя, — произнесъ онъ трепещущимъ отъ волненія голосомъ—еще намедни, какъ ты всходилъ на это самое Лобное мѣсто, оповѣстить народъ о томъ, что самъ видѣлъ убитаго въ Угличѣ царевича, народъ слушалъ тебя...

Народъ вѣрилъ, что тотъ царевичъ-злодѣй, воръ и растрига, а теперь ты слышишь, дядя? Что съ ними? Они обезумѣли, какъ есть! Спѣши, пока не поздно, еще разъ скажи имъ, что они прямятъ еретику и вору!.. Спѣши, дядя, постоять за благовѣрнаго царя нашего Ѳеодора Борисовича! Заключилъ дрожащимъ голосомъ Михаилъ.

Узкіе, красноватые, слезящіеся глазки Шуйскаго поднялись на племянника. Что-то враждебное, недоброе мелькнуло теперь въ ихъ непроницаемой глубинѣ.

— Молодъ ты, Михайло, чтобы быть мнѣ указомъ! произнесъ онъ чуть слышно по адресу Скопина.

— Прости, дядя! Но, ты слышишь, народъ волнуется... Каждую минуту яростная чернь можетъ кинуться ко дворцу и тогда, тогда...—Юный Михаилъ задохнулся на мгновенье. Но тотчасъ же поборолъ себя и произнесъ нѣсколько спокойнѣе.

— Неминучая бѣда грозитъ государю и его семьѣ, если ты не поспѣшишь открыть тотчасъ же козни злодѣя. Недаромъ же посылаетъ тебя матушка-царица вторично говорить съ народомъ. Ты все знаешь, дядя, народъ повѣритъ тебѣ... Народъ тебя давно знаетъ. Спаси же юнаго царя, спаси государство!

— Я все сдѣлаю—что могу, — произнесъ Шуйскій и, давъ шпоры коню, разомъ очутился на Лобномъ мѣстѣ.

— Бояринъ Шуйскій! Бояринъ говорить хочетъ!—Загалдѣла чернь.

— Московскіе люди! послышался съ возвышенія дребезжащій, старческій голосъ Шуйскаго—нѣсколько дней тому назадъ говорилъ я съ вами на этомъ самомъ мѣстѣ, — что будто видѣлъ я трупъ убіеннаго царевича въ Угличѣ тому тринадцать лѣтъ назадъ... Грѣшенъ я, православные! Винюсь я передъ тобою, народъ московскій, убоялся я тогда гнѣва Годуновыхъ и показалъ облыжно...

— Что онъ говоритъ? съ ужасомъ вскричалъ Миша, протискавшійся въ свою очередь къ самому Лобному мѣсту

и во всѣ глаза испуганно глядя на дядю. Но никто не слышалъ его отчаяннаго возгласа. Всѣ глаза впились въ стараго князя, который послѣ минутной передышки, произнесъ снова.

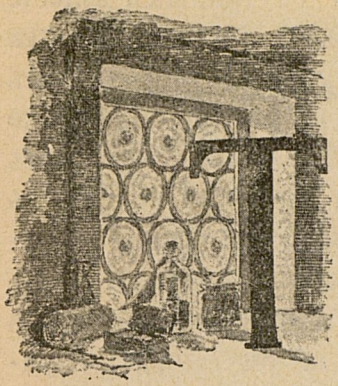
— Прости-же твоему боярину его невольную вину, народъ московскій! Прости и послушай его въ другой разъ... Царевичъ Дмитрій живъ и идетъ занять свое царское мѣсто. Да здравствуетъ царь Димитрій на многія лѣта, истинный сынъ Ивановъ!

Что-то мучительно сжало сердце Миши при этихъ словахъ... Лицо его точно закаменѣло отъ ужаса. Не вѣря своимъ ушамъ, онъ поднялся на стременахъ и въ ужасѣ оглянулся кругомъ. Всѣ лица кругомъ него были радостны, свѣтлы. По многимъ изъ нихъ текли слезы. Имя царя Дмитрія переливалось могучей волной народныхъ кликовъ по всей площади... Не помня себя, безумно сверкая взорами, юный князь далъ шпоры коню и врѣзался въ самую гущу народной толпы, крича во все горло...

— Неправда это! Оболгали тебя, народъ московскій! И гонцы и князь Шуйскій! Всѣ! Воръ и обманщикъ идетъ къ престолу! Истинный царь Ѳедоръ въ Кремлѣ...

Но его никто не слышалъ. Народъ, какъ безумный ревѣлъ въ это время, выкликивая здравіе новому царю Дмитрію Ивановичу.

Тогда князь Михаилъ снова пришпорилъ коня и во весь духъ помчался ко дворцу, возвѣстить царя Ѳедора о новой измѣнѣ...



ГЛАВА V.

Безмощныя. — Странное предсказаніе. — Грабители. — Невѣдомый спаситель.

Ы слышишь? Ты слышишь, Машенька!—шепотомъ говорила Саня Головина, вся трепеща отъ ужаса передъ тѣмъ, что только что свершилось у нее на глазахъ: — народъ предался злодѣю! Даже князь Шуйскій ему прямитъ, одинъ изъ первыхъ слугъ царя! Что же это будетъ, Машенька! и она конвульсивно сжала руку Буйносовой. Княжна Марья, вся бѣлая какъ снѣгъ, съ крѣпко стиснутыми губами, съ глазами, исполненными страха, шептала чуть слышно:

— Молчи! Молчи, Саня, ради Господа молчи! Только-бы выбраться намъ, только-бы найти Степановну и холопей...

Но выбраться было немыслимо. Со всѣхъ сторонъ бѣжали толпы народа, съ дикими криками устремляясь къ Кремлю: Смертъ Годуновымъ! Смертъ обманщикамъ! Да здравствуетъ истинный царь Дмитрій!—стономъ стояло въ воздухѣ.

— Что дѣлать! Что дѣлать! Въ отчаяніи заламывая руки, снова прошептала Машенька, прислушиваясь помимо воли къ этимъ крикамъ. Густая толпа окружала ихъ, толкая, рискуя задавить каждую минуту. Еще немного и, сжатыя ея тѣснымъ кольцомъ, дѣвушки лишились-бы чувствъ, какъ неожиданно за ними послышалось звучное бряцаніе, точно кто мѣрно постукивалъ мечами или желѣзомъ, и толпа разступилась, давая дорогу полуобнаженному человѣку въ жалкомъ рубищѣ... Сквозь лохмотья, висѣвшія на немъ, можно было разсмотрѣть тяжелыя вериги на его бронзовомъ отъ загара тѣлѣ, производившія при каждомъ движеніи

этотъ странный металлическій звукъ. Лицо бронзоваго человѣка, обрамленное сѣдыми космами спутанныхъ волосъ, безмятежно улыбалось свѣтлой, невинной, какъ у ребенка улыбкой. Свѣтлые, выцвѣвшіе глаза глядѣли впередъ тѣмъ чистымъ, прозрачнымъ взглядомъ, который встрѣчается только у обиженныхъ судьбою, слабоумныхъ людей. Это былъ юродивый. Такихъ юродивыхъ было много въ Москвѣ въ старое время. Они пользовались любовью народа и считались чуть не святыми. Они предсказывали будущее пользуясь даромъ прорицанія. Не мудрено поэтому, что при видѣ юродиваго, толпа почтительно уступила ему дорогу, привѣтствуя его:

— Степа идетъ! Раздайся, народъ честной! Дай дорогу Степѣ!

И неожиданно юродивый Степа очутился лицомъ къ лицу съ обѣими дѣвушками.

— А—а, дѣвоньки! Милыя мои! Пичужки залетныя!— заговорилъ онъ быстро, быстро, разомъ останавливаясь передъ обѣими боярышнями.—Бѣдненькія! Дай-кось выведу васъ изъ толпы. За Божьимъ человѣкомъ будете, какъ у Христа за пазужкой. Иди, милыя, безъ опаски, иди за мною. Никто васъ не тронетъ, болѣзныя! И взявъ за руки обѣихъ дѣвушекъ, Степа быстрѣе зашагалъ между двумя живыми стѣнами разступившейся толпы. Черезъ четверть часа, не болѣе, онъ и обѣ дѣвушки были въ полной безопасности. Бурливая толпа осталась далеко за ними. Только изрѣдка попадались имъ конные и пѣшіе путники, спѣшившіе къ Кремлю.

— Спасибо тебѣ, Божій человѣкъ,—произнесла Маша, когда они очутились со своимъ спутникомъ въ какомъ-то глухомъ закоулкѣ, далеко отъ Красной площади,—нѣтъ у меня денегъ съ собою, чтобы наградить тебя, возьми вотъ ожерелье, Степа, изъ брусницкихъ зеренъ, подарокъ матушкинъ...

Предсказаніе юродиваго.

И, быстро отстегнувъ съ шеи красивое жемчужное ожерелье, княжна Маша передала его юродивому.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—такъ и взвизгнулъ онъ, отскакивая, какъ отъ огня, отъ дорогого украшенія и дуя себѣ на пальцы, словно обжегшись чѣмъ-то—жжетъ руки твой жемчугъ, боярышня, береги его для себя, княжна... Много еще такихъ жемчуговъ прибавится, много камней самоцвѣтныхъ будетъ у тебя. Одѣнутъ въ шелка и бархатъ Марью. Станетъ Марья царицей Московской... Не забудь тогда Стешу, не забудь! Не забудь!—закричалъ онъ, проворно и низко кланяясь смутившейся Машѣ.—Корона царская куда хороша, а клобукъ монашескій еще лучше! Корона—гибель. Клобукъ—спасеніе. Такъ-то! Такъ-то! Пичужки мои! Монашки мои! Темныя мои затворницы! И погладивъ по головкамъ опѣшившихъ дѣвушекъ, онъ спѣшно побѣжалъ отъ нихъ, посмѣиваясь, подпрыгивая и бормоча себѣ что-то подъ носъ.

Испуганныя, дрожащія стояли боярышни, не смѣя произнести ни слова, и глядя въ лицо другъ другу изумленными вопрошающими глазами.

Саня опомнилась первая.

— Слышь, что предрекъ блаженный? Будешь царица Московская!—прошептала она чуть слышно.

— Господи! Что за диво такое!—отвѣчала такимъ-же шопотомъ Машенька.—Понять не могу...

— Блаженные все будущее въ явь видятъ,—увѣренно продолжала Саня:—Знать и впрямь будешь царицей, Машенька...

— Куда! Упаси, Господи! Въ такое-то время! Да и мнѣ-ли?—отнѣкивалась взволнованная княжна.

— И-и, полно! — засмѣялась разомъ повеселѣвшая Саня.—Тебѣ-ли, говоришь? Ты не худородная какая-нибудь дворянка, а княжна Буйносова-Ростовская. И красавица, первая, почитай, на Москвѣ. Вотъ постой, поутихнетъ малость смута на Руси... Станетъ царица женить сына, собе-

рутъ невѣстъ со всей Москвы. Глянь, тебя и выберутъ... Тогда не оставь меня своими милостями, царица Московская!—и Саня, разомъ позабывшая всѣ свои недавніе страхи, и бунтъ народный, и Красную площадь и рѣчи измѣнниковъ бояръ, низко поклонилась княжнѣ.

— Время ли для шалостей! Бога побойся!—строго остановила ее Маша.—Не до смѣха, не до шутокъ нонѣ! Слышь, какъ шумитъ народъ у Кремля. Поди напугаютъ государя съ сестрой и матерью. Пройти къ имъ — не пройдутъ, стрѣльцы и нѣмецкая стража берегутъ ихъ накрѣпко, а только страху что натерпятся, бѣдные!

Веселое оживленіе мигомъ сбѣжало съ лица Сани при этихъ словахъ княжны. Краски покинули его...

— А что и впрямь, ежели... Ахъ, Маша! Бѣдный государь! Бѣдная царевна Ксенія!—произнесли чуть слышно ея трепещущія губки.

Крики со стороны Кремеля между тѣмъ все усиливались и усиливались...

— Ужъ скорѣе-бы дойти до дому... либо ужъ колымагу нашу встрѣтить съ людьми и со Степановной—произнесла Маша, озираясь по сторонамъ.

— И то! вторила ей, притихшая разомъ ея младшая подружка.

Едва успѣли обмѣняться этими словами боярышни, какъ изъ-за угла улицы показалась толпа рваныхъ людей, по своему виду болѣе похожихъ на бѣглыхъ колодниковъ, нежели на мирныхъ жителей Москвы.

— Ага находка! произнесъ одинъ изъ нихъ, смуглый черноволосый ,съ горбатымъ носомъ дѣтина.—Ожерелье въ рукахъ у боярышни! Да еще какое знатное! Пойди не одну сотню рублей плачено... И онъ протянулъ руку къ обомлѣвшей отъ страха княжнѣ Марьѣ.

Другіе оборванцы весело расхохотались, давольные находкой.

Княжна такъ оторопѣла отъ страха и неожиданности,

что уже готовилась отдать бродягѣ ожерелье, какъ неожиданно бойкая, безстрашная Санюшка выступила впередъ и, топнувъ ногою, сердито промолвила:

— Не смѣй трогать боярышненыхъ жемчуговъ! Слышишь—ты, холопъ!

— Ого! Чтой-то ты такъ больно гнѣвна, боярышня!—расхохотался грубымъ голосомъ оборванецъ,—а впрочемъ, и то сказать: дорого тебѣ это ожерелье, видно самой. Ну такъ, чтобы не жаль было разставаться съ нимъ,тебѣ и подружкѣ твоей, мы васъ къ нему на придачу захватимъ съ собою. Нонѣшній царь больше мирволитъ къ намъ бѣднымъ людишкамъ, нежели къ вамъ богачамъ боярамъ, а коли попроситъ царя Дмитрія хорошенько, такъ, пожалуй, что и повѣнчаетъ съ тобою своего смерда, холопа обѣднѣвшаго дворянишку. Ужъ больно ты пришлась мнѣ по душѣ, боярышня. Смерть люблю такихъ бойкихъ, да шустрыхъ...

И онъ незамѣтно далъ знакъ сопровождавшимъ его товарищамъ. Тѣ кинулись къ дѣвушкамъ, одинъ изъ нихъ схвативъ Саню, бросился съ нею бѣжать вдоль улицы. За нимъ поспѣшилъ и его чернобородый вожакъ.

— Помогите! Отчаяннымъ голосомъ закричала на смерть перепуганная дѣвушка, въ то время, какъ Маша, тоже схваченная двумя другими разбойниками, громкими воплями оглашала глухой переулокъ.

И вдругъ неожиданно наперерѣзъ похитителямъ изъ за угла улицы вынырнулъ всадникъ въ боярскомъ кафтанѣ и въ шапкѣ, лихо заломленной на рыжихъ кудряхъ, обвѣвающихъ широкоскулое, некрасивое лицо.

— За нимъ ѣхало двое стрѣльцовъ въ красныхъ кафтанахъ.

— Стой! крикнулъ властнымъ голосомъ бояринъ,—что случилось?

Тогда смуглый чернобородый человѣкъ быстро сорвалъ съ головы шапку и сталъ сбивчиво разсказывать, поминутно

путаясь, останавливаясь и униженно кланяясь рыжему боярину.

— Полно врать-то!—строго прикрикнулъ на него тотъ.— Отпусти боярышню, пусть сама сказываетъ, что случилось...

И въ тотъ же мигъ передъ удивленнымъ бояриномъ появилась дышащее гнѣвомъ и негодованіемъ личико Сани съ раздувающимися поздрями, съ глазами, сверкающими обидою. Растрепавшіеся кудри, отливающіе золотомъ, обрамляли, словно рамкою, раскраснѣвшееся лицо...

Рыжій бояринъ никогда еще не видывалъ такого своеобразно - прекраснаго личика...

— Все разскажу тебѣ, — взволнованно заговарила Саня, вели только освободить княжну Марью.

— Какую княжну?—удивился тотъ. Но тутъ сами оборванцы почуяли, какъ плохо имъ будетъ идти противъ воли боярина и его стрѣльцовъ, вооруженныхъ бердышами и выпустили изъ своихъ рукъ изнемогающую отъ страха Машу. Чуть живая предстала она передъ коннымъ бояриномъ и вдругъ, взглянувъ на него тихо вскрикнула:

— Князь Василій Григорьевичъ Рубецъ-Масальскій! Ты ли это?

— Княжна Марья Петровна! Вотъ съ кѣмъ пришлось здѣсь встрѣтиться!—отвѣчалъ такимъ же изумленнымъ возгласомъ рыжій бояринъ.

Князь Рубецъ-Масальскій, бывшій воевода Путивльскій, одинъ изъ первыхъ предался Лжедмитрію. Онъ тайно явился въ Москву, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Плещеевымъ склонять народъ въ пользу объявившагося царевича. Въ домѣ князя Буйносова-Ростовскаго онъ бывалъ часто въ прошлые годы и не разъ видалъ его красавицу-дочь. И Маша не разъ видѣла князя. Теперь, когда слухъ объ его измѣнѣ дошелъ до Москвы, узнала и она о его предательствѣ. Но сейчасъ дѣвушка ни мало не думала о немъ. Князь Василій Григорьевичъ являлся неожиданнымъ спасителемъ ея и Сани отъ злодѣевъ и она

была даже рада случаю увидѣть знакомаго человѣка въ своемъ защитникѣ.

Князь приказалъ слѣдовавшимъ за нимъ стрѣльцамъ допросить оборванцевъ, а самъ спѣшился и повелъ обѣихъ дѣвушекъ въ хоромы Головиныхъ. Къ Буйносовымъ князь Рубецъ-Масальскій не рѣшался показаться. Невольный стыдъ угнеталъ измѣнника.

У воротъ Головинскаго дома, онъ низко поклонился обѣимъ дѣвушкамъ и, устремивъ долгій взглядъ на хорошенькую Саню,—произнесъ ласково:

— Жди меня въ гости нонѣ, боярышня... Пріѣду къ отцу твоему, на тебя полюбоваться въ лучшія времена!

И быстро, повернувъ назадъ, скрылся изъ виду.

Глубоко потрясенныя пережитыми впечатлѣніями дѣвушки поспѣшили домой разсказать домашнимъ обо всемъ случившемся, которые ихъ ждали въ волненіи и тревогѣ. Объ одномъ только умолчали боярышни: о странномъ предсказаніи Степы юродиваго. Но, возвратясь подъ вечеръ въ родительскій кровъ изъ дома своей подруги, долго сидѣла пригорюнившись подъ окномъ свѣтлицы княжна Марья Ростовская, повторяя сто разъ въ своей памяти загадочное предсказаніе блаженнаго...

И тутъ же рѣшила дознаться у какой-нибудь вѣдуньи-ворожеи, о томъ, что сулитъ ей невѣдомая судьба.

ГЛАВА VI.

Свои враги.— Одинъ противъ тысячей. — Страшная расправа.

—

КАКЪ безумный летѣлъ князь Михаилъ къ Кремлевскимъ дворцовымъ палатамъ. Его конь, загнанный до полусмерти, несся, едва касаясь подковами земли. Впереди и позади него — бѣжали несчетныя толпы народа, дико вопя охрипшими голосами:— Долой Годуновыхъ! Долой Борисово отродье! Мучителей нашихъ! Смерть имъ!

Стрѣльцы, охранявшіе всѣ входы и выходы Кремля, пытались было преградить путь озвѣрѣвшей черни...

Къ этому времени на крыльцѣ дворцовомъ появился боярин Богданъ Бѣльскій, недавно лишь вернувшійся изъ ссылки, общій любимецъ и прошелъ во внутрь дворца вмѣстѣ съ другими боярами. Къ нимъ присоединился и быстро спѣшившійся съ коня Миша. Онъ поручилъ одному изъ стрѣльцовъ, карауливших главныя двери, подержать лошадь, а самъ за толпою бояръ прошелъ въ дворцовыя палаты.

А немного времени спустя, опрокинувъ стражу, ворвалась во дворецъ и долго сдерживаемая стрѣльцами и нѣмцами — тѣлохранителями, чернь.

Въ ближайшей къ Грановитой палатѣ горницѣ заперлись обезумѣвшіе отъ страха Годуновы. Двери въ Грановитую палату оберегались остаткомъ вѣрныхъ стрѣльцовъ. Но, что значила ничтожная горсть людей-защитниковъ въ сравненіи

съ разъяренною толпою, заполнившею всѣ углы и закоулки Кремлевскаго дворца!?

Князь Михаилъ, какъ только вошелъ, понялъ это. Съ тресущеюся челюстью, съ блѣднымъ, словно изъ аллебастра изваяннымъ, окаменѣвшимъ лицомъ и блуждающимъ взоромъ окинулъ онъ толпу и вдругъ увидѣлъ среди нея обоихъ своихъ дядей князей Василія и Дмитрія Шуйскихъ.

Съ быстротою молніи кинулся онъ къ старшему Шуйскому и, задыхаясь отъ гнѣва, произнесъ:

— Зачѣмъ ты обманулъ народъ дядя? Истинный царь тамъ за дверями, а называющій себя Дмитріемъ—лгунъ и самозванецъ! И ты знаешъ это—лучше всякого другого!

Упорный, настойчивый взоръ Михаила твердо устремился въ подслѣповатые бѣгающіе глазки князя Василія. Шуйскій не выдержалъ этого прямого честнаго юношескаго взгляда и отвернулся отъ племянника.

Въ ту же минуту, задыхающійся отъ гнѣва шопотъ раздался за плечами Михаила.

— Не твое дѣло, щенокъ, указывать старшимъ!

Онъ быстро обернулся. За нимъ стоялъ Дмитрій Шуйскій... Смуглое, жесткое лицо его дышало непримиримой злобой.

— Забылъ што-ли своего отца, што умеръ отъ немилостей Борисовыхъ! прошипѣлъ онъ снова въ самое ухо племянника,—такъ дай же намъ расправиться съ лютыми врагами нашими! Дай отомстить Борису на его отродьѣ...

— Не позволю! Не дамъ царя въ обиду! внѣ себя вскричалъ Миша! Братцы! кто въ Бога вѣруетъ отстаимъ царя! За мною! И въ тотъ же мигъ пошатнулся и упалъ навзничь, оглушенный сильнымъ ударомъ въ голову.

— Все разомъ завертѣлось передъ его глазами: и лица обоихъ дядей и народъ, и тяжелыя дубовыя двери Грановитой палаты, вздрагивающія подъ напоромъ толпы.

— Отнести бережно князя-стольника въ домъ его матери! послышался повелительный голосъ старшаго Шуй-

скаго, и страшное головокруженіе заставило Мишу разомъ позабыть дѣйствительность. Онъ лишился чувствъ.

Въ ту же минуту тяжелыя дубовыя двери Грановитой палаты рухнули и народъ съ дикимъ ревомъ ворвался къ Годуновымъ.

. . . . . .

Словно на смерть раненая орлица металась по горницѣ большого Годуновскаго дома, государыня Марья Григорьевна. Вотъ уже десять дней, какъ случилось то страшное дѣло, про которое она не можетъ вспомнить безъ ужаса... Въ тысячный разъ ежеминутно переживаетъ царица тотъ роковой день... Она, ея дѣти и старшій деверь Семенъ Ѳедоровичъ Годуновъ (младшаго Ивана, измѣнникъ Голицынъ выдалъ Самозванцу и отвезъ заложникомъ въ Путивль), стояли въ Грановитой палатѣ у царскаго мѣста съ иконами въ рукахъ, надѣясь этимъ сохранить себя отъ злобы народа. Дикій ревъ толпы все приближался и приближался. Вотъ задрожали крѣпкія двери подъ ударами осаждающихъ и тяжело рухнули, сорванныя съ петель. Какъ разъяренный звѣрь, бросилась толпа къ царю, сидѣвшему на тронѣ, стащила его оттуда и со страшными ругательствами поволокла изъ палаты. Потомъ схватили ее и Ксенію.

Тутъ уже ничего болѣе не помнитъ Марія Годунова. Словно сквозь сонъ, замелькали передъ нею озлобленныя лица бояръ-измѣнниковъ, еще такъ недавно клявшихся умереть за нее и Ѳедора...

Смутно представилось ей лицо главнаго ихъ предателя Шуйскаго... Не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ царица... И Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, женатый на ея родной сестрѣ Катеринушкѣ, былъ тутъ же среди нихъ!.. Правда никогда не любили другъ друга сестры. Завистливая Катерина не могла простить Марьѣ ея царскаго титула, но все же сестра она ей! Увидѣла тогда-же царица и жестокое, грозное лицо старика Бѣльскаго, наказаннаго ссылкой ея мужемъ-царемъ. Ну, этотъ

Съ картины К. Маковскаго.

Убіеніе царя Ѳедора Борисовича Годунова.

по крайней мѣрѣ, былъ ихъ открытымъ врагомъ и не таился нисколько. Не смотря на то, что юный Ѳедоръ простилъ его по восшествіи на престолъ и вернулъ изъ ссылки, старый боярин Богданъ Ѳедоровичъ не могъ забыть своего безчестія покойному царю и его дѣтямъ и смотрѣлъ злобно на все царское семейство.

— Господи! Господи! металась царица,—что-то будетъ? Что будетъ! Пусть лишатъ всего, пусть заточатъ ихъ, сошлютъ въ дальнія вотчины; пусть постригутъ, наконецъ, въ обители, только бы жить, жить, жить ея ни въ чемъ неповинным дѣтямъ! Дошли темные слухи до ушей заключенныхъ сюда въ бывшій боярскій домъ Годуновыхъ, куда ихъ доставили изъ Кремлевскихъ палатъ, что будто сверженъ патріархъ Іовъ, сторонникъ и первый другъ покойнаго царя и отправленъ въ заточеніе. Вотъ-бы и ихъ тоже сослали—мечтаетъ несчастная царица. Только-бы не убивали!.. Дѣти! Бѣдныя дѣти! чѣмъ они виноваты! И царица съ невыразимой тоскою взглянула на Ѳедора и Ксенію, стоявшихъ у окна.

Ихъ лица были смертельно блѣдны, вспухшія, покраснѣвшія вѣки говорили о многихъ, проведенныхъ безъ сна, ночахъ... Губы потрескались и пересохли... И все же они оба были трогательно молоды и прекрасны въ ихъ скорбномъ состояніи неутѣшной печали.

— Пощадятъ ихъ душегубы! Не тронутъ!—Разомъ успокоиваясь произнесла царица и, подойдя къ дѣтямъ, нѣжно обняла обоихъ. Жестокая ко всѣмъ окружающимъ и подчиненнымъ, Марія Григорьевна была въ тоже время примѣрной любящей матерью... и женой...

— Что, Ксюша, что красавица моя,—лаская свою любимицу-дочь, произнесла царица.—Тяжко тебѣ, знаю, знаю! Но потерпи же дѣвонька, Господь милосердъ и не оставитъ насъ! Предадимся Его святой волѣ...

При этихъ словахъ Ксенія залилась слезами. Юный Ѳедоръ взглянулъ на мать взоромъ полнымъ отчаянія и произнесъ глухо:

— Не вѣрится мнѣ что-то въ доброе, матушка, сны дурные мнѣ снятся... Къ худу это. Видалъ я нонѣ батюшку покойнаго, обнялъ онъ меня за плечи нѣжно таково и говоритъ: «Хорошо, что вспомнилъ меня Ѳедя, пришелъ ко мнѣ, а то ужъ больно мнѣ одному безъ васъ скучно». Сама видишь, какой это сонъ, матушка!

Царица поблѣднѣла. Отчаяніе наполнило ея и безъ того смятенную душу. Это отчаяніе усилилось еще больше, когда за дверью горницы послышались тяжелые шаги нѣсколькихъ паръ ногъ. Царевна Ксенія тихо вскрикнула и, схвативъ за руку брата, прижалась къ матери. Дверь распахнулась. Безобразнаго вида рыжій бояринъ появился на порогѣ, съ нимъ другой, высокаго роста, почтеннаго вида, плотный, широкоплечій. Изъ-за ихъ спины выглядывали двое людей, со звѣрскими, ничего добраго не предвѣщающими лицами.

— Марья Григорьевна и ты, Ѳедоръ Борисовичъ,—не величая уже царскими титулами Годуновыхъ, — произнесъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, дородный бояринъ почтеннаго вида, — прощайся съ царевной; благовѣрный государь нашъ, Дмитрій Ивановичъ, указалъ заточить ее во Владимірскую обитель, а тебя съ сыномъ Ѳедоромъ сослать...

И говоря это, князь отвелъ глаза въ сторону, чтобы не встрѣтиться ими съ исполненнымъ отчаянія взоромъ царицы.

Та такъ и затрепетала вся.

— Князь Василій Васильевичъ, ты знатнаго боярскаго роду и не долженъ дѣйствовать воровски, облыжно, — произнесла Марья Годунова глухимъ голосомъ,—скажи напрямикъ, велишь мнѣ готовиться къ смерти? Говори прямо бояринъ...— и впилась пристальнымъ взоромъ въ лицо Голицына.

Голицынъ угрюмо молчалъ, потупившись и не рѣшаясь взглянуть на царицу.

Тогда князь Рубецъ-Масальскій (рыжій бояринъ былъ

онъ), сдѣлалъ знакъ двумъ слѣдовавшимъ за нимъ людямъ. Одинъ изъ нихъ кинулся къ царицѣ, другой къ Ѳедору. Въ ту же минуту, красавица Ксенія, до сихъ поръ стоявшая точно въ оцѣпенѣніи подлѣ матери и брата, заслонила ихъ собою и дико закричала на всю горницу:

— Не пущу матушку! Не отдамъ братца! Умирать такъ всѣмъ вмѣстѣ! Умремъ всѣ трое!

— Умирать? Ишь что выдумала! Умирать тебѣ рано, красавица, грубо засмѣялся Масальскій. Потомъ выглянулъ за дверь и кликнулъ стрѣльцовъ, стоявшихъ на стражѣ. Тѣ вошли и, по приказу боярина, оттащили рвавшуюся и бившуюся царевну отъ ея кровныхъ.

— Крѣпись, Ксюша, Господь съ тобою, удержи слезы. Не давай торжествовать нашимъ врагамъ!—успѣлъ прошептать, наскоро обнимая любимую сестру, юный царь, и блѣдный, какъ смерть, вышелъ изъ горницы, окруженный стражей. Царица все еще медлила, цѣлуя и обнимая дочку. Но вотъ и ее оттащили отъ царевны и повели изъ свѣтлицы.

— Матушка! Ѳедя!.. остановитесь... и меня... и меня... возьмите... злодѣи! — внѣ себя закричала Ксенія, бросаясь слѣдомъ за матерью и братомъ. Два дюжихъ стрѣльца преградили ей дорогу.

Тяжелая дверь захлопнулась передъ нею. Въ ту же минуту въ сосѣдней горницѣ послышалась отчаянная возня... Дикій нечеловѣческій крикъ... Потомъ все стихло на мгновеніе...

И вдругъ отчаянный вопль огласилъ старыя Годуновскія хоромы.

Такой же страшный вопль вырвался изъ груди царевны. Ксенія ринулась къ двери... и затрепетала вся съ головы до ногъ и, какъ подкошенная, упала замертво посреди горницы.

. . . . . .

Въ тотъ же часъ было объявлено боярами на Красной

площади народу, что Годуновы, мать и сынъ, лишили себя жизни, а царевна Ксенія пожелала постричься во Владимірѣ въ отдаленную женскую обитель.

Вѣщій сонъ несчастнаго юнаго царя сбылся...

ГЛАВА VII.

Сердце матери. — Въѣздъ. — Великій Мечникъ.

ОГЛУШЕННЫЙ ударомъ кого-то изъ толпы (кого, Миша не могъ припомнить), юный князь былъ доставленъ безчувственный въ свои хоромы. Княгиня Елена Петровна, на смерть перепуганная состояніемъ сына, уложила его въ постель и не отходила отъ него ни на минуту. Но не одинъ ударъ невидимаго врага, а и страшныя потрясенія заставили подломиться крѣпкое здоровье молодого стольника. Около пяти дней пролежалъ Миша: то горя въ страшной огневицѣ, то трясясь въ лихорадкѣ, какъ листъ. А когда онъ всталъ черезъ недѣлю, глаза его ввалились, лицо осунулось и морщинка между бровей залегла отчетливѣе, рѣзче...

Первое его слово, обращенное къ матери, былъ вопросъ объ юномъ государѣ. Та молча опустила взоры и, по невольному смущенію княгини, Михаилъ понялъ все.

Глаза его злобно сверкнули, онъ поблѣднѣлъ еще больше и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Матушка... царя убили... я знаю, я чувствую. И видитъ Богъ, отомщу его убійцамъ, приверженцамъ Разстриги...

— Что ты! Что ты!.. Господь съ тобой, Миша!—прошептала въ ужасѣ княгиня.—О какомъ Разстригѣ говоришь, сынокъ? Нѣтъ никакого Разстриги, желанный!.. И хранитъ тебя Господь говорить это! Вся Русь присягнула благовѣрному Государю Дмитрію Ивановичу—истинному нашему царю...

Словно громъ небесный ударилъ въ Мишу. Такъ ошеломили его слова матери.

— И ты! И ты, матушка!—прошепталъ онъ въ смятеніи, закрывъ лицо руками.

Слабый отъ только что перенесенной болѣзни юноша пошатнулся и безсильный опустился къ ногамъ матери. Не помня себя, охватила княгиня темнорусую кудрявую голову своего Миши, прижала къ своему сильно бьющемуся сердцу и зашептала отчаянно:

— Дитятко мое единственное! Соколъ мой! Вѣрь сердцу-вѣщуну материнскому. Оно не обманетъ. Истинный царь идетъ на Москву... Чудо свершилось Господне!.. Спасся царевичъ отъ руки убійцъ... Вся Русь ему присягнула... Весь народъ его встрѣчаетъ радостно... Щедрыми милостями осыпаетъ онъ всѣхъ безъ различія, и именитыхъ бояръ, и бѣдныхъ холопей. Добръ онъ и милосердъ, Миша!.. Истинный онъ царь!

— Столь добръ, что загубилъ несчастнаго Ѳедора!—прервалъ горькимъ возгласомъ Михаилъ княгиню.

— Не онъ, не онъ, Миша!—такъ и всколыхнулась та,—злые люди, подлые подслужники, желая подластиться къ царю, порѣшили прежняго государя съ его матерью. Не царь нашъ повиненъ въ ихъ гибели... Князь Рубецъ-Масальскій старался съ Голицынымъ и другими...

— Проклятые!—вырвалось стономъ изъ груди юноши.

— А милостивый царь горько заплакалъ, какъ узналъ объ ихъ участи...—продолжала разсказывать княгиня,—не хотѣлъ этого Дмитрій... Враговъ онъ своихъ милуетъ, всѣхъ прощаетъ...

— Матушка! Облыжно все это! Врутъ измѣнники! Разстрига онъ, Отрепьевъ Гришка, монахъ бѣглый! Чувствую я. И всѣмъ разскажу! Всѣмъ разскажу это!—вырвалось съ потрясающей силой изъ груди Миши и онъ вскочилъ на ноги, весь смѣлый, готовый на бой, какъ молодой орелъ, почуявшій въ себѣ силы.

Съ воплемъ повисла княгиня на шеѣ сына.

— Не губи! Не губи себя и меня!.. дитятко! Сынъ мой единственный! Не перенесу я, видитъ Богъ, твоей гибели, коли схватятъ тебя! Миша! Миша! Побойся Бога, пожалѣй меня! Смирись, признай его Миша! Онъ истинный царь! Чуетъ сердце мое! И прежде, чѣмъ успѣлъ опомниться князь, княгиня опустилась къ ногамъ сына, обняла его колѣни и глухо зарыдала.

Весь сгорая жалостью и любовью князь Михаилъ кинулся къ ней, поднялъ, отвелъ и насадилъ въ кресло.

— Успокойся, матушка... Не погублю себя—прошепталъ онъ, становясь въ свою очередь передъ ней на колѣни и цѣлуя ея руки.—Ради тебя не погублю, если не увижу воочію въ новомъ царѣ вора и разстригу.

Княгиня радостно вскрикнула и крѣпко обняла сына.

. . . . . .

20-го Іюня 1605 года торжественно и пышно по дорогѣ изъ Тулы въѣзжалъ въ Москву огромный поѣздъ новаго государя Россійскаго.

Яркое солнце Іюньскаго утра заливало престольный городъ щедрыми потоками золотыхъ лучей. Многочисленные колокола церквей, соборовъ, монастырей Московскихъ звонили—переливались малиновымъ звономъ всѣхъ своихъ сорока-сороковъ. Словно Свѣтлый праздникъ Святой Пасхи

встрѣчалъ народъ Московскій. Подъ оглушительные звуки колоколовъ, подъ громъ накровъ и бубновъ, подъ радостный тушъ трубачей, въѣзжалъ черезъ Серпуховскія ворота огромный царскій поѣздъ.

Впереди ѣхали польскіе литаврщики, трубачъ и цѣлая дружина, вооруженныхъ копьями, польскихъ всадниковъ въ латахъ и шлемахъ, ярко горѣвшихъ на солнцѣ, за ними ѣхалъ самъ царь, окруженный тѣсной толпою бояръ, позади нихъ дворянскіе и боярскіе дѣти, безчисленныя дружины стрѣльцовъ и казаковъ...

Толпы народа запрудили улицы... Многіе взбирались на кровли, чтобы увидѣть въ лицо царя. Среди народа, затерявшіеся въ ихъ толпѣ, находились и два царскіе стольника Головинъ и князь Скопинъ. Имъ приказано было Бояриномъ Бѣльскимъ, распоряжавшимся встрѣчею царскою, прійти въ Кремлевскую палату для присяги новому царю, а пока оба юноши были свободны и замѣшались съ толпою, чтобы незамѣченными поглядѣть на царя. Юный Скопинъ былъ попрежнему блѣденъ и тревоженъ, тоска грызла его. Онъ далъ слово матери ничего не предпринимать и вести себя сдержанно, но мучительное чувство жило въ его сердцѣ. Его синіе глаза поминутно темнѣли, что происходило съ ними въ минуту душевнаго волненія или гнѣва и мрачно горѣли, напряженно устремлялись вдаль, гдѣ сверкали латы и пики въ лучахъ солнца и откуда долженъ былъ явиться тотъ странный, безстрашный юноша, сумѣвшій подчинить себѣ всѣ эти толпы въ столь короткое время.

Вотъ приближается царскій поѣздъ... Вотъ все яснѣе и яснѣе виднѣются нарядныя дружины... Слышнѣе крики народа... Звуки музыки... Громъ трубъ и литавръ... Солнце заливаетъ цѣлымъ снопомъ лучей приближающееся шествіе... Оно точно купается въ его золотомъ морѣ... И вдругъ, когда царскій картежъ уже вступилъ на Живой Мостъ, перекинутый до самыхъ воротъ Москворѣцкихъ, внезапно померкло солнце... Налетѣлъ страшный вихрь, поднялись сѣ-

рыя тучи пыли... Музыка смолкла. Шествіе остановилось и сумерки окутали мгновенно свѣтлый Іюньскій полденъ.

Въ двухъ шагахъ нельзя было ничего видѣть. Пыль залѣпляла глаза.

— Перстъ Божій! произнесъ Михаилъ, обращаясь къ товарищу.

— Богъ вѣсть, что! отвѣчалъ тотъ, глубоко потрясенный всѣмъ происшедшимъ.

— Еще не бывало такого!

— Не къ добру это! шепталъ вокругъ нихъ и ошеломленный народъ.

И вдругъ все разомъ исчезло. И пыль и вѣтеръ. Мгла прояснилась. Снова засіяло солнце. Загремѣли трубы... Забили литавры... Заиграла музыка. Шествіе выѣхало на площадь. Мимо обоихъ юношей потянулись конныя дружины съ залитыми въ латы рыцарями... Запестрѣли разноцвѣтные золотомъ шитые кафтаны бояръ... Засверкали стрѣлецкіе бердыши... Засіялъ въ лучахъ солнца цѣлый лѣсъ копій... И вотъ, словно дивное видѣніе представилось изумленному взору князя Михаила:

На бѣломъ конѣ, котораго подъ уздцы вели одѣтые въ бѣлые же кафтаны конюшіе, сверкающемъ драгоцѣнною, залитой самоцвѣтными камнями, сбруей, ѣхалъ широкоплечій статный юноша. На немъ была великолѣпная одежда, состоящая изъ парчеваго кафтана, ловко опоясаннаго, осыпаннымъ камнями, поясомъ. Драгоцѣнное ожерелье, покрывавшее шею и грудь, такъ и переливалось алмазами и яхонтами. На головѣ чуть сидѣла, лихо заломленная и золотомъ шитая шапка, позволяя разглядѣть рыжеватые кудри юноши, свободно падающіе на шитье наряднаго козыря. Открытое мужественное лицо милостиво улыбалось. Нѣсколько широкій носъ и полныя губы... Крупныя бородавки на щекѣ и около носа, смѣлый орлиный взглядъ свѣтлыхъ, голубыхъ глазъ.

Этотъ взглядъ, эти глаза и привлекли все вниманіе Миши.

Огромные, яркіе прекрасные, они были исполнены царственнаго величія и безконечной доброты. Они мягко сіяли свѣтлымъ голубымъ огнемъ и сіяніе это казалось свѣтлѣе солнца, ярче восторженныхъ криковъ и самой радости толпы.

Что-то странное произошло въ сердцѣ Миши. Разъ, устремивъ глаза на юнаго царя, онъ уже не могъ отъ него оторваться.

— Кудесникъ! И впрямь кудесникъ! мысленно произнесъ онъ и, не помня себя, ринулся за царскимъ конемъ, по дорогѣ къ Архангельскому собору.

Здѣсь духовенство встрѣтило царя. Церковное пѣніе оглашало воздухъ. Дмитрій спѣшился, приложился къ образамъ и вошелъ въ храмъ.

Князь Михаилъ съ трудомъ пробрался вслѣдъ за другими во внутренность собора и увидѣлъ то-же, что увидѣли и бояре, ближніе люди царя, его свита.

Дмитрій Ивановичъ упалъ на могилу царя Іоанна Васильевича и громкое рыданіе огласило своды древней усыпальницы русскихъ царей.

— Батюшка! Родимый! Благослави на царство твоего сына—слышались невнятныя отъ слезъ слова юнаго государя.

— Поистинѣ онъ сынъ Іоанновъ!—зашептали въ толпѣ.

И Михаилъ Скопинъ вмѣстѣ съ остальными присутствующими не отводилъ взора отъ царской гробницы, и распростертаго на ней юноши.

Но вотъ юноша поднялъ орошенное слезами лицо. Оно дышало безконечной любовью, умиленіемъ, счастьемъ... Голубые прекрасные глаза его лучисто сіяли...

— Отецъ! произнесли его губы — благодарю тебя. Твоими молитвами я увидѣлъ возлюбленный, дорогой мой народъ! И онъ поднялъ къ небу свои, сіяющіе чуднымъ свѣтомъ, очи...

Послѣднія сомнѣнія покинули князя Михаила. Безко-

нечнымъ трепетотъ наполнилось его сердце. Безумное влеченіе къ этому необычайному юношѣ наполнило его душу.

— Ты истинный царь—сынъ Іоанновъ... Я вѣрю! Вѣрю!—прошептали его губы и онъ едва сдержалъ себя, чтобы не ринуться впередъ, не упасть къ ногамъ этого самимъ Богомъ спасеннаго царя.

Въ тотъ же день, окруженный сказочнымъ великолѣпіемъ, въ Грановитой палатѣ Дмитрій Ивановичъ принималъ бояръ.

Рынды въ бѣлыхъ одеждахъ, съ блестящими топориками, перекинутыми за плечи, стояли у трона молодого царя. Бояре, окольничіи, царскіе стольники, постельничьи робко жались въ уголъ палаты, косясь на блестящую свиту Дмитрія. Здѣсь преобладали поляки въ яркихъ кунтушахъ [1]) и доломанахъ [2]), въ красивыхъ мегеркахъ [3]) на головѣ. Тутъ были староста Ратомскій, Вишневецкіе, братья Мнишеки, братья Бучинскіе, панъ Стадницій, Любельскій и другіе. Но ближе всѣхъ къ царю, у самаго трона его, высилась статная фигура черноглазаго красавца-боярина съ черной бородкою, со смѣлымъ, открытымъ взоромъ.

Это былъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, недавній еще врагъ, а теперь самый ближній другъ царя.

За окнами дворца пировалъ народъ на площади Кремля и поминутно слышались радостные крики:—Да здравствуетъ благовѣрный государь нашъ Дмитрій Ивановичъ!

— Виватъ царь Дмитрій!—вторили имъ поляки.

Въ Грановитой палатѣ шелъ обрядъ цѣлованія государевой руки. Старые, убѣленные въ боевыхъ заслугахъ, родовитые бояре подходили къ трону и съ благоговѣніемъ прикасались къ рукѣ того, кого еще такъ недавно считали воромъ и самозванцемъ.

Михаилъ Скопинъ, вмѣстѣ съ Головинымъ, находились тутъ-же. Послѣ бояръ подходили къ царю чины дворцовой службы. Подошелъ слѣдомъ за другими и Миша.

---

[1]) Кафтанъ. [2]) Родъ куртки. [3]) Шапки въ родѣ уланокъ.

Странное волненіе охватило юношу за нѣсколько шаговъ до трона Дмитріева... Сердце его то билось, то замирало. Взоры невольно опускались долу. Но вотъ передъ нимъ мелькнули обитыя парчею ступени трона... Миша поднялъ голову. Рыжеватые кудри, веселое, привѣтливое, съ бородавками лицо и чистые, дѣтски-прекрасные, вопрошающіе голубые глаза мелькнули передъ нимъ.

Царственная осанка, орлиный взоръ и неизъяснимо милостивая улыбка встрѣтили Мишу. И снова точно что пронизало молодого стольника. Онъ подался впередъ... Огромное, острое, почти невыносимое чувство любви, преданности и какой-то непонятной муки охватило Скопина... Розовый туманъ застлалъ его взоры... Онъ ничего не видѣлъ, кромѣ этого царственнаго лица, этихъ милостиво сіяющихъ ему на встрѣчу лучистыхъ глазъ. Не помня себя, весь руководимый однимъ своимъ жгуче-свѣтлымъ чувствомъ, Миша бросился впередъ.

Два юноши, одинъ изъ нихъ царственный, ласковый и добродушный, другой исполненный едва понятнаго ему самому внезапно пробудившагося чувства беззавѣтной преданности и любви, взглянули другъ на друга. Голубые свѣтлые глаза Дмитрія погрузились въ темный взоръ Михаила... И весь обласканный этимъ взглядомъ, не помня себя, юный князь метнулся впередъ, чуть слышно, взволнованно шепча:

— Ты истинный царь!.. Вели мнѣ умереть за тебя, государь! Умру безъ слова!

Что-то неизъяснимое мелькнуло въ лучистомъ взорѣ Дмитрія Ивановича. Онъ положилъ небольшую бѣлую, но сильную руку на плечо юноши стольника, который казался лишь немногимъ моложе его, и произнесъ:

— Служи мнѣ такъ-же вѣрно, какъ служилъ Годуновымъ. Отнынѣ дѣлаю тебя моимъ великимъ мечникомъ! Будешь неразлученъ со мною.

И тутъ же, принявъ свой мечъ отъ Басманова, передалъ его князю.

Михаилъ поцѣловалъ рукоять царскаго меча, поцѣловалъ царскую руку и, не помня себя отъ счастья, отошелъ къ боярамъ.

Тѣ приняли его съ низкими поклонами въ свою среду. Важныя сѣдыя головы степенно преклонились передъ новымъ царскимъ любимцемъ.

Это была огромная милость царя и огромное отличіе. Званія великаго мечника не существовало даже до сей поры на землѣ русской и Дмитрій Ивановичъ взялъ его отъ польскаго народа, чтобы отличить смѣлаго, благороднаго юношу, про котораго онъ уже много слышалъ отъ Басманова и другихъ. Мужественный, чистый сердцемъ Михаилъ покорилъ Дмитрія. Юный государь оцѣнилъ его.

ГЛАВА VIII.

Муки совѣсти. — Рѣшеніе. — Заговоръ. — Горе крамольникамъ.

Ъ поникшей головою, съ мрачнымъ лицомъ ѣхалъ по дорогѣ изъ Кремля въ Китай-городъ князь Василій Григорьевичъ Рубецъ-Масальскій. За нимъ на почтительномъ разстояніи слѣдовало нѣсколько стрѣльцовъ въ ихъ обычныхъ красныхъ кафтанахъ съ бердышами и копьями. Невесело было на душѣ князя. Бывшій путивльскій воевода, онъ однимъ изъ первыхъ предался Дмитрію, тая въ душѣ своей тщеславныя надежды занять ближайшее мѣсто при новомъ царѣ. Думая угодить царю, князь Василій Григорьевичъ, взялъ тяжелый грѣхъ на душу. Желая подслужиться Дмитрію, князь безъ вѣдома царя распорядился жизнью Годуновыхъ. По его приказанію задушили Ѳедора и царицу Марью.

Думалъ князь получить награду за это, но юный царь содрогнулся отъ ужаса, узнавъ о свершившемся. Гнѣвъ и непріязнь почувствовалъ Дмитрій Ивановичъ по отношенію къ палачамъ несчастныхъ жертвъ. Правда, онъ въ силу обстоятельствъ приблизилъ князя Масальскаго къ своей особѣ, назначилъ его своимъ дворецкимъ, но въ то же время какъ-то сторонился, чуждался его. Мечты князя стать первымъ человѣкомъ при юномъ царѣ такимъ образомъ не оправдались.

Но онъ не отчаявался. Однако, не терялъ надежды до конца. Новый случай заслужить милость царя скоро представился Масальскому. Его ищейки, сновавшіе по Москвѣ, донесли, что неладное что-то творится у Шуйскихъ. Что далеко за полночь виденъ свѣтъ сквозь ставни въ домѣ князя Василія Ивановича, ставшаго въ короткое время близкимъ и нужнымъ человѣкомъ при молодомъ царѣ.

Зависть къ Шуйскому съѣдала князя и онъ несказанно обрадовался, когда темные слухи эти оказались справедливыми. Шуйскіе, какъ передавали Масальскому его вѣрные слуги, затѣвали измѣну царю... Это извѣстіе было какъ нельзя болѣе кстати князю Василію Григорьевичу. Погубить Шуйскаго, залетѣвшаго не вмѣру высоко и въ то же время услужить царю! Вотъ чѣмъ было пріятно его душѣ это новое открытіе.

И взявъ отрядъ надежныхъ стрѣльцовъ съ собою, князь рѣшилъ въ эту ночь уличить Шуйскаго и подвести его къ допросу. Злорадно улыбаясь, Василій Григорьевичъ мечталъ уже о предстоящемъ торжествѣ надъ своимъ счастливымъ соперникомъ.

Этимъ онъ думалъ хоть сколько нибудь успокоить себя. А успокоивать себя, утишить его муку было необходимо князю. Съ того злосчастнаго дня, какъ погибли Годуновы онъ вовсе не знаетъ покоя. Передъ нимъ, лишь стоитъ ему остаться одному, встаетъ образъ задушеннаго царя Ѳедора...

Страшный, съ всклокоченными волосами съ изсине-блѣднымъ лицомъ стоитъ передъ нимъ покойный царь и говоритъ глухимъ, замогильнымъ голосомъ:

— Почто погубилъ меня, княже?

Холодный потъ проступаетъ въ эти минуты на лбу князя. Смертельная блѣдность кроетъ лицо. Особенно по ночамъ, въ часы мучительной безсонницы призракъ юнаго царя не даетъ ему покоя. Онъ входитъ въ его княжую горницу, садится на край широкой постели и смотритъ, по долгу не мигая, смотритъ прямо въ перекосившееся отъ ужаса лицо князя. И князь кричитъ на весь домъ, сзываетъ челядь, велитъ освѣтить хоромы, пѣть пѣсни, наполнить горницы говоромъ, и шумомъ голосовъ...

И такъ до утра. А утромъ ложится разбитый, измученный снова въ постель...

— Жениться тебѣ надо, княже, — шамкая беззубымъ ртомъ говорила не разъ князю его древняя старуха нянька, жившая у него въ домѣ на покоѣ.

— Одинъ ты, поговорить тебѣ не съ кѣмъ, словомъ перемолвиться, кручину, либо радость свои раздѣлить, а жена молодая и утѣшитъ, и успокоитъ и душу съ ней отведешь. Безпремѣнно женись, касатикъ.

— А вѣдь и впрямь жениться,—рѣшилъ какъ-то внезапно князь—права старуха. Одичалъ я... Черныя мысли одолѣли... Безпремѣнно мнѣ надо веселую, радостную, молодую жену въ домъ взять... Чтобы мои черныя мысли своимъ веселымъ щебетаньемъ разогнала, чтобы пожалѣла, приголубила меня. Только на комъ жениться-то?—Размышлялъ князь угрюмо.

И тогда-же выплылъ словно изъ тумана передъ нимъ нѣжный красивый обликъ юной боярышни Головиной, вырученной имъ въ тотъ памятный день бунта изъ бѣды съ подругой.

Живая, смѣлая, хорошенькая дѣвушка сразу приглянулась князю. Прекрасная съ золотымъ отливомъ головка

и бойкіе смѣлые глаза Сани не выходили изъ памяти князя Рубецъ-Масальскаго. И тутъ-же рѣшилъ не молодой, жестокій и изъ себя безобразный князь, что никто кромѣ Санюшки Головиной женою его не будетъ.

Вскорѣ поѣхалъ къ Головинымъ князь Рубецъ-Масальскій. Повезъ съ собою царскую милость,—боярина Василія Петровича назначилъ царь, по совѣту его же, Рубецъ-Масальскаго, своимъ царскимъ казначеемъ. Милость великая по тому времени. Только испытанныхъ въ честности знатныхъ бояръ назначали блюсти казну царскую. А Головинъ особенной знатностью рода и не отличался.

Рубецъ-Масальскій не позабылъ тутъ же подчеркнуть своей услуги боярину: и о спасеніи дочери, и ходатайство передъ царемъ.

Василій Петровичъ поблагодарилъ за то князя, но отъ дружбы съ нимъ воздержался.

Про участіе Рубецъ-Масальскаго въ убійствѣ Годуновыхъ зналъ всякій, и честный, благородный Головинъ не могъ радоваться знакомству съ ихъ главнымъ убійцею.

Но все же не могъ онъ не принимать спасителя своей дочери, и хитрый, лукавый Масальскій повадился съ той поры ѣздить въ домъ Головиныхъ, стараясь, какъ можно чаще, встрѣчать тамъ боярышню Саню и всячески расположить ее въ свою пользу . . . . . .

. . . . . .

Тихо безшумно сидѣли гости за крытымъ столомъ въ просторной горницѣ князя Шуйскаго. Челядь была распущена княземъ со строгимъ приказаніемъ ложиться спать. Ставни плотно приперты... Самъ князь Василій Ивановичъ прислуживалъ гостямъ вмѣстѣ съ братьями Дмитріемъ и Иваномъ. Самъ разносилъ кувшины съ дорогимъ фряжскимъ виномъ, мальвазеей и романеей, ковши съ медомъ и брагою. Гостей собралось много. Были здѣсь, помимо двухъ братьевъ хозяина, и князья Василій и Андрей Голицыны и князь

Куракинъ, торговый человѣкъ Ѳедоръ Каневъ, кое-кто изъ стрѣлецкихъ сотниковъ и многіе другіе.

Когда лица гостей достаточно раскраснѣлись отъ фряжскихъ винъ и мальвазіи, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, пощипывая свою рѣдкую бородку и прищуривая свои всегда слезящіеся, обведенные красными каемками глаза, поднялся съ мѣста.

— Гости дорогіе,—произнесъ князь негромкимъ голосомъ,—хотѣлъ я давно поговорить съ вами, да несвоевременно было это. Не пришелъ часъ. А нынѣ пришелъ, стукнулъ. Хотѣлъ спросить васъ, бояре, кого мы пустили на царскій престолъ, православные? Кому служимъ? Двѣ недѣли сидитъ царь новый на престолѣ московскомъ, а ужъ ропотъ, недовольство слышны кругомъ... И не понапраслину ропотъ, православные! Не зря волнуется народъ. Не настоящій сынъ Іоанновъ на престолѣ. Ужъ двѣ недѣли царитъ Дмитрій, а еще и не помыслилъ послать за матерью своею инокинею Маѳоой въ Выксинскую обитель. Сынъ царствуетъ, а мать въ заточеніи, дѣло ли это?

— Не дѣло! Не дѣло!—послышались негромкіе голоса.

Шуйскій обвелъ собраніе довольными глазами, подбодрился и продолжалъ, по своему обыкновенію пощипывая бородку.

— Не даромъ это, православные... Боится Дмитрій, чтобы не уличила его царица при первомъ же свиданіи. Не выказала обманщикомъ и лгуномъ передъ всѣмъ народомъ, потому что не царь онъ... Настоящій московскій царь всея Россіи не будетъ пренебрегать обычаями предковъ... не станетъ окружать себя еретиками... Самые ближніе къ Дмитрію люди — ляхи... Онъ и жениться задумаетъ на ляшкѣ, не переводя ее въ православіе... Слыхали, чай, еженедѣльно шлетъ гонцовъ въ Литву, торопитъ невѣсту съ пріѣздомъ... Точно и самъ не русскій онъ... И то не русскій: въ банѣ не парится, не спитъ послѣ обѣда, ѣстъ *) телятину не чистую...

*) Ѣсть телятину считалось непозволительнымъ у нашихъ предковъ.

— Вѣрно, вѣрно!—подхватили сочувствующіе голоса.

— И слыхалъ я еще, — продолжалъ Шуйскій таинственно,—что будто нѣкіе монахи изъ Чудова монастыря признали въ немъ бѣглаго инока ихняго Гришку Отрепьева. А коли Гришка онъ и Самозванецъ, то не дѣло ему Русью править. Такъ-ли я говорю?

— Такъ, такъ, дѣло говоришь, княже!—заговорили, зашумѣли гости.

За громкимъ взволнованнымъ говоромъ не разслышали собравшіеся бряцаніе нѣсколькихъ десятковъ подковъ конскихъ, раздавшихся на улицѣ въ это время. Не слышали, какъ спѣшились подъѣхавшіе всадники по приказанію князя Рубецъ-Масальскаго и вошли на крыльцо... Нѣсколько человѣкъ челядинцевъ Шуйскаго, услыша шорохъ, выглянули было въ сѣни, но тутъ съ быстротою молніи стрѣльцы Масальскаго похватали ихъ и, скрутивъ по рукамъ и ногамъ, заклепали имъ тряпками рты и сложили въ темномъ углу сѣней, какъ безжизненныя деревянныя колоды. Затѣмъ князь и его приспѣшники заняли мѣсто за дверьми въ пріемную горницу, гдѣ собрались заговорщики и ждали внимательно, прислушиваясь къ тому, что дѣлалось тамъ.

Не подозрѣвая близости опасности, Шуйскій снова заговорилъ еще убѣдительнѣе, еще горячѣе...

— Кабы былъ онъ настоящій царь, а не Гришка Отрепьевъ, бѣглый монахъ, самозванецъ, то не допускалъ бы ляхамъ-нечестивцамъ ругаться надъ святынями россійскими. Самъ видалъ, какъ поганые ляхи входили въ храмы съ накрытыми головами, какъ опирались на иконы нечестивой спиною во время православнаго богослуженія... Слыхалъ, какъ похвалялись они, что приведетъ Дмитрій всю Русь въ еретическую вѣру. Не даромъ выписалъ онъ іезуитовъ Савицкаго да Свѣжинскаго на Москву... Допустимъ-ли до этого православные?

Ропотъ поднялся въ горницѣ... Послышались крики, шумъ, угрозы...

— Не допустимъ! Не дозволимъ посрамить святую православную вѣру! Сведемъ еретика! Веди насъ княже... Хоть нонѣ же ослободимъ Русь отъ вора, злодѣя! Долой самозванца!

Крики, угрозы, ропотъ росли ежеминутно. Уже князь Шуйскій самъ невольно раскаялся теперь, что такъ несвоевременно разжегъ страсти заговорщиковъ.

— Православные! — задребезжалъ снова его старческій голосъ. — Успокойтесь! Сведемъ Дмитрія не сейчасъ, потому какъ еще крѣпко держитъ сторону обманщика народъ московскій. Милостивъ къ нему мнимый Дмитрій. А за милости и за ласку чернь готова признать въ немъ истиннаго сына Іоаннова. Пускай же раньше образумится чернь. Разошлемъ мы нашихъ послуховъ въ народъ: пусть исподволь, помаленьку, откроютъ они очи людишкамъ, кто царствуетъ надъ ними... Пущай скажутъ имъ, что хотятъ ихъ всѣхъ перевести въ ляшскую вѣру. Да не сразу пущай орудуютъ. Мѣсяца два-три понадобится на это. А передъ новымъ годомъ *) въ послѣднихъ числахъ августа, всего лучше въ день Варѳоломея и Тита ударимъ въ набатъ. Такъ молъ и такъ: рѣжутъ, грабятъ православныхъ проклятые ляхи... Съ этого и начнемъ. А какъ еретикъ Гришка за нихъ вступаться зачнетъ, то...

Шуйскій не договорилъ. Его подслѣповатые красные глаза досказали то, что языкъ не рѣшался вымолвить.

Возгласы одобренія послышались отовсюду.

Рѣшено было на 25-е августа прикончить съ Дмитріемъ. Гости допили кубки и стали расходиться по домамъ. Прощаясь со всѣми, Шуйскій говорилъ:

— Попуталъ меня лукавый въ ту пору, какъ далъ я свидѣтельство съ лобнаго мѣста тогда передъ народомъ за Дмитрія. Мыслилъ я: не любитъ Годуновыхъ народъ. Ѳедоръ юнъ и неопытенъ, царица Марья—злая царица, добра не

*) Тогда начало новаго года было 1-го сентября. Только Петръ Великій перенесъ его на 1-е января.

будетъ отъ ихъ царствованія, а тутъ хоть и идетъ самозванецъ, да коли онъ смѣлый, удалой да милостивый, для чего бы ему не править Русью? И далъ я за него тогда крестное цѣлованіе. Грѣхъ мой. Думалъ, выйдетъ сподручнѣе, анъ что выходитъ! Во сто разовъ хуже.

— Ничего не хуже, князь! Лучше будетъ... Сведемъ Дмитрія, то бишь Гришку, съ престола, выберемъ добраго царя,—произнесъ князь Куракинъ, поглаживая свою русую бороду.

— И впрямь добраго выберемъ!—подтвердили братья Голицыны въ одинъ голосъ.

Гости разошлись, безшумно крадучись по темнымъ сѣнямъ, мимо затихшихъ у дверей стрѣльцовъ и приведшаго ихъ сюда князя Масальскаго.

Три брата Шуйскіе остались одни.

— Ушли, — произнесъ Василій Ивановичъ, — теперь начнутъ работу... И милостію Господнею по осени у насъ будетъ новый царь—выборный отъ всего народа, отъ всего синклита боярскаго...

— Знаю я этого царя!—произнесъ младшій изъ троихъ братьевъ, Иванъ.

— Кто же онъ?—метнувъ въ его сторону злобнымъ взоромъ, произнесъ честолюбивый князь Дмитрій Шуйскій, которому не давали покоя его тщеславныя мечты. Видя, какъ легко достается престолъ Московскій то боярину Годунову, потомку татарскаго мурзы, то бѣглому монаху, князь Дмитрій Шуйскій, происходившій родомъ отъ Рюрика, самъ питалъ въ тайнѣ надежду увидѣть шапку Мономаха на своей гордой головѣ.

Но младшій братъ думалъ иначе. Князь Иванъ преклонялся передъ умомъ и способностями старшаго брата, Василія.

И оглядывая его радостнымъ взоромъ, онъ произнесъ съ увѣренностью:

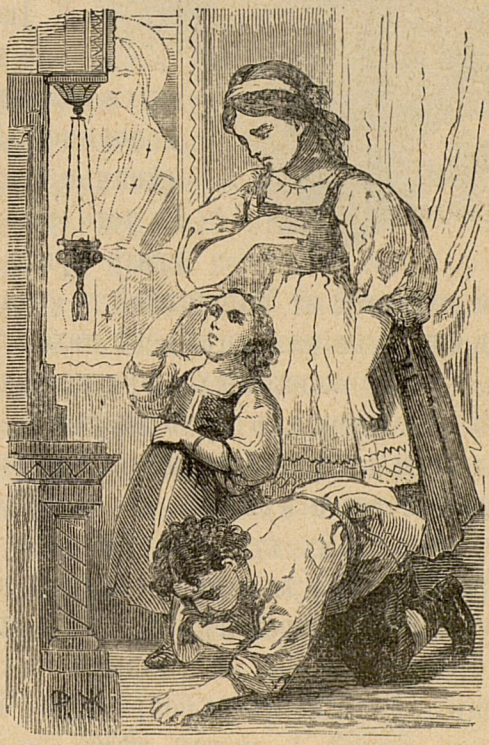
— Братъ Василій былъ бы добрымъ царемъ на Руси православной... Народъ довѣрился-бы ему...

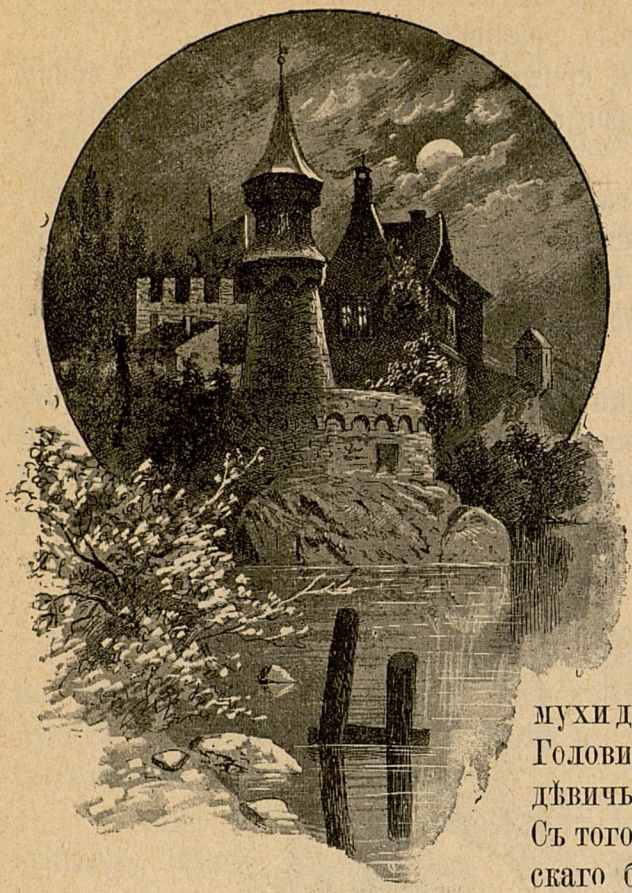
И вдругъ тихій крикъ вырвался изъ груди его. Словно изъ подъ земли выросла передъ Шуйскими рослая фигура рыжаго боярина.

— Рано присягать новому царю зачалъ, княже!—прозвучалъ насмѣшливый голосъ Рубца-Масальскаго и, высунувшись за дверь, онъ громко крикнулъ:

— Гей, стрѣльцы! Сюда! Схватить и перевязать измѣнниковъ!

Въ двѣ, три минуты совершенно опѣшившихъ отъ неожиданности Шуйскихъ перекрутили веревками, вытащили изъ горницы и, вскинувъ на стрѣлецкихъ коней, повезли въ тюрьму.





ГЛАВА IX.

Нежданный женихъ.—Отказъ.—Новый врагъ.

Е Іюльская жара, не назойливыя мухи докучаютъ Санюшкѣ Головиной. Мысли, мечты дѣвичьи докучаютъ Санѣ... Съ того самаго дня московскаго бунта, какъ случилось съ Саней и подругой ея Машенькой то странное и неожиданное происшествіе, не находитъ себѣ покоя боярышня. Не можетъ забыть Саня диковинныхъ предсказаній юродиваго. Княжнѣ Марьѣ онъ посулилъ быть царицею, и имъ обѣимъ монашескій клобукъ къ концѣ концовъ. О монашескомъ клобукѣ Саня меньше всего думаетъ. Любо и хорошо ей живется подъ родительскимъ кровомъ. Батюшка съ матушкой, да съ братцемъ Семой ее любятъ и балуютъ всячески, няня Степановна пуще глаза бережетъ, дѣвушки-сѣнныя, ея подруги и сверстницы, въ очи ей глядятъ, такъ и мыслятъ, чѣмъ-бы потѣшить ихъ любимую боярышню. Чѣмъ не жизнь, казалось-бы, для Сани? А между тѣмъ, подолгу задумы-

вается дѣвушка... Все ниже и ниже, подъ напоромъ думъ, наклоняется ея золотая головка.

— Что за странное предсказаніе? Съ чего взялъ блаженный старикъ? Машенька—царица... Клобукъ иноческій обѣимъ... Что за притча? Да какъ же царица, когда то и дѣло шлются съ богатыми дарами въ Литву послы къ невѣстѣ царской Маринѣ Юрьевнѣ?.. Она и будетъ царицей. Причемъ тутъ Машенька Буйносова?

Не утерпѣла Саня и въ тотъ же вечеръ разсказала все нянѣ Степановнѣ. Та заохала, запричитала и тутъ-же порѣшила со своей любимицей, свезти ее съ княжной Марьей тайкомъ ото всѣхъ къ бабкѣ-вѣдуньѣ Назарихѣ, что живетъ въ Нѣмецкой слободѣ.

На томъ и успокоились. Но не можетъ терпѣливо дождаться Санюшка нянинаго обѣщанія—все время о немъ думаетъ. Думаетъ еще кой чемъ боярышня. Повадился къ нимъ ѣздить съ недавнихъ поръ князь Рубецъ-Масальскій. Не нравится Санѣ князь. Смѣется она тайкомъ надъ нимъ съ Феней и другими дѣвушками. Прозвали князя про себя дѣвушки рыжимъ козломъ и потѣшаются надъ нимъ. А князь, не подозрѣвая ничего, все ѣздитъ да ѣздитъ. Бояринъ Головинъ долженъ поневолѣ принимать гостя. Дважды обязанъ онъ князю. И дочкѣ велитъ съ нимъ обходиться поучтивѣе и боярышня Александра Васильевна покорно и почтительно встрѣчаетъ князя, не смѣя выйти изъ воли родительской, исполняетъ «поцѣлуйный обрядъ» *), учтиво отвѣчаетъ на его вопросы своимъ смѣлымъ серебристымъ голосомъ, не чинно потупившись, какъ того требовалъ обычай, а смотря прямо въ глаза князю своими бойкими, искрящимися дѣтски-веселыми глазками. Но лишь только затихали въ отдаленіи подковы княжей лошади, бѣжала Саня къ себѣ въ свѣтлицу, сзывала дѣвушекъ и, помирая со смѣху,

*) Почетныхъ гостей въ тѣ времена встрѣчали жены или дочери боярскія, поднося гостю кубокъ съ виномъ. Гость выпивалъ кубокъ и обмѣнивался троекратнымъ поцѣлуемъ съ хозяйкою, это называлось поцѣлуйнымъ обрядомъ.

представляла, какъ ходитъ князь, какъ говоритъ, какъ кланяется.

Не знала Саня, что передъ нею былъ страшный убійца Ѳедора царя, а то-бы нѣчто большее, нежели простую непріязнь почувствовала къ Рубецъ-Масальскому дѣвушка.

Ярко, горячо свѣтитъ Іюльское солнышко, зеленые кузнечики стрекочатъ въ травѣ. Небо раскинулось роскошнымъ голубымъ шатромъ надъ землею... Молочно-бѣлыя облочка, словно снѣжные хлопья плывутъ по небу. Вездѣ и всюду разбросаны красивыя яркія краски волшебника-лѣта, зелень, ароматъ жасмина и начинающихъ поспѣвать свѣжихъ ягодъ. А Санюшкѣ скучно. Какое то непріятное чувство закралось въ сердце и сжимаетъ грудь.—Не къ добру это! думаетъ Саня,—чтой-то со мною? Николи такого не бывало. Позвать развѣ дѣвушекъ поиграть въ горѣлки. Авось, думки развѣются, безпричинная тоска поутихнетъ...

— Феня! Феня!—пошли сюда дѣвушекъ, будемъ въ горѣлки играть, закричала на весь садъ боярышня. Но вмѣсто веселой бойкой чернобровой Фени, на крыльцо вошла старая Степановна и быстро-быстро зашагала, чуть не бѣгомъ по садовой дорожкѣ.

— Санюшка, кричала она еще издали: Боярышня моя золотая! Кралюшка моя писаная! Бѣги домой скорѣича! Матушка за тобой въ свѣтлицу присылала, поспѣшай боярышня. Гость у батюшки... Тебя зовутъ въ горницу...

— Какой гость? Не видала няня? такъ и встрепенулась боярышня.

— Не видала. Не вѣдую. Бѣги скорѣича, сама узнаешь. Ишь куда забралась, проказница, въ самую чащу... Ищи вѣтра въ полѣ... А батюшка еще велѣлъ тебѣ принарядиться, сударыня, успѣешь-ли?

— Ладно, не ворчи, Степановна. Вели подать лѣтникъ мой, тотъ, что по глазетовому полю, голубыми цвѣтиками... Да изъ бурмицкихъ зеренъ ожерелье вели дать!.. быстро скороговоркой распорядилась Саня.

На полѣ битвы.

— Ладно будетъ тебѣ и лѣтникъ и ожерелье, затѣйница, знай, поспѣшай только.—Заворчала старуха, едва успѣвая плестись за своей быстроногой любимицей.

— Что за гость такой диковинный пожаловалъ, что меня зовутъ, — недоумѣвала Санюшка, стоя, принарядившаяся и запыхавшаяся, передъ запертой дверью пріемной горницы, потомъ десять минутъ спустя, рѣшительно перешагнула порогъ и вошла: чинно съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояла серебрянная чарка, до краевъ наполненная сладкимъ медомъ, тихими шагами, потупившись, переступила порогъ боярышня Александра Васильевна. Но не долго смиренный и дѣланно-робкій видъ оставался на лицѣ Сани. Быстро вскинула она глазами на находившагося въ горницѣ съ отцомъ гостя и вдругъ вся заалѣла отъ досады. Легкая гримаска скользнула по ея губамъ.

— Рыжій козелъ! а я чаяла, гость взаправдошный, произнесла она мысленно въ сердцахъ.

Передъ нею былъ никто иной, какъ князь Рубецъ-Масальскій.

Василій Петровичъ Головинъ, пріятный на видъ, съ сѣдою кудрявившейся бородкой, пожилой человѣкъ съ такими-же лучистыми, какъ у дочери глазами, всталъ съ лавки и, низко кланяясь, произнесъ:

— Не обезсудь, княже, откушай медца изъ рукъ молодой хозяюшки...

— Спасибо на угощеньѣ, бояринъ. Отчего не выпить— выпью! отвѣчалъ князь. Потомъ, поглаживая свои щетинистые усы, торчавшіе у него въ разныя стороны, пріосанился и подошелъ къ Санѣ. Взявъ тяжелую стопку изъ ея рукъ, онъ поклонился дѣвушкѣ.

— За твое здравіе пью, красавица! проговорилъ онъ, не спуская любующагося взора съ красиваго, алѣвшаго передъ нимъ личика и духомъ осушилъ чашу. Потомъ обтеръ рукавомъ усы и бороду и коснулся губами нѣжной щечки дѣвушки.

— У-у! козелъ рыжій! произнесла Санюшка мысленно, ненавидящая почему-то въ этотъ мигъ особенно сильно рыжаго князя—и усы, какъ у таракана! Ишь какъ колются! Но обычай хозяйки требовалъ, что-бы она отвѣтила какой-нибудь любезностью и, скрѣпя сердце, Саня пожелала князю добраго здоровья на долгія лѣта. Исполнивъ эту скучную необходимость, дѣвушка быстро повернула къ двери, желая уйти поскорѣе.

— Стой, дочка... Посиди съ нами! Нужно мнѣ потолковать съ тобою при гостѣ...—Послышался за ея спиною голосъ отца.

Саня остановилась въ недоумѣніи. Не было въ обычаяхъ того времени, чтобы дѣвушки сидѣли съ гостями да еще толковали о чемъ-то при чужихъ съ родителями. Имъ, замкнутымъ у себя въ свѣтличкѣ, рѣдко-рѣдко, и выходить-то приходилось къ гостямъ.

Повинуясь странному требованію, Саня подошла къ отцу и чинно сѣла подлѣ него на лавку, не выпуская подноса съ опорожненной чашей изъ рукъ.

— Что прикажешь, батюшка, слушаю!—покорно прошептала дѣвушка.

— Слушай и то, Александрушка. Слушай внимательно—торжественно произнесъ Василій Петровичъ, и любовно погладилъ рыжеватую головку своей «озорницы», какъ называлъ онъ любимую дочку. И, помолчавъ немного, произнесъ

— Князь—бояринъ Василій Григоріевичъ, дѣлаетъ намъ честь дочка, — желаетъ къ намъ сватовъ заслать. Приглянулась ты князю, Санюшка — проситъ тебя въ жены. Вотъ я и позвалъ тебя объявить тебѣ про эту честь, доченька...

Едва только успѣлъ произнести первыя слова бояринъ, какъ что-то странное произошло съ Саней. Вся съ головы до ногъ задрожала боярышня. Гнѣвными искорками загорѣлись ея обычно лучистые глаза. Серебрянная стопка выскользнула изъ рукъ вмѣстѣ съ подносомъ и со звономъ покатилась по полу.

Вся бѣлая, какъ скатерть крывшая столы, повернулась къ отцу Саня:

— Чтой-то? Аль смѣешься ты надо мною, батюшка?— прозвенѣлъ на всю горницу дрожащій дѣвичій голосокъ.

Рубецъ-Масальскій такъ и подпрыгнулъ съ мѣста.

— Одначе, бояринъ!—произнесъ онъ ехидно—и распустилъ же ты дѣвку! Чего добраго перечить начнетъ волѣ родительской. Такого у насъ въ Москвѣ нѣтъ обычая, чтобы дѣвицы разговаривали. А охоты нѣтъ повиноваться, такъ за косы и подъ вѣнецъ силкомъ стащутъ.

И князь Масальскій злобно сверкнулъ глазами въ сторону Сани.

Но та не смутилась, хоть до самаго сердца прошелъ ей волчій, хищный взоръ князя.

Гордо поднялась юная дѣвичья головка.

— Ой-ли? Неужто-жь есть у васъ на Москвѣ такіе обычаи, княже?— произнесъ снова звонкій голосокъ.—У насъ, въ лѣсахъ Новгородскихъ—иные... У насъ батюшка съ матушкой не неволятъ дѣвушку и коли не любъ, противенъ ей женихъ старый, толстый, рыжій, съ усами щетиною, съ ликомъ отвратнымъ...

— Остановись, боярышня!—загремѣлъ на всю горницу голосъ побагровѣвшаго отъ гнѣва князя—молода больно, чтобы смѣяться надъ почтенными, знатнорожденными князьями. Челомъ ты мнѣ бить до земли должна, что не пренебрегъ я, высокородный князь, бояринъ, дворецкій царевъ, тобою, дочерью недавняго окольничаго... Отецъ твой лишь милостями государя, по моему рабскому прошенію, возвеличенъ нонѣ, а то бы оставаться ему до самой смерти незнатнымъ, въ тѣни...

Еще что-то хотѣлъ прибавить князь, но не могъ, задохнулся отъ гнѣва, осѣкся... Вмѣсто него заговорилъ теперь за живое задѣтый бояринъ Головинъ. Природная гордость вспыхнула въ боярынѣ. Высокомѣрный, кичливый не въ мѣру князь оскорбилъ весь ихъ Головинскій родъ, назвавъ его дочурку худородною боярышней. А униженіе

рода считалось худшимъ изъ оскорбленій у московскихъ бояръ. И весь блѣдный, съ трясущейся челюстью, обратился Василій Петровичъ къ гостю:

— Напрасно оскорбляешь-порочишь насъ, бояринъ. Родъ Головиныхъ не столь старъ, какъ вашъ княжій родъ Масальскихъ, вѣстимо, да не въ томъ дѣло. Честно и вѣрно служили своимъ государямъ Головины... Не измѣняли присягѣ, не поднимали рукъ на вѣнценосныя головы... Далеки были отъ нарушенія присяги государевой, не то что цареубійства...

Помимо воли сорвалось послѣднее слово съ устъ царскаго казначея. Такъ далеко онъ не хотѣлъ зайти. Правда, вся кровь бросилась ему въ лицо, какъ полчаса тому назадъ пріѣхалъ къ нему этотъ завѣдомый измѣнникъ и цареубійца сватать его любимицу-дочку, но удержался, помня, что лучше всего самой Санюшкѣ показать князю, насколько несуразно его сватовство. Противъ дѣвичьяго чувства не можетъ воевать князь. А что Санѣ не любъ Масальскій, отецъ зналъ хорошо. И тогда же онъ отвѣтилъ князю:

— Одно у меня сокровище въ мірѣ—дочь, княже... Выросла она далече отъ Москвы, самъ ты вѣдаешь, вольной пташкой. На нашихъ тихихъ теремныхъ затворницъ не похожа... Кровь у нее въ меня, горячая... Неволить ее за мужъ идти тоже, что и толкать въ могилу... Позовемъ ее лучше и спросимъ, любъ-ли ты ей, княже, и коли любъ, отдамъ ее за тебя...

Князь Масальскій обрадовался такому предложенію. Онъ считалъ свое сватовство особенною честью для худородной дворянки и ждалъ прихода Сани, увѣренный заранѣе въ успѣхѣ. И вдругъ...

Не помня себя, поднялся во весь свой огромный ростъ рыжій князь. Глаза его дико горѣли. Багровое лицо съ надувшимися отъ гнѣва жилами исказилось, въ конецъ потерявъ весь свой человѣческій обликъ...

— Васька Головинъ, — заоралъ онъ на всю горницу

страшнымъ голосомъ.—Забылся передо мною!.. Забылъ мои услуги... Забылъ кто я?

— Нѣтъ, не забылъ, княже! отвѣчалъ Головинъ спокойно...—Какъ же забыть бояринъ! Какъ же не знать кто ты! Знаю тебя, не сумлѣвайся Василій Михайловичъ: ты первый измѣнникъ, первый нарушитель присяги и смутьянъ. Ты убійца покойнаго Ѳедора—царя и... Не договорилъ бояринъ.

Громкій отчаянный крикъ пронесся по горницѣ.

Это Саня, услышавъ страшную новость, дико вскрикнула и безъ чувствъ грохнулась на полъ.

— Воды! Гей воды! — Люди! Челядь! — заметался по горницы растерявшійся бояринъ Головинъ.

И выбѣжалъ въ сосѣднюю свѣтлицу, зовя на помощь. Князь Масальскій мигомъ очутился подлѣ распростертой на полу дѣвушки. Схватилъ ея безчувственную ручку своей огромной ручищей, онъ низко наклонился надъ блѣднымъ лицомъ обмершей боярышни и прошипѣлъ злорадно:

— Отвратенъ ликомъ, говоришь, старъ годами, нелюбъ тебѣ я, дѣвушка! Ладно-же, коли такъ! А все же не сдобровать тебѣ, пригожая Александра Васильевна и коли не хочешь по своей охотѣ идти подъ вѣнецъ со мною, такъ окручу тебя силой, и это также вѣрно, какъ зовутъ меня княземъ Рубецъ-Масальскимъ!

Когда на смертъ испуганный бояринъ Головинъ вбѣжалъ снова въ горницу, въ сопровожденіи жены, няни Степановны, толпы сѣнныхъ дѣвушекъ и холопей, отъ князя Масальскаго и слѣдъ простылъ.

Бережно подняли они Саню и отнесли въ свѣтлицу.

Тамъ ее привели въ чувство, покропивъ святой водицей, раздѣли, уложили въ постель.

Дѣвушка отошла постепенно. Отпила воды и стала успокаивать родителей, говоря, что все миновало, что ей теперь совсѣмъ хорошо и вскорѣ уснула крѣпкимъ и здоровымъ сномъ юности, отъ котораго проходятъ лучше всего всѣ недуги и болѣзни.

ГЛАВА X.

Совье гнѣздо. — Предсказательница.—Похищеніе.

ПРОШЛО три дня послѣ злосчастнаго сватовства князя. Саня Головина какъ-то притихла и словно возмужала за это недолгое время... Не разъ задумывалась она, подолгу сидя на одномъ мѣстѣ, сосредоточенная, унылая.

— Кого принимали за почетнаго гостя — убійцу покойнаго мученика царя Ѳедора!—восклицала она не разъ, оставаясь наединѣ съ няней Степановной, которую знала и любила больше своей матери-боярыни, болѣзненной, слабой женщины, цѣлые дни горевавшей о своихъ новгородскихъ трущобахъ и проводившей время съ разными странницами да богомолками.

— И-и! молчи, дитятко! Не нажить бы бѣды. Ѳедоръ Годуновъ врагъ нынѣшнему государю былъ...—тихо останавливала ее предусмотрительная Степановна.

— Да какой же онъ государь, няня! вонъ Сема сказывалъ: женится на ляшкѣ; ѣстъ поганую телятину, въ банѣ не парится. Нѣшто это...

— Молчи! молчи! Не нашего ума это дѣло! И такъ гроза собирается... Думаешь, проститъ князь посрамленье твоему батюшкѣ!.. Оговоритъ его еще передъ царемъ...

— Оговоритъ? — въ ужасѣ, вся поблѣднѣвъ, прошептала Саня.

— Да пользы-то мало... Пусть оговариваетъ... Я такой наговорный корешокъ достала у Назарьихи, что всѣ наговоры вокругъ нашего боярина, какъ туманъ разсѣются... Не говорила я тебѣ, Санюшка, чтобы ты не проболталась до времени, а вѣдь намедни, какъ обмерла ты, сбѣгала я въ Нѣмецкую Слободу, къ Назарьихѣ... Просила ее назначить время для насъ..., чтобы попытать намъ отъ нее будущее...

— Ну и что-же, когда пообѣщалась Назарьиха?—встрепенулась Саня.

— Тише ты, озорница... Не шуми... Услышитъ еще кто, донесетъ батюшкѣ съ матушкой и попадетъ тогда старухѣ Степановнѣ, какъ въ тотъ разъ съ богомольемъ попало за то, что не уберегла васъ съ княжною... А къ Назарьихѣ мы отправимся нынче же, какъ потемнѣетъ. Вишь, Іюль на дворѣ, вечера въ Іюлѣ мглистые... Никто и не примѣтитъ насъ.

— Нынче? Говоришь ты, нынче, нянюшка? А Машенькѣ Ростовской дала знать?—заволновалась Саня.

— Дадено знать княжнѣ. Духомъ туда слетала Фенька. Только тебѣ я объ этомъ говорить не наказывала раньше времени. Болтушка вѣдь ты у меня, непосѣда... Разомъ выболтаешь... Скоро пріѣдетъ княжна... тайкомъ изъ дома урвется... Чай въ такую позднюю пору не пустятъ ее... А какъ стемнѣетъ, мы и отравимся всѣ трое къ Назарьихѣ.

— Ахъ, ты милая моя нянюшка! Ахъ ты, голубушка моя! Какъ все хорошо надумала! И Саня повисла на шеѣ своей пѣстуньи, едва не сбивъ ее съ ногъ. Не знала она, что старую Степановну, еще больше чѣмъ ея питомицу безпокоило предсказаніе юродиваго, что день и ночь не выходило оно изъ головы старухи. Странныя вещи говорилъ блаженный и онѣ не давали спать нянѣ, обожавшей свою боярышню. Не клобукъ иноческій, а вѣнецъ свадебный съ молодымъ, знатнымъ красавцемъ бояриномъ долженъ былъ ожидать ея любимицу—увѣряла себя старуха. А юродивый о какомъ-то клобукѣ иноческомъ говорилъ... Надо было все это извѣдать у ворожеи безпремѣнно.

И няня Степановна рѣшила «извѣдать», не глядя ни на что.

Былъ поздній Іюльскій вечеръ, когда три тѣни метнулись съ быстротою молніи изъ за воротъ Головинскаго дома и, спустившись берегомъ рѣки Неглинной, пустились въ путь по направленію къ Нѣмецкой Слободѣ. На нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали за ними три огромнаго роста молодца изъ дворовой челяди боярской. Няня Степановна щедро отъ имени боярышни наградила холопей, уговоривъ ихъ проводить ее съ дѣвушками до Нѣмецкой Слободы. Рослые челядинцы вызвались охотно сопутствовать ихъ любимой молоденькой госпожѣ Александрѣ Васильевнѣ.

Няня же Степановна придумала одѣть своихъ красавицъ въ простые лѣтники и шугаи сѣнныхъ дѣвушекъ, что бы богатыми повязками и сарафанами не привлечь взоровъ воровъ и ночныхъ татей, которыхъ въ ту пору на Москвѣ бродило великое множество.

Дѣйствительно, въ скромныхъ мѣщанскихъ повязкахъ, накрытыя чуть не до самыхъ глазъ большими платками, боярышня Саня и княжна Маша Буйносова-Ростовская выглядѣли совсѣмъ иначе.

Ночь стояла теплая, благовонная. Отъ рѣки Неглинной несло легкой прохладцей... Небо вызвѣздило, но мѣсяцъ то и дѣло, будто стыдясь чего-то, прятался въ тучахъ и оттого ночная тьма гуще крыла сонную землю. Фонарь подъ полою Степановны скупо освѣщалъ дорогу.

Шли довольно долго. Москва спала и непробудная тьма царила кругомъ. Но вотъ въ отдаленіи замелькалъ огонекъ въ одной изъ избъ Нѣмецкой слободки.

Остальныя окна были погружены въ мракъ, какъ-бы свидѣтельствуя о томъ, что обитатели ихъ—слобожане давно спали.

— Ждетъ насъ Назарьиха. Ишь окно свѣтится—шопотомъ произнесла Степановна и въ сопровожденіи обѣихъ дѣвушекъ устремилась къ освѣщенной избушкѣ. Три холопа по-

слѣдовали за ними. У крошечной избушки-землянки Степановна остановилась.

— Вы, ребятки, отойдите отъ избы, покамѣстъ мы справимся... А то, чего добраго, помѣшаете ворожеѣ, а какъ кончимъ мы, такъ я васъ и кликну. Вы и йда къ намъ,—негромко приказала челядинцамъ няня.

— Слушаемъ, Домна Степановна, не изволь сомнѣваться... Издалеча покараулимъ боярышень,—отвѣчалъ за всѣхъ Федюшка, расторопный боярскій конюшій.

И всѣ трое отошли въ сторону къ самому берегу, тихо плескавшей въ ночной темнотѣ рѣки...

— Жутко мнѣ, Санюшка,—шептала, вступая въ маленькія сѣнцы—землянки княжна Марья.—Инда сердце такъ и бьется, такъ и замираетъ...

— Вотъ выдумала то! беззвучно засмѣялась Саня—чего бояться?.. Няня съ нами, а не вдалекѣ холопы... Входи безъ страха, милая!

— Отчаянная она какая-то! подумала не безъ зависти княжна—ничего-то не боится...

Вотъ уже около года дружитъ княжна Маша съ недавно пріѣхавшей боярышней Головиной (стольникъ Головинъ, бывавшій у Буйносовыхъ въ домѣ, ихъ познакомилъ), а не можетъ до сихъ поръ надивиться недѣвьему складу характера молоденькой Александры Васильевны.

— Казакомъ-бы ей родиться, запорожцемъ, а не дѣвицей красной!—не разъ думается княжнѣ.

Вотъ и сейчасъ входитъ она безстрашно первая въ избу ворожеи, а вѣдь знаетъ сама, что хозяйка избы этой со всякой чертовщиной знается... Нечисто ея жилище... Всякій крещеный боится его... Набожная Машенька вздрагиваетъ при одной мысли объ этомъ и тихонько творитъ крестное знаменіе.

Тихо скрипя на ржавыхъ петляхъ, открывается дверь... Всѣ три женщины перешагнули порогъ ея и вошли въ горницу.

Передъ ними скупо освѣщенная нагорѣвшей лучиной свѣтелка... По стѣнамъ лавки, грязныя, закоптѣлыя. Въ углу печурка, на печуркѣ сидитъ большая черная кошка, а на лавкѣ, прикрытой какою-то ветошью, лежитъ старуха.

— Здравствуй Назарьевна! Гости къ тебѣ. Принимай, матушка!—несовсѣмъ твердымъ голосомъ произнесла няня Степановна, зоркими глазами окидывая горницу...

Въ тотъ-же мигъ, съ соломенной подстилки, съ лавки поднялась сѣдая, всклокоченная голова. Бѣлыя, трепаныя космы обрамляли коричневое, словно печеное яблоко сморщенное лицо древней старухи. Старуха казалась очень дряхлой, о чемъ свидѣтельствовали безчисленныя морщины на ея лицѣ, худыя, высохшія отъ времени руки и грудь, едва прикрытая какими-то лохмотьями и согнутая чуть не пополамъ фигура. Одни глаза старухи, черные, какъ угольки, и безпокойно бѣгающія, подъ сѣдыми нависшими бровями, говорили о томъ, что жизнь еще далеко не покинула это старческое тѣло и что мысль въ этой сѣдой всклокоченной головѣ горитъ и работаетъ неутомимо.

— Вотъ привела къ тебѣ боярышень,—произнесла еще менѣе твердымъ голосомъ Степановна, видимо, робѣя, подъ острымъ, пронзительнымъ взоромъ старухи. — Пришли попытать судьбу!—И говоря это няня порылась въ карманѣ, вынула оттуда платокъ съ завязаннымъ угломъ, развязала узелъ и, доставъ оттуда новенькій червонецъ, положила его на коричневую ладонь Назарьихи.—Вѣдунья взглянула на червонецъ равнодушнымъ взоромъ и, небрежно опустивъ его въ карманъ, спросила глухимъ замогильнымъ голосомъ:

— Кому изъ боярышень допрежь гадать надоть?

Безстрашная Саня выступила впередъ.

— Погадай мнѣ первой, Назарьевна. Хочу попытать мою судьбинушку,—смѣло выдерживая пронзительный взоръ старухи, произнесла она.

— Молода, а прытка! Люблю такихъ-то!—прошамкала беззубымъ ртомъ вѣдунья.—Инъ будь по твоему.—И погла-

дивъ костлявой рукою рыжеватую головку бойкой дѣвушки, она пошла въ уголъ, покопалась тамъ, потомъ не безъ труда притащила откуда-то большой толстый обрубокъ-полѣно и поставила его посреди горницы.

Вскорѣ на обрубкѣ очутилась огромная глиняная чашка, до краевъ наполненная водою. Взявъ лучину, старуха расщепила ее и воткнула въ край чаши.

Потомъ погрузила въ воду свой высохшій, какъ щепа, коричневый палецъ и зашептала что-то быстро быстро себѣ подъ носъ, синими, блеклыми, ссохшимися губами.

Такъ длилось минуту, другую... Внезапно Назарьиха дико вскрикнула и быстро, быстро обѣжала кругомъ обрубка со стоявшей на немъ чашей. Потомъ еще, и еще разъ... Вода въ чашѣ закипѣла... Пузыри запрыгали на ея поверхности и вдругъ разомъ вода успокоилась снова.

— Спѣши! Спѣши глядѣть, боярышня, не то поздно будетъ, — раздался надъ самымъ ухомъ Сани глухой замогильный голосъ старухи. Не безъ легкаго трепета подошла дѣвушка къ обрубку и, низко наклонясь надъ чашею, заглянула въ воду.

И тотчасъ-же отпрянула назадъ...

— Видишь, красавица?

— Вижу, бабушка! — чутъ слышно проронила Саня и вся замерла, обратившись въ зрѣніе.

Сначала на днѣ чаши виднѣлись лишь какія-то неясныя очертанія ни то крѣпости, ни то чужого незнакомаго города... На площади народъ... толпа... Все звѣрскія, угрожающія лица... Какой-то страшный человѣкъ сидитъ тутъ-же въ креслѣ. А кругомъ висѣлицы и плахи... Много, безъ счета... И она, съ кѣмъ-то изъ женщинъ, стоитъ передъ ними... И вдругъ смѣшалось все разомъ. И она, Саня уже скачетъ куда-то, какъ молнія, какъ вѣтеръ, быстро на конѣ, спасаясь отъ погони... Вотъ шатры мелькаютъ вдали... Вотъ ставка воеводы невѣдомаго войска... Она входитъ въ ша-

теръ. дъ нею красавецъ юноша съ знакомымъ лицомъ... Кто онъ? Она силится припомнить и не можетъ...

А потомъ церковь яркая, освѣщенная сотнями огней... Она стоитъ передъ аналоемъ, клиръ поетъ вѣнчальный тропарь... А рядомъ съ нею тотъ же юноша, смѣлый, прекрасный... И лица ихъ радостно сіяютъ отъ счастья... И вдругъ исчезла церковь и клиръ и женихъ съ невѣстой... Огромная рать движется по дорогѣ къ крѣпости... Изъ крѣпости выходитъ другая... Сшиблись... Жаркая битва закипѣла... Мечи такъ и сверкаютъ... Вотъ осажденные побѣждаютъ... Пришлецы бѣгутъ... Знамя высоко вѣетъ въ рукахъ побѣдителей. И снова возвращаются и снова бьются... А она тамъ, за сѣрыми стѣнами, съ другими женщинами ждетъ въ томленіи исхода битвы...

Помутилась вода на мгновенье и, когда прояснѣла снова, Саня увидѣла Москву со всѣми ея церквами и соборами, дворцами и хоромами.

Площади и улицы кишатъ народомъ... Толпа ликуетъ, подбрасывая шапки кверху и безпокойно, радостно волнуясь. И вотъ появился снова юноша на бѣломъ конѣ, но не въ бранной одеждѣ, не въ кольчугѣ и шлемѣ, а въ бѣломъ боярскомъ кафтанѣ, радостный, свѣтлый. Толпы народа попадали передъ нимъ ницъ, славя, благодаря его за что-то. А онъ кланяется направо и налѣво народу, обращая къ нему свое прекрасное лицо... И снова лицо это кажется безконечно знакомымъ Санѣ... а чье оно—никакъ не можетъ припомнить боярышня. Вотъ выходитъ изъ воротъ дома новая толпа, впереди всѣхъ дѣвушка или женщина въ нарядномъ опашнѣ съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ.

При видѣ ее быстро спѣшивается юный воинъ, кидается къ ней и на глазахъ толпы, весь радостный, обнимаетъ ее. Чудная улыбка свѣтится на лицѣ юноши. Вотъ онъ заглядываетъ съ неизъяснимой любовью въ ея глаза... женщина поднимаетъ лицо и... Саня тихо вскрикиваетъ, узнавъ себя въ этой встрѣчающей юношу съ хлѣбомъ-солью боярынѣ.

И снова помутилась свѣтлая поверхность... И снова посвѣтлѣла. На смертномъ одрѣ лежитъ кто-то, кто Саня не видитъ, но чуетъ, что близкій ей это человѣкъ... А сама она бродитъ вокругъ него, встревоженная, печальная.

Что-то свѣтлое шепчутъ губы умирающаго и весь онъ необычайный, свѣтозарный какой-то, будто и не человѣкъ... А вокругъ толпятся люди; бояре въ широкихъ своихъ кафтанахъ, и опашняхъ, а съ ними невѣдомые рыцари въ нѣмецкомъ платьѣ... И лица у всѣхъ тревожныя, печальныя. Снова темно... не видать ничего...

И вотъ выростаетъ на днѣ чаши внутренность храма монастырскаго... Полумракъ царитъ въ немъ. Словно тѣни, бродятъ черныя монахини... Въ храмѣ идетъ обрядъ постриженія... Совсѣмъ юная черница стоитъ посреди церкви въ одной сорочкѣ съ распущенными волосами вдоль стана. Саня пристально глядитъ въ лицо постригаемой и вдругъ съ громкимъ крикомъ отскакиваетъ отъ чаши. Юная инокиня—она сама, Саня. Она ясно, ясно увидѣла это...

Ужасъ охватилъ, далеко не робкую по натурѣ дѣвушку.—Пойдемъ! пойдемъ отселѣ скорѣича, няня... Не хочу я, не хочу знать ничего болѣ, прошептала она трепещущими губами, припадая головой на тощую грудь Степановны и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Господь съ тобою! Очнись, моя лапушка, утѣшала ее та—подбодри себя... остаться еще здѣсь надо малость, княжна Марья Петровна погадать хочетъ...

— Кому гадать?.. Какой княжнѣ? такъ и сорвалась съ мѣста старуха Назарьиха, сидѣвшая до сихъ поръ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и разомъ остановилась, какъ вкопанная, въ двухъ шагахъ отъ Машеньки Ростовской... Ея горящія, какъ уголья, глаза пристальнымъ, немигающимъ взоромъ такъ и впились въ красавицу.

Жутко стало Машенькѣ подъ этимъ ярко горящимъ, немигающимъ взоромъ.

— Что—ты смотришь на меня такъ, бабушка?—пога-

дай мнѣ лучше!—робко произнесла она, желая нарушить тяжелое молчаніе.

Вдругъ старуха покачнулась и тяжело рухнула къ ногамъ княжны.

— Не обезсудь... Не повинна...—послышались глухіе, словно улькующіе звуки ея страшнаго замогильнаго голоса.—Не доброе ждетъ тебя, будущая царица Московская!

Тихій крикъ вырвался изъ груди княжны...

Не помня-себя кинулась она въ сѣни. За нею бросились Степановна съ Саней. Непонятный трепетъ охватилъ ихъ. Всѣ трое желали лишь очутиться какъ можно скорѣе дальше отъ этого совьяго гнѣзда, старухи-вѣдуньи съ ея предсказаніями...

— Ну и Назарьиха. Ну и брехунья... Напугала старая вѣдьма боярскихъ дитятокъ!—открещивалась и отплевывалась, выходя на ветхое крыльцо Степановна.—Федюшка! Люди, сюда скорѣича! Домой торопиться надо, не громкимъ окрикомъ послала она въ темноту.

Но, какъ ни странно, никто изъ людей не откликнулся на зовъ боярской нянюшки.

Беззвучная ночная тишь наполняла собою всѣ окрестности Нѣмецкой слободки.

— Ахъ, они негодники, я чаю, уснули, дожидаючись,—досадливо заворчала нянька,—ну дѣлать нечего, пойдемъ однѣ, проснутся—нагонятъ... А то дойдемъ до бережка—разбудимъ ихъ негодныхъ!—предложила она обѣимъ дѣвушкамъ.

Тѣ только головами кивнули въ знакъ отвѣта. Страхъ попрежнему окутывалъ души обѣихъ боярышенъ. Даже смѣлая Санюшка притихла. То, что привидѣлось ей въ чашѣ съ водой, помимо воли, угнетало дѣвушку.

А болѣе робкая княжна Марья такъ и дрожала, какъ листъ, съ головы до ногъ.

Трепещущими руками поправила Степановна фитиль въ фонарѣ и, наказавъ дѣвушкамъ слѣдовать за собою, пошла

быстрымъ шагомъ къ берегу, не переставая ни на минуту кликать людей.

И вотъ наконецъ медленно изъ темноты ночи выплыло нѣсколько человѣческихъ фигуръ имъ навстрѣчу.

— Никакъ Федюшка съ челядинцами! — вслухъ подумала няня и тутъ же остановилась.

Взятыхъ изъ дому слугъ было трое, а къ нимъ приближалось не менѣе десяти человѣкъ.

— Господи! Никакъ грабители!—прошептала въ ужасѣ старуха и, схвативъ за руки боярышень, метнулась съ ними назадъ, обратно къ Нѣмецкой Слободѣ.

— Стой!—прогремѣлъ въ ту же минуту чей-то грозный окликъ.—Стой, не то худо будетъ! Тебѣ говорятъ остановись сію же минуту!

И въ одинъ мигъ передъ тремя обезумѣвшими женщинами очутилась рослая фигура плечистаго молодца. Девять другихъ фигуръ вскорѣ окружили бѣгущихъ. Словно замкнутые живымъ кольцомъ очутилися въ западнѣ бѣглянки.

— Эге! И фонарь есть у нихъ... Заботливыя!—захохоталъ тотъ же грубый голосъ и, въ мигъ вырванный изъ рукъ Степановны фонарь, поднятый вровень съ лицами женщинъ, освѣтилъ поблѣднѣвшія черты обѣихъ дѣвушекъ и ихъ спутницы.

— Ага! тебя-то намъ и надо, голубушка!—прозвучалъ тотъ же голосъ въ ту же минуту, какъ свѣтъ фонаря ударилъ въ рыжеватую головку Сани.—Эй, ребята, хватай боярышню, да поопасливѣе, глядитъ-ка, а этихъ двухъ, старую вѣдьму, да черноокую красавицу—не замай! Объ нихъ не было приказу отъ нашего боярина,—командовалъ невѣдомый человѣкъ.

Едва успѣла крикнуть Саня, какъ двѣ дюжія руки подхватили ее и подняли на воздухъ.

— Помогите!—закричала она не своимъ голосомъ. Но въ тотъ же мигъ невидимая рука заклепала ей ротъ тряпицей и одновременно тяжелый, грубый кафтанъ накрылъ

ее всю, съ головою. Теперь до нее смутно доносились, благодаря грубой, непропускающей звуковъ ткани, крики и мольбы Степановны и Маши.

Но вскорѣ и они затихли... Человѣкъ, несшій Саню, очевидно, торопился, спѣшилъ... Дѣвушка чувствовала это по колебанію его могучихъ плечъ и груди, на которую онъ вскинулъ свою хрупкую ношу.

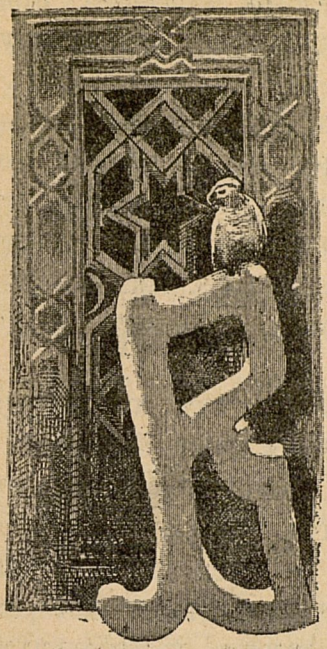
Сколько времени прошло такимъ образомъ, Саня не понимала... Должно быть немного. Но каждая пережитая минута казалась ей часомъ.

Вотъ, наконецъ, ее бережно опустили на полъ. Чья-то быстрая рука вынула изо рта ея заклепку, кафтанъ сорвали съ ея головы и.... Дѣвушка увидѣла просторную горницу невѣдомыхъ хоромъ, высокую фигуру и знакомую рыжую голову князя Рубца-Масальскаго.

— Что, боярышня? Не говорилъ тебѣ: рано или поздно будешь моею! Анъ, и вышло по моему. Не хотѣла по доброй волѣ быть княгиней Масальской, обвѣнчаю тебя съ собою силкомъ, моя лебедушка!

И, говоря это, князь заглянулъ злорадствуя, въ поблѣднѣвшее личико Сани.

Дѣвушка только глаза закрыла и, обезсиленная волненіемъ, опустилась на лавку.



ГЛАВА XI.

Важное порученіе.

Въ большой просторной горницѣ кремлевскихъ палатъ, наклонившись надъ столомъ, при свѣтѣ восковой свѣчи, воткнутой въ массивный серебряный шандалъ, сидѣлъ тотъ, кого вся Русь называла царемъ Дмитріемъ.

Передъ нимъ лежала карта Московскаго Государства, испещренная рѣками, городами и границами. Государь былъ одинъ. Сброшенный кафтанъ небрежно валялся на лавкѣ. Бѣлая шелковая рубаха съ искуснымъ шитьемъ на вороту, съ драгоцѣнной запоной на немъ, была опоясана шелковымъ поясомъ, широкіе шаровары и сафьяновые тонкой кожи сапоги дополняли его костюмъ.

Царь былъ особенно задумчивъ сегодня. Темные слухи носились въ народѣ... Вонъ не такъ давно поймали на заговорѣ Шуйскихъ... Поручилъ онъ Земскому Собору судить измѣнниковъ... Это было совсѣмъ новое явленіе на Руси. До сихъ поръ всѣ важныя дѣла рѣшалъ самъ государь. А тутъ передалъ онъ измѣнниковъ-бояръ на судъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій россійскихъ. Какъ порѣшатъ они, тому и быть. Но не одни Шуйскіе были повинны въ измѣнѣ. Грозили ему тайно и другіе крамольники, называя Растригою, бѣглымъ монахомъ, и за это должны были тоже поплатиться карою.

Онъ — истинный сынъ царя Іоанна Грознаго, прирожденный государь русскій, онъ долженъ твердо вѣрить въ это!..

И мысленно произнеся слова эти, Дмитрій глубоко задумался. Передъ нимъ мелькала испещренная рѣками, городами и крѣпостями карта Московской Руси, которую онъ изучалъ ежедневно, замышляя предпринять новый походъ противъ турецкаго хана, опустошавшаго южныя окраины Руси. И мысли молодого царя пестрѣли не меньше всѣхъ этихъ рѣкъ и потоковъ россійскихъ.

Царь Московскій! Сынъ Іоанновъ! Да такъ ли, правда ли это?—Беззвучно шептали въ смятеніи губы Дмитрія.

Смутно, словно во снѣ рисуются теперь передъ царемъ туманныя картины его далекаго дѣтства. Какія-то огромныя палаты въ родѣ дворца видятся ему, видится ему молодая красивая женщина, роскошно поцарски одѣтая, которая поетъ ему полную захватывающей грусти колыбельную пѣсню... Потомъ, внезапно куда-то исчезаетъ она... Не видитъ ее больше подлѣ себя ребенокъ. Другая ее замѣстила: старая, сморщенная нянька, повидимому, съ которою оба они онъ и старуха укрываются въ Литву спасаясь отъ кого-то, отъ кого онъ и тогда не зналъ и теперь едва ли вспомнитъ...

Жили они бѣдно, въ тиши, въ Литвѣ, куда укрылись съ нянькой. Подросъ мальчикъ и изъ малютки-дитяти превратился въ отрока. Сталъ посѣщать школы въ Гощѣ, сталъ учиться и языкамъ греческому и латинскому и наукамъ. А еще лучше выучился владѣть саблей, скакать верхомъ и говорить краснорѣчиво.

Левъ Сапѣга, отправляющійся посольствомъ въ Москву, взялъ его съ собою. Онъ ему и открылъ первый о томъ, что Дмитрій онъ, царевичъ, спасенный изъ Углича.

Въ Москвѣ поступилъ Дмитрій къ кому-то изъ русскихъ бояръ въ услуженіе. Сапѣга уѣхалъ, оставивъ его на произволъ судьбы.

А тамъ онъ очутился въ Чудовомъ монастырѣ инокомъ. Разсказалъ кой кому изъ монаховъ о томъ, что говорилъ ему Сапѣга, показалъ и крестъ, съ дѣтства носимый на груди, драгоцѣнный крестъ, какіе носятъ лишь знатные люди...

Кто-то выдалъ его монастырскому начальству и онъ долженъ былъ бѣжать изъ Чудова монастыря, изъ Москвы. Царь Борисъ узналъ о странномъ инокѣ, выдающемъ себя за Димитрія и нарядилъ за нимъ погоню...

Дмитрій, онъ же скрывавшійся подъ именемъ Григорія Отрепьева въ монастырѣ, едва успѣлъ скрыться за польскую границу.

И снова потекла жизнь въ Литвѣ, въ услуженіи у гордаго магната Адама Вишневецкаго, до тѣхъ поръ, пока неожиданно не открылось, что онъ царевичъ...

Онъ помнилъ, какъ сейчасъ эту сцену... Какъ-то онъ—слуга-пахолокъ магнатскій провинился передъ княземъ Вишневецкимъ... Тотъ замахнулся на него палкой...

— Не бей! Я царевичъ Дмитрій! Сынъ Московскаго царя!—вскричалъ онъ, оскорбленный до глубины души этимъ поступкомъ вспыльчиваго ляха. И тутъ-же досталъ крестъ, осыпанный дорогими каменьями, со своей груди... Вишневецкій призналъ его. За нимъ признали и другіе Король, папа, кардиналы, магнаты, вся Литва повѣрила ему, встала на его сторону и помогла достичь престола... Борисъ умеръ. Его сынъ погибъ. Онъ, Дмитрій, на престолѣ. Та дивная сказка, которая мерещилась ему въ Литвѣ, послѣ того, какъ Сапѣга открылъ ему его знатное происхожденіе, сбылась. Сонъ свершился на яву... Чудный сонъ! Но кто же онъ, самому себѣ невѣдомый Дмитрій, если не царевичъ онъ, спасенный въ свое время? Въ Литвѣ, да и здѣсь, въ Москвѣ говорилось такъ много о немъ, какъ о сынѣ Іоанновѣ... Народъ, бояре, вся Русь предалась ему...

Да и онъ вѣритъ, твердо вѣритъ въ то, что царевичъ онъ, чудесно спасенный отъ руки убійцъ матерью и нянь-

кой. А убитъ тамъ, въ Угличѣ, сынъ дворецкаго... Его-же спасли... увезли въ Литву... Укрыли.

Такъ почему же Шуйскій и другіе не вѣрятъ, затѣваютъ заговоръ, жаждутъ его гибели?.. Что дѣлать ему, чтобы доказать имъ, что онъ истинный Дмитрій?

Его голова горитъ отъ напора мыслей... Его сердце, волнуясь, стучитъ, не умолкая...

— Позвать Басманова сюда!—приказываетъ онъ дежурившему у дверей тѣлохранителю изъ нѣмецкой стражи.

Черезъ четверть часа входитъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ царскій, переселенный имъ во дворецъ.

— Что прикажешь, государь? почтительно склоняя передъ царемъ свою красивую чернокудрую голову, спрашиваетъ Басмановъ...

— Допрашивали Шуйскихъ? вскинувъ на него глазами, поспѣшно спросилъ Дмитрій.

— Допрашивали, государь.

— И что же? Каются?

Свѣтлые голубые глаза царя впились въ лицо любимца.

— Пришлось попытать маленько князя Василья, произнесъ, отворачивая въ сторону отъ царя свое красивое лицо, Басмановъ.

— Не дозволялъ я того, Петя! сорвалось досадливо съ устъ Дмитрія,—варварство это... Звѣрство... Не люблю.

— Прости, государь!.. Ослушался приказа, покорно отвѣчалъ Басмановъ... Моя вина... Да все едино, не помогъ допросъ съ пристрастіемъ... *) Не унялся крамольникъ... Говоритъ.

— Что же онъ говоритъ, Петруша?..—и снова острый взоръ Дмитрія пытался уловить пронзительный взоръ Басмановскихъ глазъ. И снова Петръ Ѳедоровичъ старался отвести лицо свое въ сторону отъ царя...

— Уволь, государь! не гожія слова говорилъ измѣнникъ... И не мнѣ повторять ихъ твоему вѣрному слугѣ...

*) Пытка.

— Повтори! Я хочу все знать! Слышишь! властными нотами прозвучалъ молодой голосъ царя...

Басманову оставалось лишь повиноваться.

— Онъ говорилъ... тихимъ чуть слышнымъ шопотомъ произнесъ онъ,—что не царь—ты... еретикъ... бѣглый монахъ Григорій. Вотъ что онъ говорилъ... Прости, государь!.. — заключилъ онъ смущенно.

Дмитрій усмѣхнулся. Презрительно оттопырилъ нижнюю губу и махнулъ рукою.

— Старая пѣсня! Сто разъ ужъ слышана. Не выдумать имъ другую!—произнесъ онъ съ досадой.

— Старая да нудная... Чай, надоѣла она тебѣ государь,—чуть-чуть усмѣхнулся Басмановъ.—Прикончимъ съ Шуйскимъ, другіе запоютъ ее. Что хорошаго? А надо бы всѣ слухи заглушить разомъ. Надо бы, штобы весь народъ узналъ, что брехня это одна, что обманщики бояре слухъ тотъ съ умысломъ пущаютъ...—заключилъ убѣжденнымъ тономъ Басмановъ.

— Да, какъ увѣрить-то, Петя? — съ горечью спросилъ молодой царь.

— Не трудно, государь... Повѣрь мнѣ, твоему смерду, Петрушкѣ вѣрному... Надо только привезти государыню-инокиню на Москву, надо при народѣ встрѣтиться тебѣ съ нею, государь...

— Такъ-то, такъ, — произнесъ раздумчиво Дмитрій. — Самъ я о томъ думалъ не единожды... а только... Слушай, Петя! Что если горе и тоска, да жизнь въ тѣсной кельѣ изизгладили изъ души матушки образъ ея сына? Что ежели скорбь по мнѣ помутила ея мысли и она не признаетъ въ московскомъ государѣ ея маленькаго Митю-царевича?.. — заключилъ онъ, опасливо взглянувъ въ лицо своего любимца.

— Пустое, государь. Сердце матери—вѣщунъ. А ежели и помутились, не приведи Господи, мысли царицы, и не признаетъ она въ могучемъ повелителѣ всей Россіи сына-отрока, то все же изъ злобы на Годуновыхъ, изъ мести къ

мертвому врагу, признаетъ она въ спасенномъ отъ руки его убійцъ, Дмитрія... Только надо послать преданнаго, вѣрнаго тебѣ слугу, государь, за матушкой-царицей...

— Тебя што ли послать, Петя?

— Ни-ни, государь... Не отсылай меня отъ себя далече... Я здѣсь на Москвѣ нужнѣе... Пошли великаго мечника твоего, князя Скопина-Шуйскаго, за него, какъ за себя ручаюсь, государь... — быстро и увѣренно заговорилъ Басмановъ.

— Инъ быть по твоему, Петя. Здѣсь онъ, Михаилъ, што ли, обрадовался царь.

— Видѣлъ я его въ стольной горницѣ, государь... Сейчасъ кликну!

И съ низкимъ поклономъ Басмановъ исчезъ за дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ на его мѣстѣ выросла статная фигура Скопина.

— Подойди, орленокъ! Думаешь просить за дядей? Говори!—протягивая ему милостиво руку, произнесъ царь.

— Нѣтъ, государь—почтительно коснувшись руки царской, произнесъ Михаилъ,—дяди мои заслужили свою участь. Земскій соборъ рѣшитъ ее по всей справедливости.

— И тебѣ не жаль ихъ штоли? — И глаза Дмитрія такъ впились въ лицо юноши.

— Жаль, государь!—смѣло произнесъ Скопинъ, выдерживая стойко орлиный взглядъ царя—потому какъ все же ближніе они мнѣ по отцу... Но ты, твоя жизнь, государь, мнѣ дороже... И какъ бы ни были близки мнѣ измѣнники твои—я слова не замолвлю объ ихъ помилованіи, ежели они достойны кары...

— И я все-же помилую ихъ, мой соколъ, хошь-бы за одно то, что ты племянникомъ доводишься имъ!

И снова къ князю протянулась нѣжная, какъ у женщины бѣлая рука царя. И снова юный мечникъ восторженно припалъ къ ней губами. Потомъ Дмитрій передалъ юношѣ свое порученіе привезти царицу.

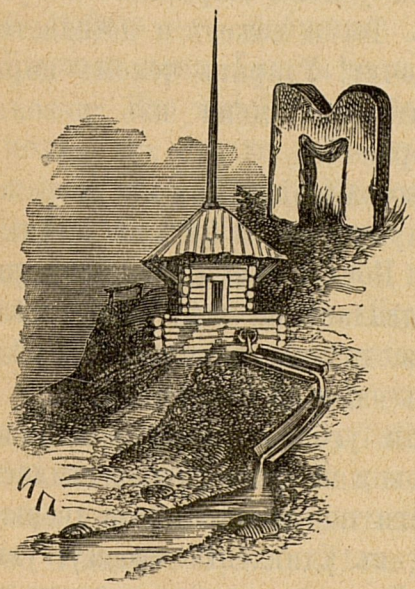
Гордостью и счастьемъ вспыхнули синіе, огневые глаза Михаила.

Царь оказывалъ ему этимъ такое довѣріе, какого не оказывалъ еще никому изъ своихъ сѣдовласыхъ бояръ.

— Исполню все, что прикажешь, государь!—произнесъ дрожащимъ отъ счастья голосомъ осчастливленный мечникъ,—и завтра же поскачу съ отрядомъ въ Выксинскую обитель.

— Въ часъ добрый, орленокъ! — произнесъ Дмитрій, отпуская юношу добрымъ, ласкающимъ душу взоромъ.

Счастливый, какъ никогда, вышелъ тотъ изъ дворца...



ГЛАВА XII.

Плѣнница.— Въ когтяхъ коршуна.— Спасеніе.

ЕЛКІЙ нудный дождикъ однотонно ударялъ по кровлѣ. Слюдовыя оконца скупо пропускали свѣтъ... День казался пасмурнымъ и печальнымъ. Саня Головина съ трудомъ подняла съ лавки отяжелѣвшую голову и, дико озираясь по сторонамъ, старалась припомнить, какъ она очутилась въ этой незнакомой горницѣ. И вдругъ вспомнила и горницу эту и, какъ она попала въ нее...

Вспомнила все происшедшее съ нею: гаданье у Назарьихи... Странныя видѣнія въ чашѣ... Ночное нападеніе... Неожиданное появленіе князя Масальскаго... И холодный ужасъ сковалъ душу дѣвушки...

Она въ рукахъ злодѣя, не побоявшагося поднять руку на покойнаго Ѳедора!.. Ничего добраго ждать ей отъ

него не приходится... Быть его женою, прожить съ нимъ въ супружествѣ всю свою долгую жизнь.

О, это хуже, чѣмъ самая смерть!

Нѣтъ! Нѣтъ! Пусть онъ убьетъ ее лучше! Смерть во сто кратъ желаннѣе, нежели это ужасное будущее съ человѣкомъ, который кажется ей самимъ дьяволомъ во плоти!—И несчастная боярышня закрыла лицо руками, вся предавшись охватившему ее отчаянію.

— Неужли же нѣтъ возможности батюшкѣ спасти меня?—въ слѣдующую же минуту мысленно разсуждала Саня.—Поди, вѣрно ужъ дома хватились насъ и ищутъ повсюду. Да никто не знаетъ кто мой похититель. Хорошо еще, если Степановна съ Машей успѣли вырваться и принести домой печальную вѣсть. Тогда можетъ и догадается батюшка, кто отнялъ у него дочку! Ударитъ челомъ царю съ братомъ Семой и вызволятъ они меня изъ неволи. Только-бы ужъ поскорѣе! поскорѣе-бы.

И при одной мысли объ освобожденіи, Саня вся встрепенулась, оживилась. Краски вернулись на ея блѣдное личико, на душѣ посвѣтлѣло немного... Ночь, проведенная безъ сна, въ тяжеломъ оцѣпенѣніи, сказывалась на ней. Все ея тѣло было точно разбито. А все-таки, гдѣ-то въ глубокихъ нѣдрахъ ея сердца, слабо теплилась надежда на спасеніе.

Она взглянула въ передній уголъ, гдѣ тихо мерцая, теплилась лампада передъ кіотою и набожно перекрестилась. Чуть слышные, крадущіеся шаги почудились ей за дверью. Дверь тихо скрипнула и Саня, къ удивленію своему, увидѣла древнюю, какъ лунь, сѣдую старуху. Она держала въ своихъ старыхъ, дряхлыхъ рукахъ большой платокъ и темную длинную тѣлогрѣю.

— Вотъ тебѣ одежа, боярышня, — прошамкала беззубымъ ртомъ старуха,—окручивайся въ нее, да поскорѣеча... Время не терпитъ...

— Зачѣмъ окручиваться? Некуда собираться мнѣ, бабушка! Аль повезутъ меня куда?—прошептала взволнованная Саня.

— Повезутъ не на гибель, не на смертное дѣло, успокойся, красавица. Подъ вѣнецъ повезутъ тебя, ягодка... Съ именитымъ княземъ подъ вѣнецъ...—снова прошамкала беззубымъ ртомъ старуха.

— Не хочу! Не поѣду! Лучше смерть, чѣмъ замужество съ твоимъ княземъ злодѣемъ!—внѣ себя вскричала дѣвушка, съ силой отталкивая отъ себя старуху.

И вдругъ, спохватившись точно, кинулась на колѣни передъ нею и, рыдая, зашептала:

— Бабушка! Не знаю, кто ты... голубушка... выпусти меня... Убѣгу я... ни одна душа не узнаетъ... Богомъ тебѣ клянусь, бабушка... Только выпусти изъ неволи... Не любъ мнѣ... страшенъ твой князь. Злодѣй онъ!.. Убійца! Не могу я любить его, бабушка... Не могу съ нимъ вѣнчаться... Вызволи меня, Христа ради... Вѣкъ буду за тебя Бога молить!

— Что ты! Что ты, боярышня! Окснись, милая! Нѣшто, можно это, ягодка... Убьетъ меня князь, ежели узнаетъ, что я тебя вызволила... Мукамъ лютымъ предастъ... Я-то не боюсь ни смерти, ни муки, а внуки да внучки мои живутъ среди челяди княжей. Ихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, за мою вину, замучаетъ князь. Потому... крутъ онъ, жестокъ нравомъ... Собирайся-ка лучше, лапушка, не то хуже будетъ. Увоъ беретъ за себя тебя князь, такъ на Москвѣ вѣнчаться вамъ не приходится. Въ Тайнинскомъ селѣ подговорили попа. Онъ живо окрутитъ. Князь еще въ ночь туда ускакалъ... И тебя приказалъ доставить къ вечеру... Хошь и близко, а ранѣ не попадемъ туды... Лѣсомъ приказано ѣхать... крюку дать, чтобъ безъ помѣхи было. Да ты не плачь, лапушка... Стерпится-слюбится муженекъ-то... Не кто нибудь онъ, не безродный какой, а именитый князь, бояринъ, у самого государя батюшки, слыхала, я чаю, въ чести...

— Убійца онъ! Злодѣй! Горячо вырвалось изъ груди Сани и ненависть къ похитителю наполнило ея сердце.

— Эге, да ты все свое, лапушка... Ну, знать, другой разговоръ у насъ съ тобою будетъ—вышла изъ себя въ концѣ кон-

цовъ старуха.—Больно съ норовомъ ты, сударушка... Говорю тебѣ честью: надѣвай тѣлогрѣю да идемъ садиться въ возокъ...

— Никуда не поѣду! Оставь меня, старуха! гнѣвно топнувъ ногою, вскричала Саня.

— Ну, ничего съ тобой не подѣлаешь! Не погнѣвись, ягодка, прошамкала та и неожиданно хлопнула въ ладоши. Двое рослыхъ холопей внезапно выросли на порогѣ. Въ одномъ изъ нихъ Саня сразу узнала своего ночного похитителя. Они, по приказу старухи, въ одну минуту связали дѣвушку, закутали ее съ головою въ тѣлогрѣю, поверхъ нее завернули въ платокъ и осторожно вынесли изъ горницы.

Во дворѣ княжемъ ихъ ждалъ крытый возокъ. Старуха сѣла въ нею первая. Рядомъ съ нею посадили связанную Саню. Двое холопей помѣстились на козлахъ. Слюдовое оконце возка тщательно закрыли и несчастную плѣнницу повезли куда-то, куда? она сама не знала...

. . . . . .

Ѣхали медленно, долго, топкою, лѣсною дорогою... Останавливались въ чащѣ, предлагали закусить Санѣ, но она упорно отъ всего отказывалась. Какихъ нибудь нѣсколько верстъ, отдѣляющихъ Москву отъ Тайнинскаго, ѣхали цѣлый день, помня наказъ князя—выбирать окольные пути, лѣсные. Уже солнышко закатилось, когда возокъ въѣхалъ наконецъ въ небольшое селеніе. Народъ давнымъ давно спалъ въ избахъ. Только небольшая сельская церковь была освѣщена и казалось давно ждала вновь пріѣхавшихъ. Возокъ подкатилъ къ церковному крылечку. Сѣденькій священникъ, весь блѣдный и трепещущій, вышелъ на крылечко храма... Холопы князя бережно вынули изъ возка Саню, развязали стягивающія ее веревки и сняли съ головы ея платокъ...

Дѣвушка увидѣла убогую внутренность сельскаго храма... аналой съ лежащимъ на немъ крестомъ и Евангеліемъ; а передъ нимъ злорадно улыбающееся, торжествующее лицо князя Масальскаго.

Ужасъ сковалъ члены боярышни. Она хотѣла вскрикнуть и не могла... Хотѣла бѣжать—ноги не слушались. Да и куда бѣжать?.. Холопы князя ей не дадутъ уйти—нагонятъ. Кругомъ темный лѣсъ и невѣдомыя мѣста...

— Господи! Научи! Вразуми, что дѣлать? прошептала несчастная, устремляя глаза на чуть свѣтлѣвшій въ полумракѣ иконостасъ церкви...—Ужели же все кончено? И жизнь и счастье?.. Ужели придется ей—Санѣ, батюшкиной любимицѣ, матушкиной баловницѣ, быть женою жестокаго палача, изверга? Должно быть, придется... Вотъ уже священникъ надѣваетъ епитрахиль... Вотъ подходитъ къ аналою. Вотъ соединяетъ руки ея и князя.

Вотъ произноситъ дрожащимъ старческимъ голосомъ слова молитвы... Церковный служка выноситъ изъ алтаря серебренные вѣнцы... Священникъ поднимаетъ ихъ надъ головами: князя и Сани. Еще секунда и все кончено...

Смутно, какъ отдаленный гулъ прибоя, слышится Санѣ сквозь пѣніе дьячка топотъ нѣсколькихъ десятковъ коней за церковной оградой...

Сонъ это? Обманъ-ли взволнованнаго воображенія или спасеніе?—Мучительно проносится въ мозгу дѣвушки...

Нѣтъ, и впрямь всадники ѣдутъ мимо храма... Слышится говоръ... бряцаніе стремянъ... голоса...

— Сюда, православные! Спасите, ради Бога! Неожиданно срывается отчаяннымъ крикомъ изъ груди Сани... Въ ту же минуту чья-то грубая рука закрываетъ ей ротъ...

— Помогите! Спасите! не своимъ голосомъ закричала она еще разъ, но звуки умерли тутъ же, подъ ладонью Масальскаго, тѣснѣе зажавшаго ей отъ.

И вдругъ двери храма шумно растворились. Тяжелый запоръ соскочилъ подъ сильными руками нѣсколькихъ человѣкъ.

Не помня себя, рванулась Саня къ притвору, куда уже входила толпа... Впереди всѣхъ шелъ юноша, ясноглазый, прекрасный, со смѣлымъ и мужественнымъ лицомъ. Саня взглянула на юношу и разомъ вспомнила, что видѣла его

уже дважды. Одинъ разъ въ тѣнистомъ саду отцовскаго дома, другой—на днѣ чаши въ землянкѣ вѣдуньи.—Чуть живая отъ волненія, рванувшись къ нему со всѣхъ ногъ, она громко вскрикнула:

— Спаси меня, князь Михаилъ Васильевичъ! Ослобони!

Князь Михаилъ (это былъ онъ) съ недоумѣніемъ окинулъ взоромъ дѣвушку и вдругъ сразу узналъ ее.—Боярышня Головина здѣсь? въ такую пору? какими судьбами?

Сбивчиво, задыхаясь и волнуясь, стала разсказывать Саня о звѣрскомъ похищеніи князя... о ея отчаяніи... о томъ, какъ ее силою привезли сюда.

Князь Михаилъ внимательно выслушалъ дѣвушку.

— Гдѣ же твой ворогъ, боярышня Александра Васильевна? — спросилъ онъ, недоумѣвающе, когда дѣвушка остановилась на минуту, чтобы перевести дыханіе.

Саня оглянулась. Ни князя Масальскаго, ни его старой няньки, ни холопей, никого не было въ храмѣ. Одинъ дряхлый старичекъ священникъ стоялъ у аналоя, съ трудомъ понимая все случившееся.

На вопросъ князя Михаила, гдѣ злодѣй, онъ только могъ отвѣтить, что они скрылись потайною дверью, лишь только князь и его люди появились въ притворѣ.

— Ну, счастье вору, что не встрѣтился со мною, — произнесъ гнѣвно юный мечникъ, сверкнувъ глазами, — показалъ бы я ему, какъ силкомъ уводить боярышень, да вѣнчать ихъ съ собою противъ воли. Не бойся, Александра Васильевна,—обратился онъ къ взволнованной дѣвушкѣ.— Сейчасъ же прикажу я моимъ ратникамъ отвезти тебя въ домъ отцовскій... Видно, Господь не попустилъ грѣха! Послалъ меня тебѣ на выручку. Ѣхалъ я съ моимъ отрядомъ на Троицу, чтобъ оттуда взять путь къ Чупрецу и далѣе по наказу государя... Видимъ, что за притча? время позднее, а въ храмѣ свѣтъ и кричитъ кто-то... Ну, знать дѣло не чисто. Хорошо, что поспѣлъ во время. Запоздай мы малость и быть бы тебѣ княгиней Рубецъ-Масальскою...

— Спасибо тебѣ, князь... До могилы не забуду твоей услуги! И батюшка съ матушкой не забудутъ. Не обезсудь... Заѣзжай, когда вернешься на Москву. Ждать тебя буду съ нетерпѣніемъ...—смущенно проронила Саня.

— Спасибо, боярышня!—низко поклонился Скопинъ.

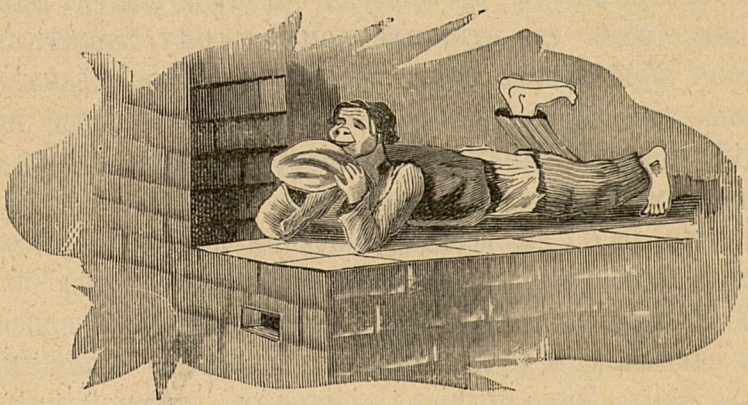
И вмѣстѣ съ Саней и окружающими его людьми вышелъ изъ церкви.

— Слушай, друже! — обратился онъ къ смуглолицему стрѣльцу, вмѣстѣ съ другими конными, ожидавшими его у дверей храма. — Сейчасъ же возьми двухъ сподручныхъ и отвези боярышню на Неглинную, въ хоромы боярина Головина. За нее своей головой отвѣчать будешь.

— Слушаю, господине великій мечникъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Прощай, Александра Васильевна, добрый путь! — произнесъ Скопинъ, еще разъ поклонившись дѣвушкѣ.

Черезъ минуту Саню уже подсаживали на стрѣлецкаго коня... За нею почтительно, держась на крупѣ лошади, помѣстился стрѣлецъ. Два другихъ конныхъ встали по бокамъ и, по знаку руки молодого начальника, маленькая группа всадниковъ пустилась въ обратный путь, къ Москвѣ. Князь Михаилъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ удаляющимся конямъ. Когда они исчезли изъ вида, онъ сѣлъ на подведенную ему стрѣльцомъ лошадь и быстрымъ шагомъ впереди своего отряда пустился въ путь.



ГЛАВА XIII.

Первая любовь.—Въ кельѣ иноческой.

ПЯТЬСОТЪ верстъ, отдѣляющія Москву отъ Чупреца и сосѣдней съ нимъ Выксинской обители, показались князю Михаилу безконечно нудными и тоскливыми, какъ тяжелый болѣзненный сонъ. Его такъ и тянуло обратно въ Москву, за отъѣхавшими изъ Тайнинскаго стрѣльцами и за той блѣднолицей, рыженькой боярышней, которая такъ случайно, словно чудомъ, попалась снова на его пути.

Первую его встрѣчу съ нею, князь Михаилъ скоро забылъ. Она точно изгладилась изъ его памяти. Тяжелое время переживала тогда Русь... Смерть царя Годунова... Смута... Гибель Ѳедора Борисовича, всѣ эти страшныя событія, слѣдовавшія быстро, быстро одно послѣ другого, вытѣснили изъ мысли Скопина образъ бойкой и веселой щебетуньи Сани Головиной...

И вотъ черезъ три мѣсяца онъ ее встрѣчаетъ снова... Но при какихъ странныхъ, необычайныхъ обстоятельствахъ! На смерть испуганную, дрожащую, бросившуюся къ нему за помощью, какъ къ единственному своему защитнику! И какъ она измѣнилась, однако, за это короткое время. Куда дѣвалась ея дѣтская безпечность, алый румянецъ, покрывающій щечки! Ужели та самая это Саня, что такъ заразительно смѣялась въ Головинскомъ саду

Ужели разъ на всегда убилъ въ ней эту безпечность и юношескую радость наглый поступокъ князя Масальскаго? И при одной мысли о немъ вся кровь князя Михаила закипала, а руки его сами невольно хватались за рукоять меча. Лицо пылало румянцемъ гнѣва и негодова-

нія... О, онъ сумѣетъ отомстить злодѣю! Въ честномъ поединкѣ рѣшилъ онъ выступить въ защиту боярышни! Или убьетъ противника или самъ умретъ отъ его руки... Судъ Божій свершится. Князь Михаилъ твердо вѣрилъ, что Господь сохранитъ его, какъ праваго...

Да и боярышня Александра Васильевна будетъ молиться за него...

И снова выплыло передъ княземъ блѣдное пригожее личико... Благодарные, ласковые глазки... Снова прозвучалъ нѣжный дѣвичій голосокъ.

— Буду ждать тебя на Москвѣ съ нетерпѣніемъ. И при этомъ воспоминаніи сердце князя билось сильнѣе... Радостное, свѣтлое чувство сладкою волною вливалось въ его душу.

Давно, казалось ему, знаетъ онъ эту милую, быстроглазую рыженькую дѣвушку, и готовъ на лютую смерть идти по одному ея слову.

— Буду ждать тебя съ нетерпѣніемъ! Звучитъ, переливается въ ушахъ князя ея милый голосокъ.

— А когда тутъ въ Москву еще выберешься?—въ первый разъ, досадуя на возложенное на него порученіе, шепчетъ князь...—Надо повидать царицу, уговорить ее ѣхать къ сыну... Привезти ее. О, сколько еще пройдетъ времени, пока онъ увидитъ боярышню! И хоть-бы съ братомъ ея, Семеномъ перемолвиться словомъ о его сестрѣ... И того нельзя... Семенъ Головинъ исполняетъ въ отсутствіи его Михаила обязанности великаго мечника... Онъ въ Москвѣ... далеко... И безъ конца шпоритъ коня князь, занятый своими мечтами, и кажется ему путь особенно долгимъ да скучнымъ.

Къ вечеру пятаго дня ихъ выѣзда изъ Москвы достигли они, наконецъ, стѣнъ Выксинской обители.

Угрюмые лѣса окружали монастырь. Вдали виднѣлся городъ Чупрецъ, залитый отблесками заходящаго солнца. Высокія стѣны окружали обитель. Зналъ Годуновъ, куда заточить мать убитаго имъ царевича... Только темные лѣса шу-

мятъ вокругъ одинокой обители. А люди туда заѣзжаютъ рѣдко... Развѣ изъ сосѣдняго Чупреца заходятъ богомольцы, да гости случайные.

Отрядъ Скопина быстро приблизился къ воротамъ обители. Старый, какъ лунь сѣдой, привратникъ долго отворялъ ворота.

Онъ обмеръ отъ испуга при видѣ нарядной одежды и блестящаго вооруженія молодого начальника отряда.

А когда Михаилъ объявилъ, что пріѣхалъ по царскому указу повидаться съ государыней-инокиней, старикъ чуть было не лишился языка со страха.

Его послали оповѣстить мать игуменью и вскорѣ на монастырскомъ дворѣ показалось цѣлое шествіе.

Настоятельница монастыря со всѣмъ своимъ клиромъ выходила на встрѣчу царскому гонцу.

Князь Скопинъ подошелъ подъ благословеніе игуменьи и повѣдалъ ей о цѣли своего пріѣзда. Черная, какъ тѣнь, монахиня вызвалась проводить его въ келью царицы.

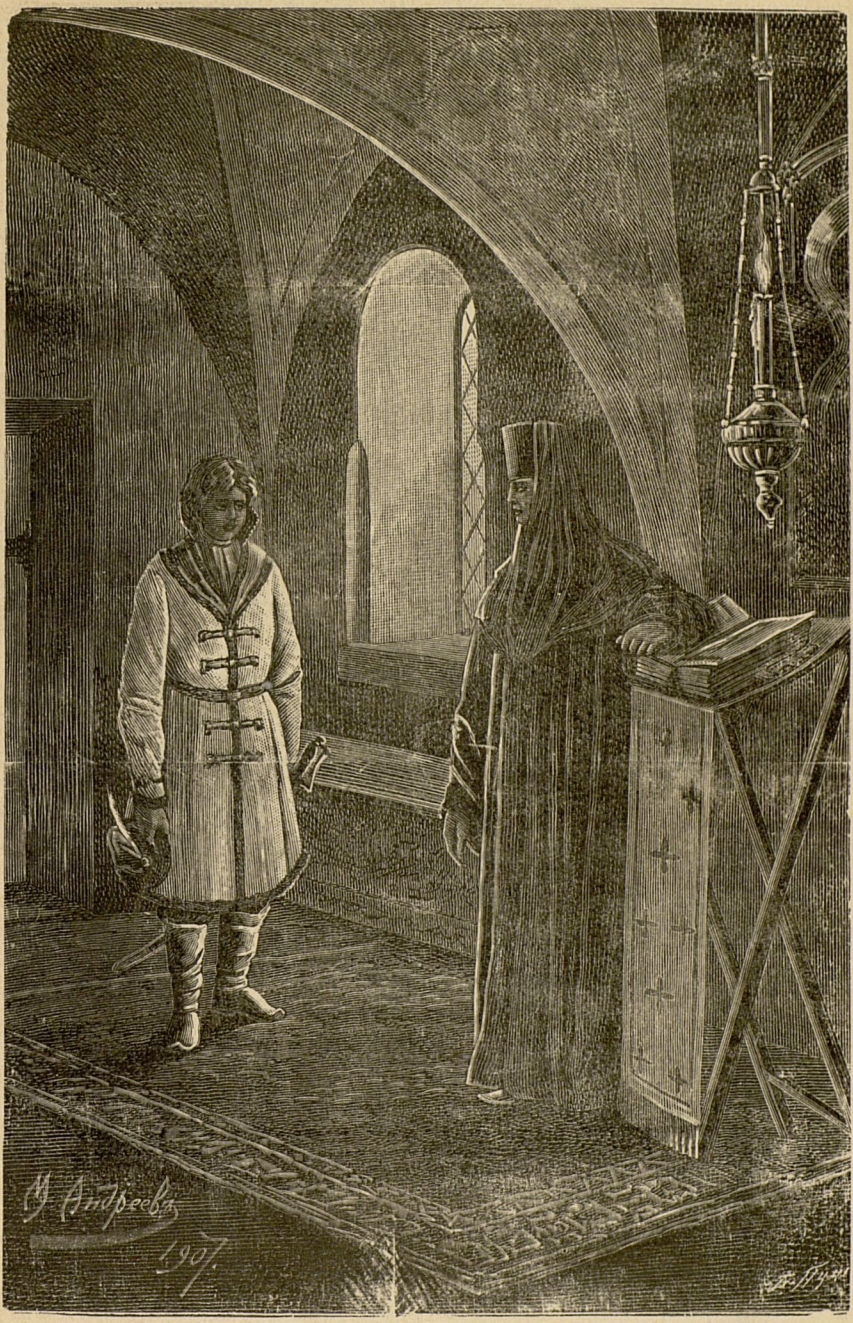
Не безъ нѣкотораго волненія послѣдовалъ за нею юноша-мечникъ по длиннымъ переходамъ монастырскаго жилья. У маленькой дверцы монахиня остановилась.

— Здѣсь царицына келья, — произнесла она шопотомъ и быстро удалилась, оставивъ князя одного.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! произнесъ громкимъ голосомъ Михаилъ, знакомый съ обычаями родныхъ монастырей.

— Аминь! послышался глухой голосъ за дверью,—войдите, съ миромъ!

Дверь отворилась и князь очутился въ тѣсной кельѣ. Узкая деревянная кровать занимала добрую половину комнаты. Въ переднемъ углу висѣлъ кіотъ съ почернѣвшими отъ времени ликами святыхъ. Лавки тянулись вдоль стѣны. Въ углу подъ образами стоялъ аналой, на немъ лежала толстая книга... Передъ аналоемъ стояла высокая женщина въ черномъ монашескомъ одѣяніи. Иноческій клобукъ былъ на-



Въ иноческой кельи.

двинутъ ей по самыя брови. И изъ-подъ него глядѣли черные, быстрые глаза монахини. Царица Марѳа была еще далеко не стара годами, но горе и тринадцать лѣтъ келейнаго заточенія сдѣлали ее почти старухой. Когда-то прекрасное лицо ея осунулось, покрылось морщинами, потемнѣло. Одни глаза, обезцвѣченные многолѣтними слезами, еще зорко, не по лѣтамъ, смотрѣли на всѣхъ. Поблеклыя губы ссохлись. Черный клобукъ покрывалъ рано посѣдѣвшую голову.

— Зачѣмъ пожаловалъ, витязь? произнесла она глухимъ голосомъ въ отвѣтъ на низкій поклонъ почтительно остановившагося у двери въ отдаленіи князя.

— Великій государь всея Руси и сынъ твой, Дмитрій Ивановичъ, бьетъ тебѣ челомъ на просьбѣ переселиться къ нему въ Москву, царица!—произнесъ съ новымъ поклономъ, на этотъ разъ уже земнымъ, князь Михаилъ.

Инокиня-царица быстро выпрямилась, какъ стрѣла. Что-то странное промелькнуло въ ея лицѣ... Что-то непонятное своей таинственностью отразилось въ острыхъ черныхъ глазахъ.

Она быстрыми шагами приблизилась къ припавшему передъ нею юношѣ и подняла его.

— Не слѣдъ простираться во прахъ передъ грѣшными твореніями Божіими. Передъ Творцомъ и Господомъ нашимъ должны мы лежать во прахѣ. Встань, юноша!—прозвучалъ ея повелительный голосъ, глухо отдаваясь въ пустынной кельѣ.

Скопинъ поднялся съ колѣнъ. Минуты двѣ царица-инокиня разглядывала его внимательно и зорко. Потомъ, все еще не отрывая глазъ отъ смутившагося подъ этимъ взглядомъ князя, произнесла:

— Много видала я лицъ, юноша... до заточенія своего еще видала. Безсчетное число прошло ихъ передо мною. А такого не встрѣчала еще. Печать Всемогущаго лежитъ на челѣ твоемъ. Эти глаза не знаютъ лжи, уста не изрекутъ обмана.

Тебѣ я повѣрю. Скажи одинъ на одинъ со мною: вѣришь ли въ то, что сынъ мой живъ и царствуетъ на Руси?

Если бы громъ небесный внезапно разразился надъ кельей и потрясъ Михаила, онъ бы подѣйствовалъ на него не болѣе, нежели эти слова заточенной царицы.

— Государыня! — произнесъ въ смятеніи юноша. — Почто пытаешь меня? Истинный Дмитрій правитъ Русью! Говорю тебѣ, какъ на духу истинно, царица.

Низко, низко опустилась голова инокини. Потомъ поднялась снова. Изсохшая, какъ пергаментъ, восковая рука ея опустилась на плечо Михаила и, приблизя къ его лицу свое, царица прошептала чуть слышно:

— А что, ежели я поклянусь тебѣ страшною клятвою, витязь, что зарѣзанный убійцами царевичъ тринадцать лѣтъ тому назадъ испустилъ духъ... тамъ... въ Угличѣ... у меня на рукахъ? Что ты скажешь на это, юноша?

Скопинъ вздрогнулъ. Что говоритъ она? Ужели горе и заточеніе совсѣмъ помутили мозгъ несчастной царицы? Вихремъ пронеслось въ мысляхъ юноши. Но ни на одну минуту не поколебался онъ въ своей увѣренности въ истинномъ происхожденіи царя.

И смѣло, взволнованнымъ голосомъ, отвѣчалъ Маріѣ:

— Государыня! Не права ты... Страхъ и испугъ ослѣпили тогда твои очи и чужого ребенка ты приняла за царевича... Нянька спасла Дмитрія Ивановича и убѣжала съ нимъ! Вѣрь моимъ словамъ, царица, не лгу я...—заключилъ онъ смѣло свою пылкую рѣчь.

Марѳа быстро вскинула глазами на юношу.

«И впрямь не лжетъ. Лицо честное, открытое... Голосъ дышетъ правдой, истиной. Не наглый лжецъ передъ нею, а человѣкъ, глубоко убѣжденный въ правотѣ своихъ словъ».

И все же неправда это. И все же убили тогда въ Угличѣ истиннаго ея сына, ея Митю ненагляднаго, а этотъ новый Дмитрій—самозванецъ. Но кто бы ни былъ онъ, этотъ самозванецъ—она признаетъ его своимъ сыномъ. Она назовется

Встрѣча самозванцемъ инокини Марѳы.

его матерью. Тринадцать лѣтъ, проведенныхъ въ кельѣ, изсушили ее... Тоска по родной Москвѣ, и еще большая тоска по могилѣ сына не даютъ ей покоя... Лишь бы однимъ глазкомъ повидать эту могилу, поплакать на ней... Повидать Москву златоглавую, гдѣ она провела свою свѣтлую юность... Большой Кремлевскій дворецъ, ея бывшую царицыну свѣтлицу... И потомъ, этотъ Дмитрій, присвоившій имя ея сына, слыхала она по слухамъ—мудрый и милостивый царь. Кто знаетъ? Можетъ статься самъ Господь вручилъ ему судьбу Руси великой? Такъ ея ли дѣло супротивничать тому, что преднаречено Всевышнимъ? И осѣнивъ себя широкимъ крестомъ, царица-инокиня произнесла громкимъ, взволнованнымъ голосомъ, обративъ лицо свое къ князю Михаилу:

— Вѣрю, юноша... что сынъ мой, чудесно спасенный царевичъ Дмитрій царствуетъ надъ Русью... Господь возвратилъ мнѣ его снова, сжалившись надо мною. Всѣмъ сердцемъ рвусь къ нему! Вези меня на Москву, витязь!..

. . . . . .

При колокольномъ звонѣ всѣхъ окрестныхъ церквей, въѣзжала въ село Тайнинское подъ охраною стрѣлецкаго отряда инокиня Марѳа. Убранную коврами колымагу царицы везла шестерня лошадей, запряженныхъ цугомъ... Стрѣльцы въ парадныхъ кафтанахъ, конвоировали ее...

На встрѣчу матери-царицѣ стремился самъ царь, окруженный блестящею свитою. Въ попутномъ по дорогѣ къ Москвѣ селѣ Тайнинскомъ назначена была его встрѣча съ царицей-инокиней... Окрестные колокола гулко звонили и переливались... Имъ откликался дальній перезвонъ Московскихъ церквей...

Государь выѣхалъ верхомъ. Конная свита слѣдовала за нимъ. На обширной полянѣ былъ раскинутъ шатеръ. Колымага царицы подъѣхала къ нему. Царь спѣшился... бросилъ поводья подоспѣвшему конюшему боярину и кинулся открывать дверцу колымаги.

Изъ нея показалась черная фигура инокини, не потерявшая еще своего царскаго величія за долгіе годы лишеній.

Однимъ только быстрымъ, какъ молнія, взглядомъ обмѣнялись Марѳа и Дмитрій. И царица широко раскрыла объятія. Молодой царь упалъ въ нихъ и оба зарыдали.

Четверть часа пробыли они такъ на глазахъ бояръ, стрѣльцовъ, свиты...

Потомъ Дмитрій снова посадилъ мать въ колымагу и долго шелъ подлѣ возка пѣшій, не отрывая взора отъ окна, въ которомъ темнѣла иноческая фигура его матери. Затѣмъ, сѣлъ на лошадь и ускакалъ впередъ, со своей свитой, сдѣлать еще болѣе торжественную встрѣчу царицѣ у самыхъ воротъ Кремля.

Въ тотъ же вечеръ было приказано приготовить роскошное помѣщеніе въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ для царицы-инокини.

ГЛАВА XIV.

На плахѣ.—Неожиданное счастье.

ВЪ КРОШЕЧНОЙ полутемной, сырой каморкѣ, примыкавшей къ пыточному отдѣленію, или, такъ называемому, застѣнку, сидѣлъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Трудно было узнать въ этомъ одряхлѣвшемъ до времени старцѣ прежняго юркаго и подвижного князя. Слѣды пытокъ остались и на его тѣлѣ въ видѣ багровыхъ рубцовъ и пятенъ. Не зря были эти слѣды. Князя допрашивали «съ пристра-

стіемъ», т.-е. вздергивали на дыбу, пытка, отъ которой руки и ноги пытаемаго выходили изъ суставовъ, и въ такомъ положеніи били несчастнаго по обнаженной спинѣ ременными плетями. Это была страшная мука для пытаемаго, потому что неестественно выгнутое тѣло находилось въ напряженномъ, натянутомъ положеніи и по этому неестественно вытянутому тѣлу гуляла ременная плеть. Дѣлалось это въ тѣ варварскія времена для того, чтобы пытаемый выдалъ свои сокровенные замыслы и своихъ соучастниковъ въ преступленіи.

Тутъ же сидѣлъ думный дьякъ и записывалъ показанія истязаемаго. Большею частію отъ нестерпимой боли несчастные, чтобы прекратить только свою муку, оговаривали себя и другихъ.

Были и другого рода пытки. Людей заживо поджаривали на сковородахъ огромнаго размѣра, клали на доски, утыканныя гвоздями, выщипывали имъ бороды по волоску...

Князя Шуйскаго подвергли «дыбной» пыткѣ. Но ни однимъ словомъ несчастный не оговорилъ никого. Онъ только, не переставая, твердилъ глухимъ голосомъ среди самыхъ лютыхъ мученій:

— Не царь вашъ Дмитрій, а бѣглый монахъ-разстрига. Обманомъ захватилъ онъ тронъ Московскій.

Его сняли чуть живого съ дыбы... Костоправъ, нарочно присутствовавшій для этой цѣли въ застѣнкѣ, вправилъ ему кости и Шуйскаго до времени оставили въ покоѣ.

Вотъ уже около мѣсяца сидитъ онъ въ тюрьмѣ. Изрѣдка доходятъ слухи до князя, что его будетъ судить, созванный нарочно для этой цѣли Земскій Соборъ... Что братья его Дмитрій и Иванъ сосланы въ дальнія мѣста, въ Галицкіе приходы... Вскорѣ доходитъ и новая страшная вѣсть до князя.

Будто бы, присудили его выборные люди къ казни... Но никто не являлся къ Шуйскому для исполненія приговора... Еще прошла цѣлая, томительная для него недѣля... Наступило раннее дождливое утро двадцать пятаго іюля.

Василій Ивановичъ проснулся съ тяжелымъ чувствомъ.

Ему снились странные сны... Огромная площадь, залитая народомъ... И онъ въ царской мантіи и въ коронѣ стоитъ на Лобномъ мѣстѣ и говоритъ съ народомъ ..

— Не добрый сонъ! Къ худу! — подумалъ князь, проснувшись, тяжело вздыхая. И въ тотъ же мигъ заскрипѣли тяжелые засовы у крошечной дверцы его подземелья. Князь вскочилъ, вытянулся во весь ростъ, точно ожидая новаго удара, который долженъ былъ неминуемо зразиться надъ его головой. Вошли нѣсколько человѣкъ бояръ въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ.

Впереди нихъ думный дьякъ съ бумагой. За ними виднѣлись суровыя лица стрѣльцовъ, вооруженныхъ бердышами.

«Князь Василій Ивановичъ Шуйскій!—развернувъ бумагу, прочелъ дьякъ гнусавымъ голосомъ—по приказу всемилостивѣйшаго государя всея Руси Дмитрія Ивановича, по рѣшенію великаго земскаго собора, всѣхъ бояръ и людей выборныхъ и всего синклита, повелѣно тебя за измѣну и крамолу твою, противу государя нашего Димитрія Ивановича, казнить лишеніемъ живота. А вины твои будутъ...

Тутъ дьякъ повысилъ голосъ, перечисляя длинный рядъ винъ преступника. Но Шуйскій уже не слушалъ его. Онъ весь ушелъ въ себя. Онъ понялъ только одно слово изъ всего прочитаннаго.

Это слово было: казнь. И весь согнулся, какъ бы осѣлъ передъ ужасомъ грядущаго...

Все окружающее, казалось, перестало существовать для князя. Умереть... умереть... скоро... можетъ быть, сейчасъ!— Вихремъ проносилось въ его мозгу—вѣдь покончили же съ покойнымъ Ѳедоромъ въ одну минуту. Можетъ быть, и съ нимъ поступятъ также? Но князь ошибся. Не въ мрачномъ подземельѣ, а гласно при народѣ было указано казнить Шуйскаго. Стрѣльцы подошли къ Василію и, взявъ его подъ руки, вывели изъ застѣнка. За ними слѣдовали дьякъ и бояре. Князь былъ такъ слабъ, отъ перенесеннаго имъ заточенія и пытокъ, что едва передвигалъ ноги.

Раннее солнышко, неожидано прорвало тучи и брызнуло на землю цѣлымъ потокомъ лучей... Оно ослѣпило князя, привыкшаго къ темнотѣ своего подземелья. Дождь пересталъ. Шуйскаго посадили на телѣгу, съ нимъ сѣло нѣсколько стрѣльцовъ и телѣга покатила къ Лобному мѣсту.

Не смотря на ранній часъ утра, площади и улицы Москвы кишѣли народомъ.

Милiоны глазъ устремились на Шуйскаго. Одни порицали, другіе жалѣли его.

— Измѣнникъ царскій! кричали одни.

— Погибаетъ за напраслину!—тихо шептали другіе.

Телѣга съ трудомъ подвигалась, пробивая себѣ путь въ толпѣ къ мѣсту казни. Вотъ наконецъ и лобное мѣсто и плаха... Подлѣ нея ходитъ человѣкъ въ красной рубахѣ звѣрскаго вида и, помахивая топоромъ, ожидаетъ жертву. При видѣ всѣхъ этихъ ужасовъ несчастный князь затрепеталъ всѣмъ тѣломъ... Кровь заледенѣла въ его жилахъ... Онъ готовъ былъ лишиться чувствъ отъ смертельнаго страха, охватившаго все его существо.

Двое дюжихъ стрѣльцовъ подхватили его подъ руки и повели на возвышеніе...

Въ слѣдующую же минуту князь былъ у плахи... Онъ окинулъ взоромъ море головъ, толпившихся вокругъ лобнаго мѣста... Вся Москва, казалось, собралась сюда... Потомъ поднялъ глаза къ небу... Солнце сіяло теперь во всю... Голубое небо безстрастно приготовилось смотрѣть своими лазоревыми очами на то, что должно было неминуемо свершиться сію минуту... И вдругъ мучительная жажда жизни снова охватила все существо князя. Ему не надо было ни почестей, ни богатства; его тщеславныя мечты исчезли, пропали разомъ. Жить... только бы жить... Хотя бы бѣднымъ, одинокимъ, заброшеннымъ нищимъ, но жить... жить и жить, чтобы видѣть это голубое небо, золотое солнце... всю природу... людей!..

Шуйскій забылся на мгновенье, далекій отъ ужаса,

ожидавшаго его... Онъ съ жадностью пилъ свѣжій воздухъ и приковался взоромъ къ небесамъ. Неожиданно грубая рука толкнула его къ плахѣ...

— Минуту! Одну минуту! — прошепталъ, смертельно блѣднѣя, приговоренный, — хочу побрататься съ тобою, друже!—обратился онъ къ палачу.

Тотъ угрюмо кивнулъ кудлатой головою. Шуйскій поспѣшно отстегнулъ воротъ и, снявъ драгоцѣнный тѣльный крестъ на золотомъ гайтанѣ (шнуркѣ), подалъ палачу. Тотъ принялъ крестъ, а вмѣсто него передалъ князю свой мѣдный, дешевый, какіе носятъ простолюдины. Это былъ обрядъ «братанія» приговореннаго къ смерти съ палачомъ, обычай очень распространенный въ тѣ далекія времена на Руси. Палачъ, побратавшійся съ преступникомъ, относился снисходительнѣе къ своей жертвѣ и убивалъ ее сразу, не причиняя лишнихъ мученій.

Вслѣдъ затѣмъ Шуйскій поклонился на всѣ четыре стороны толпѣ и громко вскричалъ:

— Прости меня, грѣшнаго, народъ православный!

— Богъ тебя проститъ, Василій Ивановичъ,—послышались голоса.

И снова тяжелая рука опустилась на плечо князя и легонько толкнула его къ плахѣ.

— Время, княже!—произнесъ подлѣ него голосъ палача.

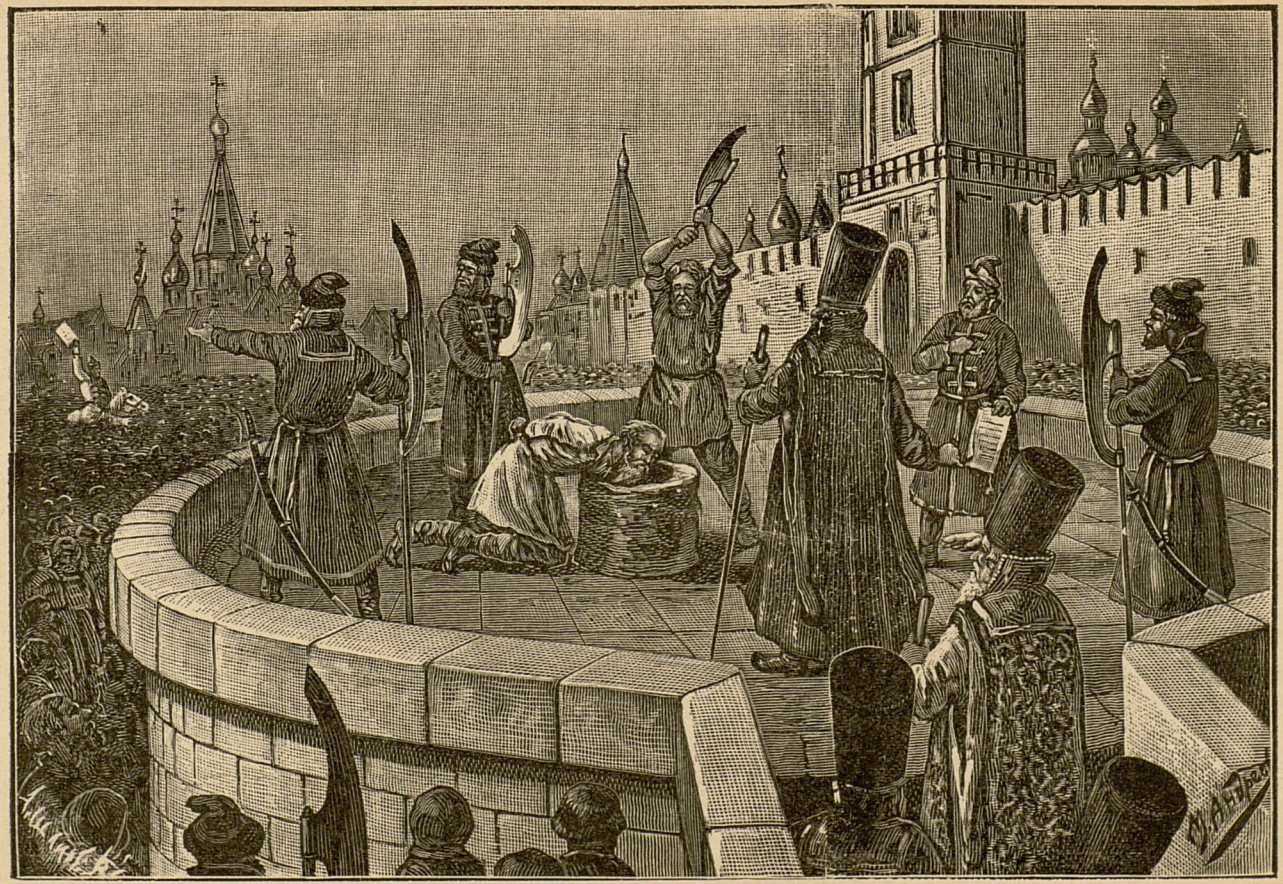
Ничего не мысля и не сознавая теперь, князь упалъ на колѣни и положилъ голову на плаху. Палачъ поднялъ топоръ и взмахнулъ имъ.

Ужасъ, предсмертный ужасъ, заставилъ подняться дыбомъ волосы на головѣ Шуйскаго.

— Помедли! Еще немного... минуту... одну...—прошептали его губы. Но топоръ взвился и...

— Остановись... Постой! Съ приказомъ царскимъ! — раздался громкій окрикъ на площади и всадникъ на бѣлой лошади во весь опоръ подскакалъ къ плахѣ.

Топоръ повисъ въ воздухѣ, не успѣвъ опуститься на шею жертвы.



Князь Шуйскій подъ сѣкирой палача.

Князя Шуйскаго подняли, поставили на ноги... Передъ нимъ очутился юноша въ свѣтломъ кафтанѣ, быстро спѣшившійся и бѣгомъ вбѣжавшій на лобное мѣсто.

Знакомое близкое лицо... свѣтлые, смѣлые взоры, и мужественная осанка юноши—вотъ все, что первымъ бросилось на глаза спасеннаго боярина.

— Князь Василій Ивановичъ. Всемилостивѣйшій великій государь и царь всея Руси, даруетъ тебѣ жизнь! По своей великой милости ссылаетъ лишь тебя, государь, въ Галицкіе дальніе предѣлы! четко прозвучалъ звучный молодой голосъ вновь прибывшаго.

— Миша... племянникъ!.. скажи великому государю, что я слуга ему до гроба!.. отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Шуйскій и вмигъ все закружилось передъ его глазами. И гонецъ, и плаха, и толпы народа и палачъ. Переходъ отъ смертнаго ужаса къ жизни былъ слишкомъ рѣзокъ. Князь лишился чувствъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Быстрѣе стрѣлы, пущенной изъ лука, мчался великій царскій мечникъ отъ Красной площади и Лобнаго мѣста.

Отвезя дядю въ домъ его, въ Китай-Городѣ и поручивъ его друзьямъ и слугамъ, юноша съ сильно бьющимся сердцемъ скакалъ теперь по знакомой ему уже дорогѣ... Вся душа его сладко замирала...

Вотъ уже недѣля, какъ вернулся онъ въ Москву, успѣшно выполнивъ порученіе государя, а все недосугъ было вырваться въ знакомыя хоромы на Неглинной... Зналъ князь Михаилъ отъ Семена Головина, что благополучно прибыла домой боярышня Саня съ его стрѣльцами. Зналъ и то, что билъ челомъ на князя Масальскаго бояринъ Головинъ самому царю, жалуясь ему на похитителя дочери. Но хитрый Масальскій предупредилъ его жалобу и, отпросившись у царя на дальнее воеводство, ускакалъ на время въ Сѣверскую землю по царскому указу.

— Ну, да встрѣтимся въ другой разъ... Не уйдетъ разбойникъ!—думалъ про себя князь Михаилъ и снова возвращался мыслями къ той, чей образъ теперь безпрестанно стоялъ передъ его глазами.

Духомъ домчалъ его добрый конь до знакомыхъ хоромъ боярина Головина. Быстро спѣшившись, юноша оставилъ коня на попеченіе слуги, стремительно выбѣжавшаго на встрѣчу пріѣзжему и съ сильно бьющимся сердцемъ вошелъ въ просторныя сѣни.

На порогѣ ждалъ его самъ хозяинъ. Василій Петровичъ Головинъ обнялъ царскаго мечника горячо, какъ отецъ и трижды поцѣловался съ нимъ.

— Не знаю, чѣмъ отблагодарить тебя, княже... Вѣкъ не забуду твоей услуги...—произнесъ онъ глубоко растроганнымъ голосомъ.—Твой слуга до гроба, Михайло Васильевичъ... А теперь не обезсудь на угощеньи.

— Гей!—крикнулъ бояринъ.—Люди, сюда!.. Мальвазіи намъ, мушкателю, да фряжскихъ винъ подать... Да сказать, штобы позвали боярышню Александру Васильевну... Пусть окрутится пофасонистѣе, да выходитъ встрѣчать дорогого гостя!..

Хорошо, что занялся бояринъ распоряженіями, а то бы не укрылся отъ него яркій румянецъ, вспыхнувшій на красивомъ лицѣ царскаго мечника. При одномъ имени Сани, вся кровь прихлынула къ щекамъ юноши.

Покончивъ съ распоряженіемъ, Василій Петровичъ усадилъ князя на почетное мѣсто, въ переднемъ углу, подъ образами. Слуги принесли серебряныя чарки, огромные кувшины и ковши съ виномъ...

Вскорѣ появилась и рыхлая, немолодая, болѣзненнаго вида, не смотря на покрывавшія ея лицо сурмина, боярыня Головина въ нарядной праздничной кикѣ и въ тѣлогрѣѣ, съ которой не разставалась даже въ эту лѣтнюю пору. Въ рукахъ боярыня держала кубокъ, на серебряномъ подносѣ, наполненный игристымъ старымъ медомъ, пѣнившимся черезъ край.

— А гдѣ же дочка?—спросилъ бояринъ жену, когда та, трижды поцѣловавшись со щеки на щеку съ княземъ, привѣтствовала низкими поклонами гостя.

— Схоронилась гдѣ-то Санюшка... Пусть не обезсудитъ князь... Молода еще... рѣзва... Въ саду, сказывали дѣвушки, притаилась...

— Ну, коли къ гостю не хочетъ идти, такъ мы сами съ гостемъ апосля къ ней пожалуемъ!—засмѣялся бояринъ и налилъ полную чарку Михаилу золотистаго фряжскаго вина...

Но тотъ едва отвѣдалъ изъ кубка... Лицо юноши то блѣднѣло, то краснѣло.... Разнородныя чувства волновали его душу.

„Не хочетъ показываться... осерчала чего-то... Можетъ за то, что не ѣхалъ долго... вѣдь говорила она, что будетъ ждать съ нетерпѣніемъ... А я какъ нарочно“...

Все это вихремъ проносилось въ мысляхъ князя, въ то время какъ боярыня разсыпалась передъ нимъ въ благодарностяхъ за спасеніе ихъ, ненаглядной Санюшки, прославляя князя Михаила, ихъ общаго благодѣтеля. А князь все думалъ, да думалъ,—какъ бы ему повидать боярышню, какъ испросить у нея прощенія за свою невольную вину передъ нею. Наконецъ Василій Петровичъ Головинъ, словно угадалъ причину волненія молодого князя.

— Ну, пойдемъ, Михайла Васильевичъ, отыскивать затѣйницу, а потомъ вернемся полдничать будемъ. Не побрезгай нашимъ хлѣбомъ-солью княже. За полдникомъ выпьемъ за здравіе и многомилостивое прощеніе царемъ дяди твоего... Я вижу, такъ-то ты не больно охочь пить, княже...

— Вѣрно, не охочь я до бражничанья, бояринъ. А на угощеньѣ спасибо. Съ радостью отполдничаю у тебя! обрадованно произнесъ Михаилъ.

Мечты его сбывались... Сейчасъ они пойдутъ въ садъ съ хозяиномъ и тамъ онъ увидитъ Саню...

Бояринъ Головинъ поднялся съ мѣста, взялъ шапку и пошелъ изъ горницы, пропуская гостя впередъ.

— Вотъ что, княже... Ступай... отыщи-ка одинъ боярышню... А я сейчасъ къ вамъ... Велю только слугамъ кой-чего къ полднику добавить въ честь рѣдкаго гостя, произнесъ онъ озабоченно и исчезъ въ сѣняхъ.

Не помня себя кинулся со всѣхъ ногъ изъ сѣней на заднее крыльцо Миша. Вотъ и садъ передъ нимъ... И тѣнистая липовая аллея... По ней онъ шелъ тогда весною съ Семой Головинымъ. Вотъ и знакомыя качели...

Что-то говоритъ сердцу князя Михаила, что здѣсь, на этой качели онъ увидитъ ее...

Подошелъ... взглянулъ... Не обмануло сердце.

— Тамъ она...

На ней голубой лѣтникъ... Золотистыя кудри собраны въ косу... Стоитъ... смотритъ на него будто недовольная чѣмъ-то, губки надула, а глаза такъ и искрятся, такъ и сіяютъ...

— Ну што, мой спаситель?... Загордился, небось, господинъ, великій мечникъ... Не ѣхалъ... Куда ужъ намъ до тебя, мелкимъ людишкамъ, тянуться...—говоритъ недовольнымъ голосомъ, а сама усмѣхается.

— Полно, боярышня... Не гнѣвись... переложи гнѣвъ на милость...—отвѣчалъ ей смущенно князь.

— И то переложу... Нешто я смѣю на тебя гнѣваться на спасителя-то моего!.. Должна я тебѣ низехонько въ ножки поклониться, перво на перво... Такъ молъ и такъ, князь Михайла Васильевичъ, не оставь насъ твоими милостями, великій государевъ мечникъ! и расшалившаяся Санюшка низко низко поклонилась въ поясъ князю.

Безмятежная жизнь подъ родительскимъ кровомъ вернула краски на ея лицо, вернула и прежнее веселое настроеніе дѣвушки. Всѣ недавнія горести были забыты... Молодость брала свое... Передъ княземъ стояла прежняя веселая рѣзвушка Саня, какою она была до похищенія Масальскимъ. Но князю Михаилу было не до смѣха... Не до шутокъ...

— Прости, боярышня, не охочь я шутить, произнесъ онъ серьезно,—сейчасъ только съ Лобнаго мѣста... Дядю съ

плахи вызволилъ. Такъ на душѣ не празднично, сама вѣдаешь!—И онъ потупилъ къ низу свою кудрявую голову. Вмигъ исчезло веселое настроеніе Сани.

— Князь Михайло! Голубчикъ! Прости ты меня, Христа ради, глупую. Забыла я о томъ,—вырвалось изъ груди ея глубокимъ, прочувствованнымъ звукомъ.—Князь Михаилъ быстро поднялъ голову. Прямо на него смотрѣли двѣ яркія звѣзды, два свѣтлые, ласковые дѣвичіе глаза... Счастье, любовь, безконечную преданность сулили они ему.

Самъ, не зная какъ, схватилъ маленькую бѣлую ручку Сани обѣими руками Скопинъ.

— Боярышня! Александра Васильевна! Прости! Не прогнѣвайся... Но не могу таиться больше... Люблю я тебя... Больше жизни люблю! Больше солнышка краснаго. Скажи мнѣ одно: согласна-ли быть моей женою, сорвалось неожиданно для него самаго съ устъ князя.

Наступила долгая томительная тишина... Минуты медленно потянулись одна за другою... Долгія, безконечныя минуты... Низко опустилась кудрявая голова князя. Не смѣлъ онъ взглянуть на Саню...

«А вдругъ не любитъ... откажетъ... прогонитъ?» носилось, кружась, въ его мысляхъ.

И вдругъ бѣленькая ручка легла на его плечо... Нѣжный голосокъ прозвучалъ у его уха тихо, чуть слышно...

— И я тебя люблю, княже... Сама не знаю, какъ полюбила!.. Засылай сватовъ къ батюшкѣ. И рванулась, какъ быстрая лань, ринулась въ сторону и вмигъ исчезла въ концѣ садовой дорожки...

Въ тотъ-же вечеръ долго видѣнъ былъ свѣтъ въ опочивальнѣ княгини Елены Петровны Скопиной-Шуйской.

У нее въ свѣтлицѣ сидѣлъ ея «ненаглядный свѣтъ-Миша», и, волнуясь, повѣрялъ ей о своемъ счастьѣ.

— Матушка! Благослови меня на бракъ съ Александрой Васильевной!—произнесъ онъ тихо, чуть слышно, по окончаніи своего разсказа.—Не жить мнѣ безъ нее!

Елена Петровна взглянула на статную, рослую фигуру сына, на его мужественное прекрасное лицо.

«Не полюбитъ мой Миша недобрую, безсердечную дѣвушку,—подумала она, любуясь сыномъ...—а что не княжескаго, не знатнаго рода боярышня Головина, такъ Богъ съ нимъ! Счастье не въ знатности, а въ добромъ кроткомъ характерѣ да во взаимной любви...»

И тотчасъ же прибавила вслухъ, съ улыбкой обращаясь къ сыну.

— Ну, благослови тебя Господь, Миша! Посылай меня сватьей къ будущему зятю. Авось, не откажетъ матери великаго мечника, бояринъ Головинъ!..

И крѣпко обняла молодого князя, а князь Михаилъ, обезумѣвъ отъ радости, бросился цѣловать руки матери...

Въ это самое время въ свѣтелкѣ Головинскаго дома быстроглазая Саня тихо шепталась наединѣ со своей нянюшкой, которой привыкла повѣрять съ дѣтства всѣ свои радости и печали.

— Видишь, Степановна, не вѣрно сказалъ юродивый,— Не клобукъ иноческій, а свадебный вѣнецъ ждетъ меня! говорила она, тихо вся алѣя нѣжнымъ румянцемъ счастья.

— Вижу, касатка, вижу—соглашалась няня обрадованная не меньше своей любимицы.—Я, чаю, такой женихъ не чета вору Масальскому. Такому-то и батюшка съ матушкой несказанно рады будутъ!

— Будутъ рады! увѣренно отозвалась Саня.

— А ты помолись Богу, поусерднѣе, красавица. Онъ Милосердный даровалъ тебѣ такое счастье по великой милости Своей.

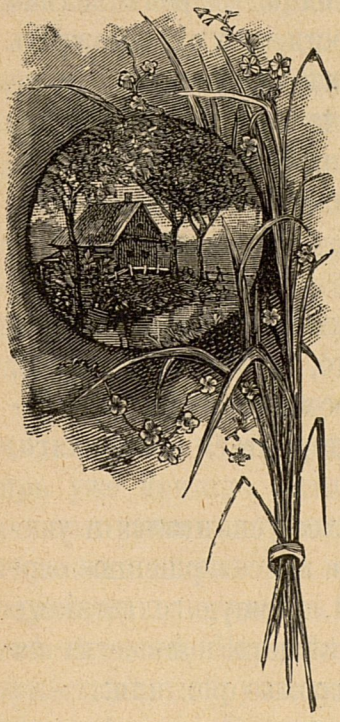
— И впрямь счастье!—задумчиво устремляя взоръ на искрящееся созвѣздіями небо—мысленно разсуждала Саня. Но не потому счастье, что именитый, знатный красавецъ князь, любимецъ и чуть-ли не первое лицо при царѣ, ее сватаетъ, а то счастье, что любъ ей безконечно этотъ красавецъ, этотъ смѣлый, словно сказочный витязь, безстраш-

ный Миша, спасшій ее изъ рукъ разбойника Масальскаго!.. Любъ онъ ей, этотъ Миша... Нежданно негаданно вползло въ сердце ея дѣвичье это чувство къ князю. Не сознавала она этого раньше, да только думала о немъ, Мишѣ, долго, помногу, думала и все ждала... ждала его пріѣзда...

А какъ дождалась, какъ увидала, такъ и поняла сразу...

За него или ни за кого на свѣтѣ не выйдетъ она замужъ. Его одного она любитъ и всю свою долгую-долгую жизнь будетъ любить...

И снова выплывалъ передъ нею стройный образъ во мракѣ ночи... Нѣжный, ласковый голосъ говорилъ ей о любви, преданности и дружбѣ... Мечты толпою неслись въ золотистой головкѣ Сани. Поздно въ эту ночь улеглась она въ свою теплую мягкую дѣвичью постель...



ГЛАВА XV.

Странное царствованіе.—Царская невѣста.

ТРИДЦАТАГО іюля тысяча шестьсотъ шестого года молодой царь Дмитрій Ивановичъ всенародно вѣнчался на царство. Короновалъ царя новый патріархъ Игнатій, замѣнившій свергнутаго Іова. Много милостей сопровождало коронованіе молодого государя.

Михаилъ Ѳедоровичъ Нагой, дядя мнимаго Дмитрія, получилъ санъ конюшаго боярина. Филаретъ Никитичъ Романовъ, заточенный въ монастырь Борисомъ Годуновымъ, былъ возведенъ въ Ростовскіе митрополиты. Думные дьяки: Василій Щелкановъ и Афанасій Вяземскій пожалованы окольничьими.

Послѣ обряда коронованія царь принималъ поздравленія бояръ въ Кремлевскихъ палатахъ. Но пиры, слѣдовавшіе за коронаціей, даваемые въ честь ея, не помѣшали, однако, Дмитрію заниматься дѣлами правленія. Онъ постоянно присутствовалъ въ Боярской думѣ и долгіе споры думскихъ людей, очень невѣжественныхъ въ то время, ничему не учившихся, забавляли его. Когда споры затягивались, царь вмѣшивался въ нихъ и въ нѣсколько минутъ рѣшалъ то, что бояре не могли рѣшить много часовъ подрядъ. И тутъ-же впервые возымѣлъ молодой царь мысль посылать русскихъ людей учиться въ иноземщину, чтобы просвѣтить свою темную страну.

Военнымъ дѣломъ Дмитрій занимался съ особеннымъ рвеніемъ. Онъ приказалъ строить валы и насыпи за городомъ, раздѣлилъ ратниковъ на двѣ стороны, одной сторонѣ велѣно было защищать эти земляныя крѣпости, другой осаждать ихъ. Самъ царь участвовалъ въ этихъ экзерсиціяхъ и не разъ вѣнценоснаго юношу толкали нечаянно, какъ простого человѣка, а подчасъ и ушибали въ этой возни. А онъ не только не сердился, но, напротивъ того, поощрялъ своихъ ратниковъ.

Странный это былъ царь.

Когда ему доносили о недовольныхъ и подозрительныхъ людяхъ, замышляющихъ противъ него, требуя ихъ казни, Дмитрій говорилъ:—Можно двумя способами править страною: тиранствомъ и милостію, я хочу держаться послѣдняго, чтобы не проливать крови.

А между тѣмъ ропотъ противъ царя все усиливался и усиливался. Люди московскіе, привыкшіе къ совершенно особымъ, старо-русскимъ обычаямъ царей, съ неудовольствіемъ смотрѣли на молодого государя, вводившаго новшества на Руси и хуля его образъ дѣйствій. И громко роптали:

«Царь-де не держится старыхъ обычаевъ, пьетъ и ѣстъ за обѣдомъ подъ музыку и пѣніе. Не соблюдаетъ постовъ, ѣстъ скоромное по средамъ и пятницамъ, не молится передъ

ѣдою, рукъ не умываетъ послѣ стола, не спитъ, пообѣдавши... Ѣстъ всякую нечисть. Одинъ зачастую бродитъ по Москвѣ, заходитъ въ мастерскія и разговариваетъ съ разными мастерами иноземцами, токарями и печатниками, какъ съ равными себѣ. Не ладно это: цари не должны такъ поступать. Цари показывались-де допрежь того лишь при торжественной обстановкѣ народу, окруженные пышной свитой». — Негодовали, впрочемъ, больше бояре и пуще всего негодовали за приближеніе къ царю поляковъ, пріѣхавшихъ съ нимъ въ Москву и занявшихъ первыя мѣста подлѣ царя. Поляки держали себя, дѣйствительно, рѣзко и разнузданно. Сорили деньгами, подаренными имъ царемъ; за попойками и кутежами проводили время и всячески безчинствовали. Степеннымъ русскимъ боярамъ не могло нравиться это и они во всемъ обвиняли царя за его привязанность «ляхамъ».

Простой же народъ любилъ Дмитрія за его милосердіе, за допускъ къ нему бѣдняковъ... Два раза въ недѣлю принимались челобитныя царемъ на крыльцѣ дворцовомъ, гдѣ онъ одинъ на одинъ показывался народу.

На столько любилъ царя темный людъ, что когда подговоренные врагами Дмитрія дворяне: Петръ Тургеневъ и Ѳедоръ Колачникъ обличали всенародно царя въ еретичествѣ и самозванствѣ, самъ народъ выдалъ ихъ государю и настаивали на ихъ казни.

Между тѣмъ время не шло, а бѣжало... Быстро мчались дни, недѣли и мѣсяцы Дмитріева царствованія. Молодой царь уже мечталъ идти войною на турецкаго хана, опустошавшаго южныя окраины Россіи. Но прежде того Дмитрій отправилъ посольство въ Литву, во главѣ съ окольничьимъ бояриномъ и думнымъ дьякомъ Афанасіемъ Вяземскимъ къ невѣстѣ своей, Маринѣ Юрьевнѣ Мнишекъ. Дмитрій заочно торжественно обручился съ Мариной въ присутствіи короля Сигизмунда въ Краковѣ, причемъ особу царя замѣнялъ во время обряда дьякъ Афанасій Власьевъ. Онъ же и привезъ роскошные дары царской невѣстѣ.

Въ августѣ пріѣхалъ въ Москву посолъ Гонсѣвскій съ граматой отъ короля. По этой грамотѣ, король, не называя царемъ Дмитрія (Сигизмундъ поколебался уже въ своей увѣренности, въ то время, въ царскомъ происхожденіи русскаго царя), требовалъ, чтобы Дмитрій задержалъ шведскихъ пословъ и отослалъ ихъ въ Литву, какъ плѣнниковъ. Король Сигизмундъ былъ во враждѣ съ Карломъ IX шведскимъ, захватившимъ шведскій престолъ вопреки праву его, Сигизмунда, прямого наслѣдника шведскихъ королей. Еще требовалъ король уплаты жалованья польскимъ ратнымъ людямъ, которые пришли съ Дмитріемъ въ Москву и свободной торговли польскимъ купцамъ въ Московскомъ государствѣ.

Дмитрій отвѣтилъ холодно на королевскую грамату и, упрекнувъ Сигизмунда въ оскорбленіи—умышленномъ уменьшеніи его царскаго титула (Сигизмундъ называлъ Дмитрія въ граматѣ не царемъ, а княземъ), тутъ же возвысилъ себя, присвоивъ себѣ новый титулъ «цезаря непобѣдимаго», которымъ еще не величался до сихъ поръ ни одинъ русскій государь. Это обстоятельство и привело къ сильной размолвкѣ Дмитрія съ королемъ.

Между тѣмъ Мнишекъ и его дочь выѣхали уже изъ Самбора и медленно подвигались къ Москвѣ. Одновременно съ ними выѣхали и послы Гонсѣвскій и Олесницкій.

Ѣхали долго, по причинѣ дурныхъ дорогъ, какъ объяснялъ свою медленность Сандомірскій воевода Юрій Мнишекъ, но дѣло было въ томъ, что до отца царской невѣсты все чаще и чаще доходили слухи о недовольствѣ народа его будущимъ зятемъ-царемъ и, боясь за дочь, Мнишекъ не очень торопился въ Москву.

Только двадцать четвертаго апрѣля въѣхала Марина Юрьевна въ престольный городъ Руси. Ей устроили пышную встрѣчу и помѣстили ее до времени въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Откуда въ ночь съ седьмого на восьмое мая торжественно перевезли въ Новый дворецъ, выстроенный царемъ

на берегу Москвы рѣки, неподалеку отъ большихъ Кремлевскихъ дворцовыхъ палатъ. Это былъ совсѣмъ особый деревянный дворецъ. Внутри его стѣны были обиты тяжелыми шелковыми матеріями, цвѣтныя изразцовыя печи въ немъ закрывались серебряными рѣшетками. Замки у дверей были ярко позолочены, а у входа во дворецъ стояла огромная фигура миѳологическаго чудовища Цербера... Трехъярусныя челюсти чудища раскрывались со страшнымъ бряцаніемъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ... Русскіе люди съ ужасомъ смотрѣли на невиданное зрѣлище, считая его дѣтищемъ ада.

Восьмого мая было торжественное бракосочетаніе царя съ Мариной. Вопреки церковному уставу, ихъ вѣнчали въ пятницу, наканунѣ праздника Николы, что не допускается православными обычаями.

Марину, всю залитую яхонтами, алмазами, жемчугомъ, ввели подъ руки въ Столовую палату: княгиня Мстиславская и отецъ ея — воевода Сандомирскій. На ней было красное бархатное платье съ широкими рукавами и сафьяновые сапоги. На головѣ вѣнецъ.

Протоіерей Благовѣщенскаго собора прочелъ молитвы. Дружки по обычаю разрѣзали короваи сыра (творога), и разносили присутствующимъ. Отсюда провели обрученныхъ въ Грановитую палату, гдѣ уже ждали ихъ всѣ бояре, сановники, ляхи и послы. Тутъ были устроены два престола и князь Василій Шуйскій, давно прощенный и возвращенный съ братьями изъ ссылки, объявилъ всему синклиту, что «государыня цесаревна Марина Юрьевна коронуется нынѣ, какъ избранная супруга царя».

Марина сѣла на тронъ. Надъ нею подняли царскій вѣнецъ, къ которому она приложилась губами.

Потомъ брачущуюся чету повели въ храмъ Успенія по разостланнымъ во весь путь сукномъ и коврами. Приближенные царя, Басмановъ, Голицынъ и Шуйскій несли знаки царскаго достоинства: скипетръ и державу.

Въ Успенскомъ соборѣ произошло невѣдомое для русскихъ зрѣлище. Не обративъ въ православіе Марину, Дмитрій вѣнчалъ ее на царство. Это значило, что въ случаѣ его смерти, она имѣла право царствовать—править Русью, какъ царица. Затѣмъ царскую чету обвѣнчали и Дмитрій съ Мариною вышли изъ храма въ драгоцѣнныхъ коронахъ на головахъ, при звукѣ трубъ, литавровъ и пушечныхъ выстрѣлахъ.

ГЛАВА XVI.

Въ гостяхъ у царицы.—Выборъ.—Новый замыселъ.

РОШЛА еще недѣля.

Пиры смѣнялись пирами. Пышно праздновали на этихъ пирахъ свадьбу царскую.

А между тѣмъ народъ ропталъ все громче и громче за то, что некрещеную «ляшку» сдѣлали царицей, да еще вѣнчанной.

Во дворцѣ было не радостнѣе. Государь принималъ Сигизмундовыхъ пословъ, Гонсѣвскаго и Олесницкаго пятнадцатаго мая. Дмитрій требовалъ въ обращеніи съ нимъ императорскаго титула и не хотѣлъ взять отъ нихъ граматы присланной Сигизмундомъ, въ которой были условія союза, его съ Московскимъ царемъ противъ Турецкаго Султана. Дмитрій выслушалъ привѣтствіе короля, сидя. Олесницкій и Гонсѣвскій оскорбились, въ свою очередь, и не хотѣли подойти къ царской рукѣ.

Сигизмундъ въ граматѣ требовалъ отдачи ему Сѣверской земли, вѣчнаго союза съ Польшей, и чтобы позволено было

іезуитамъ войти въ Московское государство и строить въ немъ костелы; кромѣ того, требовалъ Сигизмундъ чтобы царь помогъ ему вернуть шведскій престолъ. За все это предлагалъ союзъ противъ Крымскихъ татаръ, подвластныхъ Султану.

Царь отвѣчалъ, что земли Сѣверской не отдастъ, латинскихъ церквей не хочетъ, союза съ Польшей желаетъ, для возвращенія Швеціи поможетъ деньгами. Поднялось новое недовольство между поляками, грозившее теперь благополучію царствованія Дмитрія.—Какой онъ царь—говорили недовольные послы въ интимной бесѣдѣ съ врагами Дмитрія русскими боярами,—мы его сами посадили на вашъ престолъ... А онъ слова не держитъ... Обѣщанной Сѣверской земли не отдаетъ. Обѣщалъ безпрепятственно позволить полякамъ строить костелы... А теперь назадъ... Такъ не поступаютъ настоящіе вѣнценосцы!..

А враги царя слушали все это жаднымъ ухомъ, прикрашивали недобрые слухи о царѣ и разносили ихъ дальше и шире, въ народъ, въ чернь московскую.

— На „ляшкѣ“ женился... Вѣнчалъ ее на царство, полякамъ даетъ безчинствовать... Размоталъ царскія сокровища на подарки невѣстѣ, ея родственникамъ и полякамъ—подхватывалъ народъ и съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ росло глухое недовольство безпечнымъ царемъ въ народѣ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Весело гремитъ музыка... Трубы и литавры заглушаютъ веселый говоръ многочисленныхъ гостей... Эти гости собрались на половинѣ царицы Марины Юрьевны... Въ заново отстроенныхъ палатахъ новаго дворца царица принимаетъ гостей. Сама государыня Марина чернокудрая красавица полька, съ бойкими красивыми глазами, съ гордо улыбаю-

щимся ртомъ, недавняя простая шляхтянка, а нынѣ вѣнчанная московская царица съ любезностью хозяйки обходитъ приглашенныхъ...

Будучи еще обыкновенною польскою панною, правда, дочерью знатнаго магната, Марина, отличавшаяся честолюбіемъ и тщеславіемъ, давно мечтала и тайно грезила о коронѣ, если не царской, то хотя бы королевской или герцогской. И вотъ дѣйствительность превзошла всѣ ея мечты... Она—царица. Случайно встрѣтилась она тамъ, въ ея далекой Польшѣ съ тогдашнимъ похолкомъ Дмитріемъ, служившемъ при пышномъ дворѣ князя Адама Вишневецкаго и не обратила никакого вниманія на робкія ухаживанія молодого человѣка... Больше того, она возмутилась дерзостью простого шляхтича, осмѣлившагося полюбить ее, богатую и знатную панну... Но вотъ свершается чудо: простой похолокъ, мелкій шляхтичъ, объявляетъ себя русскимъ царевичемъ. Въ гордой головѣ Марины зарождаются смѣлыя мечты... Она поддерживаетъ всячески увѣренность въ его царскомъ происхожденіи, въ самомъ юношѣ. Навѣваетъ ему, въ свою очередь, смѣлыя мысли, обѣщаетъ свою любовь въ случаѣ онъ будетъ московскимъ царемъ и сама все смѣлѣе и смѣлѣе мыслитъ о коронѣ. И вотъ она на престолѣ... Марина не любитъ мужа и не вѣритъ въ его царское происхожденіе, она никого не любитъ, кромѣ самой себя... Она эгоистична, жадна и легкомысленна... Но, какъ царю, она оказываетъ ему, любящему ее до самозабвенія, наружные знаки уваженія. Вѣдь онъ далъ ей сказочное счастье, возведя ее на престолъ. Это счастье такъ и свѣтится въ глазахъ царицы... Красивая, стройная, она танцуетъ больше всѣхъ и лучше всѣхъ свою любимую, удалую мазурку...

На ней ея польскій родной костюмъ изъ голубого бархата съ бѣлыми рукавами и красные сапожки на высокихъ кованныхъ каблучкахъ, небольшая алмазная корона покоится на ея затѣйливо убранныхъ волосахъ... На эту корону, на этотъ нерусскій костюмъ русской царицы, смущенно

косятся московскія боярыни, составляющія ея свиту... Между ними выдѣляется дородная княгиня, Мстиславская, Воротынская, Шуйская и другія. Посреди густо намалеванныхъ бѣлилами и румянами по обычаю того времени лицъ старыхъ боярынь, мелькаютъ юныя, свѣжія личики въ дѣвичьихъ повязкахъ съ потупленными глазами, со спущенною порусски вдоль стана косой.

Марина Юрьевна послушалась совѣта царя-супруга и въ свой женскій штатъ, привезенный изъ Самбура, приняла нѣсколько русскихъ боярынь и боярышенъ, которыя должны были состоять при особѣ государыни.

Не привычныя къ многолюдству и мужскому обществу, теремныя затворницы, чувствовали себя особенно неловко на праздникѣ царицы... Испуганными глазами поглядывали они на шумныхъ, веселыхъ и разбитныхъ полекъ, фрейлинъ Марины...

Вонъ ближе всѣхъ къ царицѣ, ея толстая старая гофмейстерина панна Казановская... За ея плечами виднѣется красивое личико пани Октавіи Ратомской, оживленно болтающей съ Яномъ Мнишкомъ, братомъ царицы, старостой Саноцкимъ... Вотъ сестра Марины—княгиня Урсула Вишневецкая... Ее занимаютъ наперерывъ оба брата Бучинскіе, личные секретари царя. За ними высится величественная фигура пана старосты Тарло... Бойкая Анеля Оссовецкая кокетничаетъ со старикомъ Стадницкимъ, около нихъ старосты Любельскій и Остерскій жарко спорятъ о чемъ-то.

Дальше братья Вишневецкіе, послы Олесницкій и Гонсѣвскій... Старый вояка Мѣховѣцкій и цѣлая масса другихъ знатныхъ вельможныхъ пановъ.

А музыка гремитъ... Похолки, привезенные изъ Польши, разносятъ явства. Нѣсколько паръ молодецки отплясываютъ мазурку... Гремятъ шпоры... Легкія, какъ мотыльки, порхаютъ прекрасныя полячки... Звенитъ смѣхъ. Слышится веселая пѣвучая польская рѣчь... Шутки, остроты... Наряды женщинъ блещутъ великолѣпіемъ, драгоцѣнными камнями,

бархатомъ, золотомъ... Паны не уступаютъ паненкамъ. На нихъ яркіе кунтуши (родъ куртки), обшитые золотыми шнурами. Съ плеча на спину небрежно спускаются бѣлые доломаны, красиво расшитые и опушенные соболями... Цвѣтныя мегерки (шапки) щедро расшиты камнями и жемчугомъ... На ногахъ серебряныя шпоры, поверхъ сафьяновой высокой обуви изъ тончайшей кожи... Съ боку звенятъ дорогія карабельки (сабли) съ пестро разукрашенными изумрудами и яхонтами эфесами... Они безцеремонно разглядываютъ съ насмѣшливыми улыбками неуклюжіе сарафаны, кики и повязки русской женской свиты царицы.

Старыя боярыни, сознавая полную свою несостоятельность въ ловкости и граціи передъ польскими гофмейстеринами, недовольно отворачиваются... Молодыя же смущенно потупляютъ глазки и густо краснѣютъ отъ насмѣшливыхъ взглядовъ поляковъ.

— Ужъ домой отпустили-бы што-ли...—Говоритъ совсѣмъ юная златокудрая боярышня своей черноокой красавицѣ-подругѣ.—А то мочи нѣтъ; въ ушахъ гулъ... голова трещитъ отъ бѣсовской музыки и пляски.

— Потерпи, Санюша... Скоро кончится... Ужо вотъ царь придетъ...—такимъ же шопотомъ уговариваетъ черноглазая красавица подругу.

Рыженькая боярышня никто иная, какъ Саня Головина, объявленная невѣста князя Скопина, ея красавица-подруга—княжна Буйносова-Ростовская, наши давнишнія знакомыя... Обѣ дѣвушки, по желанію царя, за его особое расположеніе къ ихъ близкимъ, попали въ число штата царицы.

— Мочи нѣтъ ждать болѣ!—черезъ минуту снова зашептала нетерпѣливая Санюшка.—Ишь, ляхи, насъ словно невидаль разглядываютъ... Что мы имъ за звѣренышки какіе дались... Хошь бы царь скорѣича...

Но Саня не договорила... Еще сильнѣе ударили трубы... еще гульче забили литавры... Мазурка прервалась сразу... Двери широко распахнулись и царь Дмитрій Ивановичъ

вошелъ въ палату въ сопровожденіи бояръ объ руку съ тестемъ своимъ Юріемъ Мнишкомъ. Въ угоду молодой женѣ, Дмитрій Ивановичъ былъ въ польскомъ гусарскомъ костюмѣ, чрезвычайно идущемъ къ его мужественной, невысокой, но статной и широкоплечей фигурѣ. Небольшая польская мегерка ухарски была наброшена на рыжеватыя кудри. Лицо царя сіяло... Ротъ улыбался счастливой улыбкой... Мечты его сбылись... Любимая имъ Марина—жена его, вѣнчанная Московская царица. Онъ самъ—царь—«кесарь непобѣдимый»... Грезы достигнуты... всѣ до единой... Больше кажется нечего и желать. И хочется царю сдѣлать что-нибудь особенно доброе и хорошее, чтобы и другимъ было такъ же хорошо, какъ ему. Вотъ онъ подзываетъ къ себѣ своего великаго мечника, который неотлучно находится при немъ.

— Гдѣ же твоя невѣста, Миша?—спрашиваетъ онъ его.

Михаилъ указываетъ ему издали на Саню.

— Вонъ она, государь... Подлѣ княгини Воротынской.

— Рыжеватенькая? Ага! вижу... Молодецъ Миша, хороша невѣста. Одѣть ее въ польское платье—красавица будетъ! Совѣтъ вамъ да любовь... А у меня къ тебѣ просьба, друже...

— Приказывай, государь...

— А исполнишь? и царь лукаво прищурился.

— Смѣю-ли я?.. государь?.. смущенно произнесъ князь.

— Анъ, смѣешь... дѣло серьезное... Пріѣхалъ тутъ одинъ человѣкъ на Москву и проситъ меня помирить съ тобою. И то... кому охота враждовать съ государевымъ великимъ мечникомъ!.. Ну, я и вызвался примирить тебя. Думаю, супротивъ воли ты моей не пойдешь...

Михаилъ вспыхнулъ... потомъ поблѣднѣлъ... Онъ зналъ, что за человѣкъ ищетъ его дружбы... Но отказать царю онъ былъ не въ силахъ. Глаза Дмитрія съ такимъ дѣтски-простодушнымъ выраженіемъ глядѣли на него, такъ откровенно просили о чемъ-то, что Михаилъ не выдержалъ и, потупившись, произнесъ:

— Приказывай, государь, весь въ твоей власти.

Въ тотъ-же мигъ царь ударилъ въ лодоши... похолокъпажъ подбѣжалъ къ нему. Царь отдалъ ему на ухо какое-то приказаніе и тотъ исчезъ съ быстротою молніи изъ палаты... Черезъ пять минутъ не болѣе передъ царемъ и Михаиломъ появилась рослая фигура Рубецъ-Масальскаго. Оба князя, молодой и старый, измѣрили другъ друга долгими, далеко не предвѣщающими ничего хорошаго взорами.

— Я ищу твоей дружбы, потому безъ примиренія съ тобою нельзя было-бы вернуться на Москву, но я никогда не забуду того, что ты вырвалъ у меня невѣсту!—говорили маленькіе рысьи глазки Масальскаго, и при первомъ же случаѣ отомщу за все!

— Я мирюсь съ тобою лишь въ угоду царю! отвѣчалъ надменный, презрительный взоръ Михаила.

И враги, нехотя, протянули другъ другу руки, едва обмѣнявшись рукопожатіемъ.

А лицо молодого царя засіяло еще больше... Онъ радовался, какъ ребенокъ, состоявшемуся примиренію.

Теперь онъ снова уже искалъ глазами кого-бы осчастливить еще... И вдругъ вкрадчивый голосъ тестя зашепталъ у его уха.

— Гляди, какъ сумраченъ князь Шуйскій, панъ-царь. Не затѣялъ-бы чего худого старикъ снова...

— Онъ обязанъ мнѣ жизнью, панъ-староста! произнесъ царь вѣско въ отвѣтъ на подозрительныя слова тестя— Шуйскій въ моихъ рукахъ!

Но тѣмъ не менѣе государь подозвалъ Шуйскаго.

— Князь Василій Ивановичъ... что туманенъ? Аль не весело на царицыномъ пиру? и царь дружески ударилъ по плечу боярина.

Князь Шуйскій встрепенулся. Глаза его блеснули на мгновеніе и тотчасъ-же скрылись подъ опущенными вѣками... Если-бы Дмитрій зналъ, что думалъ въ эту минуту прощенный имъ на самой плахѣ бояринъ, содрогнулся-бы онъ передъ людскою неблагодарностью и злобой.

— Нешто можетъ быть весело, государь, одинокому человѣку,—чтобы какъ нибудь оправдать свою мрачность, произнесъ смущенно Шуйскій.—Самъ знаешь одинъ я на свѣтѣ, какъ перстъ...

— Не гоже быть одному человѣку, княже.—Улыбнулся Дмитрій,—хочешь князь, посватаю тебѣ невѣсту...—и еще милостивѣе, еще мягче взглянули голубые глаза царя въ лицо боярина.

— Шутить изволишь, государь! Старъ я... На шестой десятокъ перевалило...

— И што за старъ, княже! Покойный батюшка, царь Іоаннъ Васильевичъ, въ твоихъ годахъ женился на матушкѣ... Буду твоимъ сватомъ, князь... Выбирай невѣсту... Гляди, какія въ царицыной свитѣ красавицы... На подборъ... Бери любую!.. Чай царю-свату ни одна не откажетъ... Да и женихъ ты завидный, княже... богатъ, знатенъ и у царя въ чести...

— Спасибо, государь, на добромъ словѣ... И впрямь ты истину изволишь изрѣчь... Скушно одному... Молодая жена хошь кому жизнь скраситъ... послѣдую твоему совѣту...

И князь Шуйскій устремилъ взоры въ ту сторону, гдѣ толпились красавицы-дѣвушки царицыной свиты. Вотъ мелькнуло передъ нимъ недовольное личико его будущей племянницы, Мишиной невѣсты... Вотъ обѣ Воротынскія княжны... Вотъ ясноглазая княжна Голицына и вдругъ... Передъ нимъ мелькнули большіе, задумчивые, черные очи и знакомое прелестное лицо статной, высокой чернобровой красавицы...

— «Княжна Буйносова-Ростовская... Вотъ кто должна быть моей женой!..» мысленно рѣшилъ Шуйскій.

Совѣтъ царя не являлся для него неожиданностью. Онъ и самъ не разъ помышлялъ жениться... Для того великаго большого дѣла, которое замыслилъ князь, нельзя оставаться холостымъ... А дѣло онъ замыслилъ страшное, большое... И ведетъ онъ его исподволь съ того самаго дня, какъ явился онъ на Москву, прощенный царемъ изъ ссылки. Вѣрные

ему людишки щедро сыпятъ деньгами, спаивая народъ въ харчевняхъ и корчмахъ и открывая имъ тутъ и тамъ мимоходомъ будто, что не царь, а обманщикъ и названецъ царствуетъ на Руси... Много народу повѣрило уже его посланнымъ... Измѣна растетъ не по днямъ, а по часамъ, и онъ—князь Шуйскій, одинъ создатель и главный участникъ того огромнаго дѣла, которое свершится скоро... очень скоро на Москвѣ... И потомъ... Потомъ... Да, негоже ему быть одному. Княжну Буйносову онъ давно знаетъ... Часто бывалъ у ея отца... встрѣчалъ тамъ княжну Марью... Не вѣтренница она, не хохотушка, а смирная, тихая, богобоязненная и будетъ ему доброй женой.

— Вотъ, государь,—тихо произнесъ онъ, склонивъ передъ царемъ свою сѣдѣющую голову,—выбралъ я невѣсту, подлѣ боярышни Головиной она, видишь, государь...

— Та черноокая красавица?.. Буйносова князя дочка? Одобряю...—оживился Дмитрій.—Эта и безъ польскаго кунтуша всѣхъ полекъ послѣ Марины моей за поясъ заткнетъ,—добавилъ онъ, любуясь красавицей и, сдѣлавъ знакъ Шуйскому слѣдовать за собою, быстрымъ шагомъ направился къ толпѣ дѣвушекъ.

— Княжна Буйносова-Ростовская!—обратился царь къ потерявшейся отъ смущенія Машенькѣ, — передай отцу, что завтра пріѣду къ нему сватать дочку! А кто женихъ твой, сама угадай, красавица...

Яркій румянецъ залилъ лицо дѣвушки... Царь погладилъ ее по головкѣ и отошелъ... А она все стояла, потупившись, боясь поднять глаза. Наконецъ, сдѣлала усиліе и прямо взглянула передъ собою. Передъ нею стоялъ старичекъ, маленькаго роста, съ бородкой клинушкомъ... Крошечныя глазки его слезились подъ красноватыми вѣками.

— Княжна Марья Петровна! Не противенъ тебѣ выбранный женихъ государевъ! — послышался скрипучій голосъ Шуйскаго.

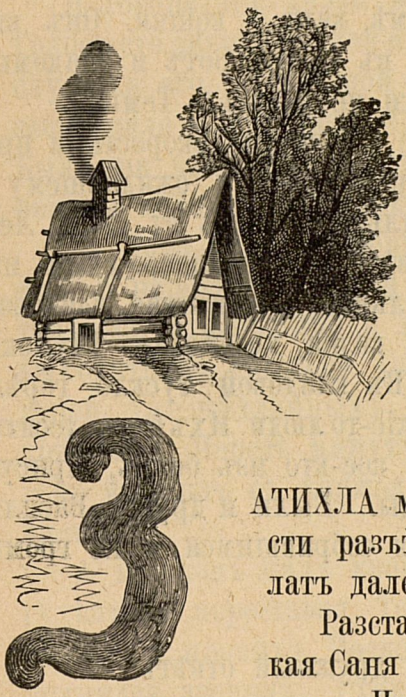
Маша поблѣднѣла... пошатнулась и, забывъ всѣ условія

приличія, тяжело опустилась на лавку, не сказавъ ни слова нежданному жениху.

А женихъ ни мало не обратилъ вниманія на смущеніе и испугъ дѣвушки.

«Узнаетъ—полюбитъ! Глупы дѣвушки молодыя... Своего счастья не понимаютъ. Ну, да эта поймете. Эта умница...»

И порѣшивъ такимъ образомъ дѣло, князь Шуйскій поспѣшилъ къ царю отблагодарить его за великую къ нему милость.



ГЛАВА XVII.

Кровавое утро.

ЗАТИХЛА музыка... Замолкли трубы... Гости разъѣхались изъ царицыныхъ палатъ далеко за полночь.

Разставаясь съ подругой, хорошенькая Саня Головина успѣла шепнуть ей:

— Не горюй, Машенька... Скажи батюшкѣ, что не любъ тебѣ женихъ... И вся недолга...

— Что ты! Что ты, глупая... — даже испугалась та. — Нешто можно! Самъ царь въ сваты назвался... Царю отказать нельзя... Нѣтъ, видно судьба моя такая горькая, безталанная... И на глазахъ дѣвушки блеснули слезы.

— Полно, Маша!.. Полно!... И мнѣ не легко... — вздохнула Санюшка. — Чай видѣла—мой ворогъ-злодѣй вернулся?

Князь Рубецъ-Масальскій снова на Москву пожаловалъ... И такими-то страшными глазищами на меня смотрѣлъ, что инда вспомнить жутко...

— Ничего не страшными... У тебя женихъ молодой да сильный, сумѣетъ, чай, защитить тебя... Не то, что мой, дряхлый старикъ...—печально произнесла убитая горемъ княжна.

Но ошиблась дѣвушка... Еслибъ увидѣла сейчасъ этого своего дряхлаго жениха Машенька, ни назвала бы его старикомъ.

Спѣшно верхомъ на конѣ пробирался Шуйскій къ своему дому. Глаза его горѣли во тьмѣ, какъ у кошки. Онъ выпрямился весь, словно выросъ въ сѣдлѣ. Вотъ и знакомыя хоромы... Вотъ и окна... Ни зги не видать... Темно...

Князь быстро спѣшился, не уступая въ скорости и проворствѣ любому юноши и, передавъ коня ожидавшему у воротъ слугѣ, взошелъ на крыльцо, потомъ въ сѣни. Легкая, чуть замѣтная полоса свѣта пробивалась сюда изъ задней горницы... Это была большая безоконная кладовая, гдѣ хранились мѣха, парча и казна хозяйская. Шуйскій распахнулъ дверь и вошелъ. Въ кладовой тускло горѣла свѣча и безшумно двигались какіе-то люди. Ихъ было десятка три, не меньше... Тутъ были и кое-кто изъ бояръ, присутствовавшихъ на пиру у царицы... Были и другіе. Василій Ивановичъ наскоро поклонился собравшимся и не громко спросилъ:

— Готовы-ли?

— Всѣ готовы! послышался дружный отвѣтъ.

— Уменьшили стражу во дворцѣ, какъ говорилъ я намедни?

— Именемъ царя уменьшили... Тридцать аллебардовщиковъ нѣмецкихъ только и берегутъ разстригу о сю пору...

— Теперь вотъ что...—и тихо, тихо зазвучалъ голосъ Шуйскаго... Слова смѣлыя и безстрашныя срывались съ его устъ... Заговорщики ловили каждое его слово, боясь упустить хотя самую малость изъ его рѣчи... Онъ говорилъ о томъ, что настало время вздохнуть русскому народу отъ позорнаго цар-

ствованія... И что онъ, князь Василій, или жизнь свою загубитъ, или спасетъ святую Русь! Не даромъ же спасся онъ отъ позорной смерти на плахѣ... Самъ Господь отвелъ его отъ казни... Онъ—князь Василій, нуженъ стало-быть еще народу русскому—сослужить ему свою великую службу — долженъ погубить самозванца-вора, такъ долго безчинствовавшаго надъ святою Русью...

И вотъ наступилъ этотъ часъ... Либо удача, либо гибель...

Но пускай онъ погибнетъ—Шуйскій за Русь святую, за родной народъ.

И говоря это, князь весь дрожалъ отъ воодушевленія. Голосъ его звучалъ силой и мощью. Заговорщики внимательно слушали его, всей душой сочувствуя его словамъ. Уже утро забрезжило разсвѣтомъ... Свѣча на столѣ нагорѣла и погасла. Было три часа утра. Москва спала... И вдругъ ударилъ огромный колоколъ на церкви Ильи пророка.

— Пора, братцы! произнесъ дрогнувшимъ голосомъ Шуйскій и перекрестился. За нимъ широко закрестились и остальные заговорщики и поспѣшно одинъ за другимъ стали выходить на крыльцо. Слуги вывели изъ внутренняго двора коней, уже осѣдланныхъ взнузданныхъ и подвели ихъ къ крыльцу... Черезъ минуту, другую цѣлый отрядъ всадниковъ выѣхалъ съ княжьяго двора, держа путь къ Красной площади.

А колоколъ надъ кровлей Ильи Пророка все гудѣлъ и гудѣлъ, не переставая. Теперь къ нему присоединились колокола и прочихъ Московскихъ церквей. Весь городъ наполнился звономъ. Гулко прорѣзая предутреннюю тишь, ударилъ звукъ набата. Еще ударъ... еще и еще...

— Москва горитъ! послышались отчаянные крики и народъ, выскакивая въ страхѣ изъ домовъ, несся по направленію къ Красной площади.

— Гдѣ горитъ? Что горитъ?—недоумѣвали на смерть перепуганные жители. Толпа на улицахъ росла съ каждой минутой. Набатъ билъ все сильнѣе и сильнѣе... Колокола

гудѣли. На Лобномъ мѣстѣ, окруженномъ несчетными толпами, внезапно выросла фигура Шуйскаго.

— Православные! загремѣлъ его голосъ! — въ Кремлѣ поганые ляхи царя убивать хотятъ... Идемъ спасать государя!

И вмѣстѣ съ двумя сотнями бояръ двинулись къ дворцу, въ то время какъ народъ бросился къ домамъ, занимаемымъ поляками.

Къ боярамъ присоединилась чернь и колодники, выпущенные наканунѣ изъ тюрьмъ по тайному повелѣнію Шуйскаго, и щедро задаренные его клевретами. На мирный московскій народъ заговорщики надѣялись мало. Они знали любовь московитянъ къ царю.

Кучка бояръ въѣхала верхомъ въ Фроловскія (нынѣ Спасскія ворота). Впереди всѣхъ былъ князь Шуйскій съ крестомъ въ рукахъ, позади него огромная разношерстная толпа. Передъ Успенскимъ Соборомъ всѣ остановились. Князь сошелъ съ лошади, приложился къ образу Богородицы и сказалъ окружающимъ: «Идемъ съ Богомъ на еретика и злодѣя». И вся толпа двинулась ко дворцу . . . . . .

. . . . . .

Не спалось эту ночь князю Михаилу. Онъ проводилъ съ нѣкоторыхъ поръ ночную пору въ дворцѣ государя...

Въ народѣ бродили не хорошіе слухи о какомъ-то заговорѣ, и это заставляло молодого мечника ни на одинъ часъ не отлучаться отъ любимаго царя. Онъ ночевалъ, съ недавнихъ поръ, всего за нѣсколько горницъ отъ опочивальни царской. Смутные, тяжелые слухи не давали покоя юношѣ. Онъ не разъ предостерегалъ Дмитрія, указывая на нихъ царю... Но довѣрчивый и безпечный царь ни мало не вѣрилъ грозившей ему опасности. Онъ весь ушелъ въ свои свадебные пиры и ничего не хотѣлъ знать, кромѣ нихъ. А Москва между тѣмъ все больше и больше волновалась... И Михаилъ лучше всякаго другого зналъ это... Еще недавно говорили открыто на площадяхъ, что царь на Руси—царь

поганый и что продастъ онъ Московскую землю ляхамъ. Еще наканунѣ царицынаго пира дерзко ворвался во внутренніе покои царя нѣкій человѣкъ—Тимоѳей Осиповъ, и назвалъ въ глаза царя Гришкой Отрепьевымъ и воромъ. Басмановъ убилъ Осипова, за что получилъ порицаніе отъ Дмитрія.

— Чего мнѣ бояться? Мнѣ нечего бояться... говорилъ царь, сіяя на всѣхъ своими добрыми глазами—я истинный государь Русскій. И народъ меня любитъ, а тѣ, што брешутъ зря... по глупости это, не трогайте ихъ. И въ угоду царю не трогали дерзкихъ его клеветниковъ...

Уже свѣтало. Ночь близилась къ концу, а князь безпокойно ворочался на лавкѣ, гдѣ ему стлали походную постель на время его ночныхъ дежурствъ.

Темныя мысли роились въ головѣ Михаила... Тяжелое предчувствіе давило его грудь... Думалъ молодой князь о невѣстѣ, думалъ о вновь возвратившемся въ Москву его врагѣ Масальскомъ и о его подневольномъ примиреніи съ нимъ. Думалъ о дядяхъ... О дядѣ князѣ Василіи больше всего думалъ Михаилъ... Кой-какіе слухи о козняхъ Шуйскаго дошли до него, но онъ не вѣрилъ имъ. Не хотѣлъ вѣрить. Чистая, благородная душа юноши не могла допустить мысли, чтобы прощенный столь великодушно за страшную свою вину царемъ, князь Василій могъ снова замышлять что-либо недоброе на своего благодѣтеля. Съ этой стороны Михаилъ былъ спокоенъ... Но у царя Дмитрія есть враги и помимо Шуйскихъ... Невѣдомые, страшные... Они растятъ измѣну... Но кто они? юноша не зналъ.

— О, если-бъ узнать ихъ и грудью постоять за любимаго государя!—произнесъ онъ мысленно и глаза его засверкали воодушевленіемъ и преданностью.

Страшный звукъ набата, внезапно нарушившій ночную тишину, разомъ прервалъ его мысли.

— Никакъ пожаръ?! вырвалось изъ груди Скопина. Онъ вскочилъ, не зная, что дѣлать. Бѣжать-ли оповѣстить людей,

или остаться здѣсь и ждать, что будетъ... И вспомнилъ тутъ же, что онъ по закону не смѣетъ покидать своего поста. Въ углу горницы на столѣ лежалъ мечъ государя съ рукояткой, осыпанной алмазами и яхонтами. При этомъ мѣчѣ онъ долженъ быть безотлучно въ дни караула. Идти нельзя...

Князь Михаилъ заглянулъ въ окно... Набатъ ударялъ все сильнѣе и сильнѣе... А зарева по прежнему не было видно. Только колокола гудѣли все громче и громче. Послышился въ этотъ мигъ, присоединившись къ нимъ, страшный ревъ толпы...

— Что за притча? Нѣту зарева—изумился князь.

Но вотъ громче, сильнѣе раздались громкіе крики. Толпа, очевидно, бѣжала теперь къ Кремлю...

Дикій, нечеловѣческій вой повисъ надъ Москвою. Крики все ближе... ближе... топотъ нѣсколькихъ сотенъ ногъ послышался подъ окнами дворца... потомъ въ сѣняхъ... въ самыхъ горницахъ... здѣсь... рядомъ...

— Измѣна!—вихремъ пронеслось въ похолодѣвшемъ отъ ужаса мозгу Михаила. И, не помня себя, онъ ринулся изъ горницы предупредить царя.

— Куда? Ни съ мѣста! Больно прытокъ господинъ великій мечникъ! — послышался надъ нимъ насмѣшливый голосъ и суровое лицо князя Дмитрія Шуйскаго предстало передъ нимъ.

— Измѣнникъ! Крамольникъ! Забылъ присягу! Не князь ты, а татъ ночная!—внѣ себя вскричалъ Михаилъ, бросаясь на дядю

— Связать молодца!.. Да поосторожнѣе, ребята! Вы мнѣ отвѣчаете за его жизнь!—приказалъ Шуйскій своимъ спутникамъ, ворвавшимся съ нимъ дюжимъ молодцамъ.

Тѣ бросились на Михаила. Юноша схватился за мечъ, но злодѣи предупредили его... Ихъ было десятеро, онъ одинъ...

Въ одну минуту князь былъ обезоруженъ и связанъ.

— А теперь идемъ помогать брату князю Василію расправляться съ проклятымъ растригой! Благо господинъ великій мечникъ не помѣшаетъ теперь намъ!—со злостнымъ торжествомъ обратился князь къ своимъ спутникамъ. И вся ватага ринулась изъ горницы.

Охваченный ужасомъ, безсильный помочь чѣмъ либо, Михаилъ былъ близокъ къ безумію...

Душа юноши, полная отчаянія, рвалась къ его вѣнценосному другу...

А «вѣнценосный другъ» Михаила спалъ почти до этихъ поръ безмятежнымъ сномъ ребенка. Молодому царю снились сладкіе сны въ это раннее утро... Снилось ему, что упрямый король Сигизмундъ согласился признать его за «цесаря непобѣдимаго», снилось, что турецкій султанъ изъявляетъ ему покорность и шлетъ цѣнные дары... Что крымскіе татары, досаждавшіе южнымъ русскимъ окраинамъ, покорно склонились передъ нимъ... Сладкія сонныя грезы вѣютъ надъ Дмитріемъ... Молодое лицо его пышетъ во снѣ жаркимъ румянцемъ... Рыжеватые кудри разсыпались по подушкѣ... Некрасивыя, но милыя черты и испорченныя бородавками щеки кажутся теперь такими дѣтскими, юными...

И вдругъ неожиданный звукъ набата и колокольный звонъ будятъ царя...

— Гдѣ пожаръ? Не вѣдаешь, Петя? разомъ проснувшись и позвавъ спавшаго въ сосѣдней горницѣ Басманова, спрашиваетъ царь.

— Не вѣдаю, государь... Да и чудно что-то: набатъ гудитъ, а зарева нѣту... Не пожаръ это...—И охваченный тяжелымъ предчувствіемъ, Басмановъ вздрагиваетъ невольно. Ему дорогъ безконечно этотъ рыжекудрый юноша. Онъ вѣритъ въ его царственную звѣзду... Вѣритъ, что онъ истинный сынъ Іоанновъ... Ради него онъ нарушилъ присягу... Заставилъ и войска измѣнить покойному Ѳеодору... Ему страшно за участь этого безпечнаго юноши—царя, которому онъ преданъ какой-то исключительной собачьей преданностью.

И, царь увидя блѣдное, взволнованное лицо своего вѣрнаго слуги, невольно блѣднѣетъ... Тяжелое предчувствіе Басманова передается и ему.

— Пойди, узнай, что случилось, Петруша! Приказываетъ онъ нетвердымъ голосомъ...

Басмановъ быстро выбѣжалъ изъ опочивальни и черезъ минуту, другую, вбѣжалъ снова безъ кровинки въ лицѣ.

— Бѣда, Государь! вскричалъ онъ глухимъ голосомъ— вся Москва ополчилась на тебя...

— Стража? Гдѣ моя стража?! вскричалъ, весь вздрогнувъ, Дмитрій.

— Ее одолѣли бояре... Идутъ сюда!.. Ты слышишь шумъ?.. Дворецъ окруженъ... Горе намъ, государь...—хватаясь за голову, ронялъ Басмановъ.

— Я покажусь народу, пусти меня! вскричалъ Дмитрій...—И прежде, чѣмъ вѣрный Басмановъ могъ остановить его, онъ быстро распахнулъ окно и громко крикнулъ собравшейся у дворца толпѣ...

— Измѣнники! Злодѣи! Забыли присягу!.. Я не позволю вамъ! Я вамъ не Годуновъ!..—Градъ насмѣшекъ и брани былъ ему отвѣтомъ. Тогда Дмитрій захлопнулъ окно и бросился въ горницы жены предупредить ее объ опасности...

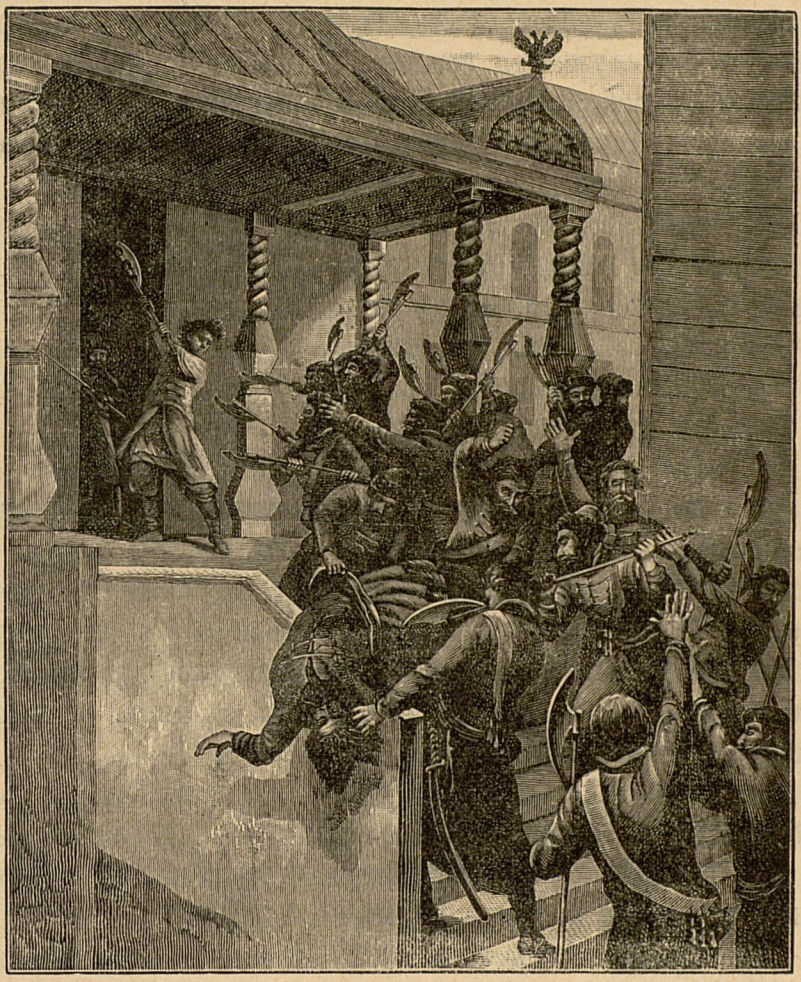
Когда онъ вернулся, Басмановъ предложилъ послѣднее средство къ спасенію.

— Я выйду на крыльцо къ боярамъ, государь, и попробую пробудить въ нихъ совѣсть,—проговорилъ онъ быстро, и, не дождавшись приказанія царя, выбѣжалъ изъ горницы. Черезъ минуту Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ стоялъ на высокомъ красномъ крыльцѣ... Передъ нимъ гудѣла толпа... Звѣрскія, озлобленныя, дикія лица глядѣли на него отовсюду... Впереди него, у самаго крыльца, стояли бояре... Шуйскій, Голицынъ, Салтыковъ, Куракины, Татищевы... Всѣ тѣ люди, которыхъ недавно ласкалъ своими милостями молодой царь.

— Православные! началъ смѣлымъ, твердымъ голосомъ

Басмановъ,—по што безпокоите государя? Уймитесь, перестаньте безчинствовать... успокойтесь... Царь проститъ... Онъ милостивъ и добръ... Принесите повинную...

Съ картины Творожникова.



Смерть П. Басманова.

— Молчи, измѣнникъ... Ты продалъ душу твоему самозванному царю! послышался изъ толпы взбѣшенный голосъ и прежде, чѣмъ могъ опомниться Басмановъ, бояринъ Михаилъ Татищевъ вбѣжалъ на крыльцо, взмахнулъ ножомъ

надъ головою Басманова и глубоко вонзилъ его въ сердце несчастнаго.

— Иди въ адъ, со своимъ еретикомъ-царемъ! — вскричалъ, страшно сверкая глазами убійца. Басмановъ тихо вскрикнулъ и тяжело рухнулъ на ступени крыльца. Кровь, брызнувшая изъ раны, опьянила толпу. Часть ея, уже прорвавшаяся въ служивыя помѣщенія, хозяйничала на одной половинѣ дворца, обезоруживъ аллебардовщиковъ изъ нѣмецкой стражи... Теперь вся толпа съ дикимъ животнымъ воемъ кинулась въ самый дворецъ, ища Дмитрія...

А Дмитрій въ это время метался по горницѣ, не зная, что предпринять... какъ спастись... Предсмертный крикъ Басманова ножомъ ударилъ его въ сердце.

— Отомщу убійцамъ за вѣрнаго слугу! вскричалъ онъ... Гдѣ великій мечникъ! Подать сюда мой мечъ! продолжалъ онъ взывать громкимъ голосомъ.

Но великій мечникъ лежалъ связанный... Некому было подать меча Дмитрію... А чернь уже ворвалась во дворецъ и бѣгала по горницамъ, ища царя. Вотъ ближе... ближе топотъ многихъ сотенъ ногъ... отчаянные крики... бранъ... угрозы... Спасенія нѣтъ... Дмитрій бросился въ слѣдующую комнату, выходящую окнами на Житный дворъ, распахнулъ окно и съ высоты трехъ саженъ бросился въ низъ, на минуту потерявъ сознаніе.

Адская боль въ ногѣ заставила его очнуться. Вокругъ него толпились суровыя лица стрѣльцовъ.., И разомъ Дмитрій понялъ, что не все еще потеряно. Вѣрные ему стрѣльцы не выдадутъ его заговорщикамъ.

— Братцы! постойте за меня! Я вамъ истинный царь, сынъ Іоанновъ...—произнесъ онъ слабымъ голосомъ, оглядывая окружившихъ его стрѣльцовъ.

— Ладно. Постоимъ. Крестъ тебѣ цѣловали. Ты—государь нашъ батюшка! — отвѣчали тѣ и бережно поднявъ Дмитрія (такъ какъ при паденіи онъ вывихнулъ ногу), понесли его во дворецъ.

Но тамъ уже хозяйничали Шуйскіе съ ихъ приверженцами. Князь Василій Ивановичъ, при видѣ Дмитрія на рукахъ стрѣльцовъ, выступилъ впередъ.

— Отдайте намъ еретика растригу!—обратился онъ къ стрѣльцамъ.

— Не выдадимъ батюшку царя, Дмитрія Ивановича!—стойко отвѣчали тѣ!

— Какой онъ царь! Онъ воръ и обманщикъ!—кричала чернь, окружавшая бояръ.

— Мы ему крестъ цѣловали—онъ царь! — утверждали стрѣльцы.

— А коли такъ! Коли держутся они вора и самозванца,—послышались голоса изъ толпы,—такъ пойдемъ, ребята, раззоримъ ихъ дома и перебьемъ ихъ женъ и дѣтей!

— Перебьемъ женъ и дѣтей стрѣлецкихъ! загудѣла толпа и ринулась изъ дворца. Стрѣльцы кинулись за нею предупредить несчастье. Безсильный, одинокій, съ вывихнутой ногою Дмитрій очутился на единѣ съ враждебною ему толпою бояръ. Онъ понялъ, что все кончено теперь для него.

Князь Шуйскій и другіе бояре только и ждали, казалось, этой минуты. Въ одинъ мигъ они окружили его.

— Кто ты? подступили они съ распросами къ несчастному.

— Клянусь вамъ именемъ Животворящаго Господа, что съ отроческихъ лѣтъ знаю себя за царевича Дмитрія,—отвѣчалъ онъ,—такъ говорили кругомъ... Такъ я слышалъ. Я вѣрю свято въ то, что я сынъ Іоанновъ, хотя не помню своего дѣтства... Если вы не вѣрите мнѣ, спросите мою мать царицу, она меня признала сыномъ—пусть подтвердитъ!

— Дѣло говоритъ,—зашептали бояре—покончить съ нимъ завсегда успѣемъ... Пусть тотъ, кто разъ уже ходилъ къ царицѣ, со спросомъ, идетъ опять и допроситъ хорошенько инокиню-государыню, кого признала она царемъ... заговорили въ толпѣ.

— Князя Скопина послать... Князя послать въ Дѣвичій

монастырь къ царицѣ.—Онъ ее привезъ сюда на Москву, его и послать.—Снова зашумѣли голоса.

— И еще двоихъ для провѣрки! ввернулъ свое слово Василій Шуйскій, боясь, чтобы племянникъ не испортилъ ему дѣла. Бросились искать князя, нашли его связаннаго, освободили и привели къ боярамъ. При видѣ искалѣченнаго любимаго царя, Михаилъ поблѣднѣлъ смертельно. Хотѣлъ броситься къ его ногамъ, но юношу не допустили къ Дмитрію... Только успѣлъ обмѣняться взоромъ, полнымъ скорби, великій мечникъ со сверженнымъ царемъ. Голубые глаза Дмитрія съ мольбою обратились къ Михаилу, Михаилъ понялъ этотъ взглядъ... Надо спасти его во что-бы то ни-стало! Инокиню Марѳу привести сюда! произнесъ мысленно князь Михаилъ и со всѣхъ ногъ кинулся къ Дѣвичьему монастырю. Двое другихъ посланныхъ бояръ бросились за нимъ слѣдомъ. На первомъ попавшемся конѣ поскакалъ въ обитель царицыну Скопинъ... Въ монастырѣ уже знали о случившемся. Съ блѣднымъ встревоженнымъ лицомъ, вышла къ боярскимъ посланнымъ инокиня Марѳа. И вдругъ, при видѣ князя Скопина, она смутилась. Краска волненія вошла на ея обычно восковое, безкровное лицо. Этому самому юношѣ она, годъ тому назадъ, первая призналась, что царь—ея истинный сынъ Дмитрій.

— Государыня, — задыхаясь отъ быстрой ѣзды и душевнаго трепета, прошепталъ этотъ юноша, падая къ ногамъ монахини,—именемъ Господа Бога тебя заклинаю,—спаси сына! Выйди къ народу и объяви, что онъ истинное чадо Іоанново!

Царица инокиня, вдругъ, разомъ поборола свое смущеніе, выпрямилась, окинула глазами упавшаго къ ея ногамъ юношу и двухъ другихъ посланныхъ отъ бояръ и внятно, громко проговорила:

— Четырнадцать лѣтъ тому назадъ убитъ сынъ мой Дмитрій... И этого самозваннаго царя, бѣглаго монаха и еретика признала я со страха. Да отпуститъ мнѣ Господь вели-

кій грѣхъ мой. Крикъ отчаянья вырвался изъ груди Скопина, при этихъ словахъ царицы. Онъ вскочилъ на ноги и съ перекошеннымъ отъ ужаса лицомъ, со страшными помутившимися глазами, кинулся бѣжать изъ кельи. Двое другихъ посланныхъ едва поспѣвали за нимъ.

Смерть Димитрія Самозванца, 1604 года.

Бояре и сверженный царь съ замираніемъ сердца ждали гонцовъ. Двое посланныхъ и князь Скопинъ замѣшкались въ

пути... Князь Михаилъ понялъ одно... Онъ служилъ разстригѣ-обманщику, лгуну... Но этотъ облыжный царь и разстрига былъ обманщикомъ поневолѣ... Онъ самъ твердо вѣрилъ въ то, что онъ сынъ Іоанновъ. Онъ былъ милостивъ и смѣлъ... И если не въ силахъ спасти его Михаилъ, онъ долженъ, помня его милость и доброту, отплатить ему тѣмъ-же. Онъ долженъ попытаться спасти хоть ту, кого любилъ несчастный свергнутый царь больше жизни. Долженъ спасти Марину...

И давъ шпоры коню, князь Михаилъ понесся къ дворцу...

Съ трудомъ пробрался онъ къ царской горницѣ. Попрежнему шумѣла толпа, попрежнему допрашивали царя бояре...

Не смотря на всѣ просьбы и требованія Скопина подпустить его къ царю, его не пускали.

— Что говорила царица? спрашивали его бояре. Онъ молчалъ. Вдругъ появились двое другихъ посланныхъ гонцовъ изъ обители.

— Инокиня Марѳа отреклась отъ мнимаго сына. Не царь онъ! Не чадо Іоанново, а воръ и названецъ!

Послышался громкій возгласъ одного изъ нихъ. Дикій ревъ толпы былъ ему отвѣтомъ.

— Ну, что же ты скажешь на это, названный царь? подступилъ къ нему снова съ допросомъ Шуйскій.

Блѣдный, какъ смерть, Дмитрій прошепталъ:

— Клянусь, я не зналъ... Я говорилъ то, во что самъ вѣрилъ... Я Дмитрій, сынъ Іоан...—Онъ не докончилъ...

Изъ толпы выбѣжалъ человѣкъ съ всклокоченными волосами, съ горящимъ ненавистью взоромъ... Въ его рукѣ была тяжелая пистоль... Онъ приставилъ ее къ груди Дмитрія и выстрѣлилъ въ упоръ...

Безъ крика, безъ стона бывшій царь упалъ мертвый. Чернь бросилась на него, коля ножами, терзая и всячески муча бездушный трупъ.

Князь Михаилъ, какъ помѣшанный бросился изъ горницы, лишь только выстрѣлъ прекратилъ жизнь разстриги... Здѣсь онъ уже ничему не могъ помочь... Царя, боготворимаго

юношей, не стало... Былъ жалкій, несчастный «названецъ», надъ которымъ только что свершился Божій Судъ. Но князь помнилъ, какъ много онъ обязанъ этому, только что погибшему смѣлому человѣку, цѣлый годъ носившему имя царя.

— Надо спасти царицу!—прошепталъ Скопинъ, и бросился на половину Марины... Тамъ уже господствовалъ переполохъ... смертельный ужасъ царилъ среди женщинъ Марининой свиты. Чернь ломилась въ двери...

Зная потайной ходъ, Скопинъ прошелъ и очутился среди обезумѣвшихъ отъ страха женщинъ.

— О, благородный рыцарь! вскричала Марина, бросаясь къ нему: — спаси насъ! Толпа убила мою стражу... Убила пажа Осмульскаго, охранявшаго дверь... Меня спрятала моя вѣрная панна Козановская, когда они ворвались сюда, ища меня... Но они снова придутъ... Именемъ мужа моего, царя... прошу тебя... спаси насъ.

— Успокойся, царица, я буду защищать тебя до послѣдней капли крови!—произнесъ твердо Михаилъ.

— Благослови тебя за это Матерь Божія, благородный рыцарь!—произнесла взволнованно Марина.

— Не знаешь-ли ты, гдѣ царь? Успѣлъ-ли онъ спастись? — Обратилась она съ вопросомъ къ князю. Едва она произнесла это, какъ дверь съ грохотомъ соскочила съ петель подъ напоромъ осаждавшей ея толпы... Чернь ворвалась въ горницу...

— Ага! Вотъ гдѣ она, поганая ляшка! Вотъ воровская царица!—послышались голоса и разъяренная толпа кинулась къ Маринѣ.

Въ одну минуту князь Скопинъ очутился между нею и чернью.

— Назадъ! Или мой мечъ уложитъ перваго, кто осмѣлится сдѣлать шагъ впередъ!— грозно сверкая очами, вскричалъ онъ.—Ступай въ сосѣднюю горницу, Марина Юрьевна,—тихо обратился онъ къ царицѣ, пользуясь внезапнымъ замѣшательствомъ толпы,— а я поставлю крѣпкую стражу у твоихъ дверей...

— Благодарю, рыцарь! Я въ неоплатномъ долгу у тебя... И кто знаетъ! Можетъ быть, отплачу тебѣ за свое спасеніе въ болѣе свѣтлую минуту.—И сказавъ это, Марина исчезла въ сосѣдней горницѣ, быстрая какъ ланъ. Ея женская свита послѣдовала за ней.

— А вы прочь отсюда! Загремѣлъ снова Скопинъ громовымъ голосомъ,—не было вамъ приказу отъ бояръ убивать панну Марину... Ступайте отселѣ!—обратился онъ къ толпѣ.

Страшный голосъ, сверкающіе глаза и властный тонъ подѣйствовали на чернь... Толпа покорно удалилась, оставивъ въ покоѣ недавнюю царицу. Скопинъ разставилъ стражу у дверей ея горницы, приказавъ строго на строго никого не пропускать туда, гдѣ укрылись женщины, а самъ поспѣшилъ на улицу.

Набатъ гремѣлъ попрежнему... Колокола гудѣли... Толпа гудѣла не меньше колоколовъ... Чернь кинулась къ домамъ поляковъ, шумѣла и безчинствовала, безжалостно избивая всѣхъ ляховъ, попадавшихся ей подъ руку.

Тѣ отчаянно защищались. Шла ожесточенная рѣзня на улицахъ и въ домахъ.

А на Лобномъ мѣстѣ лежали два окровавленные трупа на глазахъ у всѣхъ.

Сверженный царь, весь истерзанный до неузнаваемости съ маскою на лицѣ съ (волынкою) дудкою въ рукахъ.

— Веселился поганый еретикъ при жизни нечистиво, пускай-же такимъ и на страшный судъ предстанетъ.—Говорили, украшая подобнымъ образомъ трупъ Дмитрія, озвѣревшіе люди.

А у ногъ разстриги лежало мертвое тѣло его любимца и вѣрнаго друга Ѳедора Басманова.

— При жизни были неразлучны—пусть и на тотъ свѣтъ пойдутъ друзьями!

Говорилъ народъ, всячески издѣваясь надъ безгласными трупами.

А толпы между тѣмъ все прибывали и прибывали на Красную площадь...

Мирные жители Москвы недоумѣвали... Помимо ихъ воли низвели и убили царя... Помимо ихъ воли происходило нечто странное и неожиданное на Красной площади.

Толпа вокругъ Лобнаго мѣста росла.

Въ ней преобладали бояре, служивые люди, и всѣ заговорщики: дворянскія и боярскія дѣти.

— Царя выбирать будутъ? Слышь, новаго царя выбираютъ!—кричалъ народъ, устремляясь на площадь.

Вся площадь гудѣла... шумѣла... вопила... Выкрикивались имена тѣхъ, кому можно было предложить престолъ. Слышались имена Мстиславскаго, Голицына и другихъ. И вдругъ одно имя покрыло всѣ остальныя.

— Князю Василію Ивановичу Шуйскому быть царемъ! Онъ знатнѣе всѣхъ по крови! Онъ Рюриковичъ! Онъ-же спасъ Русь отъ проклятаго еретика! Велика его заслуга! Ему и быть царемъ! Загудѣли многочисленные приверженцы Шуйскихъ.

И разомъ все стихло. Стихла вся толпа, какъ одинъ человѣкъ на непродолжительное время. Потомъ вдругъ разразилась новымъ неистовымъ крикомъ.

— Да здравствуетъ царь-государь нашъ Василій Ивановичъ!

Солнце вышло изъ-за облаковъ и брызнуло цѣлымъ снопомъ лучей, освѣтивъ Красную площадь, Лобное мѣсто и безсчетныя толпы народа... Освѣтило и низенькую тщедушную фигурку старичка, вошедшаго на возвышеніе, какъ разъ въ эту минуту.

Старичекъ низко кланялся во всѣ стороны народу... Его клинообразная бородка тряслась отъ волненія... Слезы градомъ текли по лицу... Это былъ новый царь, только что выкрикнутый его приверженцами на престолъ Московскій.

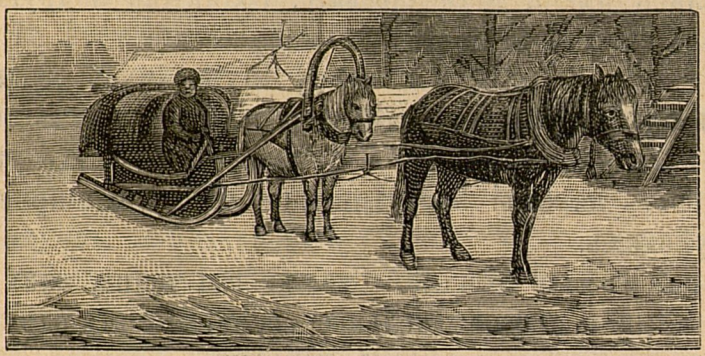
Шуйскій широко крестился и все кланялся безъ конца народу... Его губы шевелились... Онъ говорилъ что-то, че-

го нельзя было слышать за гуломъ толпы. А толпа все гудѣла, все неистовала... Колокола звонили... Народъ кричалъ...

— Царствуй на многіе годы царь-государь Василій Ивановичъ!

Тщеславныя мечты Шуйскаго, наконецъ сбылись...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.



СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Два брата.—Недобрый гонецъ.—Завистникъ.—Царское рѣшеніе.

ЦАРЬ Василій Ивановичъ только что вернулся отъ обѣдни. Лицо государя было взволновано, обычно красноватые глаза покраснѣли еще больше. Войдя въ свою царскую «одѣвальню», онъ далъ двумъ стрялчимъ боярамъ снять съ себя тяжелую горлотную шапку и остался въ одной тафьѣ *). Дворецкій царскій осторожно принялъ съ плечъ царя шитый золотомъ и унизанный жемчугомъ лѣтній опашень, заканчивающійся огромнымъ козыремъ**), въ который плотно упирался затылокъ. Царь остался въ одномъ кафтанѣ.

Одежда царя Василія Шуйскаго, не блеставшая драгоцѣнными камнями и украшеніями, поражала своею скромностью. На сколько Самозванецъ любилъ роскошь и расточительность, на столько Василій Шуйскій былъ бережливъ и скупъ.

Царскій стольникъ Семенъ Васильевичъ Головинъ вошелъ въ горницу и съ низкимъ поклономъ доложилъ царю, что трапеза ждетъ государя. Знакомъ руки Шуйскій отослалъ бояръ, присутствовавшихъ при его раздѣваніи и, удержавъ одного только ближняго боярина брата своего Дмитрія Ивановича, прошелъ съ нимъ въ стольную палату...

*) Родъ ермолки. **) Высокій воротникъ.

И здѣсь, не въ примѣръ погибшему Дмитрію, все поражало скромностью убранства. Большой столъ былъ покрытъ бѣлоснѣжною скатертью, обведенной по краямъ яркой каймою.

На столѣ (день былъ скоромный) стояло нѣсколько перемѣнъ, холодныхъ кушаній: говядина, студни, разныя заливныя! Царскій кравчій тутъ же отвѣдывалъ отъ каждаго блюда (это дѣлалось во избѣжаніе отравы, которой въ старину такъ опасались русскіе цари), послѣ чего подавалъ блюдо царю. Кушанья царь бралъ прямо руками изъ мисокъ и блюдъ и клалъ жирныя куски прямо на тарелку. Прежде всего царь приказалъ налить себѣ чарку водки, предложилъ такую же чарку брату, и выпивъ стопку до дна, закусилъ ее по обычаю хлѣбомъ. Стольники приняли первую смѣну. Жильцы царскіе, прислуживавшіе за столомъ, принесли вторую, состоящую изъ горячихъ блюдъ. Курники, подовые пироги, лепешки съ начинкой изъ дичи, разные жирные короваи теперь смѣнили холодныя блюда и опять отвѣдывалъ стольникъ отъ каждаго явства... Царь обильно запивалъ все это брагой и медомъ, причемъ отъ стопки съ питьемъ прежде, нежели поднести ее государю, отпивалъ царскій гашникъ. Это дѣлалось тоже изъ опасенія быть отравленнымъ царю въ винѣ. Послѣ горячихъ шли жаркія въ видѣ куръ, перепелокъ, дичины разной, обильно приправленной всякими пряностями и, наконецъ, разные звары, то есть лакомыя печенья и овощныя сласти. До фряжскихъ винъ Шуйскій не былъ большой охотникъ вообще, а сегодня онъ къ нимъ даже и не притрагивался. Не притрагивался къ вину заморскому изъ угоды царю и братъ его Дмитрій Ивановичъ.

Царь былъ за все время трапезы грустенъ и сосредоточенъ. Послѣ обѣда любимый царскій стольникъ подалъ чашу съ водой для умыванья рукъ царю и его гостю: они исполнили этотъ обычай, такъ усердно чтимый нашими предками, потомъ степенно поднялись отъ стола. Двое дру-

гихъ стольниковъ поддерживали подъ руки царя, пока онъ долго и истово крестился на образа, висѣвшіе въ богатомъ складнѣ въ переднемъ углу горницы.

— Ну, насытились милостью Господа!—произнесъ царь, обращаясь къ брату.—Пойдемъ въ постельничью палату со мною, Митрій. Я прилягу, не обезсудь, а ты останься, побесѣдовать намъ надо.—Жильцы подъ руки повели царя до его опочивальни... Василій Ивановичъ шелъ медленно. Но не тяжесть послѣобѣденная (царь едва прикасался сегодня къ явствамъ), что-то больно угнетало душу его...

И лишь только постельничьи, принявъ царя, помогли ему лечь на высоко взбитую перину и удалились по царскому знаку, онъ сразу обратился къ брату, торопясь высказаться ему.

— Мочи нѣтъ!.. При людяхъ, при смердахъ крѣпился... а теперь ужь буде... Довольно!.. Вѣдь добили они меня, Митя, какъ есть добили... Слыхалъ, что выдумали? Ты чаешь, не со злобы это? Зря што-ли?

— Вороги наши, ничего не подѣлаешь, государь-братецъ! Стерпѣть надо! — потупляясь, отвѣчалъ Шуйскій младшій.

— Нѣтъ, буде терпѣть, Митрій! Мочи моей больше нѣту, говорю... Какъ услыхали они о новомъ самозванцѣ, такъ ровно ополоумѣли... Вотъ вечоръ докладывали мнѣ, новаго еще смутьяна схватили въ рабочей слободѣ... Мутилъ народъ: такъ молъ и такъ: живъ Дмитрій Ивановичъ... Спасся, а замѣсто его нѣмецкій аллеба довщикъ убитъ—изъ его тѣлохранителей, значитъ...

— И што-же?

— Пытали! Да что толку! этого запытать—другіе найдутся! Мало што-ли на свѣтѣ брехуновъ...

— И чего они? Ужь, кажется, и мощи имъ младенца Дмитрія изъ Углича перевели... И чудеса мощи оказываютъ на виду всего народа... И царица-инокиня и новый патріархъ грамоты разсылаютъ объ убійствѣ разстриги по

всей Руси. Нѣтъ таки! И что выдумали-то, вотъ хоть-бы нынѣ-то,—хитро нечего сказать!

— Народъ лукавъ! Ой, лукавъ, Митя! Трудно съ нимъ,—произнесъ царь и задумался. Долго лежалъ потомъ, вперивъ глаза въ расписной потолокъ горницы. Передъ нимъ вставал картина только что происшедшаго. Онъ возвращался спокойно сегодня изъ Успенскаго собора, не помышляя ни о чемъ дурномъ. И вдругъ толпы народа запружаютъ Красную площадь... Смятенье царило въ Кремлѣ... Всѣ словно ждали чего-то... Взоры всѣхъ нетерпѣливо устремляются на царя...

— Что вамъ, братцы?—удивленно спрашиваетъ онъ у ближайшихъ къ нему изъ толпы людей. Тѣ молчатъ, мнутся... Наконецъ, кое-кто, протиснувшись къ царю, робко съ заминкой поясняетъ:

— Такъ молъ и такъ, царь-батюшка, отецъ родимый, сказывали намъ бояре, что ты съ Лобнаго мѣста говорить съ нами желаешь.

Онъ вспыхнулъ... Задрожалъ отъ гнѣва, понявъ сразу, что пущенъ былъ этотъ ложный слухъ боярами, чтобы дать поводъ къ новому смятенію и неурядицамъ. Русскій народъ не любитъ, чтобы его зря отрывали отъ дѣла, не любитъ ложныхъ тревогъ.

И тутъ-же, передъ собравшимися толпами, проливая слезы, сталъ укорять Шуйскій бояръ.

Потомъ снялъ съ головы вѣнецъ—Мономахову шапку и бросилъ на землю свой царскій жезлъ.

— Коли не любъ я вамъ, зачѣмъ выбирали царемъ? Коли не любъ, не хочу царствовать надъ вами! Ищите другого царя!—произнесъ онъ гнѣвно, топнувъ ногою.

Тяжелую минуту пережилъ онъ тогда. Его тщеславное счастье, казалось, висѣло наволоскѣ. Согласись съ нимъ тогда бояре, — и тронъ и царство навсегда-бы ушли изъ его рукъ. Но, къ счастью, бояре смутились не менѣе самого царя и молчали... И онъ воспользовался этой ми-

нутой. Снова надѣлъ шапку Мономаха на свою сѣдую голову, поднялъ царскій жезлъ и, оглянувъ близъ стоявшихъ бояръ, произнесъ грозно:

— Если царь я—пусть не дерзаютъ измѣнники. И прошелъ величаво во дворецъ. При одномъ воспоминаніи объ этой недавней сценѣ, теперь еще кровь бросалась въ лицо царя.

Онъ долго лежалъ точно въ забытьи, переживая чуть-ли ни въ сотый разъ утреннія впечатлѣнія.

Дмитрій Ивановичъ ждалъ въ почтительномъ молчаніи царскаго слова.

— Тяжело мнѣ!—снова произнесъ Василій съ глубокимъ вздохомъ.—Понятно, не страшенъ мнѣ новый самозванецъ. Не страшны его сторонники... а все же смута бременемъ ложится на сердце. Какъ посылалъ я къ Ельцу и Кромамъ Князей Воротынскаго и Трубецкаго, такъ сердце обливалось кровью, повѣришь, Митя.

— Полно, государь-братецъ! Одолѣютъ мятежниковъ твои воеводы. Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій испытанный воинъ, ратное дѣло доподлинно знаетъ, а Трубецкой, хошь и молодъ, а вѣренъ намъ...

— Да вѣренъ-ли, Митя?.. Вонъ и Петька Басмановъ былъ вѣренъ Годуновымъ, а продалъ ихъ ни за что!

— Круче надо, государь! Добръ ты больно... Народъ не пойметъ... Ему возжи тугія нужны... Милостивъ ты, Василій Ивановичъ. Пошто свою власть съ боярами дѣлишь?—не громко произнесъ Дмитрій Шуйскій.

Царь вскинулъ глазами на брата. Недоброе, лукавое лицо Дмитрія смотрѣло на него въ упоръ своими черными, жесткими глазами.

Василій Ивановичъ зналъ сокровенныя мысли завистливаго и тщеславнаго боярина. Зналъ и то, что Дмитрій спитъ и видитъ себя царемъ.

На его искренность царь не могъ положиться. Но одинокому, нелюбимому народомъ царю надо было дѣлиться

съ кѣмъ-либо въ тяжелыя минуты своими горестями и поневолѣ онъ приближалъ къ себѣ брата.

— Нельзя слѣдовать его совѣтамъ! Богъ вѣсть, что на умѣ у него!—мысленно томился царь. — Можетъ, и крутыя мѣры онъ для того совѣтуетъ, чтобы еще больше возбудить народъ противъ меня и самому войти на царство. И подозрительно глянули маленькіе красные глазки царя на Дмитрія Ивановича, молча и стойко выдержавшаго его взоръ.

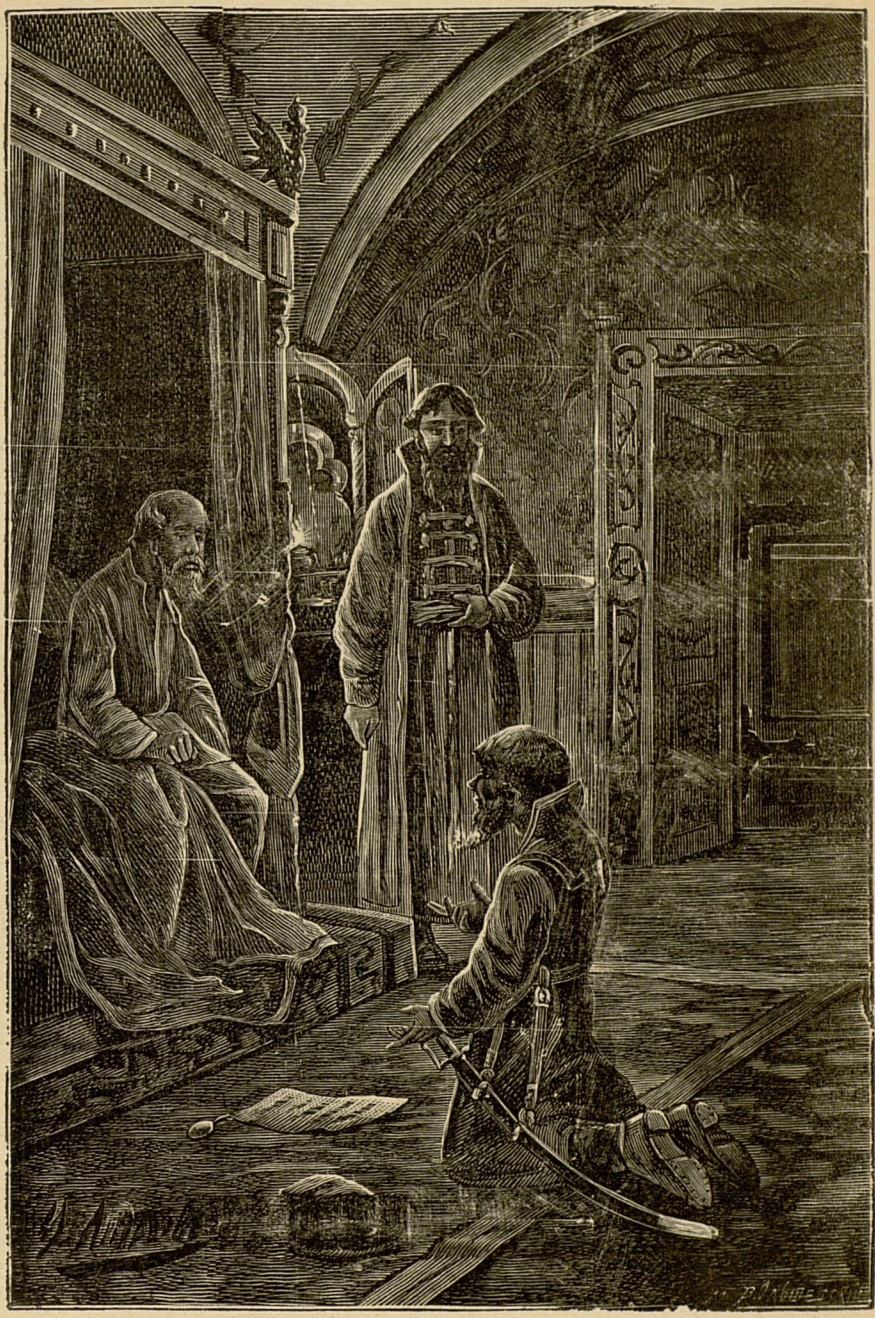
— Одинокъ! Какъ перстъ одинокъ въ цѣломъ свѣтѣ!— вихремъ пронеслось въ мысляхъ царя. И вдругъ глаза его потеряли разомъ ихъ скорбное, подозрительное выраженіе... Губы растянулись въ широкую улыбку.—Передъ нимъ выплылъ прелестный образъ княжны Буйносовой-Ростовской, его юной невѣсты. Любитъ царь молодую Машу, безъ ума любитъ... Недавно отправилъ онъ ея отца стараго боярина князя Ростовскаго на Украйну вмѣстѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ и княземъ Трубецкимъ, давъ ему почетное, воеводское назначеніе при войскѣ. Видѣлъ царь горькія слезы княжны Марьи по отъѣздѣ отца... ея боязнь за жизнь родителя, и отъ этого сердечнаго дочерняго чувства и нѣжной заботливости къ уѣзжавшему отцу, еще дороже стала царю красавица княжна...

— Золотая душа у моей будущей царицы!—думалъ Шуйскій—вотъ кто отогрѣетъ мою одинокую душу... Вотъ кто утѣшитъ мои скорби и горести!

И сердце его тихо затеплилось теплымъ приливомъ счастья. Чудный образъ черноокой красавицы княжны всталъ какъ на яву передъ замечтавшимся царемъ.

Онъ такъ увлекся своими грезами, что и не разслышалъ, какъ съ шумомъ распахнулась дверь опочивальни и, вопреки строгимъ обычаямъ дворцовымъ, вбѣжалъ къ нему въ горницу, безъ доклада, весь запыленный, усталый и перепуганный на смерть какой-то человѣкъ.

Царь опомнился только тогда, когда увидѣлъ надъ собою склонившееся, блѣдное, какъ смерть, лицо брата.



Дурныя вѣсти.

— Государь! Очнись! Дурныя вѣсти примчалъ гонецъ отъ войска!—произнесъ дрожащимъ голосомъ Дмитрій Ивановичъ.

Словно ударъ грома разразился надъ старой головой царя. Какъ безумный, вскочилъ съ постели Шуйскій.

— Гдѣ гонецъ? Ввести его живо!.. — началъ онъ и не кончилъ, вдругъ увидя блѣднаго, полуживаго отъ усталости человѣка у своихъ ногъ...

— Ты?.. Ты, гонецъ?.. Говори, скорѣе! Какія вѣсти привезъ изъ стана?—весь задохнувшись, упавшимъ голосомъ, произнесъ царь.

— Дурныя вѣсти... государь... Князь Воротынскій близъ Ельца повстрѣчался съ измѣнникомъ—заговорилъ тотъ срывающимся голосомъ,—съ Шаховскимъ и злодѣемъ Ивашкой... побѣдилъ ихъ было... Но подъ Кромами, государь... не гнѣвись... напали врасплохъ на твое войско... измѣнники... и... и... побѣдили... они... нашихъ, государь... бѣжали наши...

— Злодѣи. Пять тысячъ всадниковъ бѣжали отъ толпы бродягъ?..—Внѣ себя вскричалъ Шуйскій.

— Ты ошибаешься, великій государь... У нихъ правильное войско... Запорожцы съ ними... Изъ Путивля тронулись нестройно, это истинно, а нынѣ... Веневъ и Каширу казачій воевода сынъ боярскій Истомка Пашковъ имъ предалъ... Тула грамоту послала, сказываютъ... Рязанцы съ Ляпуновымъ пристать ладятъ, съ воеводой Сунбуловымъ тожъ. Растетъ измѣна, государь, великая...

— Пашковъ... Ляпуновъ... Сунбуловъ...—ронялъ словно въ безпамятствѣ потерявшійся царь...—Гдѣ же эти теперь?.. Гдѣ?

— Идутъ.. государь... Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира—вся земля Рязанская имъ предается. Воеводъ смѣщаютъ твоихъ... Въ Путивль шлютъ за судомъ и смертью къ злодѣю ихнему...

— А Воротынскій? а Юрій Трубецкой? когда же сюды,

будутъ на Москву?—сорвалось съ отчаяніемъ съ устъ царя.

— Не пріѣдутъ они въ Москву, государь... Боятся великаго срама бѣглецы... Въ дальнія вотчины свои уѣхали князь Воротынскій и другіе...

— А Ростовскій-Буйносовъ князь? Тоже?

— Убитъ бояринъ Ростовскій, государь...

Царь Василій Ивановичъ тихо ахнулъ и опустился на лавку... Силы на мигъ покинули его.

Но вдругъ мгновенно онъ преобразился, ожилъ:

— Бояръ сюда! Въ Думную палату созвать. Штобы собирались тотчасъ же! — приказалъ онъ спѣшно и трясущимися руками сталъ застегивать на себѣ кафтанъ . . .

. . . . . .

Хмурые, съ потупленными очами заняли свои обычныя мѣста въ Думной палатѣ бояре. Многихъ здѣсь не доставало изъ прежнихъ клевретовъ Лже-Дмитрія, не было Шаховскаго князя, не было дворецкаго Дмитріева князя Рубца-Масальскаго: одного сослали въ Путивль послѣ гибели Самозванца, другого въ Карелу опальными воеводами. Не было и Великаго секретаря Афанасія Вяземскаго, сосланнаго въ Уфу, ни Михаила Салтыкова, находящагося тоже въ опалѣ въ Иванъ-Городѣ, ни Бѣльскаго, удаленнаго воеводой въ Казань. Не говоря уже о полякахъ Юріи Мнишкѣ, Вышневецкомъ, братьяхъ Бучинскихъ и многихъ другихъ, которые, вмѣстѣ съ развѣнчанной царицей находились подъ стражей по приказу новаго царя. Совсѣмъ иные люди окружали теперь тронъ Московскаго государя.

Братья его Дмитрій и Иванъ Шуйскіе, Голицыны, Куракины, Мстиславскій, Батурлинъ, Татевъ, Нагіе, постельничій бояринъ Кузьма Осиповичъ Ададуровъ и, не въ примѣръ прочимъ, убѣленнымъ сѣдинами и мудростью житейской, боярамъ, молодой стольникъ царскій и племянникъ его князь Михаилъ Скопинъ.

По знаку царя впустили гонца отъ князя Трубецкаго, прискакавшаго изъ войска. Онъ еще разъ повторилъ не-

сложно и взволнованно о пораженіи подъ Кромами царскихъ дружинъ. Когда же закончилъ свой разсказъ гонецъ, царь въ волненіи поднялся со своего мѣста и заговорилъ первый, обращаясь ко всему синклиту:

— Князья и бояре! Думскіе люди, слушайте! Мятежники дерзнули смѣстить воеводъ нашихъ: Черкасова, Трестенскаго, Вердевскаго, Буйносова-Ростовскаго и другихъ... Предали ихъ поруганію... Нѣкоторыхъ убили... Что дѣлать, бояре? Наше царское слово при вступленіи на престолъ было рѣшать дѣла государственныя и вершить суды съ ближними нашими *)... Одинъ умъ хорошъ, два лучше, а нѣсколько умовъ и того крѣпче будутъ. Рѣшайте-же.

Царь кончилъ свою недолгую рѣчь и окинулъ бояръ глазами.

Сначала тихо, а потомъ все громче и громче загудѣли голоса въ палатѣ. Бояре сговаривались, шумѣли, спорили продолжительно и горячо...

Наконецъ, старый, сѣдой, какъ лунь, Мстиславскій, проговорилъ, возвыся голосъ:

— Нельзя допущать воровъ идти далѣе, государь... Вели сбирать новое войско... Высылай новыхъ воеводъ.

— Дѣло, дѣло говоришь княже, послышались голоса Голицына, Ададурова и другихъ.

— Послать-то послать,—произнесъ, выдвигаясь впередъ Дмитрій Шуйскій—вѣстимо, послать надоть, а только не сейчасъ... Какъ-бы зря чего не вышло. Вонъ, гонецъ говоритъ, што Кашира, Тула да Веневъ съ Рязанью уже сдались измѣнникамъ... Може, и другіе города за ними ладятъ туда-же... Такъ спервоначалу попытать надо, какіе крѣпки изъ нихъ, на коихъ надѣяться можно, а которые ворамъ прямятъ. Извѣдать послать надо надежныхъ, а то худобы не вышло. Пошлемъ въ городъ какой, а онъ ужъ въ воровскихъ рукахъ, глядишь!

*) При вступленіи на престолъ Шуйскій далъ обѣщаніе рѣшать всѣ государственные вопросы сообща съ боярами.

— Такъ што-жъ, по твоему, князь-бояринъ, ждать, покуда всѣ города въ воровскія руки переберутся? Тогда ужъ поздно посылать войско будетъ!—раздался неожиданно молодой голосъ, смѣло прозвучавшій на всю палату.

— Кто? Кто сказалъ?—зашумѣли бояре, оглядывая другъ друга.

— Я сказалъ,—снова произнесъ тотъ-же голосъ.

— Я сказалъ!— и князь Михаилъ Скопинъ смѣло выступилъ изъ сонма старыхъ думцевъ.

— Молодъ ты, племянникъ, чтобы старшимъ перечить—зашипѣлъ на него дядя Дмитрій Шуйскій—молодъ и для того, чтобы голосъ впереди старшихъ поднимать, бывшій господинъ великій мечникъ,—заключилъ онъ насмѣшливо, смѣривъ юношу съ головы до ногъ не добрымъ взглядомъ. Но Михаилъ не смутился отъ этого взгляда, не растерялся нисколько.

— Былъ великимъ мечникомъ, дядя,—произнесъ онъ спокойно и смѣло глядя въ лицо Дмитрія Шуйскаго своими честными синими глазами,—былъ обласканъ тѣмъ, кого считалъ государемъ, царемъ за одно съ народомъ, въ то время.. А обласканъ былъ за то, что любилъ горячо Русь матушку—многострадальную... И теперь, ради любви этой самой, скажу тебѣ, государь-дядя, и великій царь Василій Ивановичъ,—обратился онъ къ царю, пошли меня на воровъ... пока они не окрѣпли, пока не поздно, пошли меня, государь!

Царь быстро и пытливо взглянулъ на юношу. Михаилъ смотрѣлъ попрежнему смѣло и мужественно впередъ. Лицо его, поднятое на царя, выражало столько непоколебимой стойкости и увѣренности въ своей молодой силѣ, что Шуйскій невольно подивился, глядя на племянника.

— Что съ нимъ—откуда прыть взялась! Не узнать Миши... Будто подмѣнили парня. Куда и печаль дѣвалась. Дерзокъ да прямъ не въ мѣру, малецъ... — подумалъ царь и послѣ долгаго размышленія произнесъ громко, обращаясь къ пле-

мяннику:—Инъ будь по твоему, Миша, поѣзжай съ Богомъ! Коли испытанные воеводы старые бѣгутъ со срамомъ—пошлю молодого имъ для примѣра. Съ Богомъ! Вели изготовляться служилымъ людямъ, стрѣльцамъ да дѣтямъ боярскимъ. Чего не сдѣлали заправскіе воеводы — то, можетъ, сдѣлаешь ты, юнецъ! — Какъ бы про себя закончилъ царь и милостивымъ кивкомъ головы отпустилъ юношу-князя. Смутный ропотъ пронесся по палатѣ лишь только стройная фигура Михаила скрылась за дверью...

— Не дѣло, государь... Насъ стариковъ обошелъ: мальчишку поставилъ воеводой—заговорили разомъ Голицыны, Мстиславскій, Нагіе...

— И то, не дѣло! подхватилъ съ жаромъ Дмитрій Шуйскій...—и кого послалъ-то? Кто разстригѣ мирволилъ? Кто какъ ни великій мечникъ?.. А, може, на умѣ недоброе у него?..— зашепталъ Дмитрій такъ, что одному царю былъ слышенъ его шопотъ:—вѣдь, ужо, какъ хватали Гришку, не добромъ онъ встрѣтилъ насъ?. Гляди, штобъ теперь не предался новому названцу...

— Нѣтъ! Я Мишу знаю! Онъ честнѣе многихъ! произнесъ вѣско царь Василій, такъ же тихо обращаясь къ брату и, немного подумавъ, добавилъ:

— Будь по вашему, бояре... Сбирайтесь въ походъ... Ты братъ Дмитрій, ты князь Василій Васильевичъ и Андрей Васильевичъ, ты Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и Нагіе съ вами! Вамъ, воеводы, вручаю мое царское войско. А передовой отрядъ пущай ведетъ князь Скопинъ... На томъ моя царская воля... Такъ я сказалъ и слову своему не измѣню.

И царь, кивнувъ головою, поддерживаемый двумя стольниками, вышелъ изъ Думской палаты. Съ суровыми, омраченными лицами разошлись и бояре по своимъ домамъ...

ГЛАВА II.

Что было послѣ. — Мечты князя. — Прощанье.

ТИХІЙ вечеръ умирающаго бабьяго лѣта *) вѣялъ надъ природой своимъ теплымъ мягкимъ крыломъ. По большой Коломенской дорогѣ, не спѣша, ѣхалъ всадникъ. Семь верстъ отъ Москвы остались уже за нимъ...

Былъ осьмой часъ вечера на исходѣ и раннія осеннія сумерки уже сгущались надъ землею. Не весело было на душѣ всадника. Онъ ѣхалъ, опустивъ голову на грудь, ввѣрившись вполнѣ своему бѣлому скакуну, казавшемуся особенно свѣтлымъ и красивымъ на фонѣ сентябрьскаго вечера.

Этого коня подарилъ князю Скопину (запоздалый путникъ былъ никто иной, какъ онъ) покойный Лжедмитрій. Разстаться съ конемъ, послѣ гибели разстриги у Михаила не хватало духа. Это было все, что осталось ему на память о человѣкѣ, котораго онъ цѣлый годъ чтилъ, какъ истиннаго наслѣдника царя Ивана и котораго любилъ беззавѣтно.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ трупъ несчастнаго положили вмѣстѣ съ мертвымъ Басмановымъ на Красной площади съ святочной маской на лицѣ,

*) Солнечные, теплые дни сентября и октября называются бабьимъ лѣтомъ.

съ дудкой-волынкой въ рукахъ. Потомъ его зарыли въ глухомъ мѣстѣ за городомъ... Но трупъ не долго оставался въ землѣ. Случилось нѣчто непостижимое. Внезапно среди лѣта ударили сильные морозы и мертвое тѣло убитаго Самозванца появилось на поверхности могилы, словно бурей вырванное изъ нѣдръ земли. Народъ въ ужасѣ призналъ въ немъ кудесника-чудодѣя... Тогда трупъ его сожгли, а пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили ею въ ту сторону, откуда онъ пришелъ, развѣявъ пепелъ по вѣтру. Самый слѣдъ самозваннаго царя исчезъ, казалось. Но это казалось только. Чуть-ли ни въ первый-же мѣсяцъ царствованія Шуйскаго пронеслась новая вѣсть по Руси. Въ то время, какъ Мнишекъ съ дочерью и поляками сидѣли подъ стражей, въ Самборѣ, у жены Сендомирскаго воеводы и матери недавней царицы, появился чудомъ ожившій Самозванецъ. Пошли слухи въ народѣ, что убили не Дмитрія, а кого-то изъ его нѣмецкой стражи, похожаго на него лицомъ, а что самому Дмитрію удалось спастись, бѣжать въ Литву, къ своей тещѣ, гдѣ онъ и пріютился до болѣе счастливаго времени. Много способствовало этимъ слухамъ и недовольство новымъ царемъ. Шуйскаго не любили въ народѣ. Да и не народъ выбралъ его, а ближайшій къ нему кружокъ бояръ, его приверженцевъ. Вступивъ на престолъ, онъ началъ съ того, что сослалъ всѣхъ бывшихъ сторонниковъ Дмитрія въ отдаленныя окраины на воеводство. Въ томъ числѣ и Шаховскаго сослали въ Путивль. Князь Григорій Петровичъ Шаховской, вѣрный слуга убитаго Дмитрія, никогда не любившій Шуйскихъ, а теперь возненавидѣвшій ихъ, увезъ въ Путивль глухое и злобное недовольство царемъ за его поступокъ. Когда слухи о спасенномъ, будто бы, Дмитріѣ дошли въ Путивль, онъ первый возмутилъ жителей этого города, которые поклялись открыто служить своему прежнему, теперь чудесно спасенному царю. Въ Путивль пріѣхалъ отъ этого царя воевода нѣкто Ивашка Болотниковъ, бывшій бѣглый холопъ князя Андрея Телятевскаго, побывавшій въ плѣну у Турокъ и у Та-

таръ, и недавно лишь бѣжавшій изъ турецкой неволи. Весь Путивль, а за нимъ и другіе города присягнули пославшему его сюда Дмитрію. Нѣсколько тысячъ запорожцевъ, подъ начальствомъ атамановъ Заруцкаго, Нагибы, Корелы и друг. пристали подъ знамена Дмитрія. Этотъ новый Дмитрій еще не появлялся, а его именемъ уже были собраны войска, чтобы отвоевать отнятый у него тронъ Шуйскимъ. Изъ разнаго сброда: казаковъ, бѣглыхъ преступниковъ, холоповъ, татаръ составлялись эти войска. Но вотъ послѣ того, какъ выступили они изъ Путивля, руководимые одною цѣлью, грабежа и добычи, къ нимъ присоединяются жители украинскихъ городовъ, недовольные избраніемъ Шуйскаго... Казацкій воевода, сынъ боярскій Истома Пашковъ возмущаетъ Тулу, Веневъ, Каширу... Братья Ляпуновы съ Рязанскимъ воеводою Григоріемъ Сунбуловымъ всю Рязанскую землю. Орелъ, Калуга, въ общемъ двадцать городовъ пристаютъ къ мятежникамъ. Царскія войска разбиты подъ Кромами... Новое войско набирается спѣшно, но все же не такъ спѣшно, чтобы сразу преградить путь «ворамъ»... А «воры», какъ называли въ Москвѣ возставшихъ, идутъ себѣ да идутъ... Они уже подошли къ Окѣ, переправились черезъ нее... Соединились съ Пашковымъ и Рязанцами и взяли Коломну... Царскія войска выступаютъ ни сегодня, завтра имъ на встрѣчу, но и враги не медлятъ и крѣпнутъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Воровской воевода Ивашка Болотниковъ именемъ спасеннаго царя обѣщаетъ свободу холопамъ... Казну боярскую бѣднякамъ и черни.

— Довольно боярствовали знатные люди, теперь бѣднымъ людишкамъ счастливое житье будетъ—открыто говорилъ онъ. И бѣдный народъ, въ ожиданіи этого счастливаго житья, недовольный «Шубникомъ», какъ называютъ воровскія войска Шуйскаго, со всѣхъ сторонъ, славя имя вторично спасеннаго Дмитрія, стекается къ нему.

Все это вихремъ пронеслось въ мысляхъ князя Михаила, пока онъ ѣхалъ по дорогѣ изъ Москвы къ Коломенскому селу.

Не зря, не для прогулки, пустился онъ въ путь. На завтра назначенъ походъ царской рати. Онъ со своимъ отрядомъ долженъ идти впереди всѣхъ, задержать наступленіе Болотникова и Шаховскаго, а съ ними и князя Телятевскаго, черниговскаго воеводу приспѣшники котораго утвердились въ городѣ Коломнѣ *)...

Богъ вѣсть, что еще ждетъ его—князя Михаила... Можетъ, ему не долго и жить осталось, убьютъ его измѣнники, какъ убили уже многихъ слугъ царскихъ, но сегодня—его день, сегодня онъ живетъ для себя... Эти не долгіе часы онъ принадлежитъ только себѣ, одному себѣ.

Воспользовавшись этими часами, онъ и рѣшилъ съѣздить проститься къ невѣстѣ.

Вотъ уже три мѣсяца, какъ живетъ она въ подаренной ея отцу царемъ небольшой вотчинѣ, поблизости Коломенскаго села. Окольничій Василій Петровичъ Головинъ остался и при царѣ Шуйскомъ въ своемъ прежнемъ званіи казначея, какъ это было и при Лжедмитріи.

Шуйскій всячески отличалъ Головина, какъ будущаго своего родственника и вѣрнаго человѣка.

Подаренная ему царемъ Коломенская вотчина была чудный уголокъ. Она, словно вся притаилась въ рощѣ, отдѣленная лѣсомъ отъ Коломенскаго села, на берегу небольшой рѣченки, притока Москвы рѣки. Здѣсь, въ этомъ чудномъ уголкѣ, Санюшка Головина почувствовала себя снова, какъ птичка на свободѣ.

— Точь въ точь въ лѣсахъ Новгородскихъ!—вся сіяя, часто говорила она жениху:—и чаща и раздолье!

Всего пять верстъ отъ Москвы отстояла ихъ вотчина, а шумъ московской жизни съ ея бунтами, волненіями совсѣмъ не доходилъ досюда. Если и узнавали что Саня съ матерью про всякія тревоги да смуты, то только отъ отца да брата, которые находились при царѣ и лишь наѣзжали Коломенское два, три раза въ недѣлю.

*) Не надо смѣшивать городъ Коломну съ селомъ Коломенскимъ.

Князь Скопинъ мало видѣлся съ невѣстой за послѣднее время. Дѣла было много... Постоянныя бесѣды царя съ боярами мѣшали ему урываться къ Санѣ.

Хоть и молодъ былъ годами князь, двадцати лѣтъ ему не было, а все-таки въ качествѣ ближняго царя, его племянника, имѣлъ право присутствовать на всѣхъ «совѣтахъ» и «думахъ» царскихъ.

Странно измѣнился за это время Михаилъ. Смерть названнаго Дмитрія глубоко поразила его. Тяжелымъ сномъ казалась она князю.

Вѣрой и правдой служилъ онъ тому, кого ему назвали, какъ истиннаго царя. Со всѣмъ пыломъ молодости привязался онъ къ нему. Правда, много недостатковъ было у названнаго Дмитрія, но все искупало его милосердіе, смѣлость и любовь къ родинѣ, желаніе принести ей какъ можно больше пользы.

И вотъ не оцѣнили его... Убили, выбрали другого... Михаилъ знаетъ дядю... Лукавъ, хитеръ, тщеславенъ и безсердеченъ царь Василій... Не можетъ его любить онъ—Скопинъ... Не можетъ... Но Русь многострадальную, вымученную Русь свою онъ любитъ больше жизни и себя самаго. Больше матери и Сани-невѣсты любитъ и долженъ, ради этой любви, терпѣть нелюбимаго, нежеланнаго царя и служить ему и положить всѣ свои силы на эту службу. Что названный Дмитрій доподлинно убитъ—Михаилъ хорошо знаетъ это. Онъ видѣлъ безгласный трупъ своего коронованнаго друга, тамъ на площади, окровавленный, истерзанный чернью...

Новый самборскій, невѣдомо откуда появившійся Дмитрій—обманщикъ и воръ... Отъ него надо спасти Русь, надо избавить отъ него царя, ради пользы родины, ради ея тишины, и онъ, Скопинъ, всю свою жизнь положитъ на это. Избавитъ или умретъ! Глаза юноши ярко блеснули во тьмѣ. Онъ далъ шпоры коню и поскакалъ быстрѣе.

Вотъ и группа деревьевъ въ сторонѣ отъ дороги и небольшое селеніе. Это Головинская вотчина. Отъ нея рукой

подать до села Коломенскаго. Вотъ замелькалъ огонекъ въ оконцѣ... Князь Михаилъ знаетъ чей это огонекъ, чье оконце... Боярышня Александра Васильевна не спитъ, ждетъ его...

Вотъ и знакомыя ворота... Собаки съ оглушительнымъ лаемъ выбѣжали на встрѣчу и кинулись было къ коню, но, узнавъ хорошо знакомаго имъ посѣтителя, разомъ умолкли и стали ласкаться къ князю. Боярская челядь открыла ворота. Князь быстро соскочилъ съ коня и направился къ крыльцу... А на высокомъ крыльцѣ уже бѣлѣлась стройная дѣвичья фигурка... Набросивъ на плечи легкій опашень, Саня выбѣжала встрѣчать жениха.

— Ты Санюшка? послышалось въ темнотѣ. И въ одну минуту князь былъ подлѣ боярышни. Она взяла его за руку и провела въ горницу, гдѣ встрѣтила гостя боярыня Анна Ильинишна Головина.

На столѣ, накрытомъ бѣлоснѣжной скатерью, стоялъ обильный ужинъ.

Но князь не прикоснулся ни къ студню, ни къ подовому пирогу съ жирной ночинкой, ни къ горячему курнику... Онъ былъ сосредоточенъ и только все смотрѣлъ и смотрѣлъ, не отрываясь на весело щебечущую Саню. А старая боярыня говорила въ это время своимъ пѣвучимъ голосомъ, поминутно прерывая свою рѣчь охами, вздохами да жалобными причитаніями.

— Не легкія времена, Михайла свѣтъ Василіевичъ, наступили... Виданое-ли дѣло, чтобы отъ толпы холопей бѣжали царскія войска! Господи! и что за время такое! Вотъ супругъ мой, богоданный Василій Петровичъ, въ походъ собирается, говорятъ ужъ назначенъ походъ то! А когда выступаютъ, не вѣдомо... Сема намедни пріѣзжалъ, говорилъ, что подъ твое начальство поступаетъ. Вѣрно-ли это, князь?

— Вѣрно, боярыня!

— Блюди его, Михайло Васильевичъ... Одинъ сынъ у меня... Не пускай, гдѣ больно жаркое дѣло-то будетъ... А я

поѣду къ Троицѣ за всѣхъ васъ молиться... Санюшку взять хотѣла—да не возьму, Богъ съ ней!.. Боюся, што бы кто дорогой не обидѣлъ да и рано ей поломничать. Молода еще... Грѣховъ не накопила... А я по обѣту поклониться ракѣ преподобнаго Сергія... Санюшку на попеченіе твоей матушки княгини Елены Петровны, мы съ княгинюшкой оставить наладили... Тутъ жутко дѣвушкѣ одной, хошь и съ вѣрной челядью, оставаться. Не ровенъ часъ воры нагрянутъ...

— А и хорошо же ты придумала, боярыня! разомъ повеселѣвъ, произнесъ князь Михаилъ, — а матушка мнѣ ни слова о томъ не сказала, какая дорогая гостья къ ней гостить пожалуетъ... — И онъ ласково глянулъ на милое личико невѣсты.

— Кабы не обѣтъ Преподобному Сергію, ни за что въ эти смутныя времена не поѣхала-бы, не оставила бы Санюшку. Да надо о мужѣ съ сыномъ да о тебѣ, княже, помолиться, чтобы святой угодникъ, преподобный, Бога за васъ просилъ. Чтобъ здравы невредимы вернулись,—тихо, какъ-бы про себя, произнесла боярыня.

— Ты за Александру Васильевну не бойся: Анна Ильинишна,—матушка, ее тебѣ соблюдетъ... на Москвѣ только и жить теперь, какъ у Христа за пазухой успакаевалъ князь Михаилъ боярыню.

— Обо мнѣ съ матушкой поговаривайте,—вспоминайте меня. Авось, мнѣ веселѣе тогда будетъ! — шутливо добавилъ онъ въ сторону Сани.

— Коли досугъ будетъ вспомнимъ разъ, другой,—отшучивалась боярышня.

— Вотъ спасибо. А то какъ выступлю я назавтра въ походъ... то...

— Назавтра? Какъ назавтра? Ужели?—испуганно вскричали мать и дочь въ одинъ голосъ.

— Назавтра выступаемъ. Воры взяли и сожгли Коломну. Надо имъ путь присѣчь. Разсѣять ихъ, пока не заняли Мо-

сковскую дорогу. Царь приказалъ выступать немедля,—пояснялъ обѣимъ хозяйкамъ Скопинъ.

Счастливое, радостно-смѣющееся личико Сани разомъ запечалилось при этой вѣсти. Глаза безпокойно поднялись на жениха.

— Такъ ты проститься пріѣхалъ, што-ли, Миша?—чуть слышнымъ голосомъ произнесла она.

— Проститься, Санюшка!—былъ тихій отвѣтъ.

Боярыня Анна Ильинишна заохала, запричитала, потомъ вынесла изъ опочивальни икону Божьей Матери и вручила ее князю.

— Знаю, что мать у тебя есть, что сама благословитъ она тебя на ратное дѣло, княже... а и отъ меня старухи, не обезсудь, прими благословеніе. Люблю я тебя, какъ сына. Храни тебя, Господь! — И она заплакала. Потомъ благословила, обняла князя, махнула рукой и ушла къ себѣ, понявъ, что жениху и невѣстѣ передъ долгой, можетъ быть, разлукой, хочется перемолвиться наединѣ.

Михаилъ и Саня остались одни. Нѣсколько минутъ они молчали. Потомъ Саня произнесла тихимъ, въ самую душу проникающимъ голосомъ:

— Люблю я тебя, Миша, какъ никогда никого не любила, а плакать не стану. Не для того ты выросъ такимъ молодцомъ, храбрымъ да смѣлымъ, чтобы дома сидѣть на печи въ то время, какъ Русь матушка кровью обливается. Не любила-бы я тебя, кабы ты инымъ былъ бы. Съ Богомъ поѣзжай, Миша, а я съ матерью твоею молиться Ему буду за тебя, чтобы Онъ тебѣ послалъ побѣду и одолѣніе надъ врагомъ. А что будетъ она, побѣда эта, въ это я вѣрю твердо. Не говорила я тебѣ раньше, а нынче — скажу. Вѣдунья мнѣ гадала весною.—И Саня разсказала жениху, какъ видѣла его въ Назарьихиной землянкѣ въ чашѣ съ водою. Только о монашескомъ постриженіи умолчала дѣвушка, не хотѣла огорчать передъ дорогой князя.

— Не больно-то я вѣрю вѣдуньинымъ наговорамъ! —

произнесъ Михаилъ, — кромѣ Креста Господня, ничему не вѣрю. А только думаю нонѣ, не спроста ты увидѣла меня въ наговорной водѣ, Санюшка! Коли не убьютъ, вернусь со славой.

— Желанный мой! Не мысли о смерти! Матушкѣ Руси святой нужны такіе слуги!—произнесла дѣвушка, окидывая любящими взорами жениха.

— Правду ты говоришь, Санюшка, родная ты моя! Голубка ненаглядная! Мало у родины вѣрныхъ сыновъ. Своей подозрительностью, да безталанностью всѣхъ оттолкнулъ отъ себя царь-дядя! Вѣришь, голубка, думалъ, ѣдучи сюда я: не ради царя нелюбимаго и нежеланнаго готовъ умереть хошь сейчасъ, а за нее многострадальную, кровью залитую святую Русь! Побѣдить, либо умереть—вотъ моя доля!

— И побѣдишь! Вѣрю въ это! Свято вѣрю!—вырвалось горячо изъ груди Сани. Ея юное личико потеряло теперь свое обычное дѣтское выраженіе. Силой и увѣренностью въ сказанное звучалъ разомъ окрѣпшій голосъ. Ей показалось, сейчасъ что никто иной, какъ этотъ любимый, желанный ея красавецъ Миша долженъ явиться однимъ изъ смѣлыхъ спасителей родины. Видѣнье въ чашѣ вѣдуньи встало снова передъ ея глазами. Настроеніе Сани невольно передалось и князю. Да, онъ долженъ показать примѣръ безпредѣльнаго мужества и любви къ родинѣ всѣмъ тѣмъ, кто встанетъ въ ея ряды. Долженъ научить людей жертвовать для блага Россіи своими силами, своею жизнью! И сердце молодого воеводы закипѣло отвагой.

Долго еще бесѣдовали женихъ съ невѣстой. Уже первые проблески разсвѣта заглянули въ окна, когда князь всталъ, обнялъ любимую дѣвушку и спѣшно вышелъ на крыльцо. Саня проводила его...

Вотъ онъ вскочилъ на лошадь... Вотъ обернулся къ крыльцу... Взглянулъ на нее долгимъ прощальнымъ взглядомъ.

— Желанная, прости! — прозвучалъ въ послѣдній разъ его голосъ.

Дѣвушка долго стояла на крыльцѣ и смотрѣла въ слѣдъ удаляющемуся коню съ милымъ всадникомъ.

Потомъ вернулась въ горницу, распростерлась передъ кіотой и долго лежала такъ, безъ словъ, творя молитву...

Когда Саня встала, лицо ея приняло свѣтлое, радостное выраженіе.

— Да! Онъ побѣдитъ! Побѣдитъ во что-бы то ни-стало...— произнесли ея губы:—Ты, Господи! Не дашь въ обиду раба твоего.

ГЛАВА III.

Въ аду. — Слава побѣдителю. — Горе побѣжденнымъ.

ТИХОТЛИВО извиваются невысокіе, но холмистые берега рѣки Пахры... Глинистые, скользкіе и крутые, они то обрывами идутъ надъ водою, то низко, низко спускаются къ самой рѣкѣ. Рѣчка эта беретъ свое начало въ болотахъ Верейскаго уѣзда и соединяется съ Москвой рѣкой въ уѣздѣ Бронницкомъ, близъ Мячкова. Не широкая пятисаженная мѣстами Пахра достигаетъ почти тридцати саженъ при своемъ впаденіи. Теперь, въ нынѣшнія времена, утесистые берега Пахры застроены селеніями и мельницами, но въ то далекое время, въ XVII-мъ вѣкѣ, къ которому относится эта повѣсть, лишь лѣса да болота окружали ее...

Тишина царила кругомъ... Изъ ближайшихъ селеній и вотчинъ рѣдко кто заглядывалъ сюда. Мѣсто это было пустынно и глухо. И вдругъ неожиданно ожили и закишѣли

народомъ окрестности Пахры... Огромный отрядъ расположился близъ утесистыхъ береговъ рѣки...

Раннее утро вставало надъ землею. Солнце еще не всходило, да и врядъ-ли можно было ожидать его. День обѣщалъ быть сумрачнымъ и дождливымъ. Изъ большого шатра, разбитаго посреди поля, вышли двое молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ въ короткомъ кафтанѣ, легкой кольчугѣ и въ серебрянномъ шишакѣ, съ мечомъ за поясомъ, былъ князь Михаилъ Скопинъ. Другой, одѣтый почти одинаково съ нимъ—Семенъ Васильевичъ Головинъ. Обоимъ дежурившіе у входа въ шатеръ ратники подвели коней: князю его бѣлаго, какъ кипенъ, знакомаго уже намъ, коня, стольнику Головину гнѣдого, поджараго, красиваго иноходца. Оба вскочили на коней и поскакали вдоль берега... Передовой отрядъ Скопина, отдѣлившійся отъ царскаго войска, которымъ командовали князь Дмитрій Шуйскій, Нагіе, князья: Голицынъ и Мстиславскій, готовился къ бою. Конные спѣшно чистили и снаряжали коней. Стрѣльцы приводили въ порядокъ оружіе, заряжали самопалы и пистоли. Точили пики и бердыши. Бой обѣщалъ быть не шуточнымъ. Еще съ вечера Скопинскій отрядъ принесъ вѣсть, что «воры» недалече, что князь Шаховской и Болотниковъ всей своей главной ратью движутся по Московской дорогѣ. Всю ночь ждали непріятеля. Воины князя жгли костры и не расходились, чтобы не попасться врасплохъ измѣннику Ивашкѣ и его ворамъ.

Молодой воевода зналъ, что видимо-невидимое количество непріятеля идетъ на него, что всею тяжестью обрушатся на его передовой отрядъ Болотниковскія силы. Позади Михаила двигались царскія войска, посланныя ему въ подмогу. Но они отстали, вопреки ожиданію, и врядъ-ли раньше вечера подоспѣютъ сюда.

Князь не смущался этимъ обстоятельствомъ, однако: его окружали вѣрныя дружины, готовыя идти на смерть вмѣстѣ съ нимъ за правое дѣло. Передъ нимъ красивыми рядами вы-

страивались стрѣльцы въ ихъ красныхъ кафтанахъ съ пиками и бердышами на перевѣсъ, съ самопалами и пистолями, заткнутыми за поясъ. Сотники стрѣлецкіе, какъ могли, воодушевляли людей. Дворяне и дѣти боярскія съ ихъ дружинами въ кольчугахъ и шишакахъ, конные «жильцы», въ легкихъ шлемахъ и броняхъ, поверхъ расшитыхъ позументами алыхъ кафтанахъ — все это устремило взоры на молодого вождя. Князь Скопинъ въ сопровожденіи Головина медленно объѣзжалъ ряды войска.

И всюду ласковые взгляды и привѣтствія встрѣчали его.

Онъ уже подъѣхалъ къ послѣдней стрѣлецкой сотнѣ, какъ огромный столпъ сѣрой пыли, стлавшейся по дорогѣ, привлекъ его вниманіе.

— Никакъ ужъ наступаютъ! тихо обратился къ сопутствующему ему Головину князь, вперивъ глаза въ стлавшееся по землѣ облоко.—Гляди-ка, Сема, не ошибся-ль я?..

— Не ошибся, княже! Врагъ подходитъ... не успѣютъ къ намъ царскія дружины...—тихо и отрывисто произнесъ Головинъ.

— Никто, какъ Богъ!—произнесъ задумчиво Скопинъ и, снова поглядѣвъ вдаль, добавилъ еще тише:—а и много-же ихъ Семенъ, какъ ты скажешь?

— Много, княже! Ишь столбъ какой подняли... Надо коней готовить.

Князь долго смотрѣлъ на быстро надвигающееся облоко. Вотъ оно ближе, ближе... Вотъ уже видны стали огромные нестройные ряды пѣшаго непріятельскаго войска. Впереди ѣхали казаки. Вотъ уже можно отличить ихъ короткія копья и сѣкиры. Среди нихъ особенно выдѣлялись Запорожцы, которые были вооружены самопалами и копьями, въ черныхъ киреяхъ *), въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, въ широкихъ красныхъ шароварахъ.

Казаковъ вели атаманы, гордо возсѣдавшіе на своихъ

*) Родъ кафтановъ.

низкорослыхъ, но сильныхъ и быстрыхъ коняхъ. Когда непріятельскія дружины приблизились на столько, что можно было разглядѣть отдѣльныя лица, князь Михаилъ сразу узналъ ѣхавшаго во главѣ войска путивльскаго измѣнника князя Григорія Петровича Шаховского. Черные кудрявые волосы его съ замѣтною просѣдью выбивались изъ подъ шлема. Сѣдоватая курчавая-же борода и безпокойный взглядъ черныхъ пронищательныхъ глазъ были хорошо знакомы князю Михаилу. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ красивый, смуглый молодецъ не русскаго типа человѣкъ со всѣми знаками воеводскаго достоинства. Если у князя Шаховского замѣчалась какая-то растерянность въ лицѣ, смуглый молодецъ съ нерускимъ лицомъ поражалъ наглостью и жестокостью своего взгляда. Тутъ-же нѣсколько поодоль скакали на своихъ быстрыхъ поджарыхъ конькахъ атаманы: Заруцкій, Чурило, Нагиба и другіе.

Слѣдомъ за казаками и запорожцами шла огромная орда, кое-какъ вооруженныхъ ножами и дрекольями людей: тутъ были и крестьяне, и бѣглые холопы, и татары и всякіе воровскіе люди.

И только стройныя, надиво подобранныя Рязанскія и Тульскія дружины, подъ предводительствомъ дворянина Прокопія Ляпунова и воеводы Сунбулова, да боярскаго сына Истомы Пашкова, повидимому, были хорошо сформированы и пріурочены воеводами къ ратному дѣлу. Красавецъ съ благороднымъ взоромъ, сумрачно горѣвшимъ изъ подъ нависшихъ бровей, съ блѣднымъ суровымъ лицомъ велъ ихъ. Онъ былъ безъ шишака и брони и всѣмъ своимъ видомъ оказывалъ полное презрѣніе къ бою и смерти. Это былъ Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, измѣнившій сторяча присягѣ и теперь не находившій себѣ мѣста среди воровскихъ людей. Его благородная душа страдала невыносимо отъ этого необдуманнаго поступка. Мысль объ измѣнѣ не давала покою... Онъ глубоко раскаивался въ томъ, что такъ опрометчиво измѣнилъ царю, повѣривъ сказкѣ о спасеніи Лже-

дмитрія. Это душевное страданіе и отражалось на его мрачномъ красивомъ лицѣ. И главный вождь царскихъ дружинъ былъ не веселѣе Ляпунова. Князь Михаилъ безпокойнымъ взоромъ окидываетъ ввѣренное ему войско. Страшная мысль не покидала его.

— А что ежели, бой разгорится, а подмога будетъ не скоро! Что, ежели запоздаютъ воеводы и не придутъ къ нимъ на помощь?.. Воровского войска видимо-невидимо, а его дружина, не отличающаяся и такъ многочисленностью,—въ трое, въ четверо меньше, нежели у Шаховскаго да у Ивашки. Что дѣлать ему?

— Княже! Михаила Васильевичъ! Къ тебѣ гонецъ отъ непріятеля никакъ ѣдетъ?—разбудилъ его изъ задумчивости голосъ Семена Головина.

Князь Михаилъ поднялъ голову. Прямо къ нимъ по полю скакалъ на своемъ быстромъ, какъ молнія, конѣ, самъ воевода новаго Самозванца Иванъ Исаевичъ Болотниковъ.

Онъ осадилъ коня въ ста шагахъ отъ переднихъ рядовъ Скопинской дружины и крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Московскіе ратные люди, стрѣльцы и конники! Царь государь Дмитрій Ивановичъ живъ и шлетъ вамъ свой царскій привѣтъ и милость государеву, со строгимъ наказомъ. Московскіе ратники! Не праведно вы служите. Не настоящему царю Дмитрію, чудесно спасенному, а старому лукавому Шубнику, выкрикнутому на царство его приверженцами боярами. Бояре загубить васъ хотятъ, ратники Московскіе, и заставляютъ проливать Вашу кровь Христіанскую за себя, а сами Шубникову сторону держатъ. Царь-государь Дмитрій Ивановичъ по великой милости своей отдаетъ вамъ бояръ и казну ихъ въ ваше владѣніе. Холоповъ господами сдѣлаетъ, богачей-притѣснителей имъ на судъ и расправу отдастъ. Цѣлуйте ему крестъ, выдайте вашего воеводу и его помощниковъ и будетъ вамъ награда великая отъ Дмитрія Ивановича, истиннаго царя. А не послушаетесь—на себя пѣняйте. Ждетъ васъ лютая казнь отъ государя батюшки. За-

заключилъ онъ, обвелъ наглымъ взоромъ Скопинскія дружины и исчезъ въ одинъ мигъ вдали.

На смѣну ему выѣхалъ самъ путивльскій воевода, князь Григорій Шаховской.

— Князь Михайла! крикнулъ онъ, обращаясь къ Скопину, присягай истинному государю Дмитрію Ивановичу и тебя ждетъ великая милость!

Вся кровь бросилась въ лицо Скопина.

— Князь Григорій Петровичъ—съ быстротою молніи вырвавшись изъ рядовъ своего войска, на своемъ бѣломъ, какъ кипень, аргамакѣ,—вскричалъ онъ сильнымъ, молодымъ голосомъ—не покрывай вѣчнымъ срамомъ свои сѣдины! Служилъ ты истинному царю, а нонѣ сбился съ пути и прямишь наглому обманщику и вору... Покуда не ушло время, покайся царю Василію — единому россійскому государю, и заслужишь прощеніе...

— Не мнѣ кланяться шубнику, княже—надменно крикнулъ въ свою очередь Шаховской.—Дмитрію царю служу я, ему цѣловалъ крестъ на вѣрность...—И горе тѣмъ, кто прямитъ боярскому выкрикнутому царю!

И давъ шпоры коню, онъ поскакалъ обратно.

— Братцы!—обратился Скопинъ къ своему войску—вы слышали, что говорилъ измѣнникъ?.. Лживы и неправильны рѣчи Шаховскаго... Всѣ знайте: тотъ, кого звали по ошибкѣ царемъ, убитъ въ Москвѣ; въ Самборѣ же новый, второй названецъ, мѣтящій на мѣсто убитаго... У насъ же истинный царь Василій Ивановичъ, ему присягали мы всѣмъ народомъ... За него и умремъ!

— Вѣрно сказалъ, княже! Единъ царь у насъ Василій: за него умереть готовы! Веди насъ на мятежниковъ, дружно отвѣчало войско своему вождю. Радостно блеснули глаза Скопина.

— Ты видишь, Сема, крѣпки мои дружины! сказалъ онъ тихо Головину,—съ такими-то и умереть не страшно!

— Умремъ, коли прикажешь! отвѣчалъ съ горячностью тотъ.

Скопинъ-Шуйскій и кн. Шаховскій.

Спѣшно отдавалъ князь Михаилъ послѣднія приказанія, готовясь къ бою, а самъ все поглядывалъ зоркимъ окомъ назадъ, не идетъ-ли помощь... Но все было по-прежнему тихо и пустынно на одинокихъ берегахъ Пахры... Сердце князя горѣло удалью и въ то же время обливалось кровью: не за себя боялся Михаилъ... Много сотенъ жизней вѣрныхъ сыновъ Руси было ввѣрено его начальству и, что если всѣ они полягутъ на ратномъ полѣ подъ пулями и мечами втрое, вчетверо сильнѣйшаго врага?

Дикій вопль и сплошной гулъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ оглушили его... Это кричали татарскія орды, наполнявшія войска Шаховскаго, первыя ринулись въ битву.

За ними тучею понеслись запорожцы.

Загудѣли самопалы, залязгали сѣкиры.

— Смерть Шубнику! Долой выкрикнутаго боярскаго царя! Здравъ буде истинный царь нашъ Дмитрій Иановичъ! — неслись ихъ оглушительные крики по равнинѣ.

Стройными рядами, на встрѣчу воровскимъ быстро двинулись московскія дружины.

Князь Михаилъ смѣлымъ голосомъ послалъ ихъ впередъ. Самъ онъ пропускалъ мимо себя ряды за рядами и для каждой изъ дружины нашелъ ласковое слово ободренія, поощренія отвагѣ.

Когда послѣдніе ряды его рати поровнялись съ нимъ, онъ быстро повернулъ коня и помчался впередъ, чтобы, вставъ во главѣ дружины, самолично руководить боемъ. А бой уже кипѣлъ. Передовые отряды Шаховскаго сшиблись со стрѣлецкими конниками. Запорожцы и казаки Заруцкаго, побросавъ самопалы, схватились въ рукопашную. Первая кровь опьянила людей. Какъ звѣри, кидались казаки на стрѣльцовъ. Длинныя ихъ пики скрещивались. Кривыя сабли Запорожцевъ разили здѣсь и тамъ... Стрѣльцы ловко отбивали удары, но ихъ было мало, слишкомъ мало въ сравненіи съ наступающими. Князь Михаилъ съ сердечною болью видѣлъ это. Его ратники дрались, какъ львы. Въ пылу

сѣчи люди превращались въ звѣрей. Съ искаженными лицами набрасывались они другъ на друга. Сѣкиры и бердыши свистѣли въ воздухѣ. Окровавленные мечи косили роковую жатву. Все чаще и чаще падали вокругъ князя вѣрные воины его. Кровь текла рѣкою. Обычно мутныя воды Пахры окрасились пурпуромъ.

Ряды московскихъ ратниковъ рѣдѣли съ каждой минутой. Тамъ, гдѣ кипѣла особенно ожесточенно сѣча, то и дѣло появлялся смуглый человѣкъ съ жестокими глазами въ воеводскомъ кафтанѣ.

— Лихо, ребятушки! Ой, лихо! — кричалъ Болотниковъ и косилъ на право и на лѣво своей кривой турецкой саблей.

Уже нѣсколько разъ князь Михаилъ порывался ударить на дерзкаго предводителя воровской шайки, но дѣти боярскія и стрѣлецкіе сотники удерживали его.

— Когда убьютъ тебя, княже, кому вести насъ! Погибнутъ безъ вождя дружины! Береги себя для нихъ Михайло Васильевичъ,—говорили они.

И съ болью въ сердцѣ князь оставался на мѣстѣ въ то время, какъ падали кругомъ него смертью подкошенные его ратники. Душа его рвалась впередъ, въ самое пекло боя, гдѣ умирали его смѣльчаки подъ ножами измѣнниковъ.

Онъ смотрѣлъ отуманенными глазами на сѣчу и его губы шептали беззвучно.

— Что-же воеводы? Князья Мстиславскіе? Шуйскіе? Нагіе? Что же медлятъ они съ подмогой?

И тутъ-же глухимъ голосомъ отдавалъ все новыя и новыя приказанья.

— Княже, плохо! гляди, никакъ ударились въ бѣгство!— Послышался нетвердый голосъ подлѣ него.

Михаилъ быстро обернулся. Передъ нимъ стоялъ Семенъ Головинъ. Алая струйка крови сочилась изъ его кафтана, у плеча сквозь лохмотья проколотой мечомъ одежды можно было разглядѣть кровавую рану.

— Семенъ! Друже! Раненъ ты!—могъ только выговорить князь, бросаясь къ товарищу.

— Пустое это!—отвѣчалъ молодой стольникъ,—я што! Туда гляди! Никакъ бѣгутъ наши! И онъ протянулъ здоровую руку по направленію того мѣста, гдѣ особенно жарко кипѣла сѣча.

Князь Михаилъ взглянулъ, вздрогнулъ... и смертельная блѣдность покрыла его лицо.

То, что онъ увидѣлъ, заставило всколыхнуться все существо князя, всю кровь захолодѣть въ его жилахъ.

Мятежники окружили со всѣхъ сторонъ лѣвое крыло его войска. Запорожцы съ одной стороны съ ихъ отчаяннымъ атаманомъ—разбойникомъ Нагибой, и орды мордвы и татаръ съ другой, тѣсно сжали небольшую горсть Скопинскихъ ратниковъ. Лязгъ мечей и сѣкиръ, крики и стоны раненыхъ, дикіе вопли степняковъ-азіатовъ все слилось въ одинъ сплошной гулъ. Московскіе ратники отбивались и падали, какъ колосья на живой нивѣ подъ ударами врага. А запорожцы все настойчивѣе и настойчивѣе протискивались впередъ въ ряды московитянъ. Слѣдомъ за ними перекидывались и другія части мятежныхъ дружинъ. И вдругъ не выдержали Московскіе ряды... дрогнули, и повернувъ тылъ, кинулись въ разсыпную. Паника, отчаяніе передъ неизбѣжнымъ пораженіемъ, передъ неминуемой гибелью заставила ихъ бѣжать.

Уже дикіе, торжествующіе крики побѣдителей гулко неслись надъ Пахрой и прибрежными ея равнинами.

— Долой Шубника! Здравъ буде Дмитрій! вопили они.

Неожиданно передъ бѣгущими выросъ бѣлый призракъ коня и всадника. Не выдержало сердце князя Михаила. Не вынесъ онъ постыднаго зрѣлища... Подобно грозѣ, промчался онъ передъ рядами, врѣзался въ середину бѣгущихъ и преграждая имъ дорогу, кричалъ:

— Мои смѣлые ратники, стойте! Не покрывайте себя срамомъ! Остановитесь! Ударьте смѣло на врага!

Къ намъ идетъ подмога! Московскіе воеводы близко. Смѣлѣе въ бой! Георгій Побѣдоносецъ да хранитъ васъ въ правомъ дѣлѣ!

Крикнулъ и замеръ на мѣстѣ. Только разомъ потемнѣвшіе глаза его засверкали дивнымъ огнемъ отваги. Да рука высоко подняла знамя съ изображеніемъ святого Георгія, спѣшно выхваченное у ближняго знаменосца стрѣльца. Остановились бѣгущіе. Глядятъ. Стоитъ безстрашно на своемъ бѣломъ конѣ ихъ вождь съ горящими глазами и властной рукою возвращаетъ ихъ въ бой.

А надъ серебрянымъ шишакомъ вьется бѣлое знамя съ изображеніемъ столь чтимаго русскими святого стратега.

— Съ нами Богъ! Слышь, братцы, идетъ подмога, смертъ ворамъ! Георгій Побѣдоносецъ молись за насъ грѣшныхъ!

Подобно рокоту бури пронеслось по рядамъ. И наэлектризованные разомъ восклицаніемъ вождя, ратники остановились, повернули назадъ, и со страшною силой вновь ударили на врага.

Теперь молодой вождь, на бѣломъ конѣ, уже несся впереди дружины. Бѣлое знамя развивалось по вѣтру на золотомъ древкѣ надъ его головою, мечъ сверкалъ въ рукѣ князя.

И куда не направлялся онъ—тамъ была побѣда. Сверкающія грозныя очи, мрачныя и дивныя въ одно и тоже время, странно дѣйствовали на врага и татары первые отступили назадъ подъ огнемъ страшныхъ очей бѣлаго всадника.

— Самъ шайтанъ это! *)—громко завопили они, внезапно ударясь въ бѣгство. Дикія, степныя лошадки запорожцевъ, испуганныя бѣгущими назадъ татарскими ордами, пришли въ неописуемое безпокойство и кинулись въ разсыпную, увлекая за собою своихъ сѣдоковъ...

Холопы и всякій сбродъ, вооруженный чѣмъ попало, лю-

*) Дьяволъ.

дей, не выдержали натиска и въ свою очередь ринулись въ бѣгство...

Одни рязанцы и туляне могли-бы еще схватиться съ московскими дружинами Скопина. Но послѣдніе медлили что-то. Ихъ воеводы: Ляпуновъ, Сунбуловъ и Пашковъ не торопили наступленіемъ и оставались въ сторонѣ спокойными зрителями бѣгства.

Бой кончился полною побѣдою князя Скопина и его дружины. Мятежныя войска отступили за Пахру, назадъ къ Коломнѣ. Въ тотъ-же вечеръ, скопинскіе ратники служили молебенъ Георгію Побѣдоносцу. Послѣ молебна всею ратью чествовали своего князя-воеводу, которому цѣликомъ были обязаны этой побѣдой...

— Многія лѣта князю Михаилу! неслось оглушительнымъ крикомъ по рядамъ царскихъ дружинъ, далеко въ пустынныя степи и окрестные лѣса, сосѣдніе съ Пахрой.

Его благословляли, его славили, называя спасителемъ рати. Со слезами благодарили его... Скопинъ былъ счастливъ какъ ребенокъ, но не надолго.

Зависть и коварство уже точили зубы на молодого счастливаго вождя. Царскіе воеводы, особенно князь Дмитрій Шуйскій, и прежде завидовавшій племяннику, теперь, узнавъ о его блестящей побѣдѣ, послалъ сказать царю, что не дѣло молодому стольнику руководить передовымъ войскомъ. Послушавшись брата, царь Василій отозвалъ Михаила въ Москву. Болотниковъ и Шаховской, узнавъ объ этомъ, оправились, и двинули снова свои таборы по Коломенской дорогѣ. Подъ селомъ Троицкимъ, въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, они встрѣтились съ царскими воеводами: Мстиславскимъ, Шуйскимъ и Нагими... Произошелъ кровавый бой, въ которомъ царскія дружины были наголову разбиты.

Едва не погибшіе воеводы кинулись назадъ, открывая этимъ путь къ Москвѣ. По этому пути свободно двинулись мятежники. Въ нѣсколько дней достигли они села Коломен-

скаго и остановились въ немъ лагеремъ, всего въ семи верстахъ отъ Москвы.

ГЛАВА IV.

Нападеніе. — Бѣгство. — Въ лѣсу. — Передъ грозныя очи.

ВОТЪ наступившая темная, жуткая, осенняя ночь, окутала село и прилегающую къ нему усадьбу. Огни давно потушены въ боярскихъ хоромахъ. Только въ свѣтлицѣ боярышни Александры Васильевны теплится слабый огонекъ. Не спится въ эту ночь Санюшкѣ. Непослушныя мысли такъ и несутся въ даль слѣдомъ за умчавшимся женихомъ.

Немного дней прошло съ того вечера, какъ ушелъ князь Михаилъ со своими дружинами, а много слуховъ смутно доносится до подмосковской усадьбы Головиныхъ. Да кто повѣритъ этимъ вѣстямъ? Въ нынѣшнее смутное время множество облыжныхъ слуховъ по Руси носится. Одно твер-

до знаетъ Саня за навѣрное: при сшибкѣ съ ворами на Пахрѣ-рѣкѣ одолѣлъ воровъ ея соколъ Миша. Гонецъ на Москву къ царю былъ съ этою вѣстью присланъ отъ князя Скопина. И наказано было тому гонцу завернуть въ Головинскую княжую усадьбу и повѣдать тамъ про Пахровскую побѣду.

Вдвоемъ принимали гонца Саня съ неразлучной своей няней Степановной. Отецъ подъ Троицкое село отправился съ воеводами царскими, братъ ушелъ къ Коломнѣ, мать отправилась поклониться мощамъ угодника Сергія, наказавъ дочери ѣхать въ Москву. Но замешкалась кой-какими сборами боярышня въ Подколоменскомъ, а тутъ еще гонецъ какъ разъ подоспѣлъ отъ князя Михаила.

Сама не своя была дѣвушка, когда узнала отъ гонца про подвигъ своего Миши на Пахрѣ. А какъ вручилъ ей грамоту посланный, приняла эту грамотку дрожащей рукою Санюшка и опрометью кинулась къ себѣ въ свѣтлицу. Тамъ прочла женихова писанье и долго долго затуманенными отъ счастья глазами глядѣла на милыя строки.

— Соколъ мой! Радость моя! Я знала, что побѣдишь ты! Знала, желанный мой! — шептали ея губы, а глаза такъ и сверкали гордостью и счастьемъ за любимаго человѣка. Но слѣдомъ за радостью вскорѣ пришли тяжелыя вѣсти. Будто разбиты царскія войска. Будто отозванъ отъ ратной дружины Миша, и не сегодня завтра будетъ въ Москву. И еще другіе, уже позорные слухи дошли до Головинской усадьбы. Будто бѣжали послѣ полнаго пораженія подъ Троицей защитники царя и ея, Санинъ, отецъ вмѣстѣ съ ними, и что воры слѣдомъ за бѣгущими идутъ на самую престольную Москву...

Но не хочется вѣрить этому дѣвушкѣ. А сердце такъ и тѣснитъ ужаснымъ предчувствіемъ, такъ и сжимается болью...

— Ужъ скорѣе-бы вернулся батюшка, а то и Миша съ Семеномъ,—мучительно думается Санѣ, — ужъ разъяснили-бы скорѣича, что за бѣда еще новая идетъ на Москву?

И встревоженная, взволнованная своими неспокойными мыслями, всматривается Саня въ слюдовое оконце въ ночную осеннюю мглу.

И кругомъ усадьбы вѣтеръ бродитъ. Вьюга гуляетъ по полю. Страшно звучатъ завыванія вѣтра. Что-то чудодѣйственное, жуткое чудится въ немъ. Будто какое-то страшилище крадется во тьмѣ и точитъ когти, чтобы мигомъ наброситься на намѣченную имъ жертву, схватить и поглотить ее. Жутко за окномъ подъ навѣсомъ мглистой, безпросвѣтной осенней ночи, жутко и на душѣ Сани. Тяжелое предчувствіе давитъ все больнѣе и больнѣе... Попробовала задремать, — не можетъ. Какъ была одѣтая въ лѣтникѣ и тѣлогреѣ прилегла на свою пышно взбитую лебяжью постель, а сонъ, какъ нарочно, такъ и бѣжитъ прочь отъ очей. Наконецъ усталость взяла свое. Забылась боярышня, но не надолго.

Отчаянные крики, шумъ, женскій плачъ и причитанья разбудили ее.

— Что такое? Что случилось? — вскричала она, ничего не понимая, разомъ вскочивъ съ постели.

Передъ Саней трясущаяся и блѣдная, какъ смерть, стояла няня Степановна.

— Боярышня, спасайся. Бѣда стряслась,—лепечетъ она, дрожа съ головы до ногъ. — Охъ, бѣда. Дитятко мое. Поспѣшай скорѣича. Поспѣшай родная, погибель наша пришла. Воры спѣшно двигаются по Коломенской дорогѣ. Передовые отряды, слышь, заняли наше село. Мужики, дурьи головы, на ихъ сторону прямятъ. Сейчасъ къ намъ разбойники нагрянутъ. Матушка-боярышня! бѣжать надо, не медля спасаться, сей же мигъ!

Точно вихрь подхватилъ Саню и понесъ куда-то. Спасаться! Куда спасаться? Какъ она можетъ спастись одна отъ разъяренной воровской толпы?

Но няня Степановна не потерялась, какъ видно, ни на минуту. Цѣлый готовый планъ созрѣлъ въ ея старой головѣ.

— Въ Москву спасаться надо,—залепеталъ, ежеминутно срываясь, дрожащій старушечій голосъ,—ты, Феня, да я поскачемъ въ Москву. Петрушка съ Миколкой насъ живо туды домчатъ. Кони сытые, быстрые у насъ, сама знаешь. А дворня, прочіе челядинцы здѣсь останутся... Имъ слышь, ничего худого не будетъ. Воровскіе воеводы холопей жалуютъ, а только бояръ однихъ да семьи боярскія бьютъ смертнымъ боемъ. Поспѣшай, ягодка. Не томи меня старуху. Вѣдь за тебя батюшкѣ Василію Петровичу и матушкѣ Аннѣ Ильинишнѣ отвѣтъ дать придется.

Но Саня и сама понимала, что надо спѣшить, насколько возможно. Дрожащими руками застегивала она на себѣ тѣлогрѣю, повязывала платокъ на головѣ, надѣвала на ноги теплые коты и въ слѣдующую же минуту совсѣмъ готовая вышла на крыльцо.

За нею кряхтя и причитывая, послѣдовала Степановна съ огромнымъ узломъ въ рукѣ. Какъ ни дрожала, какъ ни тряслась старуха за участь своей любимой боярышни, но пока собиралась боярышня и запрягали наскоро лошадей въ колымагу, нянька успѣла таки уложить все, что было поцѣннѣе изъ барскаго добра, чтобы не попало оно въ руки мятежниковъ. Таковы были уже нравы того времени: холопы жизнь готовы были отдать за господское добро. Боярская собственность являлась для челяди своего рода святыней.

— Живѣе, слышь, живѣе везите насъ!—строго приказывала теперь Степановна двумъ ѣздовымъ Миколкѣ и Петрушкѣ, живо взобравшимся на козлы при ихъ появленіи, и сама грузно усѣлась подлѣ своей боярышни въ колымагу. Проворная, румяная, какъ яблочко Феня, впрыгнула туда-же.—А вы всѣ—высовываясь изъ окна возка,—наказывала Степановна толпившейся вокругъ нихъ челяди,—все, что поцѣннѣе, стащите въ подвалы, да покрѣпче затворите подвалы-то двойными запорами. Снесите туды: мѣха собольи, да кубки, да посуду серебряную, да ларцы съ одежей и каменьями самоцвѣтными все тащите... Да съ ворами, сохрани

Богъ, не якшайтесь... Чего добраго съ васъ хватитъ! А какъ уйдутъ окаянные, въ тотъ же часъ къ намъ въ московскія хоромы гонца пришлите. Слыхали?—обратилась она къ холопамъ и женской челяди.

— Слыхали, Домна Степановна! Не сумлѣвайся. Боярскаго добра не выдадимъ. За своихъ господъ горой постоимъ, — хоромъ отвѣчали тѣ.

— Инъ ладно, вѣрю вамъ. Да сами-то не бойтесь. Злодѣй Болотниковъ, слышь, васъ не тронетъ ни единымъ перстомъ. Онъ до боярскаго роду добирается. Оставайтесь спокойно! А ты поѣзжай съ Богомъ, Петрушка. Измывай изъ бѣды нашу боярышню. Жизнью своей за нее отвѣтишь,— обратилась Степановна съ короткой рѣчью къ возницѣ. Тотъ только и ждалъ этого момента, казалось: изо всѣхъ силъ ударилъ по спинамъ коней, тѣ съ мѣста взяли въ карьеръ и вылетѣли, какъ полоумные изъ воротъ усадьбы. И вдругъ неожиданно бѣшенные крики раздались по близости. Саня высунулась изъ возка и тихо ахнула. Цѣлый отрядъ конниковъ летѣлъ со стороны села Коломенскаго къ нимъ на встрѣчу во весь опоръ. Ярко горящія головни въ видѣ факеловъ, въ рукахъ всадниковъ, освѣщали имъ дорогу. При свѣтѣ ихъ можно было разглядѣть, что всѣ они были вооружены чѣмъ попало: ножами, дрекольемъ, дубинами и одѣты въ какія-то отрепья. Это были бѣглые холопы, составлявшіе самую отчаянную и ревностную команду Болотникова. Взятыя у киргизовъ и мордвы быстроногія степныя лошадки ихъ летѣли какъ вихрь. Степеннымъ, хорошо и сытно выкормленнымъ, но не имѣвшимъ особаго проворства головинскимъ конямъ не возможно было и тягаться съ послѣдними. Это разомъ поняли и оба возницы, потерявшіе отъ страха головы, и сидѣвшія въ колымагѣ три женщины.

— Сейчасъ настигнутъ... Поздно спасаться,—прошептала первая Степановна — и сотворила крестное знамя дрожащей рукой. — Въ усадьбѣ тожъ не укрыться. Намъ ничего, а боярышню сгубятъ. Бѣжать надо. Фенюшка, тебѣ пору-

чаю боярышню. Бѣги съ нею въ лѣсъ и схоронись до времени. Мои старыя ноги вамъ только помѣхой будутъ. Однѣ бѣгите, а я здѣсь останусь, глаза отводить разбойникамъ. Бѣгите со Христомъ, мои дѣвоньки, Господь съ вами! — и старуха Степановна, говоря это, быстро распахнула дверь колымаги. Обѣ дѣвушки змѣйками выскользнули изъ нея и въ одинъ мигъ исчезли въ темнотѣ ночи.

И было какъ разъ во время, потому что двѣ минуты спустя воровская шайка влетала уже во дворъ усадьбы. Передовой всадникъ, очевидно, начальникъ отряда спѣшился съ коня.

— Эй вы, олухи? Чья это усадьба?—кричалъ онъ, грозно размахивая нагайкой и вызывающе поглядывая на оторопѣвшихъ челядинцевъ, толпившихся у крыльца, — чье гнѣздо здѣсь, какого ворона? И куда вы запрятали хозяевъ вашихъ. Для чего колымага заложена? А?

Холопы молчали. Женщины и дѣвушки трусливо жались за спинами мужской челяди. Но вотъ изъ-за толпы слугъ показалась старуха Домна Степановна.

— Здравствуй, господинъ честной!—произнесла она на сколько могла спокойнѣе, поклонившись вновь прибывшему въ поясъ, — хошь извѣдать, по какому случаю заложена колымага? Изволь, поясню твоей милости. Я старая холопка боярская ѣхать на Москву въ ней собиралась... Провѣдать боярыню съ боярышней, кои въ Москвѣ живутъ съ той поры, какъ бояринъ съ сыномъ ушли походомъ.

— Ладно!—значительно поведя глазами на своихъ спутниковъ, проронилъ насмѣшливо начальникъ шайки.—Вижу я, что ты умна врать старуха. Кто только брехнѣ твоей повѣритъ? Видано-ли, братцы?—обратился онъ къ своимъ спутникамъ: видано-ли, чтобы ночью старыя бабы въ путь пускались... Да и энто што? Не твоя небось эта вещица, сударушка?—обратился коноводъ шайки къ Степановнѣ, тыча ей подъ носъ поднятую имъ у дверей колымаги дѣвичью повязку Сани, расшитую крупными зернами брусницкаго

жемчуга.—Поди такую-то носить не къ твоей старой рожѣ пристало, матушка!—Съ громкимъ хохотомъ заключилъ свои слова разбойникъ.—И черезъ минуту снова произнесъ, но уже грознымъ голосомъ.

— Видно, припрятала ты здѣсь боярскую дочку.

— Говори, не то худо будетъ, гдѣ схоронила боярское отродье?—И онъ, высоко взмахнувъ нагайкой, ударилъ ею изо всей силы Степановну.

— Что ты! Что ты! Окснись, мой батюшка! какое боярское дите я схоронила? Богъ съ тобою! Обыщи хоть весь домъ нигдѣ ничего не найдешь. Одна я жила здѣсь съ той поры, какъ ушли походомъ бояре наши, а боярыня съ дочкой въ Москву перебрались! Оправдывалась старуха.

— Знаю я эту Москву. Врешь старуха! еще грознѣе, насупясь, произнесъ разбойникъ.—А ну-ка, братцы, разуйте брехунью, да погрѣйте ей пятки маленько. Авось отъ того станетъ она не въ примѣръ разговорчивѣе! снова захохоталъ своимъ грубымъ смѣхомъ злодѣй. Едва только успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ нѣсколько человѣкъ изъ его спутниковъ накинулись на Степановну, и, поваливъ старуху на землю, разули ее, стали горящими головнями водить по обнаженнымъ пяткамъ несчастной. Острый запахъ паленаго мяса тонкой струйкой разнесся по двору. Судорги стали сводить ноги старухи... Она корчилась и стонала подъ пыткой, но ни единымъ словомъ не обмолвилась Степановна, гдѣ находилась ея боярышня. Видя, что ноги ихъ несчастной жертвы обуглились въ достаточной мѣрѣ, а все же добиться отъ нее ничего нельзя, разбойники пригрозили Степановнѣ висѣлицей, а сами принялись пытать другихъ холопей. Не всѣ слуги оказались способными перенести мученическую пытку, какъ сдѣлала это Домна Степановна. Ощущеніе нестерпимой боли заставило кого-то изъ молодыхъ служанокъ произнести среди стоновъ и воплей чуть внятно о томъ, куда убѣжала, скрылась ихъ боярышня.

Начальникъ воровской шайки сразу понялъ все. Тотчасъ же далъ новое распоряженіе окружающимъ его злодѣямъ.

— Въ лѣсу скрывается. Въ лѣсъ убѣжала! Чтобъ сію минуту ее настичь и въ Коломенское село къ Ивану Исаевичу доставить! Онъ вамъ щедро заплатитъ за такую находку. Никому изъ бояръ и отродья ихъ проклятаго спуску не любитъ давать нашъ воевода. Потѣшьте же его душеньку и предоставьте ему еще одно боярское дитятко! А мы тѣмъ временемъ усадьбой займемся. Не бойся, и для васъ награбленной добычи хватитъ! Ну, айда въ лѣсъ скорѣича и живымъ духомъ доставить въ ставку плѣнницу!

Едва только успѣлъ отдать свое распоряженіе разбойникъ, какъ его приспѣшники духомъ вскочили на коней и въ одинъ мигъ очутились у опушки лѣса.

Замученная до полусмерти Степановна съ мольбой подняла глаза къ небу, испрашивая у Бога защиты и покровительства своей ненаглядной Санюшкѣ. А въ домѣ уже хозяйничала оставшаяся здѣсь добрая половина шайки. Воры взламывали лари съ боярскимъ добромъ; вынимали изъ нихъ, что поцѣннѣе и, увязавъ въ кули, вьючили этими кулями своихъ коней. Челядь съ ужасомъ смотрѣла на хозяйничанія страшной шайки. Вооруженныхъ злодѣевъ было въ пятеро болѣе, нежели челядинцевъ. Всякая защита была-бы безполезна съ ихъ стороны . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вѣтеръ поутихъ немного. Вьюга замолкла. Только лишь непроницаемая мгла слѣпила очи. Двѣ тоненькія небольшія фигурки отважно подвигались, наперекоръ вѣтру, впередъ по лѣсу... Саня и Фенюшка, крѣпко схватившись рука за руку, пробивали себѣ путь во тьмѣ ночи.

Лѣсъ былъ совсѣмъ не подалеку отъ усадьбы и добраться до него было не трудно, но идти по лѣсу въ тьмѣ кромѣшной, то и дѣло наталкиваясь на деревья и кусты, больно ударявшія по лицу вѣтвями, это уже было далеко не

легкое дѣло для ослабѣвшихъ и измученныхъ душевнымъ волненіемъ дѣвушекъ.

Черезъ полчаса такой ходьбы онѣ обѣ выбились изъ послѣднихъ силъ.

— Не могу! Не могу я больше, Феня, ноги подкашиваются! Силъ моихъ нѣтъ идти далѣ,—прошептала Саня, тяжело опускаясь на мохъ.

— Александра Васильевна, боярышня моя ласковая... Господь съ тобою! подкрѣпи себя маленько,—успокаивала свою госпожу, какъ могла, вѣрная Феня.—Не дай Богъ, наскочутъ вороги... что тогда бу.... Она не договорила. Яркая полоса свѣта пронизала внезапно лѣсную чащу. Послышался лошадиный топотъ. А въ лѣсу разомъ стало свѣтло какъ днемъ. Горящія головни замелькали между деревьями. Чаща наполнилась всадниками съ тѣми же самодѣльными факелами въ рукахъ.

— Погибли мы, боярышня! вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ,—прошептала Феня...—Поздно ужъ спасаться! Развѣ только схорониться въ кустахъ, авось не увидятъ!

И увлекая за руку свою молодую госпожу, Феня прыгнула, какъ кошка, въ самую чащу кустарника. Чуть живыя отъ страха дѣвушки пригнулись къ землѣ.

Стало еще свѣтлѣе. Топотъ всадниковъ то приближался, то удалялся отъ нихъ. Наконецъ горящія головни пахнули жаромъ надъ самыми головами дѣвушекъ. Замирая отъ ужаса, обѣ какъ по командѣ распростерлись на сырой землѣ.

— И куды ихъ занесъ лѣшій!—послышался въ тотъ же мигъ надъ самымъ ухомъ схоронившихся, грубый мужской голосъ и кто-то изъ преслѣдователей проѣхалъ мимо, размахивая надъ самымъ кустомъ горящею головней.

— Спасены!—вихремъ пронеслось въ мысляхъ обѣихъ дѣвушекъ.

Теперь онѣ имѣли полное право считать себя спасенными. Свѣтъ удалялся, топотъ коней тоже. Еще немного

времени и погоня повернетъ назадъ къ усадьбѣ...—Пойдемъ въ глубь чащи, боярышня, покедова не темно совсѣмъ и видать дорогу отъ треклятыхъ головней, — прошептала Феня на ухо своей госпожѣ. — Вишь отсвѣтъ огней пока еще играетъ на тропинкѣ. Поспѣшаемъ-же Александра Васильевна!

— И то поспѣшаемъ!—согласилась Санюшка. И быстро, быстро выбравшись изъ своей засады, онѣ кинулись по лѣсной тропинкѣ. Хохотъ и громкія восклицанія мужскихъ голосовъ раздались за ними. Обезумѣвъ отъ ужаса, онѣ бросились бѣжать со всѣхъ ногъ, устремляясь къ чащѣ. Но въ ту-же минуту чьи-то сильныя руки схватили ихъ.

— Куды, лебедки?—послышался тотъ-же насмѣшливый грубый голосъ за ними, и въ одинъ мигъ обѣ дѣвушки были скручены веревками и поясами. Потомъ ихъ взвалили какъ какую-то кладь, на крупы лошадей.

Все пропало... Онѣ очутились въ западнѣ, не замѣтивъ въ волненіи, что шайка, уѣхавъ изъ чащи, оставила въ ней дозорныхъ, которые, чтобы легче приблизиться къ бѣглянкамъ и захватить ихъ въ расплохъ, обмотали копыта лошадей сѣномъ и тряпицами, отчего дѣвушки не могли слышать приближающихся къ нимъ конскихъ подковъ.

Теперь онѣ обѣ лежали полуживыя отъ страха поперекъ лошадей, которыми правили два отталкивающаго вида всадника. Лошади мчались во весь опоръ къ опушкѣ лѣса. Вотъ миновавъ ее, онѣ полетѣли полнымъ карьеромъ по Коломенской дорогѣ. Пришлось по пути проѣзжать и Головинскую усадьбу. Саня узнала милыя ея сердцу постройки. Теперь тамъ хозяйничали воры. Оттуда слышались пьяные крики, шумъ, брань, звонъ кубковъ... Это Болотниковскіе приспѣшники выкатили изъ боярскихъ погребовъ бочки меда и угощались имъ на славу. Сердце дѣвушки обливалось кровью. Что-то Степановна и другіе вѣрные слуги!—мелькнуло у нея въ мысляхъ—какъ-то отдѣлались они отъ злодѣевъ?

И сердце ея заныло сильнѣе. Ея собственная участь менѣе всего страшила Санюшку. Смѣлая по натурѣ, она боялась плѣна въ рукахъ злодѣевъ гораздо болѣе, нежели самой смерти. Смерть представлялась ей менѣе ужасной нежели все остальное. Лучше она, нежели рабство и гнетъ въ рукахъ воровъ-разбойниковъ, осмѣлившихся заливать Русь кровью ея вѣрныхъ сыновъ бояръ и воеводъ! Ей было только страшно за участь Фени, которая, благодаря ей, можетъ тоже подвергнуться смертельной опасности. Душа Сани холодѣла отъ ужаса при одной мысли о томъ, какимъ лютымъ мукамъ могутъ подвергнуться, какъ онѣ съ Феней, такъ и тамъ въ усадьбѣ Степановна, и другія вѣрныя слуги ея отца.

Но вотъ внезапно замелькали огни передъ ними. Послышался говоръ многихъ голосовъ... Шумъ и ржаніе коней.

Большое село Коломенское, часа два тому назадъ занятое дружинами Шаховскаго и Болотникова, теперь кишмя кишѣло людишками послѣднихъ.

Люди сидѣли, грѣясь вокругъ костровъ, люди сновали по улицѣ выглядывая добычу. Цѣлыми толпами сновали они взадъ и впередъ.

Два всадника, обращая на себя общее вниманіе съ ихъ плѣнницами, перекинутыми черезъ сѣдла, въ одинъ духъ проскакали село. У большой избы, стоявшей на противоположномъ концѣ его, подлѣ церкви оба они остановились и спѣшились.

Дѣвушекъ спустили на земь, развязали спутывавшія ихъ веревки и ввели черезъ тесовое крылечко въ избу

Въ избѣ за столомъ, накрытомъ скатертью и уставленномъ ковшами съ брагой и медомъ, сидѣли оба воровскія воеводы.

— Вотъ привели тебѣ плѣнницъ, начальникъ,—одна изъ нихъ боярская дочка, какая изъ двухъ, самъ допытай... Одѣты ровно, по облику не узнать,—произнесъ одинъ изъ воровъ, чернобородый, смуглый молодецъ въ рваномъ кафтанѣ, привезшій Саню, обращаясь къ черноглазому съ цыганскимъ лицомъ Болотникову.

Дѣйствительно, скромный домашній лѣтникъ Сани, мало чѣмъ отличался отъ одежды ея молодой наперстницы—служанки Фени; дорожную-же повязку боярышня потеряла впопыхахъ. Къ тому-же, умышленно или нѣтъ, но няня Степановна, снаряжая свою любимицу, накинула ей на плечи простую, повседневную тѣлогрѣю одной изъ сѣнныхъ дѣвушекъ, совершенно опростившую ея нарядъ.

Болотниковъ суровымъ взглядомъ окинулъ обѣихъ дѣвушекъ. На него теперь были обращены два блѣдныя, красивыя дѣвичьи лица... Особенно одно изъ нихъ привлекло его вниманіе. Рыжеватыя, словно золотомъ отливающія кудри и сѣрые смѣло поднятые лучистые глаза поразили его.

— Ты, боярышня! Я знаю это, и какъ дочь изверговъ, обижающихъ народъ, достойна смерти. За грѣхи родителей да пострадаютъ чада.—Важно произнесъ онъ, поглаживая свою черную бороду и вперивъ суровый взглядъ въ блѣдное личико Сани.

— Что ты скажешь на это князь Григорій Петровичъ—обратился онъ къ дородному и степенному на видъ, другому воеводѣ Шаховскому. Успѣвшему пропустить не малую толику хмѣльной браги.

— А по мнѣ не слѣдъ убивать такую-то красавицу,—произнесъ главный измѣнникъ царя Шуйскаго: Пущай попроситъ у тебя, помилованія именемъ благовѣрнаго царя Дмитрія, авось и простимъ ее.

Князю Шаховскому, происходившему отъ древне-русской, знатной семьи, недавнему думному боярину, были не по душѣ звѣрскія затѣи, его случайнаго сотоварища Ивашки.

Измѣнникъ отечества, врагъ Шуйскаго, Шаховской, еще не опустился настолько, чтобы безпричинно губить людей, принадлежащихъ къ одному съ нимъ боярскому званію, и еще такъ недавно дружившимъ съ нимъ.

Онъ думалъ, къ тому-же, что великую милость окажетъ

боярышнѣ, избавивъ ее отъ неминуемой смерти, такъ легко и просто. Чего, кажется, легче было поклониться недавнему бѣглому холопу и теперешнему всесильному воеводѣ, ставленнику Дмитрія!—Такъ разсуждалъ князь, судя и примѣряя по своей собственной мѣркѣ. Но Александра Васильевна думала иначе: она вся вспыхнула отъ гнѣва при первыхъ-же словахъ княжьяго совѣта:

— Николи не поклонюсь вору и душегубу!—произнесла, сверкнувъ глазами Саня и вперила смѣлый взоръ въ лицо Болотникова. — Обманнаго-же царя твоего не хочу признавать, измѣнникъ!—продолжала она съ тѣмъ-же негодующимъ блескомъ очей:—потому что вѣдаю и чту одного истиннаго царя Василія Ивановича всея Россіи... смѣло заключила свою рѣчь дѣвушка.

Иванъ Исаевичъ, или просто Ивашка, какъ его называли въ Москвѣ и въ дружинахъ царскихъ, нахмурился. Взоръ его мрачно сверкнулъ изъ подлобья на отважную боярышню. Онъ кликнулъ къ себѣ казака-запорожца, стоявшаго у дверей и, кивнувъ ему на Саню,—произнесъ что-то... Тотъ подошелъ къ дѣвушкѣ и, приказавъ ей идти за собою, направился къ выходу.

И вдругъ, въ эту самую минуту, все время безмолвно стоявшая подлѣ своей госпожи Феня, со стономъ и мольбою кинулась къ ногамъ Болотникова.

— Помилуй ее! не убивай, воевода! Не ея—моя вина! Не она,—я дочь боярина казначея. Она лишь служанка моя, сѣнная дѣвушка... перепуталъ ты насъ, воевода. Отпусти ее, а меня казни!—И Феня внѣ себя обвила дрожащими руками колѣна измѣнника.

Саня, уже бывшая у самаго порога горницы со своимъ провожатымъ, такъ и отпрянула назадъ, услыша это.

— Что это! Не почудилось-ли ей? Что придумала-то ея вѣрная Феня! на смерть за нее идти хочетъ!—И дѣвушка ринулась къ вѣрной служанкѣ, остановить, предупредить ее, пока не поздно. Но увы! Феня точно предугадала на-

мѣреніе своей госпожи. Не вѣрь ей, великій воевода,—бросивъ мимолетный, но много говорящій взглядъ на боярышню,—залепетала она;—чтобы мнѣ, своей госпожѣ, жизнь спасти, назвалась она облыжно боярышней,—а боярыня-то я выходитъ, хошь на этомъ дамъ тебѣ сейчасъ крестное цѣлованіе?—Горячо заключила она свою убѣдительно звучавшую рѣчь.

— И впрямь, права дѣвушка—ввернулъ свое слово молчавшій во все время этой сцены Шаховской,—смѣлая дѣвка, что и говоритъ, не побоялась открыться! Прости ихъ, Иванъ Исаевичъ, обѣихъ, шальныя онѣ теперь обѣ. Богъ вѣсть, чего не наболтаютъ на себя... Вели запереть покедова покрѣпче, да стражу приставить. Може, выкупъ за нихъ хорошій будетъ. А расправиться съ ними завсегда успѣешь.

— И то правда! Запереть обѣихъ и караулъ приставить! строго приказалъ Болотниковъ казаку, все еще дожидавшемуся у двери его повелѣній. Тотъ кликнулъ товарища и оба повели дѣвушекъ изъ «воеводскаго дома», какъ важно именовали избу Шаховского, къ небольшой избушкѣ, игравшей ролъ временной тюрьмы, въ занятомъ ворами селѣ Коломенскомъ.

Тамъ дѣвушекъ втолкнули въ небольшую темную боковушку и заперли на запоръ.

Лишь только плѣнницы остались однѣ, Саня бросилась на грудь Фени.

— Ты спасла меня!—прошептала она взволнованнымъ голосомъ,—но только не хочу я, чтобы ты страдала за меня Федосьюшка. Коли суждено мнѣ умереть было—умру, а тебѣ не дѣло отдавать за меня свою жизнь, да терпѣть муки лютыя.

— Полно, пустое говоришь, боярышня! Я сирота круглая, никому не нужна на свѣтѣ, а у тебя есть и батюшка съ матушкой и женихъ любимый,—спокойно и кротко отвѣчала ей Феня.—Сама судьба-долюшка, видно, указываетъ

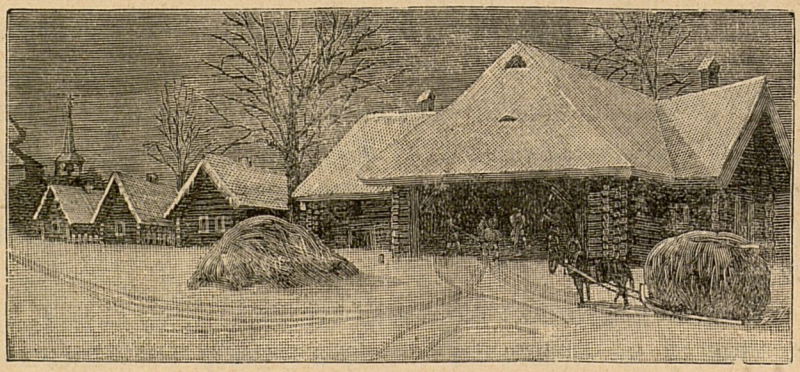
по справедливости, кому надо жизнью своей пожертвовать, кому спастись.

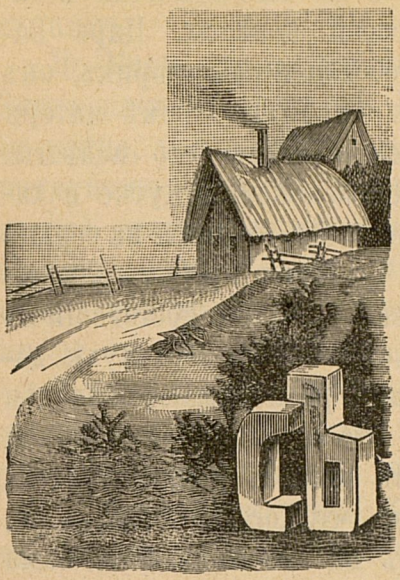
— Не могу я губить тебя Феня! — горячо вскричала Санюшка.—Постой, дай срокъ только: какъ увижу я нашего тюремщика, тотчасъ ему во всемъ откроюсь, повинюсь въ твоемъ обманѣ въ тотъ же мигъ.

— И опять не дѣло, Александра Васильевна,—снова заговорила Феня,—какъ узнаетъ про то Ивашка, что провела я его, осерчаетъ пуще злодѣй, и меня за обманъ раньше сроку лютой казни предастъ. А такъ, кто знаетъ, може не случится грѣха и вызволятъ насъ изъ неволи. Только помни, боярышня, ради Господа Бога: нынѣ ты Феня, дѣвка сѣнная, а я боярышня твоя Александра Васильевна, вотъ тебѣ и весь сказъ!

— Буду помнить!—чуть слышно прошептала Саня, видя, что ничѣмъ уже нельзя поправить дѣла и, что новымъ признаніемъ она только погубитъ навѣрняка свою вѣрную служанку и друга.

Горько, горько стало на душѣ Сани. Всѣ надежды на свѣтлое будущее разомъ пропали, исчезли безслѣдно изъ сердца дѣвушки. Черная туча грозовая повисла надъ ея головой.





ГЛАВА V.

Въ невѣстиной кельѣ.—Ударъ судьбы.

ГУЛКИМЪ протяжнымъ звукомъ гремитъ огромный колоколъ монастыря Новодѣвичьяго. Съ трепещущимъ сердцемъ прислушивается къ этому звуку, пѣвучему и, словно, таинственно сообщающему о чемъ то новомъ и страшномъ, красавица Маша, княжна Буйносова-Ростовская. Въ скромной монашеской кельѣ, пообычаю того времени, живетъ царская невѣста, приготовляясь постомъ и молитвою къ великому свадебному обряду. Тяжело и не радостно на душѣ княжны Маши. Оторванная отъ семьи, она должна проводить скучные, однообразные дни подневольной плѣнницей, въ рѣдкихъ только случаяхъ, видаясь съ матерью и проводя все свое время въ полномъ одиночествѣ. Таковъ уже былъ обычай на Руси, что царская невѣста должна была опредѣленное время до свадьбы пребывать въ какомъ либо монастырѣ отлученная отъ всего прочаго міра. Даже послѣднюю царицу «ляшку Марину» не миновала общая участь и ее помѣстили тотчасъ же послѣ ея пріѣзда въ этотъ самый Новодѣвичій монастырь. Только съ тою, съ Мариной, водворили туда же и ея гофмейстеринъ и, избалованная шумнымъ польскимъ обществомъ она, къ ужасу монахинь, устраивала цѣлыя вечеринки съ подругами въ кельяхъ святой обители. Лжедимитрій былъ далеко не религіозенъ отъ природы и, не только

сквозь пальцы смотрѣлъ на это, а и самъ всячески потакалъ веселью и развлеченіямъ своей невѣсты. Царь Василій—ни тотъ. Набожный и богобоязненный старикъ, онъ строго держится обычаевъ страны. И никто, кромѣ матери не имѣетъ доступа въ монастырскую келью его невѣсты. Да и самой Машѣ не до посѣтителей теперь. Смутно и тяжело у нея на душѣ. Тяжкимъ бременемъ ложится на сердцѣ страхъ и опасеніе за участь отца. Воеводою противъ воровъ-мятежниковъ посланъ царемъ князь Буйносовъ-Ростовскій въ бунтующія мятежныя сѣверскія земли. Смутные слухи доходятъ сюда въ обитель о томъ, какъ распоряжаются злодѣи съ вѣрными царскими слугами. Что ежели? И при одной этой мысли вся кровь стынетъ въ жилахъ у дѣвушки. Съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаетъ Маша, что особенно, какъ то, точно съ жалостью, поглядываютъ на нее монахини. Сама игуменья говоритъ съ нею съ опаской, будто съ больнымъ ребенкомъ. И мать послѣдніе разы, какъ пріѣзжала навѣщать ее, была такая печальная, словно сама не своя.—Да неужто-же скрываютъ отъ меня что-то?—чуть-ли не въ сотый разъ повторяла Маша, безпокойно мечась по узкой темноватой келейкѣ. — Хошь бы узнать скорѣе! Пытала она намедни у келейницъ-монашекъ кое что выспросить. А тѣ отмалчиваются только, да глаза потупляютъ.—Господи! Господи! Хошь-бы Саню повидать, подружку милую, хошь-бы отъ нее извѣдать, что съ батюшкой. Може, до нее дошли какіе слухи, — продолжаетъ терзаться бѣдная дѣвушка. А тутъ еще надо встрѣчать царя съ веселымъ лицомъ, со свѣтлымъ взоромъ, какъ и подобаетъ счастливой царской невѣстѣ. А какое ей счастье. Не любъ старый царь красавицѣ Машѣ. Не смѣла она ослушаться приказа родительскаго, когда просватали ее Шуйскому. Не смѣла противиться и выбору царя. Къ тому же отецъ съ матерью были такъ счастливы увидѣть въ скорости ее, ихъ Машу царицей. — Стерпится, слюбится, — говорили они, — видя горячіе слезы царской невѣсты. — Полно, Машутка, рѣкой

заливаться. Царь добрый и милостивый, будешь счастлива съ нимъ.

Но Маша знала, что не добръ и не милостивъ Шуйскій. Знала, какъ предалъ онъ Годуновыхъ, какъ предалъ и Самозванца, вкравшись къ нему въ довѣріе, какъ обманомъ и подкупомъ сѣлъ на русскій престолъ. И страшенъ, какъ лютый врагъ ея царственный женихъ княжнѣ Марьѣ. А еще страшнѣе участь отца, полное невѣдѣніе, что сталось съ нимъ, почему такъ упорно отмалчиваются на всѣ ея вопросы окружающіе...

И теряясь въ догадкахъ, печальная и понурая бродитъ по своей кельѣ дѣвушка, прислушиваясь къ монотоннымъ ударамъ монастырскаго колокола.

— Княжна-матушка! Къ тебѣ великій гость жалуетъ!— въ попыхахъ докладываетъ ей вбѣжавшая въ келью монастырская служка.

Маша выпрямилась, подтянулась точно. На блѣдномъ лицѣ заиграла неестественная улыбка. Потупивъ черныя рѣсницы, ступила она на порогъ и... столкнулась внезапно съ самимъ царемъ.

Раскраснѣвшійся отъ осенняго холода въ дорогомъ бобровомъ опашнѣ съ остроконечной мѣховой шапкой на головѣ, тяжело опираясь на посохъ, царь, казалось, еще больше постарѣлъ и осунулся за послѣднее время. Постоянныя тревоги и страхъ за престолъ не могли не отразится на здоровьѣ и безъ того хилаго старца.

Быстрымъ взоромъ окинулъ онъ невѣсту.

— Што поблѣднѣла, какъ будто? Аль неможется? Повѣдай мнѣ! Пришлемъ тебѣ нашего царскаго лекаря. Произнесъ онъ, беря за руку Марью и заботливо поглядывая на нее.

— Нѣтъ, государь,—отвѣчала чуть слышно Маша—благодарствую на милости—здорова я!

— Здорова, а съ лица спала. Ой, таишь ты отъ меня какую-то кручину, Марья Петровна! Снова, подозрительно

поглядывая на дѣвушку своими маленькими красноватыми глазками, произнесъ царь.—Да и то не радостны дѣла-то кругомъ, присовокупилъ онъ тутъ же глухо и печально:— Слыхала, чай, мятежники стали въ селѣ Коломенскомъ? Оттелѣ намъ предерзкія граматы шлютъ. Грозятъ Москву осадить. Лучшихъ воеводъ нашихъ взяли, коихъ на свою сторону переманили, коихъ...

При послѣднихъ словахъ царя Маша насторожилась.

— А киихъ убили!—Заключилъ съ грустью Василій и поникъ головою. Поникла и Маша. Но не на долго.

— Узнаю о батюшкѣ! — Пронеслось вихремъ у нея въ мысляхъ. И, разомъ осмѣлѣвъ, подошла она къ царю.

— Государь! Прости... — задрожалъ ея низкій грудной голосъ, улетая подъ низкіе своды кельи,—прости, что дерзаю спросить тебя...—что съ батюшкой? Не причинили-ли и ему какого зла мятежники? Повѣдай, государь, что-бы ни было. Не могу я ждать болѣ, и жить въ невѣденіи!

При первыхъ же словахъ дѣвушки, Шуйскій поднялъ голову. Что то похожее на жалость и раскаяніе мелькнуло въ ея красноватыхъ глазахъ. Вспомнилъ царь, какъ два мѣсяца тому назадъ, подъ страхомъ заточенія и пытки, запретилъ онъ своей царской волей нарушать покой княжны печальной вѣстью. И вотъ догадалась-ли своимъ умомъ Маша, либо тяжелое предчувствіе навело ее на эту мысль, но только проситъ она у него отвѣта сейчасъ. Не можетъ онъ больше мучить бѣдную дѣвушку. Что то мягкое и свѣтлое пробудилось въ черствой, жесткой душѣ царя. И, положивъ руку на голову княжны, онъ произнесъ ласковымъ нѣжнымъ, далеко несвойственнымъ ему голосомъ:

— Всѣ мы въ Господней волѣ. Всѣ подъ Богомъ ходимъ. Не убивайся же, не томи себя Марьюшка. Горе тяжкое, испытаніе послалъ тебѣ Господь! Приказалъ долго жить подъ мечемъ злодѣевъ князь Буйносовъ-Ростовскій — твой батюшка!

Тихо, протяжно вскрикнула Маша и закрыла лицо ру-

ками. Предчувствовала она сердцемъ давно страшный ударъ, а все словно надѣялась, ждала чего-то.

Громкія неудержимыя рыданья вырвались изъ груди дѣвушки, оглашая монастырскую келью. Царь не сталъ утѣшать ее пустыми словами. Инстинктивно понялъ онъ, на сколько было велико горе бѣдной княжны. Самому Шуйскому никогда не приходилось терять никого изъ близкихъ. Да и не было близкихъ у царя. Онъ любилъ только самого себя и не одной души больше. И Машу полюбилъ онъ было не за душу кроткую, ни за тихое покорное сердце, а за черныя очи, да за румяныя уста, да за молодую красоту дѣвичью.

А вотъ теперь, глядя на отчаяніе княжны, добрыя струны зашевелились въ его обычно черствой душѣ.

И движимый жалостью къ дѣвушкѣ, самъ, не узнавая себя, приблизился старый царь къ рыдающей Машѣ и, нѣжно гладя ее по головкѣ, произнесъ:

— Плачь, дидятко, плачь... легче слезами утолить горе... Плачь, болѣзная, а какъ выплачешься, помысли: Горе великое потерять отца. Трудно замѣнить его кому чужому. Чужому то трудно, а мужу легче. Знай же, Марьюшка, что больше отцомъ, нежели мужемъ будетъ тебѣ старый царь Василій. Какъ отецъ, буду печься о тебѣ, какъ дитя, буду лелѣять тебя, княжна ты моя безталанная. Вѣдь и я одинокъ, вѣдь и я несчастливъ, Маша! Кругомъ то неурядицы, да вороги лютые, кругомъ измѣна, да подкупъ. Изолгались въ конецъ людишки. Пожалѣй хоть ты меня, Марьюшка! Тяжко мнѣ. Хотѣлъ я престола съ первоначала, правда! И недобрыми путями шелъ къ нему, а нынѣ... хошь бы ее и не было у меня, шапки моей Мономаховой. Бремя не по годамъ взвалилъ я на плечи себѣ. Видно, покаралъ Господь! Пожалѣй меня, Марьюшка, я, одинъ какъ перстъ на свѣтѣ!..

И едва договоривъ послѣднія слова, горько заплакалъ старикъ. Княжна Марья подняла голову, взглянула на царя. Передъ нею сидѣлъ сгорбленный въ три погибели подъ бре-

менемъ горя несчастный старецъ. Куда дѣлось его царское величіе и гордость? Слезы потоками льются изъ очей. Мучительная скорбь написана на лицѣ. Жалостью наполнилось сердце кроткой и чуткой княжны. Болѣзненно отозвалось оно на чужое горе. Сейчасъ только пережитое собственное страданье, помогло ей въ этомъ. И не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она, поборовъ въ себѣ обычную свою робость, приблизилась къ царю, и, положивъ ему на плечи руки, заговорила исполненнымъ невыразимаго чувства голосомъ:

— Батюшка, государь милостивый, не кручинься! Помогу я снести тебѣ твое горе лютое. Господь насъ соединяетъ на вѣки... доля такова моя, стало. Чѣмъ смогу — утѣшу твое горе... Доброй, ласковой женою тебѣ буду, другомъ твоимъ вѣрнымъ, государь! Сирота я. Лишилась батюшки. О комъ же мнѣ и печься, какъ не о тебѣ теперь, и, какъ покорная дочь, любить тебя буду, государь! Буду жалѣть тебя, да о тебѣ заботиться.

Не вѣря своимъ ушамъ, слушалъ, чуть переводя дыханіе, слова эти старый Шуйскій. И новое глубокое доброе чувство властно захватывало его угрюмую и лукавую до сихъ поръ душу. Впервые почувствовалъ старикъ, что кромѣ честолюбія и тщеславной борьбы за тронъ, есть нѣчто лучшее на свѣтѣ, есть великая, самоотверженная любовь, заново перерождающая людей.

ГЛАВА VI.

Подъ грохотъ пушекъ и стонъ пищалей.

ДВАДЦАТЬ шестого Ноября тысяча шестьсотъ седьмого года выдался холодный суровый день на Москвѣ. Отъ села Коломенскаго къ столицѣ спѣшно двигались несмѣтныя полчища мятежнаго войска—Болотниковъ и Шаховской перешли Москву рѣку и оцѣпили со всѣхъ сторонъ столицу. Весь послѣдній мѣсяцъ былъ употребленъ ими для того, чтобы безъ кровопролитія овладѣть Москвою. Съ этою цѣлью изъ села Коломенскаго отправлялись подметныя грамоты съ приглашеніями къ Московскимъ людямъ перейти на сторону Дмитрія. Еще Дмитрій не показывался войску и все еще находился по слухамъ въ Самборѣ, а уже его именемъ отдавались приказы и писались грамоты. Царь Василій въ тѣхъ грамотахъ являлся низложеннымъ, свергнутымъ царемъ.

Все улыбалось, казалось, при такомъ поворотѣ дѣла, мятежному войску и его воеводамъ. Въ Москвѣ царила паника. Тамъ спѣшно шли приготовленія къ бою, собирались дружины. Царь Василій, ожидавшій съ минуты на минуту приступа, укрѣплялъ Москву. У Серпуховскихъ воротъ всталъ станомъ князь Михаилъ Скопинъ Шуйскій съ князьями Голицынымъ и Татевымъ. Недавно вернувшемуся изъ похода племяннику, царь Василій передалъ вновь главное начальство надъ войскомъ. Царь съумѣлъ оцѣнить мужество и военныя способности Михаила. Въ то время, какъ старые убѣленные въ ратномъ дѣлѣ воеводы отступали подъ натискомъ враговъ или, разбитые на голову, позорно бѣжали съ поля битвы, юный вождь, князь Скопинъ одинъ являлся побѣдителемъ врага.

Ему то и вручилъ Василій защиту святынь Московскихъ, себя и своего народа.

Князь Скопинъ дѣятельно готовился къ бою. Готовился и царь къ рѣшительной и страшной минутѣ. Или побѣда или гибель Руси—выбора иного быть не могло. И молить всенародно Господа о побѣдѣ отдалъ приказъ Шуйскій. Зазвонили во всѣ Московскіе колокола. Служились молебствія во всѣхъ церквахъ и соборахъ. Народъ готовился трехдневнымъ постомъ къ великому дѣлу спасенія Россіи. Каждый, кто могъ и умѣлъ владѣть оружіемъ, готовился къ бою. Разосланы были грамоты по всѣмъ городамъ съ просьбою о присылки ратныхъ людей. И города откликнулись на призывъ царя: отовсюду спѣшили дружины. Особенно Смоленскъ и Тверь постарались своей вѣрной службой. Оттуда подъ начальствомъ воеводы Колычева шелъ сильный отрядъ въ осажденную Москву. И вотъ еще одной нежданною радостью подарила судьба царя Василія въ эти тяжелые, горькіе дни.

Однажды на зарѣ прискакалъ въ Москву черноволосый, смуглый красавецъ всадникъ на взмыленномъ конѣ. Онъ прослѣдовалъ прямо въ Кремль, требуя, чтобы его провели въ покои царя.

Лишь только, войдя во дворецъ, переступилъ онъ порогъ царской горницы, какъ тяжело рухнулъ въ ноги царю и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ни вели казнить—вели миловать, надежа—государь! Мочи нѣтъ мнѣ и моимъ людямъ лить нашу кровь за обманнаго воровскаго царя, котораго никто изъ насъ и не видѣлъ ни однимъ глазомъ. Не правильныя дѣла дѣются въ мятежномъ войскѣ. Не за правду, не за Русь сражаются въ немъ, а за наживу, да изъ за озорства болѣ. И вотъ мы порѣшили, я и мои Рязанцы съ воеводой Сунбуловымъ сдаться тебѣ на милость. Велишь помереть—помремъ, — простишь заслужимъ тебѣ твою милость. Рязанскія дружины идутъ сюда слѣдомъ за мною бить тебѣ челомъ, великій государь! Ждемъ отъ тебя, нашей участи!—Сказалъ и покорно склонилъ къ ногамъ царя свою красивую, угрюмую голову Прокопій Петровичъ Ляпуновъ.

Царь Василій не могъ скрыть своей радости. Поднялъ Рязанскаго воеводу и растроганнымъ голосомъ отвѣчалъ на его пылкую рѣчь:

— Богъ съ тобою, Прокопъ Петровичъ. Съ кѣмъ не случается грѣха?.. Попуталъ тебя, знать врагъ рода человѣческаго. Заставилъ свернуть съ пути истиннаго. Прощаю тебѣ твою невольную измѣну. Вѣрю въ твое раскаяніе и повелѣваю тебѣ быть отнынѣ думнымъ бояриномъ нашимъ. И царь трижды облобызалъ не взвидѣвшаго свѣта отъ радости Ляпунова.

Въ тотъ же день Рязанскія дружины съ ихъ воеводою Сунбуловымъ присоединились къ Московскимъ, перейдя на службу истиннаго царя.

Холодный, студеный Ноябрьскій день сыпалъ снѣгомъ и дулъ рѣзкимъ вѣтромъ, проникающимъ до костей. Такая погода вполнѣ благопріятствовала мятежникамъ. Невидимые межъ хлопьевъ снѣга, они неслышно приблизились къ Симонову манастырю, къ Гонской и къ Рогожской заставамъ, готовясь ударить на царскія войска. Князь Михаилъ Ско-

пинъ сосредоточилъ свои дружины у Данилова монастыря. Въ то время, какъ войска готовились къ бою, князь слушалъ молебствіе, совершаемое архипастыремъ монастырскимъ. За короткое время князь Михаилъ сталъ неузнаваемъ. Юношескія краски смѣнились матовою блѣдностью на его лицѣ. Глаза безпокойно сверкали изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Тяжелую вѣсть узналъ князь по возвращеніи въ Москву изъ похода. Родители боярышни Александры Васильевны сообщили ему, убитые горемъ, что Саня его похищена мятежниками и невѣдомо куда увезли ее злодѣи. Чуть живая приплелась старуха Степановна изъ вотчины въ домъ княгини Скопиной и подтвердила ужасную вѣсть. Самъ не свой сталъ Михаилъ, узнавъ роковую новость. Онъ и Семенъ Головинъ тутъ же дали клятву найти дѣвушку во что-бы то ни стало теперь же и жестоко отомстить за нее. Но гдѣ найти, какъ найти? Вотъ вопросы, которые преслѣдовали день и ночь князя, не давая ему ни минуты забвенья, лишая его сна и покая, терзая его сердце на тысячу кусковъ. Страхъ за участь Сани доводилъ его порой до отчаянія. Зная по слухамъ о Болотниковѣ, Михаилъ вѣдалъ и то, что никогда не давалъ пощады проклятый Ивашка ненавистнымъ ему боярамъ и ихъ дѣтямъ. Что могло ожидать несчастную Саню въ когтяхъ этого звѣря? Узнавъ, что она боярская дочь и невѣста племянника царскаго, его яраго противника, онъ, конечно, безжалостно убьетъ ее. Какія только злыя пытки, какія мученья предназначенныя его бѣдной невѣстѣ ни мерещились князю? И не однимъ взоромъ онъ не могъ никому выразить своихъ душевныхъ терзаній. Войско должно было видѣть бодрымъ своего вождя. Отъ этого зависѣла побѣда. И князь Скопинъ поднималъ затуманенный взоръ на лики святыхъ угодниковъ Божьихъ, моля ихъ снизослать силу и терпѣніе его душѣ.

Но вотъ молебствіе кончено. Пастырь окропилъ войско святою водой. Гдѣ-то близко, близко прогремѣла первая пушка.

— Враги наступаютъ, княже!—услышалъ Михаилъ голосъ Татева, состоявшаго вторымъ воеводой при его отрядѣ, князь Михаилъ разомъ преобразился. Выпрямился во весь свой богатырскій ростъ. Глаза его засверкали.

— Впередъ, друзья мои! Постоимъ за святыни московскія, за истиннаго царя!—прогремѣлъ, подобно трубѣ, его зычный голосъ.

И воины, заслыша этотъ мощный призывъ, раздавшійся уже единожды надъ ними тамъ, на далекихъ берегахъ рѣки Пахры, снова воспрянули духомъ и всею своею силой ударили на врага.

Враждебныя дружины велъ самъ Болотниковъ. При немъ находился Истома Пашковъ,—Тульскій измѣнникъ. Тутъ и тамъ мелькало характерное лицо Лжедмитріева воеводы съ его огневыми глазами, съ курчавой черной бородкой и смоляныя кудри подъ казачьей шапкой, лихо сдвинутой набекрень. Казаки слушались каждаго взмаха его руки, каждаго движенія бровей.

Царскія войска сшиблись съ мятежниками у самыхъ Серпуховскихъ воротъ. На башняхъ воротъ поставлены были пушки. Они осыпали наступающихъ цѣлымъ градомъ снарядовъ, имъ помогали пищали и самопалы. Мечемъ и саблею додѣлывали то, чего нельзя было сдѣлать выстрѣлами орудій.

И всетаки мятежники смѣло напирали впередъ. Имъ нипочемъ, казалось, и сабельные удары и дождь свинца, лившійся на ихъ головы изъ орудій. Примѣръ ихъ дерзкаго вождя воодушевлялъ его дружины.

Но вотъ среди боя неожиданно отрядъ Пашкова, незамѣтно отдѣлившись отъ воюющихъ, и, обойдя мѣсто битвы, поднялъ бѣлое знамя.

— Хотимъ служить истинному царю, а не вору Болотникову съ его подставнымъ царькомъ! Прими насъ, княже, въ свои дружины! — Пронесся звучный голосъ молодого боярскаго сына. Князь, стоявшій на Серпуховской башнѣ

и все время слѣдившій за боемъ, кивнулъ головой. Быстро открылись и снова закрылись Серпуховскія ворота, впустивъ предавшагося на милость Шуйскаго Истому Пашкова съ его отрядомъ.

А бой все закипалъ и закипалъ съ новой силой. Число мятежниковъ все прибывало и прибывало по Серпуховской дорогѣ.

Впереди нихъ, какъ геній зла, носился чернобородый вождь мятежнаго войска. Ужъ нѣсколько разъ Скопинъ наводилъ на него свою пищаль... Гремѣлъ выстрѣлъ, разсѣевался дымъ и снова видно было, какъ здравъ и невредимъ, леталъ на своемъ конѣ съ дымящимся мечемъ, неуязвимый для пуль Болотниковъ.

Ему нѣсколько разъ предлагали сдаться, но онъ со смѣхомъ отвергалъ это предложеніе.

— Служу царю Дмитрію и положу свой животъ за него,— былъ отвѣтъ наглаго мятежника. И съ новымъ рвеніемъ руководилъ онъ приступомъ. Съ новымъ рвеніемъ налетали его казаки-запорожцы на царскія дружины, опрокидывая ихъ одну за другой. Вотъ уже почти что у самыхъ воротъ Серпуховскихъ они схватились снова. Еще одинъ мигъ, приналягутъ всею своею силою враги и войдутъ въ городъ. Вотъ уже гнѣдой конь - степнякъ ихъ вождя топчетъ пѣшихъ стрѣльцовъ, дрогнувшихъ подъ дружнымъ натискомъ врага. И вдругъ... исчезъ съ башни юноша-вождь, до сихъ поръ руководившій боемъ.

— Гдѣ князь-начальникъ? въ ужасѣ прошепталъ Голицынъ Татеву,—потерявъ изъ вида Михаила.

— Убитъ бранной пулей!—отвѣчалъ тотъ съ мрачнымъ лицомъ. И оба вздрогнули вдругъ, точно при видѣ свѣтлаго видѣнія.

Князь Михаилъ неожиданно появился въ переднихъ рядахъ своего войска. Его бѣлый конь безстрашно врѣзался въ самую толпу мятежниковъ. Съ горящими очами, грозный взглядъ которыхъ наводилъ панику на враговъ, онъ

За Святую Русь.

мигомъ былъ среди нихъ — крикнувъ громкимъ повелительнымъ голосомъ:

— За царя Василія! За святую Русь, братцы!—прозвучалъ снова могучій, желанный сердцу каждаго ратника голосъ и они, собравъ послѣднія усилія, снова дружно ударили на врага. Сдвинувъ со лба шишакъ, съ открытымъ, смѣлымъ лицомъ, подъ выстрѣлами и ударами мечей, летѣлъ Скопинъ словно Божья кара, уничтожая попадавшихся ему на пути мятежниковъ. Даже самъ безстрашный Болотниковъ остановился передъ этимъ, умопомрачающимъ мужествомъ, врагомъ.

А вокругъ послѣдняго уже безпорядочно толпились казачьи дружины.

— Утикай, батько! Смерть пришла! — крикнулъ ему одинъ изъ самыхъ безстрашныхъ казачьихъ атамановъ Беззубцевъ и, повернувъ коня, помчался по Серпуховской дорогѣ со всей своей казачьей дружиной. За нимъ кинулись и остальные. Не рискуя попасться въ руки царскихъ воеводъ бросился послѣднимъ съ поля битвы и самъ Болотниковъ.

— Стойте! куда вы, вражьи дѣти!—кричалъ онъ казакамъ. Назадъ! Назадъ!

Но его никто не слушалъ, да и не время было слушать. Слѣдомъ за мятежниками по горячимъ слѣдамъ ихъ скакалъ смѣлый, страшный, какъ буря, бѣлый витязь, во главѣ несмѣтной рати царскихъ дружинъ.

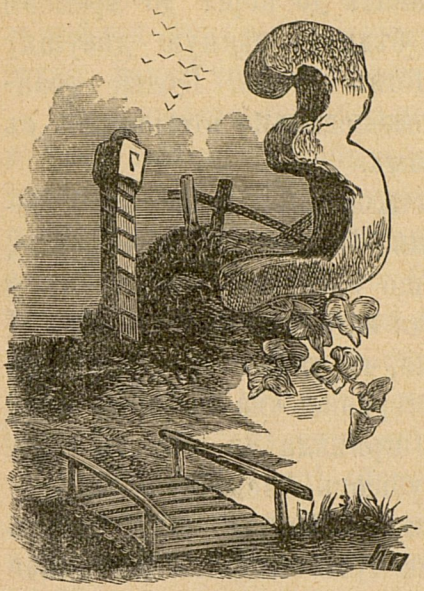
До самаго Коломенскаго села гнали мятежниковъ. Уставшая отъ погони царская рать дала себѣ временный роздыхъ. Болотниковъ воспользовался имъ и, выйдя изъ Коломенскаго стана, далъ новую битву при урочищѣ Котлахъ. Но и тутъ былъ на голову разбитъ Скопинымъ и, вернувшись въ Коломенское, заперся въ острогѣ.

Князь Михаилъ осадилъ острогъ. Царскія войска стрѣляли по острогу изъ пушекъ цѣлые три дня, но не могли разрушить стѣнъ острога. Болотниковскіе ратники прята-

лись въ вырытыхъ землянкахъ и воловьими шкурами тушили снаряды. Тогда князь Михаилъ отдалъ приказъ сдѣлать огнемныя ядра изъ горючаго вещества, зажегши острогъ, по-неволи мятежники должны были выйти изъ засады, охваченные со всѣхъ сторонъ пламенемъ и бросились по Серпуховской дорогѣ. Князь Скопинъ съ войскомъ погнался за ними. Многіе были взяты въ плѣнъ, но многіе достигли деревни Заборья. Болотниковъ бѣжалъ въ Калугу, а въ Заборьѣ остановились казаки съ ихъ атаманомъ Беззубцевымъ. Послѣднимъ было предложено сдаться. Казаки сдались на милость побѣдителя и были отправлены въ Москву.

Князь Михаилъ Васильевичъ, увѣнчанный новой славой, возвратился въ столицу. Благодарный царь пожаловалъ племянника саномъ боярина, милость неслыханная въ то время для такого молодого человѣка. Но не почетъ, ни слава, ни отличія не радовали князя. Ни въ сожженномъ Коломенскомъ, ни въ Заборьѣ, нигдѣ не находилъ онъ той, по комъ такъ мучительно сжималось его любящее сердце.

А слава князя росла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Шуйскій отличалъ, какъ могъ племянника, непобѣдимость котораго заставила надолго замолкнуть уста его враговъ. Все преклонялось передъ безстрашнымъ юношей. Ласки царя, лесть царскихъ приверженцевъ окружали теперь баловня военной славы.



ГЛАВА VII.

Передъ казнью.

ОЛОТАЯ моя боярышня, не кручинься, не тоскуй, не губи красы своей дѣвичьей. Богъ не безъ милости, Александра Васильевна. Молиться надо! Помилуетъ насъ Господь! — Такъ говорила чуть слышнымъ шопотомъ вѣрная Феня своей молоденькой госпожѣ. Блѣдная, осунувшаяся и исхудавшая, слушала рѣчи эти Санюшка. За два мѣсяца, проведенные въ неволѣ Саня ни минуты не имѣла душевнаго спокойствія. Къ ея счастью, злодѣй Болотниковъ все откладывалъ и откладывалъ привести въ исполненіе свою страшную угрозу. Этому не мало способствовали постоянныя пораженія и потери, которыя онъ терпѣлъ теперь на каждомъ шагу. Не принятый въ Серпуховѣ, онъ, убѣжавъ изъ подъ занятаго княземъ Скопинымъ Коломенскаго, утвердился въ Калугѣ. Своихъ плѣнницъ съ другою живой добычей онъ всюду возилъ за собою въ обозѣ. Въ станѣ воровъ говорили, что многихъ изъ плѣнницъ отвезутъ татары въ Турцію, и продадутъ тамъ въ рабство султану и знатнымъ туркамъ.

При одной мысли объ этомъ вся кровь застывала въ жилахъ у несчастной Сани. Не страшна была смерть, страшнѣе ее турецкая неволя. Къ довершенію несчастья вѣрная Феня, все еще разыгрывавшая роль боярышни, какую приняла на себя, чтобы спасти свою юную госпожу, могла быть ежеминутно оторвана отъ нее. Считая Феню дочерью

боярской Болотниковъ и его приспѣшники, надѣясь на хорошій выкупъ, рѣшили ее оставить до поры до времени въ Калугѣ, Санюшку же, какъ бѣдную сѣнную дѣвушку продать въ Турцію при посредствѣ татаръ. Цѣлые транспорты такого живого товара еженедѣльно отсылались съ татарами къ турецкимъ границамъ.

Вотъ почему сама не своя стала Саня. И не Саня болѣе теперь, а тѣнь прежней Сани. Только огромные, сѣрые, лучистые глаза дѣвушки все еще блестѣли мужествомъ и надеждой. Хотя теперь надежда эта потеряна въ ея сердцѣ. И Фенѣ не легче. Раскаевается Феня, что такъ поторопилась въ первую минуту ихъ плѣна. Растерялась она тогда, и, боясь грозящей ея боярышнѣ смерти, приняла на себя ея имя. Увѣрена была тогда Феня, что убьютъ Александру Васильевну злодѣи, какъ боярское дитя и рѣшила пожертвовать собою, благородная дѣвушка. Анъ тутъ глядишь все иначе вышло. И больно сжимается сердце бѣдной служанки, жгучее раскаяніе гложетъ его.

А тутъ еще съ каждымъ днемъ на глазахъ ея таетъ любимая боярышня. Почти не притрагивается къ ѣдѣ.

— Не кручинься, не тужи! — уговариваетъ, утѣшаетъ Александру Васильевну Феня, а у самой кошки на сердцѣ скребутъ и мрачное отчаяніе заволакиваетъ душу.

Вчера привезли ихъ въ Калугу и вмѣстѣ съ другими плѣнниками бросили въ тюрьму. Отъ татарской стражи узнала Феня, что на утро многихъ изъ заключенныхъ ждетъ лютая казнь за то, что не хотятъ признать Дмитріемъ истиннаго «царя-бачку», какъ пояснилъ татаринъ.

Многіе изъ слабодушныхъ плѣнниковъ испугались страшной участи и громко кричали о томъ, что готовы присягнуть новому царю. Другіе же болѣе стойкіе не соглашались и рѣшили въ молитвѣ провести послѣднюю ночь, приготовляясь къ смерти. Женщины плакали, мужчины сурово молчали. Маленькія дѣти, которыхъ злодѣи не щадили тоже, испуганно жались подъ крылышко матерей. Стонъ и

плачъ стоялъ въ темницѣ или вѣрнѣе въ длинной узкой подпольной горницѣ-подвалѣ, гдѣ томились плѣнники. А за стѣною гудѣла вьюга, кружились хлопья снѣга, царила стужа, какая только можетъ быть въ началѣ Января.

Ночь ползла томительно долго. Саня забывалась по временамъ тяжелымъ забытьемъ, чтобы снова очнуться и замирать отъ ужаса надъ суровой дѣйствительностью. Вдругъ неожиданно разомъ усилившіеся крики и мольбы заставили ее очнуться окончательно. Отъ двери подвала понесло холодкомъ. Вѣтеръ ворвался въ него и бѣшенно закружился по темницѣ. На порогѣ стояло нѣсколько человѣкъ казаковъ. Старшій изъ нихъ по виду сотникъ высоко поднялъ фонарь и освѣтилъ внутренность подвала.

— Ты... да... ты!.. Еще, ты старушенція. И ты, господинъ купецъ! — тыкалъ онъ пальцемъ въ блѣдныя лица плѣнниковъ,—ступайте за нами!

Названные люди поднялись и, гремя цѣпями, тяжело переступая, пошли къ дверямъ. У входа они остановись и высокій купецъ въ ильковой шубѣ, низко поклонясь на всѣ четыре стороны, произнесъ громко, обращаясь къ своимъ товарищамъ по несчастью:

— Простите, православные! Погибаю за царя истиннаго, за Русь святую! Чую, не вернусь къ вамъ обратно!

— Ну, ну сюда! Нечего болѣ разглагольствовать! — толкнувъ его въ спину, произнесъ суровый казакъ.

Вопли и рыданія были отвѣтомъ обреченному на смерть несчастному. Стража повела осужденныхъ изъ тюрьмы. Въ страхѣ затихли плѣнники въ подвалѣ, словно боясь пропустить то, что должно было неминуемо свершиться сейчасъ, сію минуту.

И не ошиблись въ своихъ предположеніяхъ несчастные. Отчаянный, душу раздирающій крикъ долетѣлъ до сводовъ темницы.

Это палачи Болотникова покончивали со своими жертвами...

Ужасъ овладѣлъ несчастными, запертыми въ подвалѣ людьми. Каждый въ глубинѣ души лелѣялъ надежду на помилованіе. Но этотъ крикъ передъ страшной насильственной смертью заставилъ потерять послѣднія упованія и вѣру въ спасеніе. Вскорѣ снова появилась стража и увела новую партію осужденныхъ. Темница замѣтно пустѣла. Со двора доносились жалобы о помилованіи, съ одной стороны, проклятія и смѣхъ съ другой. Санюшка съ Феней, только молча переглядывались, при каждомъ такомъ крикѣ и тѣсно прижимались другъ къ другу, съ минуты на минуту ожидая своей страшной участи.

И вотъ они ея дождались. Снова растворилась дверь темницы и снова появившійся на ея порогѣ страшный казакъ сказалъ:

— Ну, мои красавицы! поднимайся! Очередь за вами!

Ослабѣвшія, измученныя долгимъ заключеніемъ и душевными муками, обѣ дѣвушки повиновались безропотно. Онѣ знали, что никакое непослушаніе не спасетъ ихъ. Минуты ихъ были сочтены. Не помня себя, преслѣдуемыя одной и той-же мыслью, онѣ кинулись другъ къ другу и крѣпко обнялись, какъ сестры.

— Ты сестра моя по несчастью, какъ сестру полюбила я тебя! — прошептала Саня, глядя нѣжнымъ, любящимъ взоромъ въ лицо своей подруги и служанки. Та только глухо зарыдала въ отвѣтъ.

— А теперь веди насъ, куда слѣдуетъ!—властно приказала она казаку.

— Ишь ты, королева какая!—произнесъ тотъ, изумленнымъ взоромъ окидывая блѣднолицую дѣвушку, такъ безстрашно идущую на смерть.

Потомъ сдѣлалъ знакъ стражѣ и та повела ихъ изъ подвала.

Крикъ ужаса сорвался съ устъ обѣихъ дѣвушекъ, когда они вошли во дворъ темницы. Въ углу двора было устроено возвышеніе. На немъ сидѣли матежники, кто познатнѣе,

во главѣ съ ихъ воеводой Ивашкой Болотниковымъ. Позади толпились сотники казачьи, мелкіе начальники и прочіе воровскіе люди... Ни Шаховского, ни Телятевскаго однако тутъ не было. Русскіе подлинные бояре, хотя-бы и измѣнники, погнушались позорною ролью палачей, предоставивъ ее одному Болотникову и его приспѣшникамъ.

Прямо противъ возвышенія стояла висилица и подъ ней въ предсмертныхъ судорогахъ извивалось какое-то человѣческое существо. Груда окровавленныхъ тѣлъ была безпорядочно свалена въ кучу, въ углу двора на сугробахъ снѣга. Татарскаго типа скуластый человѣкъ стоялъ тутъ-же, и точилъ свой окровавленный ножъ.

При видѣ этого зрѣлища Саня поблѣднѣла, какъ смерть и закрыла лицо руками. Краткая дѣвичья молитва понеслась къ престолу Бога. Потомъ она поборола свой страхъ и смѣло взглянула на Болотникова.

— Что, красавица, ушла душа въ пятки?—грубо расхохотался тотъ, отъ быстраго взора котораго не ускользнулъ трепетъ, охватившій дѣвушку. И то есть о чемъ покручиниться, скрывать отъ тебя истины не стану. Молись, дѣвушка, пришелъ твой часъ. Потому, думалъ я, сперваначалу продать тебя въ полонъ, да гляжу на тебя и думаю, никто такую служанку и купить себѣ не захочетъ, больно лядащая, къ труду неспособна—извелась да похудала, силы не будетъ... А боярышню твою помилуемъ, потому какъ выкупъ за нее должны дать ея родители изрядный!—И злодѣй посмотрѣлъ съ усмѣшкой на обезумѣвшую отъ страха Феню.

Точно что ударило дѣвушку... Вся задрожала съ головы до ногъ Федосья. Что это? Ее—холопку милуютъ, а знатную боярышню приговариваютъ къ смерти? Полно не прослышала-ли она, Феня? Нѣтъ! Нѣтъ! Вотъ и приговоръ готовъ прійти въ исполненіе...

Вотъ подходитъ къ боярышнѣ скуластый татаринъ съ мечемъ въ рукѣ. Вотъ грубо хватаетъ онъ ее за плечи.

Идемъ — нечего тебѣ прохолаживаться — говоритъ онъ отвратительнымъ голосомъ смѣясь, и тащитъ Саню къ тому мѣсту, гдѣ грудой навалены трупы, и гдѣ стоитъ цѣлое озеро человѣческой крови на снѣгу.

Обезумѣвъ, кидается слѣдомъ за татариномъ Феня.— Постой! постой! не губи! Не ее... не ее... меня убей... За нее выкупъ дадутъ большой, хорошій!.. Она боярышня богатая... знатная, а не я... Чтобы ее спасти только тогда отъ смерти, облыжно себя за нее выдала. Я казни достойна... за обманъ! За все! А ее отпустите... Ради Господа! Выкупъ за нее получите! Христомъ Богомъ клянусь! Безпорядочно залепетала, вся дрожа и задыхаясь Феня, то вырывая боярышню изъ рукъ палача, то снова кидаясь къ Болотникову и ползая у него въ ногахъ. По знаку послѣдняго татаринъ отпустилъ Саню. Теперь обѣ дѣвушки стояли передъ Ивашкой, одна спокойная и блѣдная, какъ смерть, уже какъ будто отрѣшившаяся отъ земного міра, другая взволнованная и трепещущая за жизнь своей госпожи.

Болотниковъ внимательнымъ взоромъ окинулъ обѣихъ... Потомъ сурово нахмурилъ брови и произнесъ величаво, обращаясь къ Фенѣ:

— Единожды солгала ты мнѣ, дѣвушка, кто тебя знаетъ, може врешь и во второй разъ... А штобъ насъ тебѣ морочить не пришлось,—вздернуть ихъ обѣихъ! Намъ съ ими возжаться, недосугъ!—приказалъ онъ, махнувъ рукою стражѣ.

— Не пущу! Не дамъ губить ни въ чемъ неповинную боярышню!—Внѣ себя вскричала Феня и заслонила всѣмъ своимъ тѣломъ Санюшку.

Но ей-ли, слабой дѣвушкѣ, было подъ силу бороться съ злодѣями? Два дюжихъ татарина подскочили къ крѣпко обнявшимся подругамъ, розняли ихъ руки и поволокли обѣихъ въ уголъ двора...

— Господь съ нами, Феня! Умремъ спокойно!—Успѣла шепнуть боярышня Саня своей подругѣ.

И вотъ выросла передъ нею черная, какъ уголь, страшная перекладина съ болтающейся на ней веревкой.

Голова закружилась у Сани... Сейчасъ... сію минуту она не увидитъ ни Божьяго дня, ни милаго, какъ саванъ, бѣлаго лица Фени... Чья-то рука толкнула ее впередъ. Силы почти покидали несчастную. И вдругъ неожиданный крикъ раздался за нею.

— Воевода! Воевода! Иванъ Исаевичъ! Готовься! Царскіе полки наступаютъ. На берегу Угры они. Самъ Скопинъ ведетъ московскія дружины. Съ нимъ Иванъ Шуйскій, братъ «Шубника»... — Послышался громкій говоръ и нѣсколько всадниковъ влетѣли во дворъ на взмыленныхъ коняхъ.

Невообразимая сумятица поднялась среди Болотниковскихъ приближенныхъ. Всѣ бросились къ своимъ домамъ, готовить коней и оружіе. Самъ Ивашка, позабывъ про плѣнницъ, и готовившуюся имъ смерть, первый умчался отдавать распоряженія, готовиться къ бою.

Черезъ минуту, другую дворъ опустѣлъ. Татары палачи и тѣ исчезли куда-то, при одномъ упоминаніи о страшномъ для нихъ имени Скопина.

Едва вѣрившія въ свое чудесное спасеніе, обѣ дѣвушки взглянули другъ на друга... разомъ набожно, точно сговорившись, осѣнили себя крестнымъ знаменемъ, схватились за руки и кинулись бѣжать.

— Миша здѣсь!—Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда! Желанный! Милый!—Вся трепеща отъ охватившаго ее внезапно остраго счастья лепетала Саня, — къ нему! къ нему, къ желанному бѣжимъ скорѣе Феня!—торопила она дѣвушку.

Едва передвигая усталыми, ослабѣвшими ногами, благополучно миновали они улицу. Никто не обратилъ вниманія на бѣглянокъ. Мало-ли дѣвушекъ, женъ и дочерей воровскихъ ходило по Калугѣ въ ту пору? Вотъ уже и застава городская... За нею острогъ... А изъ за острога видно, какъ тянутся чернѣющія вдали московскія дружины по берегу замерзшей Угры рѣки, въ семи верстахъ отъ города.

Только-бы достигнуть до передовыхъ дружинъ, только бы пройти эти семь верстъ, отдѣляющія отъ нихъ Калугу, и дѣвушки спасены, свободны!

И вотъ, когда обѣ онѣ уже почувствовали какъ близка теперь эта желанная свобода, передъ ними какъ изъ-подъ земли выростаетъ татаринъ-палачъ.

— Куда—бѣжите?.. Нельзя бѣжать... Казнить васъ надо... Воевода сказалъ... Чего бѣжать! назадъ ступай!—Заговорилъ онъ съ сильнымъ татарскимъ акцентомъ и, схвативъ обѣихъ дѣвушекъ за руки, потащилъ назадъ.

Напрасно молила его Феня, напрасно сулила богатый выкупъ за ихъ спасенье, татаринъ только упрямо покачивалъ головой и твердилъ свое: „нельзя миловать, когда воевода казнить велѣлъ.

У самыхъ воротъ тюремнаго двора встрѣтился имъ отрядъ запорожцевъ съ ихъ атаманомъ во главѣ.

— Куда ведешь красавицъ?—окликнулъ послѣдній татарина.

— Казнить веду. Велѣлъ воевода!—отвѣчалъ тотъ спокойно.

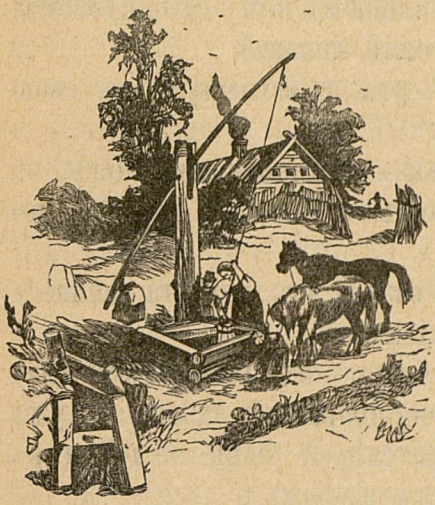
— Не смѣетъ онъ насъ казнить!—словно опомнившись, вскричала Феня, разомъ осѣненная какою-то пришедшею ей внезапно въ голову мыслью.—За насъ выкупъ обѣщанъ. Воевода знаетъ. Воевода велѣлъ насъ помиловать. Лжетъ татаринъ. Прикажи насъ отпустить, добрый казакъ!

Запорожецъ взглянулъ недовѣрчиво на дѣвушку, потомъ на татарина, затѣмъ вынулъ изо-рта люльку, которую до сей поры усердно курилъ и, обратившись къ слѣдовавшему за нимъ казаку, сказалъ:

— Слышь, Свистуля! Возьми обѣихъ дѣвушекъ подъ стражу. Отведи въ мою хату и запри накрѣпко, покуда не прикажетъ Иванъ Исаевичъ, что дѣлать съ ними.

— Слушаю, атаманъ-батько! — отвѣчалъ казакъ и, приказавъ дѣвушкамъ слѣдовать за собою, повелъ ихъ по улицѣ Калуги къ мѣсту стоянки запорожскихъ казаковъ.

Тамъ въ хатѣ атамана онъ накрѣпко заперъ ихъ въ горницѣ, а самъ расположился у дверей карауломъ.



ГЛАВА VIII.

Фенина затѣя. — Добрый казакъ.—На волосъ отъ гибели. — Потерянное и возвращенное счастье.

ПУШЕЧНЫЕ выстрѣлы и трескотня самопаловъ не утихаютъ ни на минуту. Дрожатъ окна и двери, дрожатъ рундуки и перила, и самыя избы дрожатъ отъ этихъ выстрѣловъ. Болотниковскія войска вышли за городъ и бодро отражаютъ нападеніе царскихъ дружинъ. Болотниковъ рѣшилъ не сдаваться до послѣдней капли крови...

Онъ зналъ, что, потерявъ Калугу, потеряетъ все. Его воровскія шайки съ каждымъ днемъ все слабѣли. Изъ Польши все еще не высылали новаго Самозванца и, не видя своего царя, мятежный народъ терялъ постепенно вѣру въ него. Надо было дать этому народу оглушающую побѣду, чтобы заставить замолкнуть начавшійся уже ропотъ въ мятежныхъ войскахъ. И Болотниковъ рѣшилъ побѣдить или погибнуть.

Пушечные выстрѣлы и трескъ самопаловъ достигалъ и до атамановой хаты, гдѣ сидѣли взаперти наши плѣнницы. У дверей ихъ расположился Свистуля. Это былъ высокій, чернобровый казакъ, статный и красивый. Ничего звѣрскаго и мятежнаго не было въ немъ, въ его пригожемъ лицѣ и черныхъ глазахъ. Онъ курилъ свою люльку и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку.

Эта пѣсенка навела на новую мыслъ, не терявшую ни на минуту надежды на спасеніе, Феню. Она долго присматривалась къ чернобровому Свистулѣ, какъ-бы соображая что-то. Потомъ неожиданно обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Что ты напѣваешь, пригожій казакъ?

Казакъ вынулъ люльку изо рта и взглянулъ въ свою очередь на красивую дѣвушку.

— О Дону своемъ пою пѣсню... тихо отвѣчалъ онъ.

— Что-же у тебя невѣста есть что-ли на Дону? — допытывалась Феня.

— Ни... Зачѣмъ невѣста? У казака его невѣста сабля!— произнесъ Свистуля съ убѣжденіемъ.

— Ну вотъ,—надула губки Феня,—что говоритъ-то глупый! Такой красивый, такой чернобравый казакъ и ужъ будто для него невѣста не сыщится!—И Феня, подойдя къ Свистулѣ, окинула его ласковымъ взоромъ.

Казака, не привычнаго къ женскому обществу, смутилъ этотъ кокетливый взглядъ.

— Красивая дивчина! не могъ онъ не подумать при видѣ дѣйствительно очень миловидной, не смотря на лишенія и неволю, Фени, а та, между тѣмъ, ободренная его смущеніемъ, продолжала:

— Ахъ, казаче, казаче! Гляжу я на тебя и дивлюсь! Всѣмъ ты взялъ, казаче, и красотой, и станомъ, и смѣлостью и какъ-же ты такой удалый и красивый казакъ пошелъ воевать противу царя въ воровскомъ войскѣ. При послѣднихъ словахъ дѣвушки казакъ насторожился. Медленно раскуривалъ свою потухшую было люльку и произнесъ съ важностью.

— Ни, царю истиному служу. Дмитрію царю, что въ Самборѣ. Противъ «Шубника» идемъ, который, значитъ, царитъ обманно. Вотъ и идемъ, штобы Дмитрію царю престолъ доставить.

— Ахъ, ты глупый, глупый казакъ! До бороды дожилъ, а ума не нажилъ!—Легонько щелкнувъ его по лбу пальца-

ми, насмѣшливо произнесла Феня.—Да гдѣ же онъ, царь-то вашъ истинный, Димитрій хваленый? Что же не торопится онъ на выручку своему войску? Чего сиднемъ сидитъ, словно курица мокрая, въ Самборѣ? Изъ-за него кровь рѣкою льется, а онъ што? А нашъ-то, настоящій царь, самъ, слышно, въ походъ готовится. Самъ за Русь грудью постоять хочетъ! Да и какой царь-то вашъ Дмитрій? Откелева достали его? Мы царя Дмитрія одного знавали. Такъ того долго мертваго съ волынкой и личиной народу на Лобномъ мѣстѣ показывали. Такъ нѣшто тотъ, што-ли Дмитрій? Да нѣшто тотъ-бы усидѣлъ въ Самборѣ, когда самъ онъ храбрый былъ и смѣлый, какъ левъ? Лыцарь одно слово! Да онъ бы давно передъ полками своими явился бы и не допустилъ бы ихъ бѣжать какъ татей ночныхъ тогда подъ Москвою.—А этотъ Самборскій Дмитрій — воръ, видно и обманщикъ по всему. А вы ему сдуру и повѣрили такому вруну!

Горячо, убѣдительно говорила Феня. Лицо ея разгорѣлось. Глаза блестѣли. Голосъ окрѣпъ и сталъ сильнымъ. Словно пѣвучей музыкой вливались волны этого голоса въ душу казака. Не отрывались его взоры отъ дѣвушки.

Вспомнилъ Свистуля, что не разъ слыхивалъ онъ такія же рѣчи и отъ старшихъ товарищей казаковъ. И тѣ втихомолку толковали о томъ же. Да тѣмъ было все едино, кому служить, лишь бы хорошая нажива была, лишь бы добычей доброй поживиться. А вѣдь онъ, Свистуля, не таковскій совсѣмъ. Онъ еще молодъ, не испорченъ. Алчность къ наживѣ не живетъ въ его душѣ. Онъ любитъ свой тихій Донъ, любитъ матушку Русь-святую и готовъ за вѣру и царя послужить ей до послѣдней капли крови. И когда повели его вмѣстѣ съ другими казаками на Москву атаманы: Заруцкій, Беззубцовъ и Нагиба, твердо вѣрилъ Свистуля, что за правое дѣло идутъ они въ бой. А эта дѣвчина своей смѣлой рѣчью совсѣмъ перевернула его мысли. И хороша и смѣла эта дѣвчина, не видалъ онъ еще такихъ. Смотритъ на диковинную дѣвчину Свистуля, а у самого сердце полымемъ

разгорается. Будто не сегодня, а давнымъ давно онъ ее знаетъ. Будто и раньше видѣлъ онъ ее и въявь и во снѣ, въ грезахъ сладкихъ. А Феня, замѣтя впечатлѣніе, произведенное ею на молодого казака, еще болѣе старалась очернить въ его глазахъ того невѣдомаго злодѣя-вора, назвавшаго себя Димитріемъ и притаившагося въ Самборѣ за польскія спины.

И чѣмъ больше говорила дѣвушка, тѣмъ больше увѣрывывалъ въ ея слова Свистуля. Слыхалъ онъ къ тому же и послѣднюю ошеломившую его новость. — Что самый храбрый изъ атамановъ Беззубцевъ со всѣми своими казаками предался въ Заборьѣ царю Шуйскому. Ужъ если Беззубцевъ предался, такъ что же это? Къ тому же смѣлыя рѣчи дѣвушки заставляли глубоко задуматься Свистулю.

— И впрямь—што за царь такой, што прячется отъ своихъ въ Самборѣ.

А сладкое невѣдомое ему еще доселѣ чувство незамѣтно закрадывается въ сердце дикаго питомца Запорожскихъ степей и усиливаетъ вѣру во все сказанное ему дивчиной.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—вертится вихремъ въ его мысляхъ?—Ему и стыдно послушать женщину, и въ то же время слова ея глубоко западаютъ ему въ мысли и сердце. — Что дѣлать! Что дѣлать? Выстукиваетъ это сердце на тысячу ладовъ. А ловкая Феня уже указываетъ, что надо ему дѣлать тутъ же, не медля нисколько.

— Добрый, пригожій казаче, говоритъ она теперь нѣжнымъ, ласковымъ, въ душу западающимъ голосомъ,—спаси насъ! Вызволи изъ неволи. Лютая смерть ждетъ меня съ моей боярышней. Не за себя прошу, за нее. Есть у тебя мать или сестра, казаче? Такъ ради нихъ, выпусти насъ на волю! Христовымъ именемъ умоляю тебя! Раздабудь намъ казаче, одеженьку подъ вечеръ, какую ни на есть, какъ стемнѣетъ... казачьи кафтаны, да шапки што-ли и выведи насъ за заставу. Коли крестъ у тебя на вороту есть, вызволи, ради Господа, добрый казакъ! И положивъ руку на плечо запо-

рожца, Феня устремила на него молящій взоръ. Не выдержалъ этого взора казакъ. Потупилъ свои черные очи. Потомъ сунулъ въ ротъ люльку и процѣдилъ сквозь зубы:—

— Ладно... поглядимъ тамъ... ужо, что будетъ. Въ обиду не дамъ.

И усиленно сталъ раскуривать свою трубку . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ тотъ же вечеръ два казаченка въ длиннополыхъ казачьихъ кафтанахъ, въ огромныхъ надвинутыхъ по самыя брови шапкахъ, въ сопровожденіи высокаго статнаго казака, едва уловимыми тѣнями, выскользнули изъ атамановой избы и спѣшно направились къ городскимъ воротамъ. Не прерывавшаяся за день пушечная пальба утихла на время передъ самой ночью. Оба стана, Московскій, расположившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Калуги, и Болотниковскій, засѣвшій въ наскоро сооруженномъ острогѣ, отдыхали. Лишь сторожевые караульные бродили кругомъ, то и дѣло окликая прохожихъ въ ночной темнотѣ.

Благополучно миновавъ незамѣченными нѣсколько караульныхъ заставъ, наши путники подошли къ послѣдней и самой опасной. У этой заставы расположился самъ Болотниковъ со своею передовой дружиной. Нѣсколько коней, привязанныхъ у стѣны острога, уже осѣдланныхъ и взнузданныхъ, ждали сѣдоковъ про всякій случай тревоги.

Къ этимъ конямъ и пробирался теперь, крадучись, вдоль стѣны острога со своими спутницами Свистуля. Помочь вскочить на лошадей обѣимъ дѣвушкамъ — и погнать ихъ добрымъ ударомъ нагайки — вотъ въ чемъ состоялъ теперь планъ зачарованнаго Феней запорожца.

Вотъ они почти у цѣли. Вотъ и кони всего въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Перерѣзать саблей конскій поводъ для смѣлаго запорожца было дѣломъ одной минуты.

Онъ быстро посадилъ обѣихъ дѣвушекъ на одну лошадь самъ вскочилъ на другую и, схвативъ поводья обоихъ коней въ одну руку, быстро поднялъ другую—съ плетью.

— Стой! Кто тутъ? Послышался въ тотъ же мигъ громкій окрикъ во тьмѣ.

И въ одну минуту передъ тремя бѣглецами выросло четверо караульныхъ, вооруженныхъ ножами и дубинами.

— Пропусти, дядя! Вишь свой казакъ со своими братьями малолѣтками!—попробовалъ оправдаться передъ главнымъ вожатымъ караульныхъ, Свистуля.

Но, а тотъ, видно, разомъ смекнулъ, въ чемъ дѣло.

— Видано-ли слыхано, чтобы братья были у запорожца, да еще въ Московіи, засмѣялся онъ, запорожецъ долженъ сирота круглый быть. Отецъ его кошевой атаманъ, братья—копья вострыя, сестры—сабли кривыя. Не ладное что-то несешь казаче,—а вотъ посмотримъ далѣ!—и, обратившись къ одному изъ спутниковъ караульныхъ что-то спѣшно добавилъ ему тихо.

— Бѣги до землянки Ивана Исаевича и оповѣсти воеводу, что де поймали кой-кого наши дозоры!

Тотъ только головой кивнулъ и бросился бѣгомъ исполнять возложенное на него порученіе. Трое другихъ караульныхъ схватили подъ уздцы коней и стали поджидать помощь. Свистуля, какъ ни въ чемъ ни бывало закурилъ свою люльку. Онъ зналъ, что все теперь цѣликомъ зависитъ отъ его хладнокровія. Не дай, Боже, замѣтятъ караульные тревогу въ его лицѣ—пропалъ онъ и его спутницы! А луна, какъ нарочно свѣтитъ теперь во всю, лаская и заглядывая имъ въ самое лицо. И каждое малѣйшее измѣненіе въ этихъ лицахъ могло погубить ихъ. Обѣ дѣвушки тоже отлично поняли это, и старались ничѣмъ не выдать своего волненія. Такъ продлилось около четверти часа. Вотъ въ ближайшей землянкѣ загорѣлся огонекъ. Вотъ въ другой, въ третьей Очевидно, караульный успѣлъ-таки поднять тревогу и вызвать людей.

Къ бѣглецамъ приближалась небольшая кучка людей. Впереди всѣхъ они увидѣли хорошо знакомую имъ фигуру Болотникова.

Еще одна минута промедленія — и будетъ поздно. Свистуля кинулъ взглядъ на обѣихъ дѣвушекъ. Ихъ лица казались еще блѣднѣе при матовомъ свѣтѣ луны. Очевидно, страхъ передъ новой опасностью заполонилъ души обѣихъ.

Воевода мятежниковъ былъ уже теперь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Сейчасъ онъ приблизится совсѣмъ и тогда ихъ гибель неминуема.

Эта мысль, какъ молнія пронизала мозгъ Свистули, и... онъ ударилъ нагайкой обоихъ коней разомъ, что было силы. Тѣ взвились и съ мѣста ринулись, какъ бѣшеные, во всю прыть, опрокинувъ троихъ караульныхъ, державшихъ ихъ подъ уздцы.

— Стой! Держи!—яростно понеслось за ними въ догонку—держи разбойника! Стрѣляй въ него! Стой, злодѣй! Куда? Стой!

Но голосъ Болотникова едва достигалъ до ушей скачущихъ. Тогда онъ быстро выхватилъ самопалъ у кого-то изъ близъ стоящихъ и выстрѣлилъ, не цѣлясь, на удачу. Пуля пролетѣла надъ самымъ ухомъ Сани, не задѣвъ ее. Только кони, подъ впечатлѣніемъ выстрѣла, понеслись еще быстрѣе, еще стремительнѣе впередъ. Теперь за спиною бѣглецовъ быстро снаряжалась погоня. Вотъ ближе и ближе слышится за ними топотъ лошадиныхъ копытъ. Самъ Болотниковъ руководитъ преслѣдователями. Въ его мысляхъ роятся планы мести одинъ другого чудовищнѣе и страшнѣе. Онъ весь горитъ желаніемъ примѣрно наказать бѣглецовъ, для устрашенія всей своей воровской дружины. Онъ еще не знаетъ, кто они—бѣглецы эти, его будущія жертвы, но злодѣй задался цѣлью настичь ихъ во что бы то ни стало. И все меньше и меньше становится разстояніе между нимъ и несчастными.

— Погибли мы? Говори, казаче!—обращается упавшимъ голосомъ Феня къ ихъ спасителю.

— Пожди еще малость, дивчина,—отвѣчаетъ тотъ спокойно,—погибнуть еще завсегда успѣемъ. Надо о томъ помыслить, какъ-бы утечь поскорѣе!—И шпоритъ безъ устали обоихъ коней. Лошадь подъ нимъ притомилась, повидимому, пошла тише. Конь подъ обѣими дѣвушками тоже сталъ понемногу замедлять ходъ. Погоня, между тѣмъ все приближалась съ каждой минутой.

— Все едино, не уйти отъ насъ, сдавайтесь по добру, по здорову, не то палить будемъ!—Внятно и отчетливо прозвучалъ голосъ Ивашки за ихъ плечами.

И въ слѣдующую же минуту онъ снова навелъ самопалъ въ ту сторону, гдѣ чуть живыя, прижавшись другъ къ другу мчались обѣ дѣвушки. Снова прогремѣлъ выстрѣлъ, просвистѣла пуля. На этотъ разъ конь подъ обѣими дѣвушками сдѣлалъ отчаянный прыжокъ въ сторону, и, обезумѣвъ отъ страха, полетѣлъ стрѣлой.

Пуля угодила въ ухо несчастной лошади. Отчаянная боль не остановила ея бѣга однако. Напротивъ того, она придала отчаянную скорость ногамъ животнаго. Въ нѣсколько скачковъ оно далеко оставило за собой погоню. Конь Свистули, какъ молнія понесся за ней. Проклятія полетѣли слѣдомъ за бѣглецами.

Еще немного и... они оставляютъ погоню далеко-далеко позади себя.

Она отстаетъ малу-по-малу. Дальнѣйшій путь далеко не безопасенъ для Болотникова и его шайки. Здѣсь могли бы ежеминутно столкнуться они со Скопинскими разъѣздами. Вблизи уже виднѣется лагерь его дружинъ. Съ громкою бранью Болотниковъ поворотилъ своего коня и поскакалъ обратно. За нимъ повернули и остальные. Бѣглецы вздохнули облегченно. Они были спасены . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Мраченъ и блѣденъ сидѣлъ въ своей землянкѣ князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Сегодня подъ утро готовился быть новый приступъ къ Калугѣ. Еще задолго до ночи погасили въ Московскомъ станѣ огни, чтобы обмануть бдительность непріятеля, который могъ бы выслѣдить приготовленія къ бою. Надо было напасть на Болотникова врасплохъ. Силою съ Калугой было покончить трудно. Ивашка изощрялъ все свое умѣнье, чтобы удержать острогъ и городъ за собою. Послѣ одного уже неудачнаго приступа Ивана Ивановича Шуйскаго брата царева, московскіе войска убѣдились въ этомъ. Недаромъ царь послалъ на подмогу брату князя Мстиславскаго, Татева и страшнаго для враговъ воеводу князя Скопина. Князь Михаилъ и самъ не сознавалъ того необычайнаго дѣйствія, которое онъ производилъ на враговъ. Но когда его бѣлый конь появлялся на ратномъ полѣ или у стѣнъ осажденнаго города, когда его острый мечъ поднимался въ сторону врага, трепетъ охватывалъ послѣдняго. Что-то великое, неземное было въ грозной боевой фигурѣ юнаго стратига. Какою-то затаенною страшною силой обладало все его существо. Онъ какъ бы воплощалъ собою другого вождя и воина—побѣдоносца Георгія, который и былъ изображенъ на знамени князя, постоянно сопровождавшаго его въ бою. А между тѣмъ грозный и немилостивый съ врагомъ, князь Михаилъ былъ добръ и свѣтелъ душою среди окружающихъ. У него было чуткое, любящее сердце и довѣрчивая, благородная душа.

И теперь сердце это ныло, душа болѣла.

— Заутра—бой—несутся вихремъ быстрыя и мрачныя мысли князя, и кто знаетъ суждено-ли мнѣ выйти изъ него живымъ? Суждено-ли еще разъ увидѣть Саню, желанную мою? Гдѣ-то она болѣзная? Гдѣ голубка моя? Жива-ли? Сверлили его теперь постоянные, мучительные вопросы. И обычно мрачные глаза князя словно заволакивало слезами. Онъ падаетъ на скамью своей кудрявой головою и долго лежитъ такъ безъ движенія, молча съ отчаяніемъ въ душѣ, съ глухою болью въ сердцѣ.

Какъ живая передъ нимъ стоитъ его Саня, но не сосредоточенная и серіезная, какою была она во все послѣднее время передъ ихъ разлукой, а Саня веселая, Саня огневая, какою она показалась ему впервые два года назадъ въ тѣнистомъ Головинскомъ саду. Стоитъ передъ нимъ смѣющаяся, рыженькая Саня, трясетъ своей золотой головкой и шепчетъ:

— Княже! А княже! Очнись!

Что это? Не приснилось-ли ему не ко времени... Нѣтъ, дѣйствительно, въ явь, шепчетъ ему знакомый милый голосъ:

— Очнись! Очнись, воевода!

Самъ не свой вскакиваетъ съ лавки князь Скопинъ. И тотчасъ же опускается на нее снова, еще болѣе разочарованный, вдвое болѣе несчастный, нежели раньше.

— Откуда ты, малецъ — роняютъ его печальные уста. Передъ нимъ стоитъ небольшая фигурка казаченка въ длинноломъ кафтанѣ въ запорожской бараньей шапкѣ на головѣ. Такого вояки-казака еще и не видывалъ, отродясь на своемъ вѣку, князь Михаилъ. Слабый свѣтъ лучины, горѣвшей въ землянкѣ — скупо освѣщаетъ смѣшную куцую фигурку. Какъ ни печально было на душѣ воеводы, а все-же онъ не могъ не улыбнуться при видѣ потѣшнаго маленькаго казака.

— Кто ты, малецъ? Откелева и кѣмъ присланъ? снова вопрошаетъ неожиданнаго пришлеца князь Михаилъ.

А тотъ въ свою очередь не сводитъ глазъ съ воеводы:

— Изъ вражьяго стана присланъ,—шепчетъ чуть слышно,—съ поклономъ къ тебѣ, княже, отъ невѣсты твоей отъ Александры Васильевны.

— Отъ Сани? Здоровали? Жива ли? Говори, говори! Не томи, помилуй!—Не помня себя вскричалъ разомъ, оживая князь.

— Жива она! Моя Саня? Болѣзная моя! — И онъ схватилъ за руки казаченка, жадно вопрошая его глазами.

— Жива, говорю тебѣ, кланяется—произнесъ тотъ и тихо

Пріятная встрѣча.

добавилъ, слѣдомъ, чуть слышно:—Миша! родной ты мой! Ужели не призналъ меня?

Высокая казачья шапка вмигъ упала съ головы страннаго мальчика и золотыя волны пышныхъ дѣвичьихъ косъ заструились вдоль стана, покрывая плечи.

— Саня!—Вырвалось стономъ изъ груди князя—Саня... голубка... косатушка... радость моя!

И женихъ съ невѣстой упали въ объятія другъ друга.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Вотъ они, мои спасители! Вѣрная моя Феня и добрый казакъ!—произнесла, выходя изъ землянки послѣ первыхъ порывовъ радости Саня, крѣпко держа за руку жениха.

— Спасибо вамъ, добрые люди, большое спасибо! обратился князь къ Свистулѣ и Фенѣ.

— Меня нечего благодарить, княже — бойко отвѣчала послѣдняя—я мою золотую боярышню больше солнышка краснаго люблю, да и ничего я для ея спасенія не сдѣлала, акромя того, што мнѣ сдѣлать по холопской своей долѣ полагалось, а вотъ онъ,—тутъ Феня толкнула легонько въ спину Свистулю, заставивъ его выйти впередъ,—онъ, казакъ этотъ, точно насъ спасъ отъ бѣды неминучей его и благодари, князь-бояринъ.

Спасибо, казаче! Вѣкъ не забуду тебѣ этого, молодецъ, съ чувствомъ произнесъ князь.—На покамѣсть-то, на счастье отъ воеводы!

И вынувъ изъ кармана кафтана, объемистый кошель съ червонцами, князь передалъ его казаку.

Но тотъ отрицательно покачалъ головою.

— Ни-ни, князь-воевода; не надо мнѣ казны. Не гнѣвись... Иначе меня награди!—Возьми къ себѣ на службу батько-княже! Потому дрался я за одного царя... Анъ царь тотъ выходитъ обманный... Хочу нынѣ служить истинному

царю. Отправь меня съ повинной къ государю, воевода. Пусть къ атаману Беззубцеву подъ начало отдастъ.

— Ладно ты придумалъ, казаче, обрадовался князь, нынѣче-же на зарѣ отправлю тебя въ Москву. А теперь ступай къ моимъ ратникамъ въ землянку, дадутъ они тебѣ горилки и угостятъ на славу. А ты, Феня, къ боярышнѣ ступай. Поможешь ей въ дорогу собраться. Не дѣло вамъ женщинамъ при войскѣ быть... Отправитесь на Москву, лишь только брежжить зачнетъ. Родители по тебѣ, Александра Васильевна, всѣ глаза поди повыплакали... Мертвой тебя уже почитали.

И князь снова повелъ невѣсту въ землянку, разсказывая ей, какъ горевали ея кровные, узнавъ про ея, Санино, исчезновеніе.

— Ну, чего стоишь! Слыхалъ, что сказалъ бояринъ?.. Ступай себѣ къ его ратникамъ!—бойко скомандовала Феня Свистулѣ, лишь только они снова остались одни. Но чернобровый казакъ не трогался съ мѣста. Глаза его не отрывались теперь отъ пригожаго лица Фени.

— Ну, чего бѣльмы-то вылупилъ? Глядишъ на меня, будто икона я расписная! А еще казакъ!—притворно сердитымъ голосомъ прикрикнула на него дѣвушка.

— Дурной я казакъ, дивчина,—прошепталъ Свистуля,—забылъ я свою долю казацкую, какъ увидалъ тебя!

— Ишь ты, какъ запѣлъ соловей запорожскій! Ну и что-жъ изъ того, что забылъ? Эка важность, подумаешь!

— А то-жъ, што хочу я на тебѣ жениться Федосья Матвѣевна...—неожиданно набравшись храбрости, словно выпалилъ обычно терявшійся въ присутствіи Фени казакъ.—Будь ты женой моей, гарная дивчина!

Всего, только ни этого признанія ожидала Феня. Сердце сладко забилось въ груди дѣвушки... Сразу понравился тамъ, въ атамановой избѣ, Фенѣ чернобровый Свистуля. А какъ выручилъ онъ изъ неволи «ея золотую боярышню», такъ еще вдвое онъ ей сталъ милѣе оттого. Взглянула она

на него долгимъ, пристальнымъ взоромъ... Видитъ, стоитъ онъ передъ нею такой тихій, взволнованный, и покорно ждетъ своей участи. Для нее онъ, можетъ, и службу своему воровскому царю бросилъ. Для нее честнымъ человѣкомъ сталъ. И сильнѣе забилось сердце Фени. А кругомъ нихъ снѣжная поляна раскинулась. Морозная ночь тиха и хрустальна... Ни вѣтерка... ни мятелицы... ни единой пушинки снѣговой... Только мѣсяцъ льетъ свой матовый свѣтъ на нихъ обоихъ... И при свѣтѣ его еще краше, еще милѣе кажется ей чернобровый казакъ.

— Ишь, что выдумалъ!—тихо, смѣется Феня...—такъ сразу и замужъ! Больно хитеръ. Какой-то еще царскій служака изъ тебя выйдетъ!.. Погляжу, а тамъ ужо посмотримъ! Чего спѣшишь? Ишь выдумалъ въ ночную пору свататься. Небось завтра вмѣстѣ на Москву покатимъ! И она со смѣхомъ бросилась въ землянку, придерживая сильно бьющееся сердце рукой.

И только на порогѣ снова остановилась и уже степенная и серьезная тихо послала Свистулѣ:

— А за боярышню мою спасибо. Челомъ тебѣ бью на томъ, чернобровый казакъ.

И исчезла въ темнотѣ входа землянки.

ГЛАВА IX.

На милость царя!

ОЛГО держалась Калуга. Царь приказалъ ее взять во что бы то ни стало, самъ воевода непобѣдимый князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, руководилъ осадой, а Болотниковъ все еще не сдавалъ осажденнаго города.

Еслибъ князь Михаилъ былъ единственнымъ воеводой подъ Калугою, дѣло-бы обстояло иначе, но царь Василій, боясь неудовольствій бояръ тѣмъ, что поручилъ это дѣло своему молодому племяннику, военной славѣ котораго и такъ уже завидовали остальные приближенные царя, послалъ туда князей: Мстиславскаго и Татева и брата Ивана Шуйскаго на подмогу. Какъ младшій возрастомъ изо всѣхъ воеводъ, князь Михаилъ долженъ былъ совѣтоваться со старымъ бояриномъ Мстиславскимъ. А тотъ медлилъ наступательными дѣйствіями и давалъ этимъ возможность осажденнымъ дѣлать вылазки и то-и-дѣло тревожить внезапными нападеніями царскія войска. Также неудачны были приступы къ Веневѣ и Тулѣ. Мятежники снова незамѣтно укрѣпились. Наступилъ Февраль. Повѣяло тепломъ на природу. Вмѣстѣ съ первымъ теплом появился въ Москвѣ и свергнутый Лже-Дмитріемъ бывшій патріархъ Іовъ, проживавшій остатокъ дней своихъ въ Старицкомъ монастырѣ. Пафнутій, митрополитъ крутицкій, повезъ святѣйшему старцу грамоту отъ патріарха Гермогена съ приглашеніемъ отъ царя на-

вѣстить Москву и поговорить съ народомъ—съ Лобнаго мѣста по «великому земскому дѣлу»,—какъ гласила грамата.

14-го Февраля Іовъ пріѣхалъ въ Москву въ царской каптанѣ (колымагѣ).

И черезъ пять дней выступилъ передъ всею Москвою на Лобномъ мѣстѣ. Здѣсь онъ разрѣшилъ народъ, по желанію царя, отъ ложной присяги его первому лжецарю Дмитрію. Обѣщалъ тутъ же народу молиться за него и за одолѣніе царемъ Василіемъ, единымъ и праведнымъ, всѣхъ мятежныхъ названцевъ и воровъ.

Это обращеніе бывшаго патріарха къ народу было придумано Шуйскимъ для того, чтобы укрѣпить ослабѣвшую вѣру въ него россіянъ, чтобы отвратить ихъ отъ новаго самозванца, который какъ разъ въ это время, подкрѣпленный въ Самборѣ польскими гетманами Меховецкимъ и Рожинскимъ готовился выступать на Москву. Первою цѣлью этого новаго самозванца было соединеніе его съ Болотниковымъ и Шаховскимъ. До поры, до времени утвердившійся въ Тулѣ Шаховской послалъ звать къ себѣ до появленія Лжедимитрія, другого самозванца, казака Илейку, который называлъ себя никогда не существовавшимъ сыномъ Ѳеодора Іоанновича Петромъ. Этотъ Лжепетръ буйствовалъ съ казаками по всему Поволжью и былъ весьма доволенъ утвердиться въ Тулѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединился и Болотниковъ, вышедшій наконецъ изъ Калуги и по дорогѣ къ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Телятевскимъ разбившій царское войско при рѣкѣ Пчельнѣ. Но неожиданная побѣда московскихъ воеводъ при рѣкѣ Волмѣ, подъ начальствомъ Скопина, заставила мятежниковъ снова бѣжать къ Тулѣ и, запершись въ ней, дѣятельно готовиться къ оборонѣ города.

Между тѣмъ Самозванецъ уже появился въ Стародубѣ-Путивльскомъ. Войска и народъ признали его и помогали ему, чѣмъ могли: припасами, оружіемъ и казной. Ляхи сгруппировались вокругъ него, какъ и при первомъ Лже-

дмитріѣ. Гетманы Меховецкій и Рожинскій обѣщали ему свою помощь.

Этотъ дерзкій и предпріимчивый бродяга хорошо понялъ одно: для того, чтобы завоевать полное довѣріе народа, недовольнаго Шуйскимъ, въ несчастные дни его царствованія, надо было, чтобы и развѣнчанная царица Марина и ея отецъ панъ Юрій Мнишекъ, признали покойнаго Дмитрія въ его лицѣ.

Іезуиты и поляки, въ свою очедь всячески старавшіеся провести новаго Самозванца въ Россію, предугадывая себѣ отъ этого новыя выгоды, завели сношенія съ томившимися все еще въ плѣну, въ Ярославлѣ, Мнишкомъ и его дочерью.

Между тѣмъ самъ царь рѣшился выступить подъ Тулу во главѣ огромнаго стотысячнаго войска и осадить ее. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ длилась эта осада. Безстрашный и дерзкій Болотниковъ съ княземъ Шаховскимъ и Лжепетромъ, по просту казакомъ Илейкой, дѣлалъ ежедневныя вылазки, въ то время, когда менѣе всего ихъ ожидали въ царскихъ войскахъ. Въ тоже время мятежники послали казачьяго атамана Ивана Заруцкаго въ Стародубъ съ приглашеніемъ новому признанному ихъ царю Дмитрію немедленно торопиться ѣхать къ нимъ въ Тулу.

Они не спрашивали даже истинно-ли то былъ спасенный первый Лжедмитрій или просто новый обманщикъ. Имъ былъ нуженъ какой нибудь новый царь для того только, чтобы свергнуть ненавистнаго Шуйскаго и посадить своего собственнаго царя на его мѣсто, чтобы самимъ распоряжаться Русью, какъ имъ заблагоразсудится. Многіе, мятежники, побывавшіе въ Стародубѣ и повидавшіе новаго Дмитрія, сразу признали въ немъ совершенно невѣдомаго имъ человѣка, не похожаго на убитаго Самозванца ни одной чертой. На сколько покойный Лжедмитрій былъ милостивъ, рыцарски вѣжливъ и добръ въ обхожденіи—настолько нахаленъ, дерзокъ, грубъ и безтактенъ былъ второй Самозванецъ. И лицомъ онъ не былъ похожъ на предъидущаго. Съ длин-

нымъ крючковатымъ носомъ, съ черными безпокойно бѣгающими глазами, весь обросшій густою черною бородою онъ производилъ отталкивающее впечатлѣніе своей внѣшностью. Жестокость, пьянство, грубость и другіе пороки не могли привлекать къ нему сердца. Кто онъ и откуда — никто не зналъ. Ходили о немъ разные слухи. Одни думали, что онъ жидъ, другіе бѣглый поповичъ, третьи — казакъ... И вотъ такого-то царя ждали съ нетерпѣніемъ къ себѣ въ Тулу Шаховской, Болотниковъ и Илейка-Петръ. Имъ казалось, что довольно было одного появленія Дмитріева, чтобы осаждавшіе Тулу царскіе войска, покинули Шуйскаго и перешли на ихъ сторону. А Шуйскій между тѣмъ послѣ пятимѣсячной осады, все еще не терялъ надежды взять Тулу, къ которой спѣшно направлялся бродяга Лжедмитрій съ Литовскими людьми и степнымъ казачествомъ.

Сынъ боярскій Суминъ-Кровковъ посовѣтывалъ царю запрудить рѣку Упу, на которой стояла Тула. Приступили къ запрудѣ. Сдѣлали огромную насыпь черезъ рѣку, немного ниже города. Вода хлынула изъ береговъ и затопила городъ. Битвы прервались. Мятежникамъ грозила явная гибель. Вода поднималась все выше и выше. Погибли въ водѣ съѣстные припасы, порохъ, стрѣлы и осажденнымъ грозила голодная смерть. Тогда Болотниковъ, Шаховской и Илейка рѣшили сдаться на милость царя. Болотниковъ явился передъ царемъ въ его лагерѣ, вооруженный съ головы до ногъ съ саблей на шеѣ и сказалъ, преклонивъ колѣна: Я служилъ вѣрой и правдой тому, кого считалъ истиннымъ царемъ. Теперь буду служить тебѣ, если даруешь мнѣ жизнь!

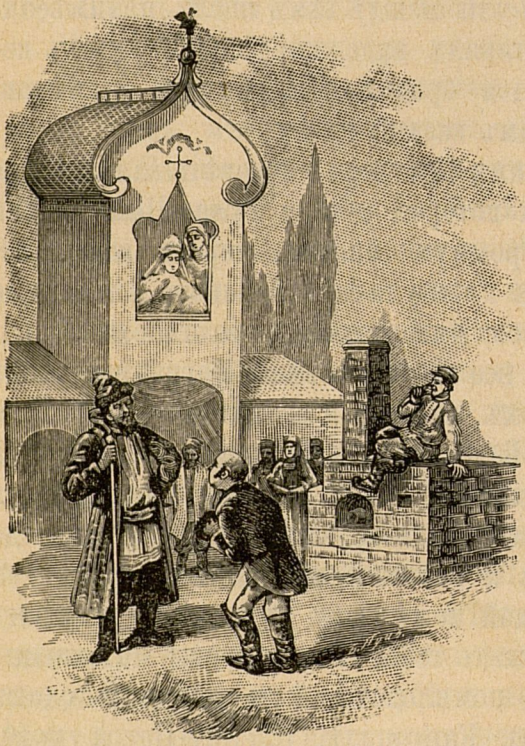
Шуйскій обѣщалъ его помиловать и... не сдержалъ слова. Болотникова утопили въ Каргополѣ. Илейку-Петра повѣсили, а князя Шаховскаго сослали на Кубенское озеро — въ пустынь.

Торжественно и пышно возвращался въ Москву царь Василій. Долго праздновали Тульскую побѣду. Служились молебны. Звонили въ колокола. Щедрыя милостыни разда-

вались народу. О Самозванцѣ словно забыли. Да и не страшенъ былъ теперь имъ Самозванецъ съ шайкой казаковъ и гетманскихъ ляховъ.

А Самозванецъ между тѣмъ былъ уже не далеко. Онъ сосредоточился въ Орлѣ и къ нему стали стекаться сюда новыя шайки. Заруцкій привелъ подъ его знамена до пяти тысячъ донскихъ казаковъ. Пріѣхалъ гетманъ Рожинскій съ своими ляхами изъ Польши. Пріѣхали и другіе знатные поляки.

Но царю Василію было мало дѣла до какого-то ничтожнаго бродяги. Послѣ своей окончательной побѣды надъ могущественнымъ Болотниковымъ, царь не страшился его. Къ тому-же Шуйскій былъ погруженъ въ иныя хлопоты. 17-го января 1608 года была пышно отпразднована его свадьба съ княжной Буйносовой-Ростовской. А слѣдомъ за «веселіемъ» царскимъ должна была быть и свадьба его племянника и молодого воеводы князя Скопина-Шуйскаго.



КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Сочиненія М. Ѳ. РОСТОВСКОЙ (для дѣтей).

*) **Разсказы изъ путешествій по Швейцаріи.** 2-ое изд. Съ рисунками 274 стран., въ папкѣ. Ц. 1 р. 25 к.

*) **Жучка.** Разсказы изъ деревенской жизни съ рисунк. художн. Крюкова, Штейна, Андреева и др. 4-е изданіе. Ц. 1 р.

Четыре времени года. Зима, Весна, Лѣто, Осень. Разсказы изъ деревенскаго быта. 2. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Повѣсть. Съ рисунками. 3-е изд. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Звѣздочка.** Повѣсти и разсказы для дѣтей. Почтовыя марки (фантастическій разсказъ). Съ картинами, въ папкѣ. 3-е изд. Спб. Ц. 1 р.

*) **Крестьянская школа.** Исторія открытія сельской школы М. Ѳ. Ростовскою.—Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изд. Спб. 1895 года. Цѣна 1 р. 75 к. (Большой томъ).

*) **Пони.** Приключеніе Эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей. Съ рисунками, въ папкѣ. 3-е изд. Ц. 1 р.

*) **Сельцо Лебяжье.** Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. Съ 30 рисунками и заставками художниковъ Р. Штейна, А. Шлипера, И. Панова, и др. Въ папкѣ. 4-е изданіе. Ц. 1 р.

Дѣтскія забавы. Сборникъ разсказовъ, въ папкѣ. Цѣна 1 р.

Серебряные коньки. Исторія одной голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь. Пер. Н. К. Мазуренко. 324 стр. Съ 50-ю рисунками художника Шулле. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Красный морской разбойникъ. Сочиненіе Фр. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стр. съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Оглавленіе: Въ Ньюпортѣ. — На кораблѣ Морского Разбойника.—Новый капитанъ.—Таинственное судно.—Ужасная ночь.—Гибель „Каролины“.—На палубѣ „Дельфина“.—Въ когтяхъ пирата.—Сынъ „Священнаго острова“.—Исповѣдь Фида.—Опасный соперникъ.—Приготовленіе къ бою.—„Капинъ Говардъ“.—Плѣнники на свободѣ. Трудная миссія.—Роковая битва. Бичъ морей!—Геройскій поступокъ.—Въ родной семьѣ. Нужно прибавить, что книга эта какъ и всѣ сочиненія, Гофмана до крайности интересна.

Въ добрый часъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Составлен. по Англійскимъ и Американскимъ писателямъ. Е. Чистяковой-Вэръ, съ 77 рисунками. Ц. 1 р.

Энергія, самостоятельность, твердость воли, своего долга и чувства отвѣтственности, свойственныя молодому поколѣнію англичанъ и американцевъ, отражаются въ этихъ разсказахъ, какъ въ зеркалѣ. Мальчикъ лѣтъ десяти смотритъ за младшей сестрой, готовъ пожертвовать жизнью, чтобы спасти отъ опасности порученную его заботамъ малютку или исполнить какой либо другой, возложенный на него долгъ, который для него является святыней. Дѣти одни ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, совершаютъ далекія прогулки и всегда, за рѣдкими исключеніями, дѣйствуютъ самостоятельно и разумно.

Итальянскія сказки. Собранныя Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 62 рисунками. 318 стр., въ папкѣ. Ц. 1 р. 25 к.

У итальянскихъ писателей богатая фантазія бьетъ бурнымъ ключемъ, живость разсказа, разнообразіе, богатство сказочныхъ образовъ—невольно увлекаютъ юнаго читателя въ страну чудесъ.

Улыбки и слезы. Разсказы для дѣтей. Е. Чебышевой-Дмитріевой, съ 40 рисунками художн. М. Андреева, А. Шлипера и др. въ красивой папкѣ, 280 стр. Спб. Ц. 1 р. 20 к. На елкѣ.—Волшебное ожерелье.—Артюшка бѣглый.—Въ первый разъ на медвѣдя.—Петръ съ зеленаго озера.—Приключеніе раченка.—Сказка о счастьѣ.—За горемъ радость.—Дядя Леля.—Дѣтство Колая.—Пастушенокъ Сенька и пр. Предлагаемая книга написана легкимъ литературнымъ языкомъ, преимущественно изъ сельскаго быта.

Дитя лѣсовъ. Приключеніе мальчика, три года бывшаго въ плѣну у Орангъ-Утанговъ. Соч. Эм. Бертэ. Автора кн. „Маленькіе Школьники". Переводъ съ 9 франц. изданія Н. Ратомскаго, съ 42 рисунками 239 стр. Спб., въ папкѣ. Ц. 1 р.

Колонія.—Китаецъ Явъ.—Негритянка. — Тигръ. — Докторъ. — Визитъ.—Балъ.—Китайскій садъ.—Орангъ-Утангъ.—Визитъ и возвращеніе.—Плѣнникъ—Источникъ Лавы.—Горе. — Преслѣдованіе. — Найденный и потерянный.—Дѣвственный лѣсъ.—Возвращеніе.—Новый человѣкъ.—Открытіе.—Возвращеніе въ помѣстье.—Экспедиція.—Новыя опасности.—Освобожденіе.—Развязка.

Другъ дѣтей. Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и пересказанныхъ по нѣмецкимъ писателямъ А. Н. Неѣловой, съ 80 рис. знаменитаго художника Каульбаха и др. въ красивой папкѣ. Ц. 1 руб. Предлагаемый сборникъ составленъ и пересказанъ очень интересно и разнообразно.

Сказки доброй феи. Соч. Ж. Массе. Съ 35 рисунками художника Бертиля. Переводъ съ французскаго А. Н. Неѣловой. Спб., въ красной папкѣ. Ц. 1 руб.

Чтеніе—лучшее ученіе. Сборникъ разсказовъ, составленный по Американскимъ и Англійскимъ, дѣтскимъ писателямъ Е. Чистяковой-Вэръ, въ папкѣ. Спб., съ 70 рисунк. Ц. 1 р. Въ этомъ сборникѣ подобраны такіе разсказы и статьи, которые дали-бы возможность юнымъ читателямъ 10—12 лѣтъ усвоить такія знанія, въ однихъ разсказахъ они найдутъ свѣдѣнія о предметахъ часто попадающихся на глаза, а въ другихъ — прочтутъ объ умѣ и образѣ жизни животныхъ, въ третьихъ поучатся умѣнію владѣть собою, не теряться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, смотрѣть прямо въ глаза опасности и бѣдѣ. Все разсказанное въ немъ сводится къ тому, что „Чтеніе— лучшее ученіе".

*) **Золотое дѣтство.** Разсказы для дѣтей младшаго возраста изложенные по сборникамъ нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей А. Н. Неѣловой. Съ рисунками, въ папкѣ. Ц. 1 р. 15 к.

*) **Для ума и сердца.** Разсказы для дѣтей средняго возраста, А. Н. Неѣловой. Съ 60 рисунками, 263 стр., въ папкѣ. Ц. 1 р. 15 к.

*) **Избранные сказки и разсказы.** Соч. А. Додэ. Пер. А. Неѣловой. Съ 35 рис. худ. Баяра и Мари. 252 стр., въ папкѣ. Спб. Ц. 1 р.

*) **Путешествія и приключенія барона Мюнгаузена.** Соч. Фр. Гофманъ. Пер. А. Неѣловой, съ 50 рисун., въ папкѣ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

*) **Путешествіе Гуливера** по отдаленнымъ странамъ свѣта. Обработано Фр. Гофманомъ. Перев. А. Н. Неѣловой, съ 45 рисунками, въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к. Путешествіе Гуливера, одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ въ мірѣ.

) **Сто сказокъ разныхъ странъ и народовъ. Сборникъ составленъ А. Н. Неѣловой. Большой томъ, 460 стр. Съ 160 рисунками, въ красной папкѣ. Ц. 2 р.

*) **Маленькіе школьники пяти частей свѣта.** Фелисьенъ, маленькій парижанинъ.—Адамъ Смитъ, маленькій американецъ.—Ляо, маленькій эскимосъ.—Самба, меленькій африканецъ.—„Курчавая голова", маленькій австраліецъ, очеркъ Эл. Бертэ. Переводъ А. Неѣловой, съ 75 рисунками и заставками. Спб. въ папкѣ, цѣна 1 р.

*) **Двѣсти разсказовъ.** Для дѣтей младшаго возраста. Соч. Христ. Шмидта. Переводъ съ нѣмецаго А. Н. Неѣловой, съ многочисленными рисунками. Спб., въ красной папкѣ. Ц. 1 р.

*) *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ. въ учен. средн. возр. библіот. среднихъ учебн. завед., а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

**) *Учен. Ком. Мин. Нар. Прос. допущ. въ учен. библіот. низш. учебн. заведеній.*

СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Свадьба.

ГОЛУБКА ты наша свѣтлая, лебедушка наша бѣлая! Красавица—ясочка наша! На кого ты насъ покидаешь, желанная! Что безъ тебя съ нами станется! Гдѣ намъ головушки наши безъ тебя приклонить сиротскія! Такъ причитывала няня Домна Степановна, цѣлуя и обнимая любимую свою боярышню Александру Васильевну Головину. Старыя ноги Арины зажили настолько, что она успѣшно могла хлопотать въ день свадьбы своей ненаглядной питомицы.

А питомица ея сидѣла уже одѣтая, обряженная въ свой лучшій, затканный серебромъ и крупными брусницкими зернами, шелковый, бѣлый лѣтникъ съ широкой парчевой каймой по подолу. Драгоцѣнныя подвѣски и не менѣе ихъ дорогое ожерелье, подарокъ жениха, красовались въ розо-

выхъ ушахъ и на нѣжной, изумительно бѣлой шейкѣ «молодой княгини» *).

Золотые волны пышныхъ кудрей ниспадали по плечамъ и вдоль стана Сани. Вокругъ нее толпились дѣвушки во главѣ съ бойкой румяной Феней, которая по желанію ея «золотой боярышни» исполняла обязанность «дружки» при невѣстѣ.

Она съ остальными дѣвушками изъ знакомыхъ Головинымъ боярскихъ и дворянскихъ семействъ одѣвала Саню къ вѣнцу, не переставая пѣть свадебныя пѣсни:

Что отставала свѣтъ,
Да княгиня, да боярыня,
Свѣтъ княгиня Александра Васильевна!
Прочь отъ государя родного отъ батюшки,
Отъ родной государыни-матушки.
Прочь отъ роду, отъ племени,
И отъ ближнихъ пріятельницъ.
Что пристала лебедушка,
Свѣтъ, княгиня боярыня,
Княгиня Александра Васильевна,
Что ко чужому роду, ко племени,
Ко чужому свекру батюшкѣ,
Ко чужой свекрови матушкѣ
Завезли ее добры кони,
Добры кони вороны,
Свѣтъ князя молодого Михаила Васильевича...

Вслѣдъ за окончаніемъ этой пѣсни къ невѣстѣ подошла дородная сваха княгиня Голицына и, передавъ Фенѣ золотой гребень, велѣла ей расчесывать имъ мягкіе пушистые волосы невѣсты. Расчесавъ ихъ на двѣ косы по обычаю, Феня съ дѣвушками надѣли на голову Сани дорогой дѣвичій вѣнецъ, расшитый алмазами и яхонтами, и поверхъ накинули бѣлую длинную прозрачную фату.

*) Жениха и невѣсту называли молодыми княземъ и княгинею по старымъ русскимъ обычаямъ.

При чемъ дѣвушки затянули другую пѣсню:

Ты поплачь, поплачь дѣвица,
Поплачь, дочь отецкая,
На чужой то сторонѣ
Жить не повадно, не весело.
На чужой то сторонѣ
Растутъ лѣса дремучіе... и пр.

Имъ отвѣчалъ нѣжный звонкій голосокъ Сани:

Государыни свѣтъ мои,
Вы подружки-голубушки,
Мнѣ ночесь то не спалось
Да и во снѣ много видѣлось.
Ужъ я видѣла, подруженки,
Гору высокую.
Среди горы крутыя
Лежитъ бѣлый горючъ камень,
На этомъ на камешкѣ
Сидитъ орелъ птица острая,
Въ когтяхъ держитъ лебедушку.
Подъ горою подъ высокою
Лѣса растутъ темные
И шишица колючая,
Да крапива-то жгучая
Да и осока рѣзучая,
Въ этомъ темномъ лѣсу
Ходитъ медвѣдь съ медвѣдицей,
Разсудите, подруженьки,
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?

Подъ звуки этой пѣсни усаживаютъ за столъ молодую княгиню. Столъ этотъ былъ не простой, онъ стоялъ въ парадно убранной горницѣ и покрытъ тремя браными скатертями. На высокомъ поставцѣ устроены мѣста для жениха и невѣсты. На нихъ клались камчатныя золотыя подушки, покрытыя сверху соболями. Тутъ же, подлѣ должно было стоять выбранное лицо съ пучкомъ соболей, чтобы опахи-

вать ими молодыхъ. Надъ этимъ мѣстомъ на стѣнѣ прибивалась икона съ теплющейся передъ нею лампадой.

Семенъ Васильевичъ Головинъ, царскій стольникъ, сѣлъ покамѣстъ на мѣсто приготовленное жениху, подлѣ сестры, Женихову дружкѣ, пріѣхавшему узнать, готова-ли къ вѣнцу невѣста, было отвѣчено, что все готово и молодого князя ждутъ. Съ минуты на минуту долженъ былъ прискакать, въ сопровожденіи своихъ дружекъ и тысячскаго, и самъ женихъ.

Саня была какъ во снѣ. Вокругъ нея толпились милыя, озабоченныя лица отца, матери, брата... Ея взоры встрѣчали ласковые, любящіе, затуманенные радостными слезами глаза родныхъ и близкихъ... Анна Ильинишна не сводила взгляда съ дочери... Самъ бояринъ Головинъ съ радостью и гордостью посматривалъ на нее. И было чему радоваться и гордиться старому боярину... Его единственная, его любимая дочка, послѣ долгихъ мытарствъ, снова въ домѣ родительскомъ... Вторично спасена отъ руки злодѣевъ Саня. И теперь навсегда, на вѣки отдаетъ онъ ее подъ крѣпкую мужнину защиту. И не за какого нибудь обыкновеннаго человѣка отдаетъ... Просваталъ Василій Петровичъ свою Саню за знатнаго молодого воеводу, имя котораго гремитъ далече по всей великой Руси, за ближняго и любимаго племянника царскаго... Какъ же ни радоваться, ни гордиться старому боярину.

И онъ съ нѣжностью и лаской глядитъ на личико дочери, розовѣющее подъ легкой прозрачной фатой. И Саня глядитъ на отца и на брачный столъ, уставленный свадебными караваями, и на тяжелыя трехпудовыя вѣнчальныя свѣчи, которыя съ трудомъ держатъ въ рукахъ дружки невѣсты и точно давно пережитымъ кошмаромъ кажется ей ея недавнее прошлое... Все прошло, минуло безвозвратно... И не вернется уже вновь.

Одно только счастье впереди... Желанное... свѣтлое... огромное... Какъ въ радужномъ снѣ вспоминается ей возвращеніе ея съ Феней и Свистулей, ея спасителями подъ кровъ

родительскій... Безумное счастье ея стариковъ... рыданье матери, старой няни... Объятія отца, брата... Безконечная радость ихъ при свиданіи съ ней, которую они считали уже погибшей... А тамъ спѣшныя хлопоты и приготовленія къ свадьбѣ... Гонецъ за гонцомъ изъ подъ Калуги и Тулы отъ милаго, ея сокола, отъ ея желаннаго, Богомъ даннаго жениха.

И вотъ возвращается онъ въ Москву побѣдителемъ вмѣстѣ съ торжествующимъ царемъ. Но не могутъ видѣться женихъ съ невѣстой по обычаямъ русскимъ вплоть до свадьбы. Только мелькомъ на государевомъ вѣнчаніи, гдѣ она, Саня Головина, состояла въ дружкахъ у царицы, молодой Марьи Петровны, видѣла она своего суженаго... Быстрымъ взоромъ успѣли обмѣняться они тогда, и взоръ тотъ стоитъ неотлучно передъ Саней... Безумной любовью, лаской беззавѣтной былъ исполненъ тотъ взоръ ея Миши. И сейчасъ она увидитъ этотъ взоръ своего будущаго мужа.

Сейчасъ подъ обрядныя пѣсни дѣвушекъ она должна была бы плакать и причитывать передъ вѣнцомъ, разставаясь съ родителями и роднымъ кровомъ. Но нѣтъ на сердцѣ слезъ у Сани... Вся душа ея тихо и сладко ликуетъ. Сейчасъ, сейчасъ выйдетъ сюда онъ—спаситель Руси,—побѣдитель враговъ,—ея женихъ богоданный... И не знаетъ Саня, кого въ князѣ любитъ она больше: жениха ли добраго, любящаго, заботливаго или могучаго защитника края, прославляемаго по всему Московскому государству...

А брачныя пудовыя свѣчи уже зажжены... Дѣвушки поютъ... Подлѣ нее незамѣтно становится дружка съ пухомъ собольихъ хвостовъ... Вотъ движеніе... суета въ горницѣ... Хозяева берутъ хлѣбъ-соль со стола и выходятъ въ сѣни... Сердце Александры Васильевны вздрогнуло и замерло...

Со двора ясно долетаетъ до горницы топотъ лошадиныхъ копытъ и веселый говоръ. На неизмѣнномъ бѣломъ своемъ аргамакѣ, теперь богато разукрашенномъ золотымъ чепракомъ и покрытомъ нарядной попоной съ перьями въ

холкѣ и за ушами, съ уздечкой, осыпанной изумрудами, влетѣлъ въ ворота молодой князь. За нимъ верхами прискакали дружки и тысячскіе съ поѣзжанами.

Князь въ бѣломъ атласномъ кафтанѣ, застегнутомъ алмазными запонами, съ собольей боярской шапкой на темнорусыхъ кудряхъ, съ дорогимъ опашнемъ на плечахъ, вошелъ въ сѣни... Тысячскій вымелъ метлою впереди него дорогу отъ женихова коня до крыльца, чтобы смести «заговоры злые» «недобраго» человѣка съ пути молодого, по свадебному обычаю того времени. Родители невѣсты встрѣтили хлѣбомъ-солью князя... Онъ поклонился имъ въ ноги до земли... Потомъ быстрыми шагами подошелъ къ Семену Головину и «откупилъ» у него мѣсто подлѣ невѣсты за деньги... Это былъ весьма распространенный обычай на Руси...

Въ ту же минуту главная сваха подошла къ невѣстѣ и сняла съ нее покрывало и дѣвичій вѣнецъ. Другая женщина подала блюдо, на которомъ лежали кика*) и гребень. Сваха смочила гребень въ меду и расчесала имъ голову невѣсты. Потомъ, скрутивъ ея волосы, надѣла ей на голову поданную на блюдѣ кику—символъ замужества. Тогда же дружки поднесли мису съ осыпаломъ и сорока соболями. Жениха съ невѣстой осыпали зерномъ, опахивали ихъ соболями...

Дѣвушки пѣли пѣсни въ это время, дружки рѣзали сыръ, находившійся на столѣ, на мелкіе кусочки и раздавали куски эти гостямъ. Подавали явства, которыхъ гости мало касались, однако, въ ожиданіи другого послѣсвадебнаго пира...

Сваха напомнила хозяевамъ, что пора благословлять дочь къ вѣнцу. Горячо простилась Саня съ родителями, со старой няней, разлившейся въ причитаніяхъ, со всѣми домашними.

Дружки устлали путь къ санямъ кусками матеріи. Ты-

*) Женскій уборъ замужнихъ.

сячскій шелъ впереди нихъ, опахивая ихъ путь соболями отъ дурного глаза.

Свахи и дружки посадили Саню въ богатыя, обитыя атласомъ сани на бархатную подушку. Двѣ свахи и братъ Семенъ сѣли съ нею. Женихъ вскочилъ на своего бѣлаго аргамака и молодые поѣхали въ церковь, по устланному штуками кумача и другихъ тканей пути.

Ясельничій и поѣзжане мчались впередъ брачнаго поѣзда, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы никто не переступилъ пути жениху и невѣстѣ.

Вся радостная, въ томъ же сказочномъ снѣ ѣхала къ вѣнцу Саня... Какъ въ туманѣ бѣлѣло передъ ней лицо сидѣвшаго напротивъ брата,.. Отецъ съ матерью не имѣли права, по тогдашнимъ обычаямъ, сопровождать дочь къ вѣнцу. Они прямо поѣхали въ домъ жениха, гдѣ ждалъ гостей свадебный столъ.

Тотъ же сладкій сонъ продолжается въ грезахъ невѣсты, когда, горячо помолившись во время обряда вѣнчанія въ храмѣ, вышла она рука объ руку съ молодымъ мужемъ и сѣла съ нимъ снова въ переднія сани.

Застоявшіеся кони рванули съ мѣста. Ясельничіи *) снова поскакали впередъ, оберегая дорогу. Зимняя ночь дохнула въ лицо молодой княгинѣ сладкимъ, морознымъ дыханьемъ. Звѣзды улыбались Санѣ... безчисленные серебряные колокольчики звонко гремѣли подъ дугой... А около Сани сидѣлъ кто-то, странно близкій, дорогой, любимый, герой-побѣдитель мятежныхъ войскъ, любимецъ царя, любимецъ народа, ея мужъ, ея князь, ея Миша.

— Желанная моя! шепчутъ его губы,—вотъ и навсегда мы соединены съ тобою, нынѣ уже неразлучно!

Она крѣпко сжимаетъ его руку... А звѣзды улыбаются съ неба и кони летятъ все быстрѣй и быстрѣй... Вотъ влетѣли кони на дворъ, княжьихъ хоромъ и встали, какъ вкопанные. Снова «бережачій» (оберегающій дорогу) вымелъ метлою путь отъ саней къ крыльцу.

*) Свадебный чинъ.

Молодой «князь» бережно принимаетъ изъ возка «молодую». Первый шагъ въ сѣни и ихъ осыпаютъ зерномъ.

— Живите сытно и здорово, какъ сытно и здорово зерно это!—приговариваетъ сваха.

Дальше хмѣлемъ:

— Какъ кудрявый хмѣль веселъ, будьте веселы и радостны во всю жизнь!

И наконецъ звонкими червонцами осыпаютъ новобрачныхъ:

— Живите богато, безъ нужды и горя.

Съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ старая княгиня Елена Петровна новобрачную: — Здорова, счастлива будь невѣстушка дорогая, дочка богоданная!—говоритъ она и зорко глядитъ въ лицо Сани своими строгими еще красивыми глазами.

— Будешь-ли любить и лелѣять сына моего Мишу ненагляднаго? Будешь-ли ему доброй женою? — казалось, спрашивали эти глаза молодую женщину. Но при одномъ взглядѣ на юное прелестное личико невѣстки, на эти большіе, дѣтскіе, лучистые и живые глазки, прямо просящіеся въ душу, всѣ сомнѣнія старой княгини разомъ исчезаютъ, не успѣвъ еще родиться въ ея душѣ. Разстроганная она горячо обнимаетъ невѣстку.

Саня, чуть смущенная встрѣчей со свекровью, видитъ снова родныя, милыя лица отца и матери... Вотъ и Феня между ними и няня Арина, которыхъ вмѣстѣ съ молодою женою беретъ въ свой домъ князь. А молодыхъ уже ведутъ въ столѣную горницу, гдѣ гостей уже видимо не видимо... И всѣ такъ и впились глазами въ молодыхъ, которыхъ посадили рядомъ за столъ, покрытый двумя скатертями; а на столѣ «перепечи» стоятъ (сдобные куличи), каравai и серебрянные сосуды съ винами и медами. Гости пригубливаютъ вино и кричатъ «горько». Это значитъ, что надо поцѣловаться новобрачнымъ, какъ-бы подсластить вино. И Саня, алѣя какъ вешняя роза, цѣлуется съ мужемъ.

Послѣ первыхъ заздравныхъ чарокъ, слуги вносятъ жаренаго лебедя, приготовленнаго совсѣмъ по особенному, съ расправленными крыльями и поднятой головой, будто приготовившагося летѣть.

Едва только приступили къ нему гости, какъ съ веселымъ гомономъ въ столѣную палату ворвались потѣшники съ сурмами и бубнами въ рукахъ.

Тутъ разыгралось цѣлое представленіе на глазахъ повеселѣвшихъ отъ фряжскихъ винъ и крѣпкой браги гостей. Одѣтый въ вывороченный на изнанку овчинный тулупъ молодецъ изображалъ медвѣдя, на лицо его была надвинута «харя» *) изъ шерсти, очень схожая съ медвѣжьей мордой... Онъ ловко перекатывался со стороны на сторону и очень вѣрно изображалъ косолапаго Мишку. Остальные потѣшники ударяли въ это время въ бубны и играли на сурмахъ...

Гости весело хохотали, глядя на потѣху, хохотала и дворня князя, собравшаяся у порога... Сѣнныя дѣвушки тоже украдкой хихикали, закрываясь расшитыми рукавами своихъ праздничныхъ лѣтниковъ. Среди нихъ находилась и Феня, похорошѣвшая несказанно отъ своего яркаго праздничнаго наряда, въ парадной повязкѣ, подаренной ей невѣстой.

Но вотъ медвѣдь дѣлаетъ головоломный прыжокъ и подъ общій гулъ одобренія становится передъ молодымъ княземъ на заднія лапы.

— Спасибо тебѣ, бурый товарищъ, говоритъ со смѣхомъ «молодой» Мишкѣ.—Спасибо, что потѣшилъ дорогихъ гостей и насъ съ княгиней. Чѣмъ могу отблагодарить тебя: кубкомъ съ фряжскимъ виномъ-ли, либо кошелемъ съ червонцами?

— Ни, ни, княже!—отвѣчаетъ медвѣдь человѣческимъ голосомъ,—ни казны, ни вина мнѣ не надо. И безъ нихъ много отмѣченъ твоими княжьими милостями. А ужо, коли

*) Маска.

добръ будешь, княже, отдай мнѣ на радостяхъ замужъ дѣвчину молодую. Уведу я ее съ собою въ лѣса темные, дремучіе, сдѣлаю ее своею хозяюшкой лѣсною, бурой медвѣдицей!

— Ай да медвѣдь! Ай да проказникъ! свататься вздумалъ,—со смѣхомъ подхватили гости.

— Инъ, княже, коли далъ слово наградить Мишку,—не отлынивай... Сватай за него дѣвушку.

— И то сватать надо—разсмѣялся князь—и, обратясь къ медвѣдю, добавилъ, улыбаясь—будь по твоему—выбирай, Мишка, невѣсту!—И кивнулъ ему въ сторону сѣнныхъ дѣвушекъ, продолжавшихъ съ любопытствомъ толпиться у двери.

Медвѣдь въ два прыжка очутился въ ихъ толпѣ и вывелъ изъ нея покраснѣвшую, какъ маковъ цвѣтъ, отъ неожиданности и смущенія Феню.

— Вотъ моя невѣста!—произнесъ онъ торжествующимъ голосомъ.—Благослови, батько-княже. И сорвалъ медвѣжью харю съ лица.

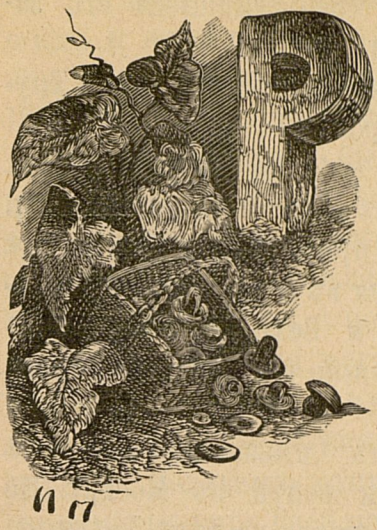
Еще болѣе яркимъ румянцемъ запылало личико Фени... Глаза ея заблестѣли. Счастливая улыбка озарила лицо. Передъ нею стоялъ давно приглянувшійся дѣвушкѣ, чернобровый казакъ Свистуля.

Такому медвѣдю не прочь была вручить свою судьбу и не одна хорошенькая Феня. Многія дѣвушки не отказали бы такому жениху...

Оба повалились въ ноги князю, благодаря его на счастливомъ сватаньѣ.

А бубны и сурмы гремѣли все громче и громче. Фряжскія вина лились рѣкой и высоко поднимались заздравныя чаши въ честь молодого князя съ его княгинею.

Сказочный сонъ Сани все длился безконечной сладостною грезой... Она часто взлядывала на рядомъ сидѣвшаго съ нею молодого мужа. Онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же ласковымъ добрымъ взглядомъ и сердце Сани заполнялось до краевъ огромнымъ, всеобъемлющимъ молодымъ счастьемъ.



ГЛАВА II.

Тучи собрались снова.

АНО торжествовалъ однако свою побѣду царь Шуйскій... Не успѣли еще замолкнуть соборные колокола, сопровождающіе благодарственныя молебствія въ церквахъ Московскихъ, какъ новая напасть застигла врасплохъ многострадальную матушку Русь. Все вниманіе царя за послѣднее время было приковано къ Тулѣ, Болотникову и его мятежнымъ шайкамъ. И не придавалъ особеннаго значенія царь тому, что въ Орлѣ утверждался новый Самозванецъ.

Взявъ Тулу, Василій всецѣло предался торжеству побѣды и очнулся только тогда, когда многочисленное войско новаго Дмитрія, состоящее, по большей части, изъ казацкой вольницы и поляковъ, съ ихъ гетманомъ Рожинскимъ, съ Усвятскимъ старостою Яномъ Сапѣгою, паномъ Зборовскимъ и другими ляхами двинулись къ Болохову. Тутъ они 11-го мая и поразили наголову царскія войска, начальствовали надъ которыми Дмитрій Шуйскій и Голицынъ.

Черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ Второй Лжедмитрій устремлялся къ Москвѣ.

Тогда только царь Василій выслалъ ему на встрѣчу войско подъ начальствомъ безстрашнаго витязя князя Скопина, который и расположился на берегахъ рѣки Незнани со своимъ отрядомъ. Но узнавъ, какого могучаго и славнаго противника шлетъ на него Шуйскій, новый самозванецъ испугался начинать ратное дѣло и сталъ переманивать и закупать на свою сторону царскихъ воеводъ, находившихся въ Скопинскомъ войскѣ.

Нашлись между ними люди, прельстившіеся его заманчивыми обѣщаніями чиновъ и наградъ.

Такимъ образомъ измѣнили присягѣ: князь Юрій Трубецкой, Иванъ Котыревъ и Троекуровъ.

Провѣдавъ объ этомъ, Шуйскій спѣшно отозвалъ назадъ свои войска, открывъ этимъ путь къ Москвѣ мятежной рати.

1-го іюня Лжедмитрій Второй приблизился къ столицѣ и всталъ въ 15-ти верстахъ отъ нея въ селѣ Тушинѣ, находившемся между рѣками Москвою и Всходнею, предварительно разбивъ высланную ему спѣшно на Тверскую дорогу другую царскую рать.

Гетманъ Рожинскій совѣтовалъ Самозванцу вступить въ послѣдній рѣшительный бой и войти въ Москву. Но семьдесятъ тысячъ царскаго войска стояло на рѣкѣ Ходынкѣ, преграждая путь. Самъ царь во главѣ съ лучшими полками занялъ Прѣсню. Ночью неожиданно Рожинскій напалъ на царское войско и отбилъ обозъ, гоня бѣгущихъ вплоть до самой рѣки Прѣсни. Но тутъ новое подкрѣпленіе подоспѣло имъ на помощь и, въ свою очередь ударивъ на ляховъ, они прогнали ихъ вплоть до самой рѣки Химки. Отсюда польская засада накинулась на преслѣдователей и тѣ повернули обратно къ Ходынкѣ на Москву.

Гетманъ Романъ Рожинскій вскорѣ вслѣдъ за этимъ прислалъ грамоту въ столицу, призывая всѣхъ бояръ перейти на сторону Дмитрія. Но тѣ отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ.

Между тѣмъ Лисовскій, знаменитый польскій наѣздникъ, съ казаками взялъ Зарайскъ и Коломну, которую вскорѣ отобрали отъ него, впрочемъ, вѣрные царю Шуйскому князь Куракинъ и Лыковъ.

Теперь война велась съ перемѣннымъ счастьемъ. То побѣждали отряды Шуйскаго, то Тушинскіе брали верхъ. Тушинскій «царекъ», какъ его называли въ Москвѣ, теперь окончательно увѣрился въ томъ, что важнѣе всего для него не побѣды надъ царскимъ войскомъ, а признаніе его истиннымъ своимъ мужемъ бывшею царицей Мариной.

— Если Марина назоветъ меня своимъ мнимо погибшимъ и спасеннымъ супругомъ,—думалъ онъ,—то всѣ бывшіе приверженцы покойнаго перваго Самозванца и враги Шуйскаго помогутъ мнѣ войти на престолъ Московскій!

Тушинскій воръ былъ правъ. Народъ еще любилъ перваго погубленнаго Шуйскимъ Лжедмитрія и, недовольный неудачнымъ правленіемъ Василія, перешелъ-бы охотно на его сторону, какъ только узналъ бы объ истинномъ спасеніи убитаго Самозванца. А подтвердить истинное спасеніе мнимопогибшаго Дмитрія могла только его жена Марина, открыто признавъ его своимъ мужемъ. И вотъ, Тушинскій царекъ, прослышавъ, что плѣнную Марину и ея отца вмѣстѣ съ другими поляками, отправляютъ въ Польшу, по взаимному соглашенію царя Василія съ королемъ Сигизмундомъ, быстро снаряжаетъ отрядъ, подъ начальствомъ пана Зборовскаго въ догонку за Мнишкомъ и его дочерью. У самой польской границы они настигаютъ путниковъ, послѣ небольшой битвы обращаютъ въ бѣгство русскій отрядъ, сопутствовавшій Мнишковъ и везутъ бывшую царицу въ Тушино. Честолюбивая, тщеславная и гордая Марина охотно ѣдетъ къ своему мнимому супругу. Она больше всего въ мірѣ любитъ власть. Лишенная ея послѣ гибели мужа, она надѣется снова быть Московской царицей и признаетъ спасеннаго супруга въ лицѣ Тушинскаго вора, благо онъ можетъ ей снова вернуть царскую корону и власть. Ихъ тайно обвѣнчиваютъ и Марина поселяется въ Тушинѣ. Теперь, когда бывшая вѣнчанная царица открыто указала на него, какъ на истиннаго спасеннаго Дмитрія, Тушинскій царекъ гордо поднялъ голову, увѣренный въ побѣдѣ. Его шайки открыто и безнаказанно буйствовали теперь подъ самою Москвою... Лисовскій бралъ городъ за городомъ, Янъ Сапѣга, прельщенный богатствами Троице-Сергіевской Лавры, находившейся въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, рѣшилъ осадить ее и взять во чтобы то ни стало.

Князь Иванъ Шуйскій и бояринъ Григорій Ромада-

новскій были посланы вслѣдъ за нимъ помѣшать его цѣлямъ. Но Сапѣга разбилъ ихъ наголову, взялъ двадцать знаменъ царскихъ, множество плѣнниковъ и осадилъ Троице-Сергіевскую обитель.

Открытое признаніе Мариною Тушинскаго царька довершило успѣхи предпріимчиваго вора. За нею признали его и остальные Московскіе бояре: Дмитрій Трубецкой, Черкасскій, Сицкій, Засѣкины, Михайло Батурлинъ и другіе перешли открыто на его сторону. Изъ дальней Корелы пріѣхалъ въ Тушино, къ тому времени, сосланный туда Шуйскимъ при его вступленіи на престолъ, бывшій дворецкій покойнаго Лжедмитрія, хорошо знакомый уже читателю князь Василій Григорьевичъ Рубецъ-Масальскій.

Нетолько знатные бояре, но и простые служивые люди, стрѣльцы и чернь толпами направлялись въ Тушино и поступали тамъ на службу «царьку». Прослуживъ у него и накопивъ побольше денегъ, которыми щедро сорилъ Самозванецъ, они возвращались снова въ Москву съ покаяніемъ и челобитьемъ къ царю Василію, чтобы черезъ нѣсколько дней снова вернуться въ Тушино. Такіе люди назывались «перелетами», и такихъ людей на Москвѣ было теперь великое множество. Царь не прибѣгалъ къ крутымъ мѣрамъ и не наказывалъ ихъ. Нерѣшительный, неэнергичный онъ боялся за собственную участь. Тушинцы безстрашно приходили въ Москву и мутили противъ него народъ и войско. Дорога изъ Москвы въ прочіе города была заперта Лжедмитріевыми отрядами. То и дѣло приходили въ Москву вѣсти объ успѣхѣ этихъ отрядовъ и о новыхъ пораженіяхъ, либо измѣнахъ царскихъ воеводъ. Сама Москва была въ осадѣ, оцѣпленная со всѣхъ сторонъ этими непріятельскими отрядами. Къ довершенію бѣды, въ Москвѣ наступилъ голодъ. Куль муки стали продавать за неслыханную цѣну. Это происходило оттого, что война раззоряла землю и народъ не хотѣлъ работать, предпочитая становиться въ

мятежные ряды новаго царька, чая получить тамъ болѣе легкую наживу. Въ то время, какъ въ Москвѣ былъ голодъ и ропотъ недовольства царемъ, Тушино процвѣтало. Туда понаѣхали купцы съ товарами изъ Москвы и разныхъ городовъ окрестныхъ, тамъ рѣкой лилось вино, тамъ ѣли и пили до сыта и во всемъ чувствовалось довольство и роскошь.

Предвидя скорую гибель Руси, Шуйскій, не довѣряя больше своимъ Московскимъ воеводамъ, рѣшился на послѣднее отчаянное средство. Рѣшилъ разослать грамоты по всѣмъ вѣрнымъ ему городамъ русскимъ съ просьбою о помощи... На деньги же, собранныя съ городовъ, нанять на службу для изгнанія Тушинскаго царька и Ляховъ Шведское войско, издавна считавшееся заклятыми врагами поляковъ. Многіе города откликнулись на этотъ призывъ царя и собрали посильную помощь.

Теперь оставалось только послать вѣрнаго надежнаго человѣка въ Новгородъ, какъ ближайшій городъ къ Шведской границѣ, для переговоровъ со Шведами... Нужно было найти умнаго, вѣрнаго и честнаго человѣка, на котораго можно было положиться безъ страха и который-бы тонко и умѣло могъ вести переговоры со Шведами.

И такой человѣкъ былъ найденъ.

. . . . . .

. . . . . .

Свѣжее Сентябрьское утро встало надъ Москвою... Заиндѣвшія на первыхъ осеннихъ заморозкахъ деревья казались словно посыпанныя серебромъ. Тутъ и тамъ краснѣли пурпурно-алыя, быстро назрѣвшія на первомъ морозцѣ ягоды рябины.

У постельничьяго крыльца Кремлевскаго стояла огромная толпа народа. Это была чернь, самый бѣдный людъ Московскій, пришедшій за обычной подачкой къ молодой царицѣ Марьѣ Петровнѣ. Каждый день, почитай, собирался къ заднему дворцовому крыльцу народъ, чтобы получить

обычную въ это голодное страшное время милостыню изъ рукъ доброй царицы. У крыльца толпились страшныя, исхудалыя лица съ горящими отъ голода глазами, едва обтянутыя кожею и костьми. Костлявыя руки заблаговременно вытягивались впередъ... Алчные взоры съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ впивались въ двери, изъ которыхъ должна появиться царица Марья. Здѣсь старики и молодые, женщины и дѣти, словомъ все, что есть голоднаго, нуждающагося на Москвѣ,—все собралось сюда...

Всѣ ждутъ въ безмолвномъ, нетерпѣливомъ молчаніи... И вотъ широко распахнулись двери... Царскіе стольники вышли впередъ и стали на крыльцѣ съ двумя кошелями въ рукахъ полными мѣдныхъ грошей... Появился царскій казначей, бояринъ Василій Головинъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ, несшихъ огромные мѣшки съ мукою...

И почти одновременно съ ними вышла на крыльцо царица. На блѣдномъ, прекрасномъ лицѣ Марьи теперь ясно обозначались слѣды тревогъ и заботъ, пережитыхъ ею за короткое время ея супружества. За нею шли ближнія боярыни. Между ними выдѣлялась своей свѣжестью и юностью прелестное личико княгини Александры Скопиной, рядомъ съ нею злое, густо набѣленное и нарумяненное лицо ея свойственницы Екатерины Григорьевны Шуйской, жены Дмитрія Ивановича, брата царя.

Лишь только появилась на крыльцѣ царица, какъ чернь заголосила, заголдѣла на разные голоса:

— Лебедка наша бѣлая, красавица-государыня, подай, подай тебѣ Боже! Помоги голоднымъ матушка, пресвѣтлая царица!—И вся толпа шарахнулась къ крыльцу. Царскіе пристава стали осаживать народъ, но царица подозвала къ себѣ ближняго стольника Семена Головина и отдала ему приказъ допускать къ ней нищихъ. Головинъ махнулъ рукою и царскіе пристава выстроили народъ шеренгой, такимъ образомъ, что каждый могъ разсчитывать получить милостыню изъ самыхъ рукъ царицы. Бѣлая ручка Марьи

поминутно опускалась въ кошели съ монетами и, вынувъ оттуда пригоршни грошей, передавала бѣднякамъ. Въ то же время, отсчитавъ нѣсколько человѣкъ изъ толпы, стольники передавали имъ увѣсистый мѣшокъ съ мукою... Потомъ отсчитывали опять кучками народъ и надѣляли такимъ же образомъ и другихъ, чающихъ подачки.

Снова загалдѣли голоса въ толпѣ.—Дай Богъ тебѣ многолѣтія, кормилица наша! Храни Онъ тебя намъ на радость матушка-государыня!

Народъ истово крестился и умиленно глядѣлъ въ лицо царицы. Но вотъ въ углу двора неожиданно разгорѣлась драка...

— Никакъ обдѣлили кого-то —тревожно произнесла Марья,—пущай узнаютъ, въ чемъ дѣло! Распорядись, Семенъ Васильевичъ, приказала она Головину.

— И полно тебѣ безпокоиться, матушка-государыня!—недовольнымъ, сердитымъ голосомъ обратилась къ царицѣ боярыня Катерина Шуйская:—разнимать да ублажать ихъ, что-ли? Прикажи приставамъ ударить въ плети—живо очухаются безобразники!—И вся недолга...

— Не дѣло говоришь, Катерина Григорьевна,—тихимъ и кроткимъ голосомъ отвѣчала царица Марья:—не въ томъ помощь народу, чтобы карать его, а въ томъ, чтобы понимать да облегчать участь людей—вотъ въ чемъ истинная помощь! Правду говорю я, Санюшка?—ласково обернулась къ своей прежней подругѣ и теперь ближней боярынѣ княгинѣ Александрѣ Васильевнѣ царица.

Та любовно вскинула на Марію своими лучистыми глазами и, вся вспыхнувъ, отвѣчала:

— Истину глаголешь, государыня:—не бить, а пожалѣть народъ надо,—ишь какой онъ сталъ голодный да лядащій.

— Рано тебѣ, кажись, разсуждать такъ то, княгинюшка, зашипѣла Катерина Шуйская на молодую женщину—больно молода еще... Постарѣ да поумнѣе возлѣ государыни люди найдутся.

— Не обижай мою Саню, княгиня,—она мой другъ, пер-

вый и неизмѣнный!— произнесла кротко царица и любовно оперлась рукой на плечо молодой княгини Скопиной.

Катерина Григорьева злобнымъ взоромъ вскинула на свою молодую свойственницу. Всѣмъ сердцемъ ненавидѣла она жену князя Михаила. Ненавидѣла за успѣхъ и отличіе послѣдняго передъ царемъ и народомъ. Въ то время, какъ Дмитрій Шуйскій, нелюбимый народомъ и войскомъ, терпѣлъ всюду пораженія и неудачи, молодой, могучій славный воевода Скопинъ, общій любимецъ, уже успѣлъ окружить себя лучами военной славы, горѣвшей яркимъ солнцемъ надъ его юной головой.

Немудрено, поэтому, что не только его, но и молодую его жену княгиню ненавидѣла завистливая Катерина.

И Саня, видя эту ненависть, въ свою очередь не дружила съ Шуйской и сторонилась ее. Это не мѣшало, однако, злой женщинѣ уколоть, гдѣ было только можно, царицыну любимицу.

Вотъ и теперь она готовилась ужалить ее однимъ изъ своихъ насмѣшливыхъ замѣчаній, какихъ было не мало въ запасѣ у дочери Малюты Скуратова, но неожиданно шумъ многихъ голосовъ пронесся въ толпѣ:

— Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ! — послышалось вблизи крыльца и весь народъ отпрянулъ со двора въ одну минуту.

Дѣйствительно во дворъ въѣхала тяжелая царская коптана. Впереди нея скакали верховые, разгоняя народъ съ пути.

За коптаной верхами ѣхали бояре, а вокругъ нея тѣснились конники изъ стрѣльцовъ и нѣмецкой охраны. Конюшіе бояре первые спрыгнули съ коней и бросились отворять дверцы возка. Царь вышелъ, тяжело опираясь на руку брата своего боярина Дмитрія Шуйскаго. Подъ другую руку его велъ князь Михаилъ Скопинъ.

Царь Василій возвращался отъ митрополита, гдѣ былъ у него долгій и трудный совѣтъ по важному государственному дѣлу. Царь казался озабоченнымъ и суровымъ. Съ по-

мощью племянника и брата поднялся онъ на крыльцо, поднялъ голову и вдругъ въ кругу женщинъ увидѣлъ царицу.

Вмигъ печальное суровое лицо Василія прояснилось. Ласковая улыбка заиграла на немъ.

— Что, пташка моя, не стѣсняясь присутствіемъ бояръ и женщинъ, произнесъ онъ необычайно ласковымъ голосомъ,—опять одѣляла народъ?

— Да, государь!—смущенно потупясь, отвѣчала царица Марья.

— Богъ награждаетъ добрыхъ царей!—произнесъ Василій серьезно и вдумчиво.—Твоими милостями, авось, легше жизнь станетъ,—и, скользнувъ усталымъ взглядомъ по толпѣ женщинъ, онъ неожиданно остановилъ глаза на княгинѣ Скопиной.

— А - а, и ты здѣсь, племянница! Радъ тебя видѣть,—произнесъ онъ, милостиво протягивая руку молодой княгинѣ, которую та почтительно поцѣловала.

— Нонѣ проздравить тебя могу!—съ несвойственной ему шутливой улыбкой произнесъ снова царь:—былъ у тебя доселѣ мужъ вождь-воевода, мужъ храбрый воинъ, достойный великой славы воинской, а нынѣ пущай и другой отвѣдаетъ славы: премудрой, думной, да нелегкой славы твой муженекъ... Слышьте всѣ, что рѣшили мы съ патріархомъ Ермогеномъ, бояре?—обратился Василій къ сопровождавшему его синклиту:—рѣшили мы послать въ Новгородъ князя Михайлу, нашего племянника, чтобы отнынѣ велъ онъ переговоры съ Карломъ Шведскимъ о присылкѣ намъ подмоги на одолѣніе враговъ...

Едва только закончилъ свою рѣчь царь Василій, какъ мигомъ поблѣднѣло розовое личико княгини Александры.

— Снова разлука съ нимъ, съ желаннымъ, милымъ и невѣдомо на сколько! — вихремъ пронеслось въ мысляхъ Сани и она, сдѣлавъ огромное усиліе надъ собою, подавила слезы, подступившія къ груди.

Не видѣла въ приливѣ волненія молодая княгиня, съ

какой завистью и злобой глядѣли въ это время на ея мужа зоркіе, острые глаза его дяди Дмитрія Ивановича. И не менѣе ихъ казались гнѣвными взоры и жены его Екатерины...

Новое назначеніе говорило о новомъ довѣріи и милости къ Скопину царя. И не по душѣ пришлось это довѣріе, милость эта къ ненавистному племяннику завистливымъ и злымъ князю Дмитрію и Катеринѣ.

. . . . . .

. . . . . .

— Сема, родной мой! Братецъ мой милый! Сохрани ты мнѣ его... голубчикъ! Обереги его отъ злыхъ людей и вороговъ! — просила Саня брата, который вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ отправлялся въ Новгородъ и теперь заѣхалъ проститься къ сестрѣ. Съ тою же просьбою обратилась она и къ Свистулѣ, котораго князь бралъ съ собою въ походъ.

— Какъ только что, скачи тотчасъ гонцомъ сюда скорѣйча—строго наказывала она чернобровому запорожцу. Тотъ въ отвѣтъ только трясъ своей чубатой головою.— Ладно, княгинюшка, не сумлѣвайся,—не подпущу злого ворога къ князю-батькѣ подойти,—успокаивалъ онъ молодую женщину. А у самого на сердцѣ кошки скребли. Да и было отъ чего: едва успѣли пожениться они съ Феней, какъ снѣгъ на голову подоспѣлъ Новгородскій походъ... А что подѣлаешь? Коли княгиня разстается съ мужемъ своимъ прославленнымъ воеводой, ему простому казаку—запорожцу и самъ Богъ велѣлъ проститься невѣдомо на сколько съ молодой женой.

А княгиня уже снова передъ нимъ... И тихо взволнованно шепчетъ:

— Ты, Свистуля, помни, не дай Богъ, што... съ княземъ, али съ братомъ Семеномъ, такъ смотри, слышь?...

— Слышу! Слышу, княгиня-матушка,—вихремъ примчусь сюда, не сумлѣвайся, боярыня воеводша

— Все возможно!—глухо произнесла Саня,—времена то нонѣ какія... Всюду измѣна... Городъ за городомъ «царьку» сдается... Такъ мало-ли какое бываетъ. А ты вотъ что,— неожиданно строго обратилась она къ Свистулѣ:—ты поклянись на образъ угодниковъ святыхъ, поклянись мнѣ, казаче, въ томъ, што сказалъ.—

И Свистуля клялся и на образъ и землею Запорожской, которую носилъ несмѣнно, зашитою въ ладонку на крестѣ, въ угоду молодой воеводшѣ.

Наступилъ часъ прощанья... Саня замерла безъ слезъ на груди мужа... Князь Михаилъ горячо обнялъ жену, поручилъ ее Богу да матери своей и, быстро вскочивъ на коня, въ сопровожденіи шурина, Свистули и цѣлаго отряда, поскакалъ по свободной еще отъ Тушинцевъ Сѣверной Новгородской дорогѣ отъ Москвы.

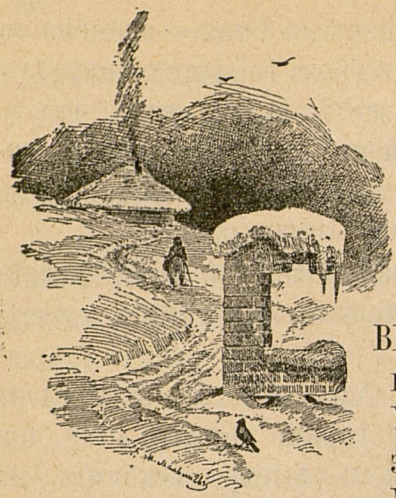
Сухими воспаленными глазами слѣдила за милымъ всадникомъ взволнованная Саня до тѣхъ поръ, пока не скрылся онъ, не исчезъ вдали.

Не слышно приблизилась къ ней старая княгиня и обняла невѣстку...

— Не горюй, дитятко, здравымъ и невредимымъ вернется нашъ соколъ!—произнесла она тихо,—молиться только надо, родимая,—горячо молиться за него.

— Матушка! произнесла взволнованно Саня и упала въ объятія свекрови, давъ въ первый разъ полную волю слезамъ.

Въ тотъ же вечеръ обѣ княгини, старая и молодая, долго лежали, распростертыя ницъ, въ молельнѣ передъ иконописными ликами святыхъ угодниковъ, вручая имъ судьбу «болярина и стратега раба Божія Михаила».



ГЛАВА XII.

Гроза разразилась. Народъ шумитъ. Неожиданное спасенье. Снова опасность. На шагъ отъ смерти. Раскаяніе. Встрѣча друзей.

ВИСТИТЪ, гудитъ и поетъ на разные голоса осенняя непогода... Уныло отзываются ея скорбно-назойливые голоса на душѣ князя Михаила... Задумчивый и грустный сидитъ онъ въ горницѣ Новгородскаго воеводы князя Татищева. Не веселы, не радостны думы носятся въ его молодой головѣ... Съ иными думами ѣхалъ онъ въ Новгородъ, издавна славившійся своимъ мужествомъ и неподкупностью среди прочихъ русскихъ городовъ. И вдругъ его встрѣчаютъ хмурыя, злобствующія лица черни... Вмѣсто обычныхъ привѣтствій слышатся затаенныя угрозы.

— Что это?—спросилъ при въѣздѣ своемъ въ Новгородъ князь Новгородскаго владыку, митрополита Исидора, встрѣчавшаго его, какъ царскаго посланца, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ.

Но митрополитъ только затуманенными тревогой очами безмолвно отвѣчалъ молодому боярину.

Вскорѣ узналъ печальную истину князь. Сосѣдній съ Новгородомъ Псковъ, его «младшій братъ», какъ тогда звали на Руси этотъ городъ, уже волновался... «Меньшіе», то есть простые люди, признали царемъ Тушинскаго вора и присягнули ему, впустивъ въ городъ воеводу Лжедмитріева измѣнника Ѳедора Плещеева. Издавна питая вражду ко всему нѣмецкому (съ давнихъ поръ враждовалъ Новгородъ и Псковъ со шведами и ливонскими рыцарями), они не хотѣли имѣть союзниками «нехристей», какъ называли

шведовъ и прочихъ иностранцевъ. Отсюда и пошли смуты и волненія въ Великомъ Новгородѣ. Народъ шумѣлъ.

— Не хотимъ шведовъ! Што ляхи, што шведы—все едино нехристи!—упорно твердили Новгородцы и враждебно глядѣли на царскаго воеводу князя Скопина, пріѣхавшаго сюда, чтобы отсюда заключить мирный союзъ со шведскими уполномоченными, которые находились въ Выборгѣ въ это время.

Боясь, чтобы въ его отсутствіе не вспыхнулъ мятежъ, князь Скопинъ не поѣхалъ въ Выборгъ, а остался въ глухоропчущемъ Новгородѣ,ославъ въ Выборгъ для заключенія договора своего шурина Семена Головина и думнаго дьяка Зиновьева, строго наказавъ обоимъ свято блюсти выгоды святой Руси.

Свиститъ, ропщетъ и плачетъ осенняя непогода... Князь прислушивается къ ея жалобнымъ звукамъ и еще горше и еще печальнѣе становится у него на душѣ. Словно призракъ стоитъ въ его воспоминаніи печальное, блѣдное личико Сани, какимъ онъ видѣлъ его въ минуту прощанья. Слышится ему ея тревожный шопотъ: Береги себя, Миша, голубь ты мой!

—Хорошая она, свѣтлая, прекрасная,—мыслитъ князь,—а то не вдомекъ ей, что не себя я беречь долженъ, а Русь святую, многострадальную—и ежели надо умереть за ея благополучіе—умру сейчасъ! Прости Саня! Люблю я тебя, голубка, а родину свою, слезами и кровью политую, еще пуще люблю!

И поднялъ князь лицо, проясненное при одной этой мысли. Глаза его засверкали снова... А за окномъ попрежнему глухо роптала непогода... Но вотъ къ свисту и плачу вѣтра примѣшиваются понемногу какіе то странные звуки... Что это? Будто сотни, тысячи голосовъ гуторятъ на площади... Князь подошелъ къ окну... Темень не проглядная... Не зги не видать... А голоса съ площади несутся все громче и громче... Вотъ они приближаются къ дому воеводы... Вотъ

ясно и четко слышатся отдѣльныя фразы, слова... Это бранъ... проклятія... угрозы... Они относятся къ нему, князю Михаилу. Онъ ясно слышитъ произнесеннымъ свое имя... А толпа все приближается и приближается съ каждой минутой, съ каждой секундой сюда.

— «Княже-батько»!—говоритъ ему незамѣтно приблизившійся Свистуля,—владыко Новгородскій къ тебѣ служку своего прислалъ,—проситъ тебя къ себѣ пожаловать со всѣми твоими ратниками. Спѣшное дѣло у него до тебя»...

— Что, казаче, шумитъ еще народъ?—спросилъ казака Скопинъ, вскинувъ на него своими быстрыми глазами.

— Больно шумитъ, княже-батько—отвѣчаетъ тотъ. У монастырскаго подворья его видимо-невидимо собралось, владыко, слышно, въ опасности,—баетъ служка.

— Што говоришь? въ опасности первосвященный! Чего-жъ ты ранѣ о томъ не сказывалъ, Свистуля? Скачемъ-же къ нему! Наряжай отрядъ—да живо!—командовалъ разомъ встрепенувшійся князь.—Черезъ полъ часа, небольшой отрядъ его, состоящій изъ сотни-полуторы конниковъ, ѣхалъ уже къ митрополитову жилищу...

На площади у Софійскаго собора, мимо котораго лежалъ ихъ путь, толпа съ каждой минутой все наростала. Въ темнотѣ копошились люди, слышались крики и угрозы. Слышалась бранъ. Почуя приближающійся отрядъ, вся эта многотысячная толпа словно встрепенулась.

— Ишь ѣдутъ, проклятые! Сладко имъ, знать, ихъ безталанному «шубнику» служить!—слышались одни голоса.

— Давай, братцы, намнемъ бока шубниковымъ приспѣшникамъ!—предлагали другіе.

Вотъ засвѣтились фонари въ рукахъ мятежниковъ. Высоко поднявъ ихъ надъ головами и освѣщая себѣ путь, они двинулись впередъ и окружили со всѣхъ сторонъ живымъ кольцомъ проѣзжающій отрядъ князя Михаила.

— Дорогу намъ!—послышался звучный голосъ послѣдняго.

— Ишь ты! Слышь, што говоритъ, братцы! Дорогу имъ!

— Не туда залетѣлъ, бояринъ! Здѣсь не тебѣ мы служимъ и не шубнику твоему, боярскому ставленнику, а благовѣрному государю нашему Дмитрію Ивановичу! Слышь! И огромный дѣтина съ дрекольемъ въ рукѣ выросъ въ одинъ мигъ передъ княземъ Михаиломъ.

Бѣлый конь воеводы остановился, какъ вкопанный.

— Дорогу! Прочь съ пути! — прогремѣлъ еще разъ на всю площадь голосъ князя.

Но ражій дѣтина, какъ бы издѣваясь надъ молодымъ бояриномъ, потряхивая дрекольемъ, еще болѣе надвинулся на него.

Тогда князь взмахнулъ рукоятью меча и дѣтина съ дрекольемъ распластался въ одинъ мигъ по землѣ у ногъ его лошади.

— Съ каждымъ, кто преградитъ путь, будетъ тоже, прогремѣлъ голосъ Михаила, дрогнувшій затаеннымъ гнѣвомъ. И, сверкнувъ своими потемнѣвшими глазами, онъ спокойно проѣхалъ дальше, въ сопровожденіи своего маленькаго отряда. Многотысячная толпа притихла. Многіе порывались броситься на стройнаго всадника на бѣломъ конѣ, но какая то непонятная сила удерживала народъ. Эта сила исходила жгучими молніями изъ темныхъ грозныхъ очей Михаила, отъ всего его прекраснаго, блѣднаго отъ гнѣва, лица... И каждый, при взглядѣ на это дышащее страшной, непонятной силой лицо, сторонился съ пути, давая дорогу князю. Такъ добрался онъ съ отрядомъ до дома митрополита Исидора, примыкавшаго къ монастырскому подворью одной стороной и къ высокой новгородской стѣнѣ — съ другой.

И лишь достигли они владыкинова жилища, какъ снова очнулась площадь и снова загудѣла, застонала, завыла на тысячи голосовъ...

Бунтующая чернь, какъ бы проснулась. Она разомъ поняла, что выпустила добычу изъ рукъ и съ дикимъ во-

емъ и крикомъ устремилась слѣдомъ за княземъ и его отрядомъ, уже въѣхавшимъ въ монастырскія ворота.

Блѣдный и взволнованный встрѣтилъ у себя въ домѣ князя владыка Исидоръ.

— Спасайся, сынъ мой. Скачи изъ Новгорода, пока не поздно!—произнесъ онъ, кладя трепещущую руку на кудрявую русую голову Михаила.—Ты слышишь, какъ бушуютъ волны народныя? Безумцы не вѣдаютъ бо, что творятъ!.. Они требуютъ выдачи тебя, какъ врага ихъ бродяги царька! Ты слышишь, сыне, ихъ крики и вопли?—срывалось въ волненіи съ устъ Исидора.

Дѣйствительно за воротами владыкиныхъ палатъ, чернь ревѣла, какъ безумная, требуя выдачи ей «шубникова воеводы».

— Спѣши же княже!—увѣщевалъ митрополитъ юношу,—Уходи отсюда, пока не поздно, чадо мое!

— Нѣтъ, отче владыко,—отвѣчалъ твердо Михаилъ,—не мнѣ витязю, не щадящему своихъ силъ для пользы Руси великой, страшиться толпы мятежниковъ! Я выйду къ нимъ, владыка, и уложу мечомъ перваго, кто произнесетъ ненавистное имя ихъ презрѣннаго царька! И князь Михаилъ смѣло двинулся изъ митрополитовой кельи, чтобы выйти къ народу.

Сухія, жилистыя руки Исидора впились въ его плечи.

— Княже! Чадо мое! останься!—произнесъ его голосъ повелительными нотами, и князь Михаилъ не узналъ кроткаго доселѣ старца. Исидоръ словно выросъ въ одну минуту. Лицо его приняло смѣлое, рѣшительное выраженіе непоколебимой силы.

— Именемъ блага святой нашей родины запрещаю тебѣ, сынъ мой, выходить къ мятежникамъ!—прозвучалъ его голосъ суровыми повелительными нотами. — Они убьютъ тебя и отрядъ твой...—Васъ лишь сотня счетомъ, ихъ же десятки тысячъ... Гибель твоя неминуема. И не на ратномъ полѣ погибнешь, а черезъ нечистыя руки измѣнниковъ и злодѣевъ, безъ славы, безъ пользы... И когда же, сыне? Когда вся Русь глядитъ на тебя съ надеждой. Когда въ тебѣ

единомъ видитъ спасеніе свое! Великій подвигъ освобожденія Руси отъ руки мятежной ждетъ тебя, чадо мое, помни это! И вдохновенно поднявъ очи къ небу, митрополитъ, какъ бы благословилъ князя, простирая надъ нимъ руки. Михаилъ взглянулъ въ лицо владыки, обрамленное сѣдою бородой, на его высокій клобукъ и крестъ наперстный и новая мысль поразила его мозгъ.

— Да, онъ правъ, святѣйшій! Нельзя рисковать жизнью, пока не принесъ полнаго блага святой своей родинѣ! произнесъ юноша и, покорно наклонивъ голову, произнесъ тихо:

— Ты правъ, отче! Не стукнулъ еще часъ мой!

— Чадо мое! Онъ стукнетъ скоро! Побѣдителемъ и отцомъ спасителемъ народа Московскаго вернешься ты въ престольный градъ Россійскій,—произнесъ Исидоръ страннымъ пророческимъ голосомъ. И потомъ, кликнувъ служекъ, приказалъ имъ вывести князя и его отрядъ потайнымъ ходомъ, прорытымъ подъ монастыремъ далеко за стѣны Новгородскаго кремля.

Одинъ за другимъ вышли люди князя Михаила этимъ подземнымъ ходомъ изъ мятежнаго Новгорода. Крики и вопли толпы уже не раздавались за ними... Все осталось позади далеко, далеко... Когда усталые путники миновали безконечный, длинный и узкій подземный проходъ и вышли на волю, здѣсь они увидѣли себя въ чащѣ непроходимаго густого лѣса.

Князь Скопинъ сдѣлалъ перечетъ своему отряду и не досчитался лишь одного человѣка. Не хватало казака Свистули.

— Видно соблазнился мятежниками и вернулся къ нимъ! рѣшили спутники князя,—недаромъ же не нашъ онъ, а чужой, пришлый человѣкъ, изъ тульскихъ измѣнниковъ.—

И ошиблись княжескіе люди... Не измѣнилъ своему воеводѣ запорожецъ. Въ это самое время по Новгородской дорогѣ, на пути къ Москвѣ, стрѣлою несся чернобровый казакъ, безжалостно гоня своего лихого скакуна.

Помня клятву, данную имъ молодой боярынѣ, Свистуля летѣлъ обратно въ Москву извѣстить послѣднюю о постигшемъ несчастьѣ князя.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Мѣрно и глухо отдавались шаги маленькаго отряда по заиндивѣвшей почвѣ Новгородскаго лѣса. Вѣтеръ и снѣгъ залѣпляли глаза путникамъ. Вьюга нашептывала имъ въ уши свои страшныя сказки. Отрядъ выбился изъ силъ. Третьи сутки плутаютъ они такъ по непроходимому бору, не находя выхода изъ него... Голодъ и усталость терзаютъ людей... Князь со скорбью замѣчаетъ, какъ осунулись и поблѣднѣли окружающія лица его соратниковъ и друзей. А вдали та-же непроглядная лѣсная чаща, все тотъ же страшный, непроходимый лѣсъ.

— Княже, нѣтъ силъ болѣ! Вели передохнуть отряду... Може найдемъ какого звѣря или дичину для снѣди говоритъ его помощникъ, молодой сотникъ изъ его дружины...

Князь молча соглашается... Глядитъ впередъ и вдругъ радостный крикъ срывается съ его устъ.

— Стѣны! Вдали бѣлѣются стѣны!.. Городъ, али крѣпость—рукой подать!

— И впрямь крѣпость... Вонъ уже совсѣмъ близко за деревьями мелькаютъ ея зубчатыя стѣны... Вотъ блеснула своимъ сине-бѣлымъ гладкимъ льдомъ рѣка... Крѣпость у самаго устья ея, посрединѣ выпаденія рѣки изъ огромнаго, почти что безбрежнаго озера, теперь затянутаго льдомъ.

Озеро это—Ладога, крѣпость Орѣшекъ, нынѣ Шлиссельбургъ, находящійся у самаго устья рѣки Невы. По льду ея спѣшно устремился маленькій отрядъ князя, стараясь возможно скорѣе достигнуть крѣпостныхъ воротъ. Но что-это?.. Ворота при приближеніи ихъ быстро замыкаются и изъ амбразуръ башенъ выглядываютъ жерла пушекъ...

На стѣнѣ крѣпости появляется намѣстникъ ея—знако-

Передъ воротами крѣпости.

мый князю по Москвѣ бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ.

— Здорово, воевода!—радостно кричитъ ему князь Михаилъ,—здорово! Вели открывать намъ ворота крѣпости именемъ благовѣрнаго государя нашего Василія Ивановича всея Руси!

Но Михайло Глѣбовичъ и не отвѣчаетъ на привѣтъ даже. Его лицо нахмурено и сурово. Онъ взглядываетъ исподлобья на князя и послѣ долгаго молчанія говоритъ ему:

— Ступай своей дорогой, воевода. Нѣту здѣсь мѣста шубниковымъ войскамъ. Отнынѣ принадлежитъ Орѣшекъ царю Дмитрію всея Руси!

Дрожь негодованія охватила князя...

— Измѣнникъ!—послалъ онъ въ лицо воеводы и, взглянувъ съ презрѣніемъ на мятежную крѣпость, повернулъ обратно въ лѣсъ со всѣмъ своимъ отрядомъ.

И снова вьюга запѣла имъ въ уши, снова колючій холодъ пронизывалъ насквозь, а голодъ сверлилъ все мучительнѣе и настойчивѣе ихъ внутренности.

— Намъ остается держать путь прямо въ Выборгъ и тамъ, соединившись со шведами, идти на мятежный Новгородъ,—говорилъ въ тотъ же вечеръ князь, собравъ у костра иззябшихъ и продрогнувшихъ голодныхъ людей. Говорилъ, и думалъ въ тоже время съ горькой насмѣшкой надъ своимъ безсиліемъ.—Идти въ Выборгъ... Но какъ онѣ доберутся до-туда, чуть живые отъ голода и усталости?.. Пушные звѣри и птицы, какъ нарочно попрятались отъ непогоды, и его маленькому отряду грозитъ голодная смерть—въ этотъ пустомъ, непроглядномъ лѣсу.

И князь скорбно взглянулъ на своихъ измученныхъ путниковъ, устало расположившихся съ унылыми и печальными лицами вокругъ костровъ.

А кругомъ шумѣлъ лѣсъ страшно и зловѣще, точно заживо отпѣвая несчастныхъ, обреченныхъ на вѣрную смерть. Князь прислонился въ изнеможеніи къ стволу огромной

сосны и глядѣлъ печальнымъ взоромъ на потухающее пламя костра...

— Умереть... умереть скоро... можетъ быть завтра, послѣ завтра...—устало носилось въ его мозгу,—умереть не довершивъ до конца возложеннаго на него Россіей и царемъ дѣла!..—И онъ погрузился въ мучительное полубезсознательное состояніе, ни то забытья, ни то дремоты, навѣянное на него усталостью и голодомъ.

И вотъ не ясно, какъ сквозь сонъ, слышетъ онъ голосъ молодого сотника:

—Очнись, князь-воевода! Враги насъ окружили...

Князь быстро приходитъ въ себя при одномъ напоминаніи о врагахъ... О, въ немъ полуумирающемъ отъ голода и усталости еще хватитъ силъ умереть со славою, во главѣ своего маленькаго отряда! И, собравъ все свое усиліе, онъ съ трудомъ извлекаетъ тяжелый мечъ изъ ноженъ.

— За мною, друзья! командуетъ онъ войнамъ и вмигъ маленькій отрядъ группируется вокругъ своего смѣлаго вождя...

Вотъ изъ-за деревьевъ показывается непріятель. Нѣтъ у него ни вооруженія, ни пушекъ, ни самопаловъ. Замѣсто мечей и сабель иконы и хоругви въ рукахъ враговъ. Позади нихъ движется обозъ.

Это Новгородцы. Они спѣшно приближаются къ князю, скользя между деревьями, освѣщенные умирающимъ заревомъ костра. Вотъ приблизились... вотъ они передъ княжескимъ отрядомъ... И, словно по командѣ, падаютъ на колѣни... всѣ до одного.

— Прости насъ, княже, окаянныхъ! говоритъ передовой изъ нихъ, старшина, повидимому, сѣдой благообразный старикъ,—обидѣли мы тебя князь-бояринъ даромъ... Не обезсудь... Лукавый силенъ—попуталъ. Прости... Помилуй... Владыка Исидоръ вразумилъ насъ... Разъяснилъ намъ окаяннымъ, на кого мы руки было подняли... Кому служить вѣрой и правдой думали... Воръ онъ истинно, Тушинскій Дмитрій!... И царь Василій единъ на Руси... На томъ намъ слово святѣйшеское далъ Исидоръ—владыко... Не гнѣвись же на

людишекъ нашихъ, княже, и вернись царскимъ почетнымъ гонцемъ и гостемъ дорогимъ въ нашъ Новгородъ великій... Съ миромъ дожидайся тамъ прибытія союзниковъ шведовъ... Пояснилъ намъ и то владыко, что вѣра ихъ та-же Христова, что вреда они намъ не причинятъ. А что ляхи треклятые, тѣ точно свою ляшскую вѣру ввести хотятъ у насъ. Отъ нихъ и будемъ ждать помощи шведской... заключилъ свою рѣчь старикъ.

Словно небесная музыка звучала князю эта покаянная рѣчь стараго Новгородца. Сердце его преисполнилось радостью. Онъ можетъ вернуться въ Новгородъ и довершить свое большое дѣло... А еще болѣе радовался тому, что Богъ не далъ погибнуть окружавшимъ его людямъ, которые готовы были раздѣлить съ нимъ его горькую участь.

Весело затрещали костры... Запахло жаренымъ мясомъ, привезеннымъ въ обозѣ догадливыми Новгородцами. Появились ковши съ брагой и пивомъ. Не забыли захватить его вновь прибывшіе. Люди князя ожили, повеселѣли... Щедрые Новгородцы угостили ихъ въ волю. Рѣшено было заночевать въ лѣсу, а съ зарею, передохнувъ и выспавшись у тлѣющихъ костровъ, снова пуститься въ дорогу къ великому Новгороду.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Выборгскій договоръ былъ заключенъ. По этому договору со стороны Россіи было обѣщано: никогда не вступать въ Ливонію, принадлежавшую Шведамъ, не мириться съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, заплатить войску Шведскому десять тысячъ ефимковъ, помогать королю ихъ Карлу IX войскомъ во всякое время и передать въ руки шведовъ Кексгольмъ (Карелы) до сей поры русское владѣніе. За это Карлъ обязывался прислать въ Россію двѣ тысячи конныхъ и три пѣшихъ ратниковъ, не считая иного разноплеменнаго войска. Во главѣ шведскихъ дружинъ стоялъ опытный полководецъ Яковъ Делагарди, уже отличив-

шійся въ бояхъ, несмотря на свою молодость. Съ нимъ генералы Аксель Курка, Андрей Байе, Евертъ Горнъ и Христіернъ Зоме.

И вотъ это войско вступило на русскіе предѣлы. Вое-

Встрѣча князя Михаила Скопина-Шуйскаго съ шведскимъ полководцемъ Делагарди.

вода Одадуровъ встрѣтилъ его на границѣ. Самъ же князь Михаилъ вышелъ привѣтствовать шведовъ неподалеку отъ Новгорода.

Раннимъ апрѣльскимъ утромъ къ раскинутому близъ Новгорода Скопинскому стану медленно подвигался швед-

скій отрядъ. Впереди его ѣхалъ блѣднолицій юноша въ рыцарскихъ доспѣхахъ, въ легкомъ шлемѣ на головѣ. Бѣлокурые мягкіе, какъ ленъ волосы шведа, выбившіеся изъ подъ шлема, обрамляли его красивое лицо съ ясными свѣтлыми глазами, исполненными смѣлости и доброты. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Семенъ Головинъ, за ними шведскіе генералы. Передовой всадникъ былъ никто иной какъ главный начальникъ войска двадцати семи лѣтній Яковъ Понтусъ Делагарди.

Князь Михаилъ выѣхалъ на встрѣчу своему союзнику. Шведскій и русскій герои спѣшились и, подойдя другъ къ другу, братски обнялись, какъ давнишніе друзья. Оба молодые, прекрасные, смѣлые, отличенные уже за свою военную славу любовью своихъ народовъ, Яковъ и Михаилъ представляли изъ себя тѣхъ сказочныхъ богатырей, которымъ нестрашны были никакія напасти.

Духъ мужества, смѣлости и предпріимчивости наполнялъ ихъ горячія молодыя сердца.

Делагарди, сіяя своими привѣтливыми голубыми глазами съ почтительнымъ поклономъ произнесъ, глядя на князя:

— Его величеству пресвѣтлому королю Карлу извѣстны лукавыя ухищренія ляховъ. Онъ прислалъ свою рать и готовитъ еще сильнѣйшую, желая благоденствія своему брату— другу русскому Государю и гибели его врагамъ.

Съ низкимъ поклономъ, коснувшись рукою земли, по русскому древнему обычаю, князь Михаилъ отвѣтилъ шведскому военоначальнику.

— Бью челомъ его Величеству королю за его помощь. Благодарю отъ лица Руси и ея царя короля Карла. И надѣемся, что друзья наши шведы помогутъ намъ одолѣть мятежную толпу государевыхъ ослушниковъ и наказать лживыхъ ляховъ, нашихъ общихъ враговъ.

И снова бѣлокурый и темнокудрый юноши обнялись братскимъ объятіемъ на глазахъ войска и сбѣжавшагося посмотрѣть на эту встрѣчу окрестнаго люда.

Шведскіе ратники кричали «виватъ» и высоко поднимали знамена. Русскіе воины провозглашали многолѣтіе ихъ любимому воеводѣ и шведскому военоначальнику.

А апрѣльское солнышко лило потоки лучей на эту радостную картину, какъ бы желая ознаменовать своимъ яркимъ сіяніемъ тѣсный союзъ двухъ дружественныхъ народовъ...

ГЛАВА XIII.

Снова Свистуля. — Рѣшеніе княгини. — Опасный путь. — Въ руки враговъ.

ЩЕ за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ до описанной встрѣчи двухъ героевъ, княгиня Александра Васильевна тихо бродила по просторной горницѣ Скопинскаго дома. Мысли одна другой мрачнѣе и печальнѣе волновали ее.—Напрасно старая княгиня, чѣмъ могла утѣшала свою молоденькую невѣстку. Саня была неутѣшна. Печаль по мужѣ не покидала ее.

Короткій зимній день клонился къ вечеру. Въ быстро надвигающихся сумеркахъ затихала Москва, все еще осажденная Тушинскими мятежниками. Старая княгиня, степенно двигаясь по горницамъ, самолично поправляла лампады у старинныхъ иконъ, переходящихъ изъ рода въ родъ князей Скопиныхъ-Шуйскихъ. Вошла Феня и внесла тяжелый шандалъ съ восковой свѣчею. Лицо ея было сумрачно и сосредоточено противъ обыкновенія. Веселые бойкіе глаза не смѣялись, какъ прежде.

— Што, Федосьюшка! И тебѣ, поди, тошно, не весело безъ мужа,—ласково спросила княгиня Елена Петровна молодую женщину. Та только молча потупилась въ отвѣтъ.

— Сонъ мнѣ приснился о сю ночь диковинный, матушка княгиня,—промолвила она послѣ недолгаго молчанія.—Видала я будто князя нашего преогромная толпа народа окружаетъ... И величаютъ князя, и славятъ... А кругомъ хоругви и знамена будто качаются...

— Знамена, говоришь? Величаютъ? Не къ добру это!— Вѣрно я говорю, матушка?—

И Саня, усѣвшаяся было за пяльцы, быстро вскочила съ мѣста, испуганно глядя на свекровь.

Та тоже измѣнилась въ лицѣ, поблѣднѣла замѣтно.

Русскіе люди того времени, особенно женщины, были очень суевѣрны и вѣрили всевозможнымъ предзнаменіямъ, примѣтамъ и снамъ.

— Сонъ нехорошій, это вѣрно! Но страшенъ сонъ—да милостивъ Богъ! Къ тому же нынѣ четвертокъ, а сны выполняются лишь по средамъ и пятницамъ!—попробовала успокоить Елена Петровна молодую женщину. Но Александра Васильевна только сомнительно покачала своей золотистой головкой и полными тоски глазами погрузилась въ разсматриваніе пелены, которую она вышивала въ пяльцахъ къ иконѣ Царицы Небесной. Задумалась и Феня о своемъ Свистулѣ. Она сама печалилась не мало за участь князя-воеводы, но еще болѣе тревожила ее участь мужа. Въ горницѣ наступило продолжительное молчаніе. Княгиня Елена, затепливъ маленькую восковую свѣчу, принялась за чтеніе Читіи Миней... Молодая княгиня низко склонилась надъ пяльцами и незамѣтно роняла слезу за слезой на шелковую узорчатую ткань работы. Феня подошла къ оконцу и напряженно всматривалась въ ночную тьму, нарушая тишину частыми глубокими вздохами. Слышно было только, какъ поскрипывали тесовыя ворота на дворѣ подъ напоромъ вѣтра да хрустѣлъ снѣгъ подъ ногами прохожихъ. И вдругъ

сильный ударъ въ ворота заставилъ вздрогнуть троихъ женщинъ. Въ тотъ же мигъ цѣпныя собаки залились оглушительнымъ лаемъ. Слышно было, какъ засуетилась выбѣгавшая челядь, какъ въѣхалъ кто-то на конѣ во дворъ, быстро взбѣжалъ на крыльцо, и взошелъ въ сѣни.

— Пойди, узнай Феня, что случилось,—приказала старая княгиня молодой женщинѣ.

Та поспѣшно метнулась въ сѣни...—и вдругъ неожиданный, не то радостный, не то испуганный крикъ ея пронесся по всему дому. Обѣ княгини вздрогнули и обмѣнялись краснорѣчивымъ взглядомъ. У обѣихъ замерло дыханіе въ груди и глаза разомъ обернулись къ двери. Шумъ въ сѣняхъ. всхлипывающія причитанія Фени и передъ обѣими хозяйками, весь запушенный снѣгомъ, едва державшійся на ногахъ отъ усталости предсталъ Свистуля.

— Князь?... занемогъ?... Говори же! Говори скорѣй!—такъ и бросилась къ нему съ всѣхъ ногъ Саня,

— Ни,—ни... Благополученъ князь.—Здравъ и невредимъ... А только въ Новгородѣ бунтуютъ...—заговорилъ онъ, едва переводя дыханіе отъ усталости.—Ушелъ князь... Спасся... Къ Выборгу. слышь, путь держать ладитъ... Не обезсудьте, боярыня,... усталъ притомился,—и Свистуля опустился въ изнеможеніи на лавку.

Вся дрожа отъ нетерпѣнія и страха за мужа, Саня закидывала его вопросами. Переведя духъ, вѣрный казакъ разсказалъ все... Какъ грозили князю Новгородцы, какъ хотѣлъ онъ выйти къ нимъ, какъ отговаривалъ владыка воеводу... Какъ рѣшилъ князь самолично идти къ Выборгу за шведами потому, какъ возстали—Новгородъ, Псковъ и окрестные города...

Едва только дослушала его разсказъ Саня, какъ блѣдное лицо ея приняло рѣшительное упорное выраженіе.

— Матушка! произнесла она твердо, обращаясь къ свекрови—отпустите меня, ѣду къ Мишѣ. Одинъ онъ... Всѣми оставленъ... Въ изгнаніи... печали... Болѣ, чѣмъ когда либо

нужна я ему сейчасъ...—Ѣду, матушка! Прикажи людямъ снарядить мнѣ... коней да дорожную коптану... въ долгій путь...

Старая княгиня тихо ахнула и всплеснула руками.

— Алексаша, матушка! Голубка моя! Что ты выдумала! Какъ доберешься до Миши то нашего?... Вѣдь кругомъ Тушинцы бродятъ... ляхи... воры... Одумайся, Саня!—А сама блѣдная, какъ смерть, едва держится на ногахъ отъ волненія за участь сына.

— Вѣрно говоришь, матушка-княгиня, — вмѣшался Свистуля,—опасенъ путь... Я еле пробрался... все оцѣпили кругомъ ляхи треклятые да наши бродяги—казаки... Не ѣзди, матушка Александра Васильевна!—произнесъ онъ, съ участіемъ взглянувъ на молодую женщину.

— Не ѣзди и то, Саня!—произнесла старая княгиня, не покидай меня сироту...

— Матушка!—снова прозвучалъ въ отвѣтъ звонкій увѣренный голосокъ молодой княгини,—о чемъ меня просишь, подумай! Одинъ онъ нашъ Миша, безъ друзей и поддержки... нынѣ въ горѣ, въ печали онъ! Оскорбили его... Унизили... Ушелъ онъ... въ чужую землю, слышь, пробраться хочетъ, чтобы самолично торопить союзниковъ. Матушка, что у него на душѣ, подумай? Легко-ли? Милая, родная не держиже меня... Я должна быть подлѣ него, моего друга единаго! Ему легче будетъ со мною, радостнѣе... А обо мнѣ не опасайся! Люди отцовскіе хорошо знаютъ Новгородскіе лѣса. Трое изъ нихъ перешли со мною сюда въ приданое. Ихъ и возьму... Въ двѣ недѣли нагонимъ князя... Отпусти меня, матушка!

Смѣло и убѣдительно звенѣлъ нѣжный голосокъ Сани. Лицо ея, блѣдное до сихъ поръ, теперь запылало румянцемъ. Старая княгиня съ гордостью глядѣла на невѣстку и сердце ея наполнилось тревогой и любовью къ ней.

— Достойная жена моего Михаила... Смѣла и отважна, какъ и онъ!—шептали ея губы. И въ тоже время

страхъ за это отважное юное существо наполнялъ ея душу.

— А батюшка съ матушкой? Что они скажутъ, если узнаютъ, что отпустила я тебя въ опасный путь, Санюшка!— пробовала она привести послѣдній доводъ невѣсткѣ.

Но молодая женщина только выпрямилась и гордо блеснула своими лучистыми глазами,..

— Матушка,—произнесла она торжественно:—отцу съ матерью была я доброй дочерью и дѣлила съ ними радость и горе. Нынѣ же Господь повелѣлъ мнѣ дѣлить ихъ съ мужемъ моимъ. Къ нему и ѣду! А чтобы не боязно было тебѣ, возьму съ собою Свистулю, кромѣ нашихъ Новгородскихъ холопей. Поѣдешь со мною, Свистуля?—ласково спросила она казака, стоявшаго подлѣ Фени и тихо бесѣдовавшаго съ женой.

— Хоть на край свѣта, матушка-княгиня!—радостно отвѣчалъ тотъ.

— Спасибо тебѣ, молодецъ!—произнесла растроганная его готовностью Саня,—спасибо и на томъ, что клятву свою свято сдержалъ и примчался оповѣстить меня. Передохни съ дороги,—потолкуй съ женою,—а тамъ... и въ путь дорогу, коли отдохнешь и соберешься съ силами до ночи...

И Саня махнула рукою, давъ знакъ Фенѣ и ея мужу оставить ее наединѣ со свекровью.

— А ты, матушка, обратилась она къ Скопиной, благослови меня на долгій и опасный путь и помолись ты за насъ съ Мишей, родная моя...

Съ неизъяснимой нѣжностью обняла княгиня Елена свою молодую невѣстку.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Быстро, быстро движется, скользя по первому снѣгу небольшая крытая коптана. Въ ней сидитъ Саня, одѣтая въ простой опашень и теплый платокъ, какіе носили Мо-

сковскія купчихи и мѣщанки. По внѣшности она теперь вовсе не похожа на богатую именитую боярыню-княгиню, супругу перваго человѣка въ Россіи послѣ царя. Старая княгиня съ няней Степановной настояли на томъ, чтобы такимъ образомъ обрядить свою любимицу.—Такъ по крайности не скоро они догадаются, кто ѣдетъ!—говорили обѣ женщины, боясь больше всего встрѣчи Сани съ Тушинскими мятежниками. Быстро скользитъ коптана, до верху наполненная съѣстными припасами, уложенными въ дорожные поставцы и лари, заготовленные въ далекій путь. На козлахъ сидитъ Свистуля съ конюхомъ, позади коптаны пристроились еще два вѣрныхъ челядинца изъ бывшей Головиновской дворни. Путь ихъ молодой княгини труденъ и опасенъ. Имъ надо миновать Тушино... Инымъ путемъ никакъ не выбраться на Новгородскую дорогу. Правда, темный Декабрьскій вечеръ такъ плотно окуталъ Москву и ея окрестности, что ни зги не видать кругомъ, ни кто идетъ, ни кто ѣдетъ. Только фонари, прикрѣпленные къ коптанѣ, слабо освѣщаютъ дорогу.

Подъ самой Москвою еще путники наши наткнулись на Тушинскій разъѣздъ.

— Кто ѣдетъ?—подскакалъ къ нимъ какой-то польскій панъ, преграждая имъ со своимъ небольшимъ отрядомъ дорогу.

Но Свистуля, прекрасно говорившій попольски, какъ и всѣ Запорожскіе казаки, отвѣчалъ притворно-сердито:

— Аль ослѣпъ отъ вѣтра, благородный лыцарь? Аль зѣньки тебѣ снѣгомъ закидало, што своихъ кровныхъ не призналъ? и тутъ же, ударивъ коней плетью, пронесся мимо опѣшившаго поляка.

Вотъ и далече позади нихъ Москва. Осталось еще версты двѣ—три и они проѣдутъ-минуютъ «страшное Тушино», мыслитъ Саня, пригрѣтая теплымъ опашнемъ и убаюканная ѣздою въ уютномъ уголку коптаны... Ей уже

не страшны теперь ни ляшскіе, ни казацкіе разъѣзды. Свистуля бойко отвѣчаетъ тѣмъ и другимъ:

— Купцы мы московскіе... веземъ всякіе товары до свѣтлыхъ очей царицы Марины въ Тушино.—И гонитъ во всю прыть сытыхъ княжескихъ лошадокъ.

Съ такимъ вожатымъ не жутко ѣхать... Проворенъ и ловокъ молодой казакъ. А коптана все скользитъ да скользитъ, впередъ да впередъ и мало по малу легкая дрема окутываетъ мозгъ Сани своимъ сладкимъ туманомъ. Хорошо дремлется молодой женщинѣ подъ скрипъ полозій. Милый образъ князя Михаила носится въ ея грезахъ. Сквозь легкій сонъ едва соображаетъ Саня: «Проѣхали верстъ тринадцать, скоро и Тушино. Кабы далъ Господь проскользнуть незамѣченными! тогда ужъ впереди ничего и не страшно. Путь открытъ. Ѣхать по нему съ Богомъ! И кажется во снѣ Санѣ, что давно уже миновали они воровское гнѣздо... Что ѣдутъ они уже долго, долго... Вотъ и Псковъ проѣхали, ѣдутъ мимо Новгорода... И онъ позади остался... Вотъ и лѣса... Родимые Новгородскіе лѣса, подъ сѣнью которыхъ протекало радостное и мирное дѣтство ея—Сани...

Еще немного и нападутъ они на слѣдъ княжескаго отряда. Скоро уже теперь, скоро увидитъ она своего желаннаго! То-то будетъ радость... то-то счастье!.. »

Стопъ!

Что такое? Сонъ мигомъ покидаетъ княгиню. Она быстро выпрямляется на подушкахъ коптаны и, приподнявъ занавѣску, выглядываетъ въ оконце возка... И мигомъ вся кровь стынетъ въ ея жилахъ. Легкій крикъ срывается съ устъ Сани... На дорогѣ свѣтло, какъ днемъ. Нѣсколько десятковъ смоляныхъ факеловъ пылаютъ въ рукахъ польскихъ ратниковъ, окружившихъ возокъ. Это гусары. Они вооружены палашами. На груди панцыри изъ легкихъ стальныхъ бляхъ, на ногахъ щегольскіе полусапожки съ огромными шпорами. Сѣдла коней покрыты волчьими шкурами. За ними тѣс-

нятся нѣсколько запорожцевъ въ красныхъ шароварахъ и въ высокихъ бараньихъ шапкахъ.

— Эй, кто тамъ, вылѣзай изъ своей норы!—кричитъ со смѣхомъ молодой польскій ротмистръ, на сѣдлѣ котораго виднѣлась леопардовая шкура, признакъ богатства и знатности. Онъ съ любопытствомъ заглядывалъ въ возокъ и стучалъ палашомъ по его крышѣ.

— Пусти насъ, вельможный панъ,—говоритъ имъ, чуть не потерявшись, Свистуля на чистѣйшемъ польскомъ нарѣчіи,—то веземъ мы товары до свѣтлые очи царицы Марины.

— Ого! Товары въ полночь! А дай-ка заглянуть на твои товары, любезный купецъ. Что за диковинные товары, что надо провозить ихъ ночью.—И ротмистръ, весело посмѣиваясь, энергично взялся за дверцу коптаны.

Душа замерла въ груди Сани. Еще мгновенье—и она будетъ открыта.

— Ясновельможный панъ ни... ни... Не тронь насъ... Ни то разгнѣвается царица! И, быстро подскочивъ къ дверцамъ, Свистуля загородилъ ихъ своимъ тѣломъ.

— Ой-ли?—снова разсмѣялся гусаръ,—такъ таки и разгнѣвается пана-царица? А може и не разгнѣвается панъ-купецъ, а?

Въ эту минуту мелькнувшій мимо самаго лица Свистули факелъ освѣтилъ его съ головы до ногъ.

— Эге, братику! Да ты столь же похожъ на купца торгаша, какъ я на русскаго священника!—уже въ голосъ расхохотался молодой гусаръ.—Эй вы, казаки, запорожское лыцарство! Не признали «своего» въ купцѣ этомъ?—обратился онъ къ казакамъ, толпившимся вокругъ коптаны.

Длинные, спущенные къ низу усы и запорожскій способъ рѣчи выдали головой Свистулю. Въ ту же минуту изъ толпы казаковъ вышелъ одинъ и, пріятельски хлопнувъ его по плечу, весело произнесъ:

— Эге, друже! Призналъ тебя разомъ! Давненько не

видались, будь здоровъ! Запамятовалъ никакъ, какъ оба служили въ Калугѣ подъ знаменемъ батьки Нагибы?!

Свистуля быстро обернулся къ говорившему. Передъ нимъ былъ одинъ изъ его друзей казаковъ, сдавшихся съ Нагибой на милость Шуйскаго и теперь снова перешедшаго на сторону «царька».

— Вотъ такъ купецъ!—засмѣялись окружающіе поляки и казаки.—Ну, показывай свои товары, лихой казакъ!—

Тутъ они съ силою оттащили отъ коптаны Свистулю, открыли дверцу, и... отступили пораженные неожиданностью.

— Блѣдная, со сверкающими глазами вышла изъ возка Саня. Быстро отыскала она глазами начальника отряда, молодого гусарскаго ротмистра и, вся пылая гнѣвомъ и негодованіемъ, подошла къ нему.

— Съ какихъ это поръ, панъ лыцарь, — произнесла гордо и надменно молодая княгиня,—польскіе ратники сражаются съ нами—женщинами?

Гусаръ сконфузился. Неожиданное появленіе разгнѣванной красавицы поразило, ошеломило его.

— Панна ошибается... Я не подозрѣвалъ, что въ коптанѣ находилась прекрасная панна..! Иначе я бы не рѣшился побезпокоить ее... — извинялся гусаръ, отвѣшивая изысканный любезный поклонъ Санѣ.

— Такъ отпусти же меня, моихъ слугъ и этого храбраго запорожца, который взялся оберегать меня въ пути!—гордо снова произнесла молодая женщина, взглянувъ въ лицо поляка.

— Ни-ни... Ни можно этого панна—отвѣчалъ съ новымъ вычурнымъ поклономъ въ ея сторону, ротмистръ-гусаръ; но пусть успокоится прекрасная панна... Я пошлю сейчасъ же къ царю узнать о его рѣшеніи насчетъ панны и ея спутниковъ. Пусть его Величество пришлетъ кого нибудь изъ своихъ приближенныхъ, чтобы отпустить панну

и ея слугъ своимъ государевымъ именемъ. Я же не имѣю права распорядиться лично свободой панны...

И проговоривъ все это самымъ изысканно вѣжливымъ тономъ, молодой гусаръ бережно усадилъ Саню въ коптану и приказалъ Свистулѣ со слугами занять ихъ прежнія мѣста. Окруживъ возокъ со всѣхъ сторонъ своимъ отрядомъ, онъ велѣлъ кучеру править въ Тушино.

— Не страшись, княгиня, матушка!—успѣлъ шепнуть вѣрный Свистуля взволнованной и какъ платъ блѣдной Санѣ,—отпустятъ насъ бисовы дѣти... Дождаться только надо ихъ посланнаго отъ воровского «царька».

Саня только молча кивнула головой, безмолвно отвѣтивъ, что готова дожидаться безъ страха и волненія своей дальнѣйшей участи.

Между тѣмъ коптана остановилась и плѣнниковъ ввели въ избу, стоявшую у самой Тушинскій заставы. Тамъ уже дожидалось нѣсколько такихъ же, какъ они перехваченныхъ на большой проѣзжей дорогѣ, путниковъ. Молодой ротмистръ поручилъ казакамъ досматривать за плѣнниками, а самъ ускакалъ тотчасъ же въ село къ царьку.

Томительно потянулось время для Сани. Она не сомнѣвалась, что ее отпустятъ за богатый выкупъ.—конечно, если никто не узнаетъ въ ней жену князя Скопина, самаго злѣйшаго врага ляховъ. А узнать этого здѣсь было некому и мало по малу становилась все спокойнѣе и спокойнѣе молодая княгиня. Вотъ наконецъ послышался конскій топотъ невдалекѣ... потомъ шаги на крыльцѣ... громкій говоръ въ сѣняхъ и нѣсколько человѣкъ вошло въ горницу. Впереди всѣхъ шелъ дородный бояринъ въ теплой шубѣ и высокой шапкѣ. Саня быстро взглянула въ его лицо. Взглянулъ на плѣнницу и бояринъ. И оба вскрикнули отъ неожиданности въ одинъ голосъ.

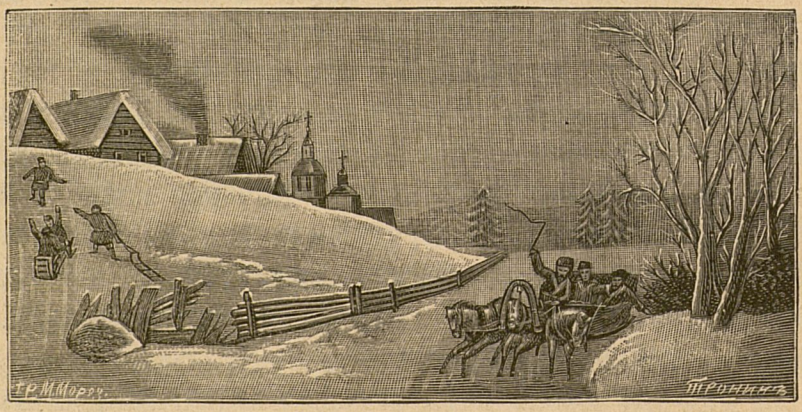
Въ тотъ же мигъ смертельная блѣдность покрыла лицо Сани... Ужасъ краснорѣчиво отразился въ ея широко раскрытыхъ глазахъ, испуганно уставившихся въ рыжую голову боярина.

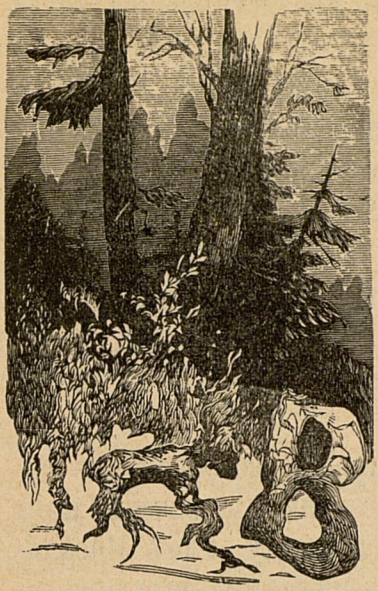
Передъ изумленной и на смерть перепуганной женщиной стоялъ ея давнишній врагъ Рубецъ-Масальскій.

Злорадная улыбка освѣтила его лицо.

— Такъ вотъ какая пташка залетѣла въ наши хоромы!— произнесъ онъ, едва сдерживая свое торжество и злобу.— И искать не пришлось—сама явилась... Ну, знать судьба твоя такова боярыня, а теперь уже не выпуститъ тебя изъ своихъ рукъ князь Рубецъ-Масальскій!—Иди за мною къ царю... Любопытно ему было взглянуть на плѣнниковъ... Изъявилъ желаніе его величество послать за вами... Ишь, какъ все славно устраивается... Кого искалъ—тотъ самъ ко мнѣ въ руки пожаловалъ... Сей-часъ же царю челомъ ударю— отдать мнѣ тебя въ холопки, въ служанки... Слышь?—наклонившись къ самому лицу Сани зашипѣлъ Масальскій.— Не хотѣла быть именитой княгиней, супругой моей... будешь простою служанкой. На томъ и челомъ царю бить стану. А теперь ступай за мною, готовься передъ свѣтлыя очи государя предстать, грубо приказалъ онъ молодой женщинѣ.

Потрясенная, взволнованная до глубины души, Саня, шатаясь, послѣдовала за своимъ мучителемъ.





ГЛАВА XV.

Изъ бродягъ въ цари. Внезапная помощь. За добромъ—добро.

ВЪ ТѢМЪ ЖЕ трепетомъ перешагнула молодая женщина порогъ просторной избы, которую тушинцы важно называли царскимъ дворцомъ, и гдѣ поселился съ пріѣхавшей сюда Мариной самозванецъ. У дверей горницы, называемой «царской», стояли два казака на стражѣ съ пиками въ рукахъ и два польскихъ гусара въ бѣлыхъ кафтанахъ, густо расшитыхъ золотомъ, съ голубыми епанчами, накинутыми на плечахъ. Въ горницѣ сидѣло двое людей. Сѣдоусый полякъ въ дорогомъ доломанѣ изъ тончайшаго сукна, съ бряцающей корабелькой у пояса, осыпаннаго алмазомъ, въ высокихъ сафьяновыхъ сапожкахъ, съ огромными золотыми шпорами. Богато расшитый золотомъ кунтушъ сидѣлъ на немъ ловко и красиво... Лихо сдвинутая на затылокъ мегерка заканчивалась павлиньимъ перомъ, прикрѣпленнымъ къ ней огромнымъ алмазомъ. Въ этомъ важномъ сѣдомъ польскомъ панѣ было столько гордаго достоинства и величія, что въ первую минуту Саня приняла его за «царька». Но вотъ, при входѣ ея и Масальскаго отъ окна повернулся къ нимъ чернобородый мужчина въ казацкомъ кафтанѣ и широкихъ шароварахъ. Саня быстро взглянула на него... Что то знакомое, далекое, какъ сонъ, промелькнуло въ ея мысляхъ... Припомнилась ей вдругъ уединенная улица Москвы, толпы

бродягъ и впереди этотъ чернявый, прельстившійся тогда Машинымъ ожерельемъ...

— Онъ самый,—чуть было не сорвалось въ эту минуту съ ея устъ. И Масальскій, спасшій ихъ съ княжной тогда отъ этого самаго бродяги, ни мало не стѣсняясь, открыто почитаетъ его теперь за царя!!.

Дрожь негодованія заставила Саню позабыть самый страхъ передъ опасностью. И «царекъ», казалось, узналъ въ взволнованной стоявшей передъ нимъ боярыней, далекую рыженькую дѣвочку, такъ бестрашно вступившую съ нимъ тогда въ споръ.

— Неужто узнала?—вихремъ пронеслось у него въ самыхъ мысляхъ, и онъ подозрительно взглянулъ въ глаза Сани.

— Великій государь, произнесъ между тѣмъ Масальскій, почтительно склоняясь передъ Тушинскимъ царькомъ,— важную плѣнницу доставилъ я передъ твои свѣтлые очи.., Самого князя Скопина—воеводы супругу княгиню...—За это чаю я отъ тебя награды по заслугамъ батюшка-царь!

— Князя Скопина?—прозвучалъ въ ту же минуту вопросъ, сдѣланный нѣжнымъ и въ то-же время сильнымъ голосомъ.

Саня быстро повернула голову, услыша этотъ нѣжный голосъ и увидѣла вдругъ въ противоположномъ углу горницы царицу Марину. Много перемѣнилась за это время красавица полька, но красота ея осталась та-же, если даже не лучше, не очаровательнѣе; ее сразу узнала Саня.

И она, казалось, припомнила рыженькую боярышню, приставленную къ ней въ тѣ свѣтлыя времена ея недавняго величія и власти...

Молодыя женщины обмѣнялись быстрымъ, почти неуловимымъ для остальныхъ взглядомъ.

— Какую же награду ты у меня просишь, князь Василій, произнесъ Тушинскій царекъ и его грубый и зычный голосъ непріятно наполнилъ всю горницу.

— Отдай мнѣ въ холопки плѣнную боярышню, великій государь!—смѣло и нагло, глянувъ въ самые глаза царьку, произнесъ Масальскій.

«Царекъ» молча кивнулъ головою.

— Ни, ни, панъ царь,—неможно этого!—неожиданно вмѣшался въ ихъ разговоръ сѣдоусый полякъ;—супруга рыцаря-воеводы, хотя и вражескаго. не можетъ быть ни у кого рабой...—заключилъ онъ съ достоинствомъ.

— И-и, панъ Рожинскій,—берешь на себя много... учить царя не наше холопье дѣло!—хитро прищурившись и пощипывая свою рыжую бороду, сердито произнесъ Масальскій!

Рука гетмана Рожинскаго стремительно опустилась на эфесъ его шпаги... Онъ гордо выпрямился и высокомѣрно окинулъ всю фигуру Масальскаго съ головы до ногъ.

— Панъ-царь знаетъ свою пользу.·. Знаетъ, что такимъ поступкомъ навлечетъ большое на себя и своихъ друзей несчастье... Панъ-царь не нуждается въ совѣтчикахъ...—еще высомѣрнѣе, почти не глядя на Масальскаго, кинулъ Рожинскій.

— Царю Дмитрію Ивановичу вѣдома вѣрная служба его бояръ... И русской боярской службой долженъ дорожить царь—колко возразилъ поляку Масальскій.

— Панъ князь не знаетъ, что поляки служатъ не менѣе вѣрно царю Дмитрію, чѣмъ русскіе, что они помогутъ ему занять престолъ Московскій не хуже русскихъ бояръ—вспыхнувъ отъ нанесенной ему обиды, рѣзко отвѣчалъ полякъ.

— Ну, это ты положимъ врешь, панъ гетманъ,—внезапно вмѣшался въ споръ молчавшій до сихъ поръ царекъ...—Наше царское величество съумѣетъ и безъ помощи вашей найти дорогу къ прародительскому престолу. Пустое брешешь, ты панъ! Много ужъ больно себѣ въ голову забралъ ты съ людишками твоими!—грубо расхохотался въ заключеніе своей рѣчи Самозванецъ и, милостиво положивъ руку на

плечо Масальскаго, произнесъ ласково:—мы твою вѣрную службу знаемъ Василь-Григорьевичъ и дорожимъ ею. Бери боярыню къ себѣ въ услуги, коли хочешь. Распоряжаться ею ты воленъ. А теперь ступайте, Наше царское величество должно еще съ гетманомъ поговорить кой о чемъ до ночи...

И, снова отвернувшись къ окну, царекъ махнулъ рукою... Саня безпомощно оглянулась кругомъ. Вокругъ нея были суровыя чужія лица. Марина холодно и спокойно глядѣла на нее своими бездушными красивыми глазами. Помощи искать было негдѣ. Рожинскій, отвернувшись, усиленно крутилъ длинный сѣдой усъ. Грубый голосъ Масальскаго прозвучалъ внезапно надъ ея ухомъ:

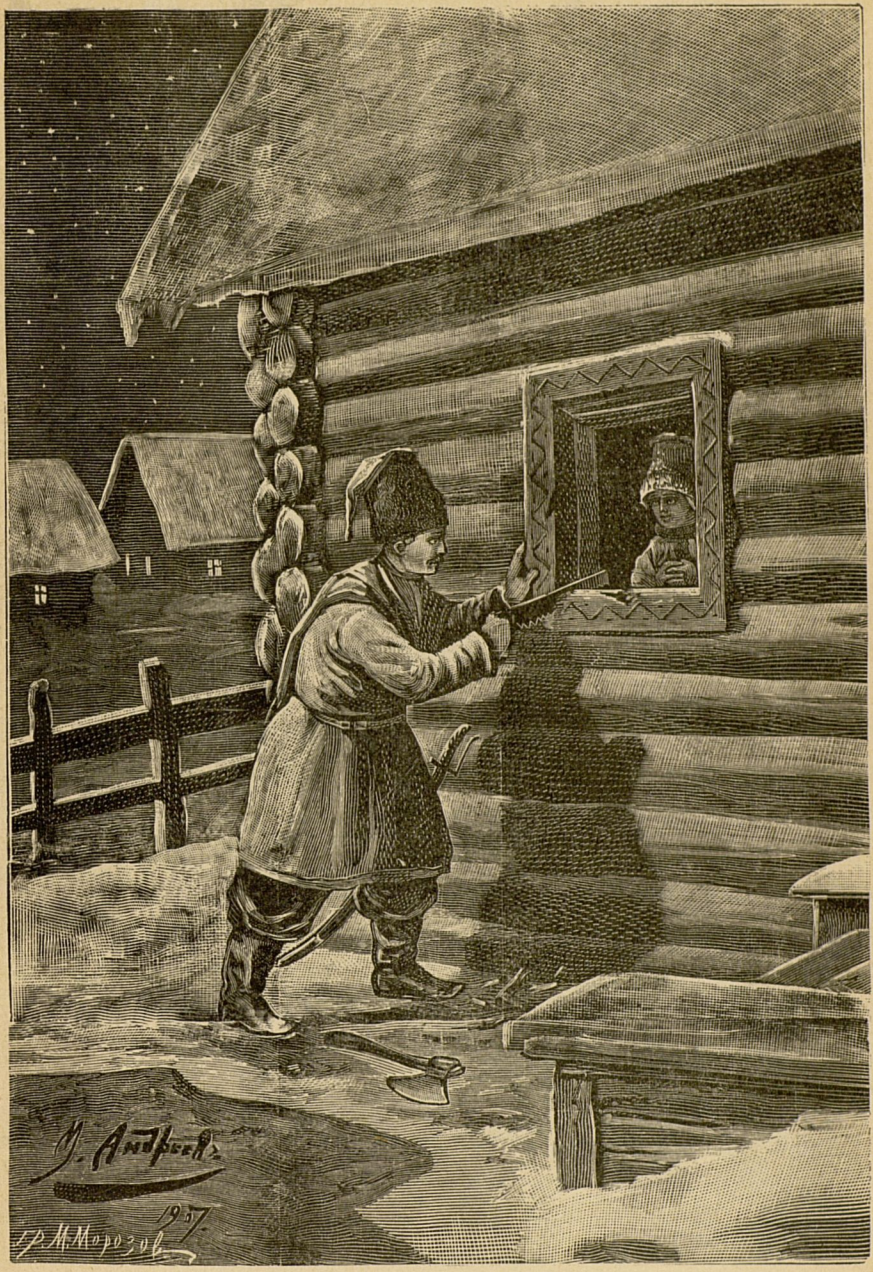
— Ступай штоли, аль не слыхала наказъ царя? Въ жизни и смерти твоей я воленъ нынѣ!—словно въ тяжеломъ забытьѣ долетѣло до ея слуха.

. . . . . .

. . . . . .

Чуть живую отъ волненія и переживаемыхъ тревогъ привелъ Саню въ занимаемую имъ избу князь Масальскій. Это было обширное помѣщеніе, выстроенное на скорую руку, какъ и всѣ дома въ селѣ Тушинѣ. Второй Самозванецъ, остановившись здѣсь временно, не хотѣлъ строить большихъ хоромъ и палатъ. Всѣ его мысли стремились дальше, въ столицу. Войдя съ Саней въ сѣни избы, Масальскій толкнулъ ногою какую-то дверцу и молодая женщина увидѣла темную клѣтушку въ родѣ кладовой.

— Вотъ тебѣ твои новыя палаты, княгиня-матушка,— не обезсудь за то, что не казисты видомъ!—насмѣшливо произнесъ ея спутникъ.—На завтра возьму тебя въ горницы пріучать къ твоей новой холопской службѣ. Помни хорошенько боярыня, што послушаніемъ да работой спѣшной угодишь, — хорошо тебѣ будетъ у меня, а заартачишься, лѣниться начнешь, батоговъ и плетей, не погнѣвись, отвѣдаешь... И то не забудь, что надъ жизнью твоей я тапе-



Освобожденіе.

рича я воленъ... Чай, слыхала царевъ наказъ? Пораскинь-ка мыслями на этомъ, а покамѣсть будь здорова до утра, княгиня-матушка. И отвѣсивъ новый, насмѣшливый поклонъ своей плѣнницѣ, Масальскій заперъ дверь клѣти и дважды повернулъ ключъ въ замкѣ.

Гнѣвъ, ужасъ, негодованіе, все это разомъ наполнило независимое, гордое отъ природы сердечко Сани.

— Ей-ли дочери именитаго боярина и женѣ прославленнаго воеводы, служить, какъ холопкѣ простой цареубійцѣ—измѣннику. Нѣтъ! Смерть во сто кратъ лучше такого униженія! Лучше муки смертныя, нежели этотъ срамъ на всю жизнь! Нечего сказать, съумѣлъ жестоко отомстить ей ея давнишній лютый врагъ Масальскій!—И вдруъ воспоминаніе о Свистулѣ и троихъ своихъ холопахъ, какъ змѣя, ужалило сердце Сани. Что съ ними? Не причинили-ли имъ какого вреда злодѣи?—вихремъ проносилось въ мысляхъ молодой женщины. И она съ трудомъ удержалась отъ подступившихъ къ груди ея рыданій. Нѣтъ, нѣтъ этого новаго торжества она не доставитъ своему мучителю! Онъ не долженъ увидѣть ни единой слезы у нея въ глазахъ, ни единаго стона не должно долетѣть до его ушей. Пусть не злорадствуетъ бояринъ Масальскій. Только бы про Свистулю, да про холоповъ узнать, попавшихъ изъ за нее, въ бѣду. Что съ ними—вѣрнымъ Свистулей и преданными ея слугами? Какая участь ждетъ ихъ всѣхъ четверыхъ...—И полное невыразимаго отчаянія мучительно стѣснилось сердце Сани.

Межъ тѣмъ постепенно затихали живые звуки на улицѣ села. Ѣзда прекращалась. Голоса становились все тише и тише. Ночь медленно наступала. Взамѣнъ уличныхъ голосовъ, бряцанія подковъ и оружія конниковъ, до слуха Сани стали доноситься дикіе крики и разгульныя пѣсни, несшіяся изъ сосѣднихъ избъ. Это Тушинцы пировали цѣлыя ночи напролетъ по заведенному ими обычаю. Самъ царекъ принималъ участіе въ этихъ ночныхъ пирахъ и напивался на нихъ едва-ли не больше всѣхъ своихъ при-

ближенныхъ. Саня съ ужасомъ прислушивалась къ долетающимъ къ ней дикимъ выкрикамъ русскихъ и польскихъ пѣсней. На этихъ пирахъ поляки и русскіе забывали свою взаимную непріязнь другъ къ другу и все смѣшивалось въ одномъ стихійномъ стремленіи къ веселью и пьянству...

Луна вышла изъ-за облаковъ и привѣтливо заглянула въ тѣсную клѣтушку плѣнницы. Саня подняла взоръ на тихій и кроткій ликъ мѣсяца и сердце ея сжалось больнѣе. Она твердо знала, что ждетъ ее. О, она ни за что не покорится злодѣю Масальскому, она не унизитъ свой родъ передъ нимъ, не будетъ служить ему, какъ холопка, рабыня... Онъ убьетъ ее... Убьетъ, непремѣнно, она знаетъ это.

Онъ вѣдь сказалъ ей, что въ смерти и въ жизни ея воленъ распорядиться, какъ хочетъ...

Да и лучше для нее смерть, желаннѣе! Не перенесетъ, все одно, униженій, издѣвательствъ, гордая благородная душа. И прійдя къ этому рѣшенію, Саня, вдругъ разомъ, успокоилась и мысли повернули на другое.

— А можетъ, злодѣй ея и самъ давно рѣшилъ покончить съ нею, можетъ только съ цѣлью измучить ее хорошенько сомнѣніями и страхомъ далъ онъ ей эту послѣднюю ночь жизни? А на утро онъ пришлетъ къ ней убійцъ или покончитъ съ нею самолично... Вѣдь не ново ему это? Всѣмъ извѣстно, какъ расправился онъ съ Годуновыми!— Что жъ? такъ, лучше, пожалуй!.. Пускай убиваетъ, чѣмъ томить въ неволѣ и издѣваться надъ нею!..

Чьи-то крадущіеся шаги послышались подъ ея оконцемъ. Саня вздрогнула и насторожилась.

— Что это? Кто можетъ къ ней красться въ ночной тишинѣ?—промелькнуло вихремъ въ ея мысляхъ...

— Княгиня-матушка! Тутъ ли ты?—послышался тихій окрикъ за ея оконцемъ.

— Великій Боже! Голосъ Свистули.—И вся дрожа отъ радости, Саня подошла къ окну.

Сквозь мутную слюду мелькнуло хорошо знакомое ей лицо подъ бараньей шапкой.

— Княгиня-матушка, крѣпись! шепнулъ снова вѣрный казакъ, нашли мы заступницу и въ этомъ гнѣздѣ бѣсовскомъ! Сама названная царица ихняя, Маринка, приказала привесть меня къ себѣ, тому гусару-ляху, что остановилъ насъ у заставы, и долго допытывала у меня: впрямь ли ты князя Михайлова жинка... А какъ узнала и говоритъ: спасъ меня въ тяжелую годину отъ москалей князь Скопинъ, когда мужа моего убили, такъ теперь мой чередъ спасти его княгиню. И открыла мнѣ, что вызоветъ нынче же въ ночь на совѣщаніе спѣшное твоего злодѣя къ царьку, а тѣмъ временемъ приказала мнѣ сюда идти скорѣича. Ушелъ твой злодѣй изъ дому, княгиня-матушка, — время спѣшить и намъ утекать отселѣ!

— Да вѣдь дверь то на замкѣ, Свистуля!—произнесла въ отчаяніи Саня, и ярко вспыхнувшая было надежда, разомъ потухла въ ея сердцѣ.

— А это што? и вѣрный казакъ показалъ черезъ окно пилу и топоръ, добытые Богъ вѣсть откуда.—А о стражѣ не очень кручинься, матушка-княгиня, успокоительно заговорилъ онъ,—здѣшнихъ людишекъ досыта попотчивалъ я горилкой. Тѣ и побратались со мною. Другомъ своимъ сочли, спасибо ляхамъ, обыскивали насъ не больно то ладно. Мошну съ грошами при мнѣ оставили... На тѣ гроши и досталъ я горилки дюже много, напоилъ ею всласть Масальскаго челядь... Теперь ради дрыхнуть безъ просыпа и ни токма пилы съ топоромъ не услышатъ, а и антихристово пришествіе проспятъ!

И говоря это, Свистуля быстро прорубилъ топоромъ слюдовое оконце и, наладивъ пилу, сталъ прошливать его отверстіе кругомъ, чтобы увеличить его. Тихо повизгивала пила. Морозный воздухъ, студеной струею вливался въ отверстіе оконца и освѣжалъ Саню.

Свистуля былъ правъ. Челядь Масальскаго спала, какъ

убитая подъ дѣйствіемъ горилки, и ничего не слышалъ, что происходило въ клѣтушкѣ.

На улицѣ же было пустынно и тихо, какъ въ могилѣ. Ни одной души не было тамъ въ эту позднюю пору. Между тѣмъ работа Свистули близилась къ концу. Окно было прорублено теперь настолько, что могло пропустить въ свое отверстіе тонкую, небольшую фигурку Сани. Она быстро поднялась на большой ларь, стоявшій подъ оконцемъ, оттуда перевѣсилась черезъ отверстіе... Сильныя руки Свистули бережно приняли княгиню... Еще минута и она была на улицѣ...

— Теперь скорѣе до коней бы!—тихо произнесъ Свистуля...

— А гдѣ ты оставилъ холопей и коптану, казаче?—живо спросила Саня своего спасителя.

— Эхъ, матушка-княгиня,—коптану давно присвоили себѣ со всею казною и поклажей злодѣи ляхи... А слуги, пока что, въ плѣну здѣсь останутся!.. Да ты за участь ихъ не кручинься, боярыня! Имъ зла не будетъ. Намъ хуже... Мало ли «перелетовъ» изъ Москвы сюда бѣгаютъ и они такими же перелетами махнутъ въ Москву отселе.

— А какъ же мы доберемся до Новгородскихъ лѣсовъ безъ коптаны, Свистуля? снова затревожилась княгиня.

— Да намъ и не придется ѣхать туда боярыня, весело отвѣчалъ казакъ.—Слыхалъ я отъ ляховъ здѣшнихъ, что Новгородцы, слышь, снова на нашего царя Василія сторону перешли и ладятъ за княземъ воеводой гонцовъ слать, просить вернуться.. А намъ же Маринка двухъ коней дала и пропускъ до Яна Сапѣги, ихняго воеводы, что стоитъ подъ Троицой, чтобы въ Лавру насъ тотъ ляхъ пропустилъ. Въ Москву же болѣ нѣту намъ ходу. Тамъ атаманъ Заруцкій съ казаками своими стоитъ, подъ самой заставой, на Московской дорогѣ да гетманскіе ляхи всюду рыскаютъ... Чего добраго—снова попадешь въ ихнія лапы, матушка-княгиня, и выдадутъ тебя головой злодѣю твоему...

А въ Троицкой обители, даромъ что осажденной, будешь какъ подъ крылышкомъ у Христа... Маринка бумагу такую дала мнѣ, чтобы, значитъ, пропустили въ Лавру... Тамъ и дождешься князя своего, княгинюшка!

Сладко звучали въ ушахъ Сани рѣчи ея вѣрнаго спутника. Новгородъ смирился... шлетъ гонца за княземъ... Она вырвана изъ рукъ злодѣя... Богъ смилостивился надъ ними... Впереди безопасный путь къ Троицѣ...—И Саня горячо поблагодарила безстрашнаго и вѣрнаго Свистулю, сумѣвшаго такъ скоро вызволить ее изъ лихой бѣды. И о другой своей спасительницѣ благодарно подумала Саня... Передъ нею выплылъ прекрасный и гордый обликъ Марины.

— Господи, вразуми ее, укажи, что не на правое дѣло идетъ она вмѣстѣ со злодѣями! Что погубитъ себя этимъ!— мысленно произнесла молодая женщина, отъ души жалѣя свою неожиданную спасительницу.

Луна между тѣмъ то скрывалась, то снова появлялась изъ за облаковъ, а двѣ тѣни неслышно скользили по единственной Тушинской улицѣ, направляясь къ заставѣ...— Вотъ и дворецъ—изба тушинскаго царька—выросъ передъ ними, весь облитый трепетнымъ сіяніемъ мѣсяца. У заднято крыльца его похолокъ Марины держитъ двухъ осѣдланныхъ коней подъ уздцы. Въ избѣ горятъ огни, виденъ свѣтъ, хотя уже третій часъ на исходѣ... Это, вызванный на спѣшный совѣтъ хитрой Мариной, Масальскій сидитъ съ нею и съ Тушинскимъ царькомъ. Вотъ уже подсаживаетъ на лошадь княгиню Свистуля и, прикрутивъ ея поводъ къ поводу своего коня, не спѣша выѣзжаетъ съ нею за ворота.

Похолокъ предупредительно распахиваетъ ихъ; ему приказано самой Тушинской царицей всячески помогать бѣглецамъ... Сердце Сани трепетно замираетъ въ груди... Еще немного и желанная свобода близко... близко!...

Неожиданно быстро распахнулась дубовая дверь избы и изъ нея вышелъ Масальскій... Предательскій свѣтъ луны

внезапно освѣтилъ двухъ коней и ихъ всадниковъ, какъ разъ въ ту минуту. При этомъ слабомъ трепетномъ свѣтѣ зоркіе глаза князя все же узнали его молодую плѣнницу... Крикъ бѣшенства и злобы вырвался изъ его груди.

— Стой! Куда? Держите бѣглецовъ! — зарычалъ онъ, какъ дикій звѣрь, раненый на смерть и, выхвативъ саблю изъ за пояса, кинулся къ молодой женщинѣ со всѣхъ ногъ.

Но Свистуля не смутился этимъ..! Давъ шпоры коню и въ одинъ мигъ онъ и его спутница понеслись, какъ птицы по широкой улицѣ Тушинскаго стана.

— Кто ѣдетъ? окликнулъ ихъ сторожевой польскій офицеръ у заставы... Но Свистуля, узнавшій паролъ отъ той-же Марины, тотчасъ же отвѣтилъ условленное слово.

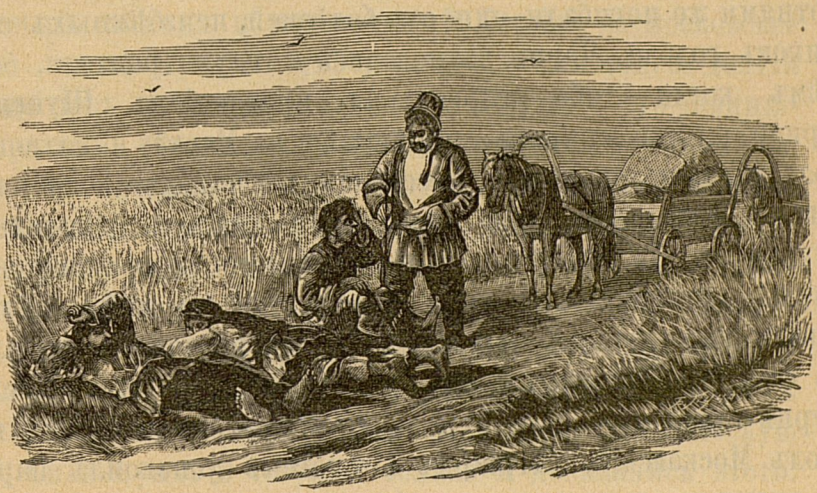
Тяжелая застава поднялась и тотчасъ же опустилась за бѣглецами. Погоня не могла собраться поспѣшно въ эту позднюю пору, что хорошо сообразилъ Свистуля и успокоилъ, какъ могъ, на этотъ счетъ свою спутницу. Впрочемъ, и сама Саня не безпокоилась теперь. Добрые кони Марины несли ихъ, какъ на крыльяхъ... Тушино, изба царька и злодѣй Масальскій все это осталось далеко за ними. И съ каждой минутой все спокойнѣе и спокойнѣе становилось на душѣ молодой княгини, увѣренной теперь въ своемъ полномъ спасеніи.

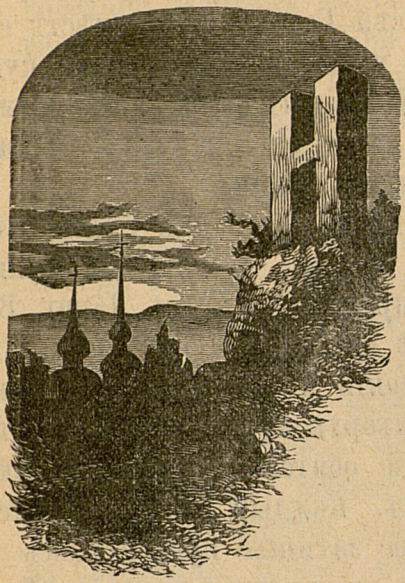
Зимнее солнце уже близилось къ закату, когда они достигли наконецъ на слѣдующій день стана Сапѣги подъ Троицей...

Осаждающіе Лавру поляки наслаждались въ послѣднее время отдыхомъ. Бои и штурмы не возобновлялись такъ часто въ эти морозные зимніе дни. Съ наступленіемъ суровыхъ стужъ, Янъ Сапѣга далъ короткій отдыхъ своему войску. Но обманчивый то былъ отдыхъ. За нимъ должны были слѣдовать неизбѣжно еще болѣе упорные и кровопролитные штурмы и бои. Около тридцати тысячъ польскаго войска подъ начальствомъ храбраго Сапѣги, Зборовскаго и Лисовскаго осаждали Лавру, въ которой вмѣстѣ съ иноками

насчитывалось лишь двѣ тысячи человѣкъ. Князь Григорій Борисовичъ Долгорукій и Алексѣй Голохвостовъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Іосафомъ, какъ могли, защищали Троицкую святыню. Ея келарь Авраамій Палицынъ былъ въ это время въ Москвѣ, но всячески помогалъ осажденнымъ, разсылая грамоты, воодушевляя защитниковъ Лавры.

Янъ Сапѣга, къ которому прямо проѣхали наши бѣглецы, увидя на ихъ пропускѣ подпись Марининой руки, приказалъ пропустить ихъ безпрепятственно въ Лавру. Въ крошечной монастырской кельѣ поселилась измученная и уставшая отъ пережитыхъ волненій молодая княгиня. Свистуля же явился къ воеводѣ Долгорукому, прося назначить его въ ряды защитниковъ святой обители. Желаніе казака было принято съ удовольствіемъ. Каждый воинъ цѣнился въ лаврѣ. Между тѣмъ краткое затишье прекратилось и снова ляхи принялись боями и штурмами безпокоить Троице-Сергіевскую святыню.





ГЛАВА XVI.

Россія гибнетъ. — По ступенямъ славы. — Звѣзда разгорается.

НЕ ИМѢЯ возможности овладѣть Москвою силою, Тушинскій царекъ рѣшилъ взять ее изморомъ и продолжительною осадою. Съ этою цѣлью онъ закрылъ всѣ дороги къ Москвѣ своими отрядами, не позволяя подвозить осажденнымъ обозовъ съ съѣстными припасами, не пропуская къ нимъ помощи изъ другихъ городовъ. Оцѣпленная кругомъ Тушинскими войсками Москва изнемогала. Голодъ свирѣпствовалъ съ ожесточенною силою въ столицѣ. Люди гибли отъ него сотнями... Сотнями же погибали они отъ болѣзней, неизбѣжныхъ спутниковъ голода. Чернь волновалась и глухо роптала, болѣе чѣмъ когда либо недовольная правленіемъ Шуйскаго. Приспѣшники «царька» проникали въ Москву и волновали голодный, недовольный, ожесточенный народъ. Бояре, именитые, московскіе люди продолжали тайно переходить на службу къ Тушинцу и снова безстыдно возвращались къ царю... Оставшееся у царя войско уже не имѣло силъ и отваги выходить въ открытый бой съ врагомъ и заперлось въ столицѣ. Наконецъ вспыхнулъ жестокій бунтъ въ Москвѣ. Чернь стала требовать отъ царя, чтобы онъ оставилъ престолъ Московскій, патріархъ Гермогенъ успокоилъ народъ во время и устранилъ на время ударъ отъ головы Шуйскаго.

Не довольствуясь своимъ торжествомъ подъ Москвою, Лжедмитрій послалъ свои отряды къ Суздалю, Переяславлю-

Залѣсскому и Ростову. Въ Ростовѣ добродѣтельный митрополитъ Филаретъ, бывшій въ міру бояринъ Ѳедоръ Романовъ, гонимый и насильно постриженный Годуновымъ въ иноки, теперь владыка Ростовскій, собралъ народъ въ храмѣ Божіемъ и, уговаривая Ростовцевъ не сдаваться злодѣямъ, исповѣдалъ и причастилъ ихъ, готовя къ неминуемой гибели. Измѣнники ворвались въ храмъ, перебили народъ, а съ митрополита сорвали его ризы и, всячески позоря его, привезли въ Тушино. Но Лжедмитрій, желая выказать свое благочестіе передъ русскимъ народомъ, принялъ Филарета съ почетомъ и, водворивъ его въ Тушинѣ, назвалъ патріархомъ *).

Между тѣмъ, городъ за городомъ сдавался Тушинскому царьку... Псковъ, Владиміръ, Галичъ, Кострома, Вологда, Ярославль, присягнули измѣннику! Вѣрными царю Шуйскому оставались лишь немногіе: Троицкая Лавра, Переяславль Рязанскій, Смоленскъ, Новгордъ, Нижній, Саратовъ и Казань. Все остальное принадлежало уже Тушинцу. Къ довершенію несчастья, король польскій Сигизмундъ, подговариваемый сеймомъ и недовольный Россіей за московское побоище ляховъ при убійствѣ перваго Лжедмитрія, за долгій плѣнъ пословъ и за союзъ Россіи со Шведами, его давнишними врагами, объявилъ войну Московскому Государству и двинулся за предѣлы Россіи, осадивъ Смоленскъ. Помимо недовольства и желанія отомстить «ненавистнымъ москалямъ», другая цѣль руководила подобнымъ поступкомъ Сигизмунда. Многіе недовольные Шуйскимъ Московитяне хотѣли провозгласить царемъ сына Сигизмундова, королевича Владислава; это значило, что Россія соединилась бы съ Польшей и въ ней можно было бы ввести католическую вѣру. А Сигизмундъ и іезуиты только и добивались этого. Война съ Сигизмундомъ привела осажденную Москву въ полное отчаяніе. Потерявъ послѣднюю надежду на спасеніе,

*) Филаретъ доводился роднымъ племянникомъ первой жены Грознаго Анастасіи.

Московитяне во главѣ съ царемъ обратили отчаянные взоры на сѣверъ, откуда стремилось къ нимъ союзное войско во главѣ съ славнымъ Скопинымъ, покончившимъ такъ успѣшно дѣло Шведскаго договора.

Съ мольбою и надеждою всѣ взоры устремились на него.

Самъ царь понялъ это и слалъ племяннику грамоту за грамотой, слезно умоляя въ нихъ спасти Русь.

10-го Мая 1609 года князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, отслуживъ молебенъ въ Новгородѣ, въ его старинномъ Софійскомъ храмѣ, повелъ свою главную рать къ Торжку. Въ это время Яковъ Делагарди послалъ своего генерала Зоме и воеводу Чулкова взять Руссу, гдѣ засѣлъ Тушинскій полковникъ Кернозицкій. Союзники выгнали его оттуда и гнали ляховъ до самаго Торопца. Въ селѣ Каменкахъ отняли у ляховъ девять пушекъ, разбивъ ихъ на голову. Порховъ, Торопецъ и Торжокъ сдались мирно, узнавъ, что союзное войско идетъ къ Твери. За ними сдались и Иванъ-Городъ и Орѣшекъ. Евертъ Горнъ и стольникъ Семенъ Головинъ, посланные княземъ Скопинымъ къ Твери, успѣшно отразили выступленіе изъ нея пана Зборовскаго съ его отрядомъ.

Князь Скопинъ-Шуйскій съ подоспѣвшимъ къ нему въ Торжкѣ княземъ Барятинскимъ во главѣ трехъ тысячъ дѣтей боярскихъ, смирившими по дорогѣ Дорогобужъ, Клязьму и Владиміръ и съ союзниками шведами, подступилъ къ Твери. Тамъ находились ляхи подъ начальствомъ пана Зборовскаго, полковника Кернозицкаго и князя Григорія Шаховского, снова поступившаго на службу къ Тушинскому царьку.

. . . . . .

. . . . . .

Лѣтній день парилъ духотою... Изнуренное жарою войско отдыхало подъ стѣнами Тверского острога. Въ раскинутомъ шатрѣ посреди ратнаго поля сидѣли два полко-

водца, оба смѣлые, оба доблестные, оба молодые. Снявъ съ головы бранный шишакъ, князь Михаилъ машинально проводилъ рукою по своимъ темнорусымъ кудрямъ. Яковъ Делагарди смотрѣлъ на своего юнаго сотоварища, съ которымъ успѣлъ коротко сойтись за послѣднее время, ласковымъ взглядомъ. Незнаніе русскаго языка мѣшало выразить шведу ту глубокую симпатію, которую вселялъ въ него этотъ молодой мужественный русскій витязь. Князь Михаилъ успѣлъ немного подучиться шведскому языку, ровно на столько, что-бы понимать своего друга, благородство и доблесть котораго успѣлъ оцѣнить за короткое время. Но сейчасъ онъ былъ далекъ и отъ друга—шведа и отъ ратныхъ мыслей. Его мечты были въ осажденной Москвѣ, гдѣ царили голодъ и смятеніе. Онъ думалъ о женѣ. Что-то она? каково ей живется? Не вѣдая о томъ, что случилось за время его отсутствія съ Саней, князь представляетъ себѣ далеко не радостныя картины. — И не видѣлъ онъ, углубясь въ свои размышленія, какъ удушливый полдень незамѣтно смѣнился грозою. Проливной дождь уже болѣе получаса лилъ на шатеръ, барабаня по ея поламъ и крышѣ. Гроза разразилась. Небо словно разверзалось огненною пастью. Быстрыя, какъ золотыя птицы, молніи проносились то и дѣло по нему. Яковъ Делагарди отогнулъ полу шатра и глядитъ на золотыя стрѣлы молніи, бороздящія небо. На его далекой холодной родинѣ нѣтъ такихъ изнуряющихъ жаровъ, ни такихъ проливныхъ ливней и грозъ. Его молодое сердце тоскуетъ по далекимъ холоднымъ скаламъ, по сѣрому морю, которое онъ любитъ, любитъ безъ границъ... И ему понятна больше, чѣмъ кому либо другому тоска молодого князя, его задумчивость и грусть. И у Якова въ далекой Швеціи осталась любимая молодая жена, стройная голубоглазая Эва...

— Не грусти, мой русскій другъ!—говоритъ онъ тихо, кладя на плечо Скопина свою сильную руку, — кончится война, дастъ Богъ, благополучно и тогда...

Князь Михаилъ словно просыпается отъ своей тяжелой грезы и съ трудомъ соображаетъ дѣйствительность. Передъ нимъ откинута пола палатки. Дождь льетъ, какъ изъ ведра. Молніи бороздятъ небо. Голубоглазый юноша смотритъ на него ласково и мягко. И разомъ дѣйствительность захватываетъ князя. Тяжелыхъ грезъ, какъ ни бывало. Въ отверстіе шатра виднѣется Тверской острогъ. Подъ нимъ темнѣютъ войска. Это Зборовскій, Кернозицкій и Гришка Шаховской, двойной измѣнникъ, вывели свои войска въ поле.

— Друже!—говоритъ Скопинъ, погрузивъ свой разомъ потемнѣвшій взоръ въ свѣтлые глаза Делагарди,—што скажешь? Въ ливень и грозу сподручнѣе напасть, я чаю, на врага? Ударимъ сей же часъ, не дожидаючи долго?!

— Ударимъ!—смѣло отвѣчаетъ Делагарди, готовый идти въ огонь и въ воду со своимъ молодымъ другомъ.

— Головина ко мнѣ!—коротко приказываетъ Скопинъ, стоявшему у входа въ шатеръ караульному.

Ратникъ исчезаетъ какъ тѣнь, повинуясь своему воеводѣ. Черезъ минуту, другую на его мѣстѣ появляется неизмѣнный спутникъ Скопина Головинъ.

— Сема!—ласково приказываетъ ему князь,—вели къ приступу готовиться рати.—На конь людямъ садиться прикажи. Ударимъ на врага въ непогоду?!

Головинъ молча киваетъ головой и выходитъ изъ шатра.

— На конь!—несется черезъ нѣкоторое время громкое приказаніе сотниковъ и начальниковъ по всему отряду.

Лагерь словно ожилъ и спѣшно подъ проливнымъ дождемъ люди готовятся къ наступленію.

Ляхи и тушинскіе измѣнники тоже не дремлютъ. Они точно предугадали дѣйствіе московскихъ дружинъ. Вотъ цѣлая ихъ туча несется на лѣвое крыло шведовъ, состоявшее изъ сборныхъ французскихъ и нѣмецкихъ дружинъ. Это менѣе всѣхъ укрѣпленная часть войска, менѣе всего къ тому же ожидавшая нападенія.

Дрогнули шведскія дружины, и дали тылъ, увлекая за собою и русскихъ конныхъ и пѣшихъ ратниковъ. Зборовскій, предводительствовавшій своимъ отрядомъ, несся впереди него, поминутно давая приказъ догнать и искрошить бѣглецовъ.

Но вотъ, словно изъ подъ земли выросъ на бѣломъ конѣ юный воинъ. Завѣяло серебряное знамя надъ головами бѣгущихъ... На правомъ крылѣ, гдѣ находились русскія и шведскія дружины подъ начальствомъ Делагарди, прежде всего увидѣли это знамя, увидѣли молодого воина съ мечемъ въ рукѣ. Остановивъ бѣглецовъ, они ринулись въ битву, слѣдомъ за княземъ Михаиломъ. Натискъ былъ столь неожиданъ для ляховъ, что они дрогнули и смѣшались... Зборовскій пробовалъ было снова воодушевить ихъ, призывая въ бой. Но за шумомъ дождя и раскатами грома его голосъ не былъ слышенъ даже самымъ ближнимъ къ нему ратникамъ. Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ и шальная пуля неожиданно ударила въ ногу польскаго вождя. Зборовскій зашатался, но усидѣлъ на конѣ однако, сдѣлавъ нечеловѣческое усиліе, и раненый продолжалъ руководить битвой.

Этотъ примѣръ отваги замѣтно повліялъ на его дружины. Они дрались, какъ львы. На этотъ разъ поле битвы осталось за поляками. Бѣгство наемной дружины испортило дѣло московскимъ войскамъ. Блѣдный и взволнованный князь Михаилъ приказалъ трубить отбой.

Въ тотъ же вечеръ онъ говорилъ Делагарди, прислушиваясь къ веселымъ торжествующимъ крикамъ, несшимся изъ лагеря поляковъ.

— Мои воины никогда еще не бѣжали съ поля битвы. Отступленіе можетъ покрыть ихъ головы срамомъ навсегда; сегодня же въ ночь я рѣшилъ ударить на враговъ снова.

Яковъ Делагарди не противорѣчилъ своему другу. Онъ горячо сочувствовалъ его несчастью.

Дождь пересталъ. Небо прояснѣло. Гроза утихла.

Утихли и побѣдные клики въ польскомъ лагерѣ. Поляки и русскіе мятежники крѣпко спали, не заботясь болѣе о дѣйствіяхъ своихъ противниковъ. А между тѣмъ въ тиши ночи, не слышно, подбирались къ нимъ московскія дружины. Оглушительный побѣдный крикъ приблизившихся Скопинскихъ отрядовъ мгновенно разбудилъ спавшихъ. Паникой и ужасомъ наполнились сердца... Въ тиши благовонной лѣтней ночи закипѣла снова кровавая битва. Какъ страшный призракъ, быстрѣе молніи носился по ратному полю князь Михаилъ... Враги дрались отчаянно, защищая стѣны Тверского острога... Но Скопинцы превзошли ихъ въ мужествѣ и смѣлости. Среди самой отчаянной сѣчи появлялся бѣлый конь и пылающій взоръ Михаила устремлялся на врага... Его могучая рука, вооруженная мечомъ, косила на право и на лѣво.

Только подъ утро прекратилась грозная и кровопролитная сѣча. Восходящее солнце освѣтило груды непріятельскихъ тѣлъ. Зборовскій съ Шаховскимъ ушли снова было въ Тверь, откуда были вытѣснены послѣднимъ напоромъ Скопинскаго войска.

Это была новая, яркая побѣда юнаго воеводы, новый могучій лучъ въ яркомъ сіяніи его славы.

Приказавъ убрать тѣла своихъ и вражескихъ ратниковъ, князь Михаилъ вошелъ для отдыха въ шатеръ. Тамъ ждалъ его уже Делагарди. Друзья обнялись, поздравивъ съ побѣдой другъ друга.

— Я видѣлъ русскаго орла, мужеству котораго могутъ позавидовать Скандинавскіе герои!—произнесъ Делагарди съ восхищеніемъ, глядя въ блѣдное отъ утомленія, но воодушевленное мужественное лицо князя Михаила.

— Мой храбрый братъ не уступаетъ мнѣ въ доблести!—пожимая руку шведскаго рыцаря, отвѣчалъ привѣтливо князь.—Но что это? быстро добавилъ онъ, увидя небольшой свитокъ въ рукахъ Делагарди.

— Прочти и узнаешь!—коротко отвѣтилъ тотъ. Скопинъ

взялъ грамоту и устремилъ въ нее свои зоркія очи. Это было письмо Зборовскаго, посланное, при уходѣ изъ Твери, на имя главнаго шведскаго вождя.

Въ своей грамотѣ лукавый панъ сулилъ Делагарди несчетныя милости, обѣщалъ безсмѣтныя награды, чины и почести, именемъ Дмитрія, лишь бы онъ оставилъ своего союзника Скопина и со всей своей дружиной перешелъ на службу къ Тушинскому царю.

Кровь бросилась въ лицо князя Михаила по прочтеніи грамоты. Благороднымъ негодованіемъ вспыхнули его разомъ потемнѣвшіе отъ гнѣва глаза.

— Что ты велѣлъ отвѣтствовать этому Іудѣ?—спросилъ онъ Делагарди взволнованнымъ голосомъ.

— Я послалъ сказать ему, что слуги короля Карла никогда не были измѣнниками и что, давъ слово служить царю Василію, я съ моими войнами сдержу его до конца!—отвѣтилъ благородный шведъ, глянувъ открытымъ взоромъ въ лицо князя.

— Спасибо, друже, я и не ждалъ иного отвѣта! И князь Михаилъ снова горячо обнялъ шведскаго вождя.

— Мои люди однихъ мыслей со мною,—продолжалъ Делагарди, и когда гонецъ Зборовскаго, привезшій грамоту, сталъ смущать ихъ, уговаривая ихъ перейти на службу къ Тушинцу, мои ратники повѣсили его на стѣнахъ Твери. Теперь путь къ Москвѣ очищенъ, и ты можешь идти по нему къ столицѣ. Я же останусь въ Твери, чтобы отнять у мятежниковъ нѣкоторые города.—закончилъ шведскій воевода.

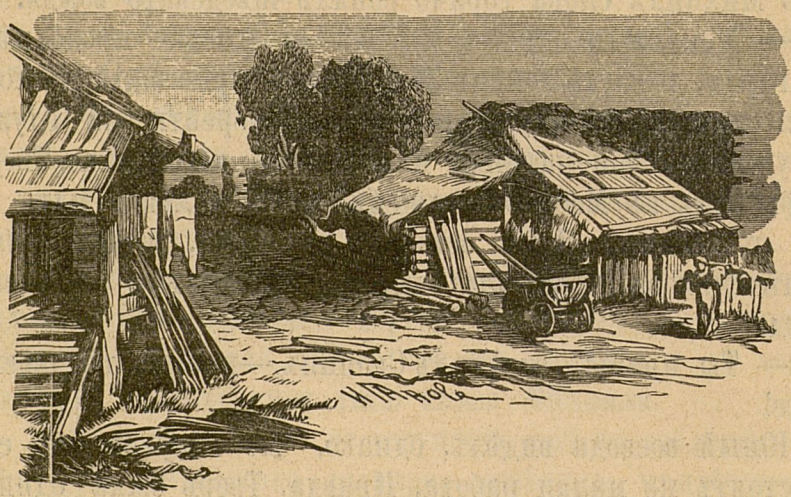
— Ты правъ!—отвѣчалъ Скопинъ,—и быть по твоему, друже!

Юный воевода видѣлъ, однако, что впереди ему еще предстоитъ не малая работа. Правда, Тверь была однимъ изъ сильнѣйшихъ городовъ, гдѣ утвердились мятежники, но тамъ впереди еще ближе къ Москвѣ ждали ихъ и другія препятствія.

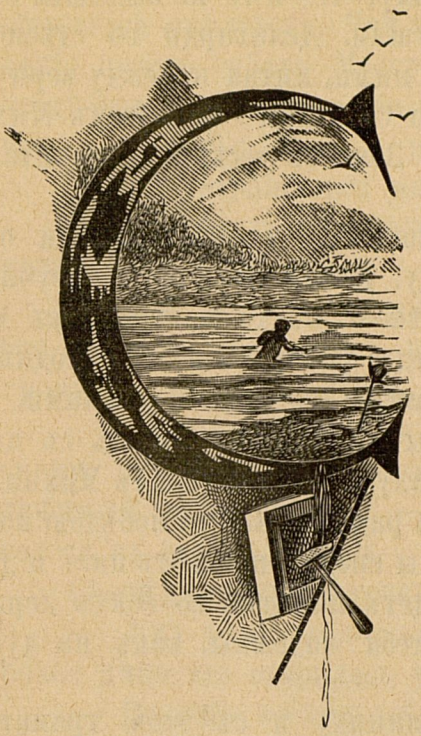
Впереди былъ Калязинъ, куда сосредоточивались теперь самыя могучіе отряды Тушинскаго царька. Сапѣга, Лисовскій и Атаманъ Заруцкій спѣшили уже къ Пирогову, близъ Калязина. Но кромѣ него еще Троице-Сергіевская Лавра, Александровская слобода и, наконецъ, осажденная столица ждали съ нетерпѣніемъ своего спасителя.

Князь вѣрилъ твердо въ то, что высшія силы покровительствуютъ ему. Уже многіе города, узнавъ про его побѣды, отступились отъ Тушинскаго царька и снова присягнули на вѣрность Шуйскому. И Русь была обязана этимъ только ему, его главнымъ побѣдамъ, его счастливому воеводству надъ ввѣренными ему дружинами. Его слава росла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Имя Скопина гремѣло теперь на всю Русь. Въ Московскихъ церквахъ служились за него молебны...

Звѣзда князя Михаила разгоралась все ярче все сильнѣй.



Собранія у В. И. Шуйскаго.



ГЛАВА XVII.

Грудь грудью на врага! Еще побѣда.

СОЛНЦЕ медленно умирало, заходя за стѣны бѣлой Макаріевской обители... Тихо плескала въ берегахъ, прославленная пѣснями народными, красавица Волга рѣка, позлащенная его пурпуровымъ закатомъ... Тихій вечеръ медленно сходилъ на землю. Но въ Калязинѣ, несмотря на позднее время, не прекращались шумъ, грохотъ и движеніе.

Это Янъ Сапѣга со своими воеводами и ратниками готовится къ бою.

Наѣздники Лисовскаго пригнали сюда новый обозъ съ провизіей и виномъ наканунѣ и въ Калязинскихъ домахъ шло великое пированіе обычное передъ каждой битвой поляковъ. Сапѣги и Лисовскому, а также и подоспѣвшему къ нимъ изъ подъ Твери Зборовскому и атаману Заруцкому нечего было бояться. Имъ было хорошо извѣстно, что силы Скопина значительно уменьшились въ числѣ, что большая часть шведскаго войска ушла, не внимая уговорамъ ихъ главнаго вождя Делагарди, такъ какъ казна Московская изсякла и нечѣмъ было платить наемнымъ ратникамъ шведамъ. Напрасно мужественный и благородный Яковъ Делагарди выходилъ къ своимъ дружинамъ, требуя отъ нихъ повино-

венія, шведы, недовольные тѣмъ, что имъ не выдаютъ обѣщанной награды, все таки ушли. Делагарди со стѣсненнымъ сердцемъ поскакалъ за ними, питая надежду вернуть ихъ обратно подъ начальство Скопина. Съ княземъ Михаиломъ остался лишь генералъ Зоме съ весьма незначительнымъ отрядомъ.

Все это хорошо было извѣстно мятежникамъ и они заранѣе торжествовали побѣду. Пѣсни неумолчно звучали въ Калязинѣ. Вино лилось рѣкою. Въ то же время въ Макарьевскомъ монастырѣ передъ ракою святого угодника Божія молился князь Михаилъ со своими воинами. Съ восходомъ солнца изъ Москвы прискакалъ гонецъ съ царской грамотой, дворянинъ Валуевъ. Царь писалъ Михаилу: «Слышимъ о твоемъ великомъ радѣніи. Когда побѣдою избавишь государство, какой хвалы сподобишися отъ насъ и добрыхъ россіянъ! Имя твое будетъ памятно во всѣхъ державахъ окрестныхъ. А мы на тебя надежны, какъ на душу свою» *).

Такъ писалъ царь племяннику и съ этою граматою вышелъ Михаилъ къ собравшимся вокругъ Макарьевскаго монастыря дружинамъ.

— Братцы, прозвучалъ въ тишинѣ его голосъ, хорошо знакомый всѣмъ этимъ спутникамъ его по ратному дѣлу— братцы, вотъ пишетъ царь, что одна надежа на насъ. Ежели побѣдимъ нынѣ несмѣтное число враговъ нашихъ, очистимъ нашъ путь къ Москвѣ. Братцы, хотите вѣрой и правдой послужить еще разъ царю? Таиться отъ васъ не стану. Насъ мало, врагъ же многочисленъ... Всѣ свои силы сосредоточили здѣсь нонѣ тушинцы. Може, не одолѣемъ и поляжемъ всѣ до единаго костьми... А ежели совладаемъ съ ихъ ратью, то ужъ другая рать намъ не страшна будетъ... Трудное предстоитъ намъ дѣло, православные! Много убавилось силы нашей! Вотъ послалъ я вернуть шведовъ,—

*) Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, томъ XII

когда еще вернутся, не вѣдаю. И все же безъ ихъ помощи сражаться придется... Чай знаете, что каждый день промедленія несетъ гибель Москвѣ. Въ осадѣ царь русскій, въ осадѣ святыни московскія... Ваши жены и дѣти терпятъ нужду и голодъ! Ужели намъ дожидаться подкрѣпленія? Ужели устрашиться многочисленности врага?

И князь обвелъ загорѣвшимися глазами толпившіяся вокругъ него дружины.

Глухой ропотъ словно отдаленнаго морского прибоя пронесся по рядамъ войска. Вотъ онъ все громче и громче, вотъ перешелъ въ зычный крикъ...

— Не дожидаться! Не робѣть! Веди насъ, княже, на смерть или побѣду, все едино! Умремъ съ тобой безъ страха, любимый нашъ воевода! — услышалъ Михаилъ дружные голоса въ своемъ отрядѣ.

Сѣдой длинноусый генералъ-шведъ приблизился къ нему.

— Жму руку доблестнаго героя!—произнесъ Зоме и суровое лицо его озарилось улыбкой.

— Спасибо тебѣ на добромъ словѣ, генералъ!—отвѣтилъ князь, горячо пожимая протянутую руку. Надѣюсь на твою помощь!

— Я съ моими шведами—вѣрные твои слуги!.. убѣжденно произнесъ Зоме и снова строгіе глаза воина, закаленнаго въ битвахъ, блеснули ободреніемъ и лаской въ лицо Михаила. Впрочемъ, ни онъ одинъ, а и вся Скопинская дружина не сводила очей со своего юнаго вождя. Съ вѣрой и надеждой глядѣли на него старые и молодые, русскіе и шведскіе витязи. Исполненный мужества и бодрости стоялъ передъ ними юный воевода... Заходящее солнце ударило своими пурпуровыми лучами какъ разъ въ эту минуту и облило словно полымемъ всю статную богатырскую фигуру князя... точно пурпуровое сіяніе окружало его теперь...

— Знакъ Божій! произнесъ ни одинъ старый воинъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

И вотъ въ ту же самую минуту ударили трубы и ли-

тавры въ польскихъ и мятежныхъ войскахъ, и изъ широко распахнувшихся воротъ Калязина стремительно выскочила Сапѣгинская конница. Бердыши польскихъ гусаръ казались кровавыми въ предсмертныхъ лучахъ заходящаго солнца. За нимъ скакалъ Заруцкій со своими казаками, пики на перевѣсъ, сабли на голо. О пушечной пальбѣ не было и рѣчи. Едва успѣлъ выстроить свои дружины князь Скопинъ, какъ уже стремительно повелъ ихъ на встрѣчу врагу.

— За вѣру и царя истиннаго съ Богомъ, братцы!— пролетѣлъ подобный грому его боевой окликъ.

— Умремъ или побѣдимъ!—отвѣчали дружнымъ хоромъ ратники ихъ любимому воеводѣ. И стремительно кинулись впередъ.

Князь Михаилъ велъ самъ свои дружины. Заходящее солнце по прежнему заливало пурпуромъ бранные доспѣхи и одежды воиновъ. Алое зарево играло на серебряной кольчугѣ князя, на его легкомъ шишакѣ, на мечѣ, исторгнутомъ теперь изъ ноженъ. Благородная осанка и смѣлая величавая фигура молодого воина сразу обратила на него вниманіе ляховъ.

— То нашъ злѣйшій врагъ!.. То самъ воевода Скопинъ! Убьемъ его!—пронеслось по рядамъ непріятеля и они устремились туда, гдѣ окруженный кольцомъ своихъ вѣрныхъ воиновъ, князь распоряжался битвой. Въ десятеро сильнѣйшій врагъ опрокинулся на его маленькій отрядъ. Ляхи и мятежные запорожцы окружили князя со всѣхъ сторонъ и его защитниковъ. Засверкали бердыши, зазвенѣли сабли... Огромнаго роста ляхъ выросъ передъ лицомъ Михаила и набрасывается на него съ палашемъ. Сверкаетъ палашъ въ послѣднихъ лучахъ заходящаго свѣтила... Еще минута и молодой воевода погибнетъ на глазахъ своихъ дружинъ.

— Матка Боска! Іезусъ Марія!—кричитъ дикимъ голосомъ огромный ляхъ, занося оружіе надъ головою князя.

И вдругъ встрѣчаетъ на себѣ упорный сверкающій

взоръ на поблѣднѣвшемъ отъ браннаго воодушевленія молодомъ прекрасномъ лицѣ русскаго воеводы... Польскій воинъ пятится назадъ, словно обуреваемый какою то высшей силой... палашъ падаетъ изъ рукъ... Глаза смущенно опускаются долу. А темныя очи князя темнѣютъ еще больше... Временами жгучая молнія сверкаетъ въ нихъ. Губы плотно стиснуты... Грудь вздымается бурно и высоко. Легкій стальной шишакъ съѣхалъ на затылокъ и влажныя отъ пота кудри прилипли къ высокому, бѣлому челу... Его конь рѣетъ, какъ птица, носясь по бранному полю, едва касаясь ногами земли, со своимъ могучимъ сѣдокомъ... Словно геній битвы появляется тутъ и тамъ молодой витязь, всюду поспѣвая, всюду воодушевляя своихъ мужественно дерущихся воиновъ...

— Самъ дьяволъ во плотѣ!—говорятъ съ суевѣрнымъ ужасомъ про него мятежники, невольно отступая передъ пылающими очами и смѣло направленнымъ на нихъ мечемъ Михаила.

— Самъ стратегъ Господень—Георгій Побѣдоносецъ сошелъ на землю для спасенія Руси православной,—провожая любимаго вождя восторженными взорами, шепчутъ отважные ратники Скопинскихъ дружинъ.

И вдругъ снова неожиданно распахиваются Калязинскія ворота и выбрасываютъ свѣжее подкрѣпленіе мятежникамъ. Дальновидный Сапѣга со Зборовскимъ не сразу выпустили всю свою рать на Московскія дружины... Новыя силы спѣшатъ на подкрѣпленіе своимъ. Онѣ съ неистовой стремительностью бросаются на то мѣсто, гдѣ окруженный своими ближайшими приспѣшниками бьется князь Михаилъ. Вокругъ нихъ за короткое время наросла горою цѣлая груда тѣлъ Московскихъ и казацкихъ, своихъ и чужихъ. Мечи Скопинцевъ и ихъ враговъ собрали эту обильную кровавую жатву... Воины Сапѣги не дремлютъ... Они летятъ, подобные злымъ духамъ, съ адской поспѣшностью на своего злѣйшаго противника. Огромная награда ждетъ удальца, который доставитъ главному польскому воеводѣ живого или

мертваго князя Скопина. Сапѣга знаетъ, что погибни въ бою молодой царскій вождь и дѣло Московской рати проиграно навсегда. Она малочисленна и слаба и только примѣръ безстрашнаго юноши такъ воодушевляетъ и поддерживаетъ силы его дружинъ... Вотъ почему ему необходимо захватить князя живымъ или мертвымъ. Воины Сапѣги знаютъ это... Съ неистовымъ крикомъ: «виватъ царь Дмитрій!» бросаются они въ самое пекло боя...

И вдругъ ихъ крикъ заглушенъ и покрытъ новымъ воодушевленнымъ и зычнымъ крикомъ.

— Преподобный отче Макаріе, помоги намъ!

Могучій по силѣ и быстротѣ натиска вражій потокъ грудью вливается въ стройныя дружины Сапѣгиныхъ войскъ. Этимъ потокомъ, этою живою лавиною руководитъ блѣдный юноша съ потемнѣвшими какъ грозовое небо очами. Смерть и гибель врагамъ несетъ этотъ юноша въ своемъ темномъ взорѣ, вдохновенно поднятомъ къ куполу Макарьевской монастырской церкви.

— Святый отче Макаріе!—снова пронеслось по всему войску и съ неистовой, словно сверхъестественной силой ударили остатки княжаго отряда на врага...

Снова лязгъ мечей... звонъ стали о сталь... Проклятія и стоны... Снова блѣдноликій юноша съ обнаженнымъ мечемъ несется впереди дружины, какъ грозный и неустрашимый геній боя.

Дрогнули ляхи Сапѣги... За ними Запорожцы и, не слушая криковъ вождей, бросились въ разсыпную. За ними слѣдомъ понеслись Скопинскія дружины, нагоняя и добивая въ тылу... Половина враговъ полегла тѣлами, запрудивъ собою побагровѣвшую отъ крови рѣчку Жабну? Многихъ взяли въ плѣнъ, многіе ускакали за Сапѣгою и другими вождями къ Троицѣ, гдѣ все еще длилась медлительная и упорная осада Лавры.

Полнымъ и славнымъ побѣдителемъ въѣхалъ въ Калязинъ князь... Жители встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью и

тутъ же присягнули на вѣрность царю Василію Шуйскому. Это была неслыханная доселѣ, сказочная побѣда незначительной горсти людей надъ вдесятеро сильнѣйшимъ врагомъ. Войска и Калязинцы славили князя.

— Ты побѣдитель и спаситель всея Россіи!—неслись слѣдомъ за нимъ восторженные крики. Быстро былъ снаряженъ гонецъ съ донесеніемъ въ Москву. Но еще большая радость ждала князя Михаила въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ сумерки, черезъ нѣсколько дней по взятіи Калязина, вошелъ въ горницу князя сѣдоусый Зоме.

— Мой юный другъ! — произнесъ онъ, почтительно устремляя свои суровые, мужественные глаза на князя,— гонецъ примчался отъ Делагарди. Генералъ шлетъ грамоту и привѣтъ великому россійскому вождю.—И онъ подалъ свитокъ князю Михаилу. Князь Михаилъ быстро развернулъ свитокъ пергамента и прочелъ:

— Мой другъ,—и братъ,—писалъ Делагарди,—шведскіе войны готовы вернуться, лишь только имъ будетъ выдана обѣщанная награда. Кромѣ того, король требуетъ скорѣйшей передачи Кексгольма въ наши руки, обѣщаннаго по Выборгскому договору и еще ни отданнаго въ наше владѣніе. Лишь только Кексгольмъ (Корелы) перейдетъ къ намъ, я ручаюсь привести назадъ взбунтовавшіяся шведскія дружины».

— Что дѣлать? обратился Михаилъ къ подоспѣвшему къ нему въ это время шурину—что дѣлать намъ теперь, Сема? Не воленъ я распоряжаться безъ приказу царя!

— Княже,—отвѣчалъ тотъ,—по Выборгскому договору было рѣшено укрѣпить Корелы за шведами. Нужно сдержать слово.

— Но царь Василій медлилъ съ отдачею Корелъ; царь лишь по окончаніи войны ладилъ передать ихъ шведу...— тихо отвѣчалъ Скопинъ, не желая быть услышаннымъ Зоме, присутствующимъ здѣсь и кое какъ понимавшимъ порусски.

— Княже, дозволь мнѣ молвить правдивое слово!—

произнесъ Семенъ Головинъ, поднимая преданный взоръ на князя...

— Говори, Сема! Одинъ умъ хорошо, два лучше,—поспѣшилъ отвѣтить своему другу и шурину князь.

— Слушай, друже — началъ царскій стольникъ — ты спасъ Русь-матушку отъ великаго горя — злосчастья. Путь къ Москвѣ очищенъ тобою... Остается покорить Тушино и освободить Москву. Народъ денно и нощно молится за тебя, какъ за своего отца и спасителя. Народъ вѣритъ, что ты не пожелаешь ему худа и что бы ты не сдѣлалъ, не осудитъ тебя! До царя далеко... Отвѣтъ придетъ не скоро, ежели послать гонца въ Москву. А помощь нужна... и въ скорости. Послѣдній ударъ не нанести намъ безъ шведовъ. Силы наши ослабли послѣ Твери и Калязина. Отдай же Корелы помимо царя. Онъ же отблагодаритъ тебя за мудрое рѣшеніе,—заключилъ увѣренно свою рѣчь Головинъ.

Задумался князь Михаилъ... Русыя кудри упали на чело... глаза угрюмо устремились вдаль. И вдругъ чело прояснилось, глаза блеснули.

— Будь по твоему. Отдамъ Корелы шведу!—произнесъ онъ, дружески хлопнувъ по плечу шурина,—добрый ты мнѣ подалъ совѣтъ, Сема!—И, обернувшись къ Зоме, заключилъ пошведски: — пиши отвѣтную грамоту Делагарди генералъ. Пиши, что именемъ царя Василія передаю Корелы шведамъ!

И уладивъ трудное дѣло, онъ свѣтло и радостно улыбнулся, какъ ребенокъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Головинъ сказалъ правду. Путь къ Москвѣ былъ очищенъ. Съ возвращеніемъ Делагарди и его отряда была взята Александровская слобода. Большая часть мятежныхъ городовъ, узнавъ про успѣхи Скопина, поспѣшила отложиться отъ Тушинскаго царька и перейти на сторону Шуй-

скаго. Другая часть была покорена силой тѣмъ же Скопинымъ и его приспѣшниками. Тотъ же успѣхъ главнаго царскаго воеводы заставилъ осмѣлѣть и самую Москву. Осажденные въ Москвѣ воеводы вышли на ратное поле и отбили всѣ приступы Тушинскихъ измѣнниковъ. Впервые Москва торжествовала свою побѣду послѣ долгой и мучительной осады. Тогда самъ гетманъ Рожинскій повелъ на приступъ свои рати и успѣлъ сжечь Деревянный городъ—предмѣстье Москвы. Но царскіе воеводы, князья Андрей Голицынъ, Борисъ Лыковъ и Дмитрій Шуйскій превзошли себя въ мужествѣ и доблести на этотъ разъ и одолѣли врага, прогнавъ его до самой Ходынки, причемъ было захвачено до семисотъ плѣнниковъ и богатая добыча.

Къ тому времени и въ самомъ Тушинѣ начался расколъ. Король Сигизмундъ послалъ пословъ въ Тушино, убѣждая ихъ отвернуться отъ Лжедмитрія и, соединившись съ нимъ—королемъ польскимъ, дружно дѣйствовать противъ Шуйскаго для блага Рѣчи Посполитой.

Между тѣмъ, дѣла Тушинскаго царька шли плохо. Гетманъ Рожинскій и польскіе паны Тишкевичи, Вишневецкіе и другіе обращались съ нимъ дерзко и непристойно, не какъ съ царемъ, а какъ съ бродягою, проведеннымъ по ихъ же милости въ цари. Гетманъ Рожинскій первый возмутился противъ Тушинскаго царька и открыто бранилъ его. Напуганный такимъ дерзкимъ обхожденіемъ, Лжедмитрій, опасаясь дальнѣйшаго мятежа, ускакалъ въ Калугу. За нимъ ускакала и Марина, переодѣтая гусаромъ, чтобы не быть узнанной въ пути.

Нѣкоторые изъ Тушинцевъ перешли къ нему, другіе къ Сапѣгѣ, осаждавшему Лавру и еще буйствовавшему въ ея окрестностяхъ, третьи предались королю Сигизмунду, уже находившемуся подъ Смоленскомъ. Участь «царька» висѣла теперь на волоскѣ.

. . . . . .

. . . . . .

Тихо дремала въ предъутренній часъ Слобода Александровская. Розовая заря ласкала ее. До солнечнаго восхода было еще далеко. Народъ спалъ, утомленный послѣднимъ событіемъ, жаркимъ боемъ подъ стѣнами слободы. Только въ ставкѣ, занимаемой главными воеводами, не спали. Князь Михаилъ, несмотря на раннее утро, принималъ гонца, засвѣтло прискакавшаго изъ Москвы съ граматою царской.

Въ этой граматѣ царь слезными рѣчами благодарилъ племянника за спасеніе престола и отечества и торопилъ его возвращеніемъ въ Москву. Прочитавъ царскую грамоту, Михаилъ лихорадочно разспрашивалъ посла о царѣ, о Москвѣ, о снятіи осады, о женѣ и близкихъ. О послѣднихъ ничего не вѣдалъ гонецъ. Зато другую радостную вѣсть передалъ онъ князю.

Въ разгаръ осады Москвы Тушинцами снова вспыхнулъ бунтъ въ столицѣ.—Хлѣба! Хлѣба! Или долой царя, который не можетъ накормить и спасти отъ погибели святую Русь!—кричалъ обезумѣвшій отъ голода и ярости Московскій народъ. Царь вышелъ на крыльцо и сталъ уговаривать бунтующій народъ.

Въ отвѣтъ неслись лишь брань и угрозы.

Крики о томъ, что надо свести недостойнаго правителя съ престола, раздавались все громче, все смѣлѣе и вотъ, когда минуты царствованія Шуйскаго были уже сочтены, вѣсть о блестящей побѣдѣ князя Михаила подъ Калязинымъ и въ другихъ мѣстахъ облетѣла молніей Москву. Шуйскій былъ спасенъ. Мятежъ утихъ и благодарственные молебны смѣнили крики и вопли народнаго бунта.

— Твое имя не сходитъ съ устъ народныхъ, пресвѣтлый княже!—произнесъ въ заключеніе своего разсказа гонецъ и до земли поклонился молодому вождю.

Радостная улыбка заиграла на обычно хмуромъ и сумрачномъ теперь лицѣ князя. Любовь Россіянъ была ему лучшей наградой за его труды. Не успѣлъ уйти отъ него

царскій посолъ, какъ внезапное облако пыли, стлавшееся по слободской дорогѣ, привлекло вниманіе Михаила. Вотъ она ближе... ближе... Вотъ подъѣхалъ совсѣмъ близко отрядъ конниковъ къ слободѣ и во дворѣ воеводы появилась небольшая дружина конныхъ... Остроконечныя шапки обличали въ нихъ рязанцевъ. Они быстро спѣшились и подошли къ крыльцу, на которое вышелъ теперь князь Михаилъ, его соучастники въ бояхъ воеводы: Головинъ, Барятинскій и шведскіе генералы. Высокій чернобородый рязанецъ выступилъ впередъ; въ рукахъ его былъ огромный свитокъ, припечатанный воеводскою печатью.

И лишь только онъ дошелъ до крыльца, какъ медленно опустился на колѣни у самыхъ ногъ князя. Его примѣру послѣдовали и остальные. Весь отрядъ вновь прибывшихъ повергся во прахѣ передъ Михаиломъ.—Князь смутился и вопросительно обвелъ взглядомъ присутствующихъ.

— Што имъ надо? О чемъ просятъ? На чемъ челомъ бьютъ, узнай Сема!.. приказалъ онъ безотлучно находившемуся при немъ Головину.

Тотъ подошелъ къ переднему рязанцу и передалъ ему вопросъ князя.

Чернобородый Рязанецъ поднялъ на Михаила свое благообразное, степенное лицо и произнесъ взволнованно:

— Прокопій Петровичъ Ляпуновъ и мы всѣ люди Рязанскіе бьемъ тебѣ на великой просьбѣ, государь-княже! Громки и славны дѣла твои Михаилъ Васильевичъ, пресвѣтлый воевода... Слава о тебѣ несется отъ моря до моря по всей землѣ Московской. Всѣ сердца возносятъ за тебя молитвы Богу. Ты спасъ Русь святую отъ бѣдствія великаго. Ты избранный вождь Господень! Будь же избраннымъ царемъ Россійскимъ, великій государь и князь нашъ Михаилъ Васильевичъ! И снова, какъ одинъ человѣкъ, рязанцы поклонились въ ноги князю. Съ нахмуреннымъ челомъ и грозно сдвинутыми бровями Скопинъ принялъ грамату изъ рукъ старшаго посланца и быстро пробѣжалъ

ее глазами. Это было письмо Прокопія Ляпунова, рязанскаго начальника. Въ посланіи своемъ Ляпуновъ обращался къ Михаилу, называя его Государемъ всея Руси и умолялъ занять его престолъ Московскій, какъ достойнѣйшему изъ царей.

Чѣмъ дальше читалъ Ляпуновскую грамоту князь, тѣмъ лицо его становилось мрачнѣе и мрачнѣе. Наконецъ онъ кончилъ. Нервнымъ движеніемъ руки смялъ посланіе и, бросивъ его на землю, растопталъ ногами.

— Вотъ,—прозвучалъ грозными звуками его громовый голосъ—передайте вашему начальнику, что сталось съ грамотою, то будетъ и съ каждымъ, кто осмѣлится еще разъ заговорить со мною о коронѣ... Я вѣрный слуга царскій, я далъ присягу истинному царю Василію. и положу мою жизнь за него и за Россію! И разгнѣванный, не глядя на посольство, князь прошелъ въ хоромы въ сопровожденіи бояръ и шведскихъ вождей.

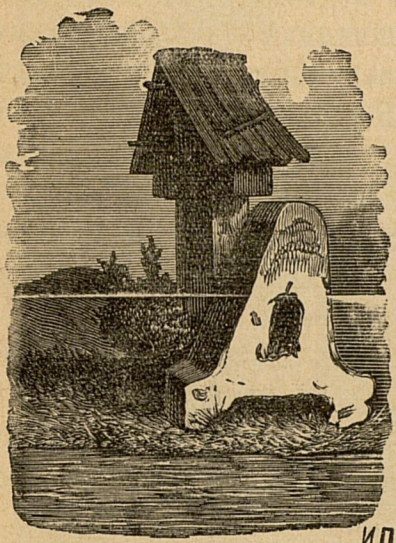
Въ ту ночь долго метался на своемъ походномъ одрѣ Михаилъ. Сонъ, не повинуясь ему, бѣжалъ отъ его глазъ; голосъ сердца шепталъ ему настойчиво и громко:

— Слава... почести... даже корона... Любовь народа и войска... Золотая звѣзда моей судьбы счастливой и избранной!... Имя и прославленная честь спасителя Руси, всего Московскаго государства... Такъ почему же сердце мое сжимается болѣзненно и горько... И душа трепещетъ въ невѣдѣніи объ участи Сани, желанной моей! Больше года разстались мы и нѣтъ о ней вѣсти ни единой. Ужели съ умысломъ не упоминаетъ о ней царь Шуйскій..? И почему сама не шлетъ гонца по освобожденной нынѣ отъ воровъ дорогѣ?.. Ужели же снова стряслась бѣда страшная, неминучая! Саня, любимая, желанная! Гдѣ ты? Што-ты? И сильный мужественный герой и спаситель отчизны, теперь въ эту благовонную весеннюю ночь казался одинокимъ, измученнымъ, душевно слабымъ юношей-ребенкомъ. Ничьи глаза не видѣли страданій князя... Ничьи уши не слы-

шалп печальнаго стона, сорвавшагося съ любимымъ именемъ съ его устъ. Только ночь благовонная подстерегла его душевныя муки, да слабый, трепетный мѣсяцъ заглядывалъ въ окно опочивальни, своимъ нѣжнымъ свѣтомъ и ласкалъ его...

ГЛАВА XVIII.

Въ гнѣздѣ „черныхъ врановъ“. Когти смерти.



ОКОЛѢ свирѣпствовать противъ насъ симъ кровожаднымъ вранамъ (воронамъ), гнѣздящимся въ ихъ каменномъ гробѣ?*)». Такъ писалъ въ своихъ грамотахъ Тушинскому царьку знаменитый Янъ Сапѣга, осаждавшій безъ пользы Троице-Сергіевскую лавру съ братьями Тышкевичами, Зборовскимъ, Лисовскимъ и другими польскими панами. Съ ними были и русскіе измѣнники, преимущественно казаки съ ихъ разбойничьими атаманами Заруцкимъ и другими. Не однѣ только сокровища лавры привлекали алчность непріятеля. Она способствовала удобному сообщенію Москвы съ сѣверомъ и востокомъ Россіи, откуда спѣшили на помощь столицы отряды, посланные изъ вѣрныхъ Шуйскому городовъ. Но, взявъ Лавру, враги закрыли бы путь отрядамъ этимъ. Но Лавру было взять труднѣе, нежели предполагалъ Янъ Сапѣга. Она была окружена высокою стѣною въ четыре сажени на протяженіи 642 сажень

*) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ VIII.

въ окружности. На толстыхъ стѣнахъ ея были сдѣланы башни съ бойницами, откуда глядѣли жерла орудій.

Находящіеся въ Лаврѣ стрѣльцы и дѣти боярскіе еще до этого смутнаго времени, при прежнихъ царяхъ, помѣщенные въ ней для охраны сокровищъ обительскихъ, дѣятельно приготовились къ защитѣ. Князь Долгорукій и дворянинъ Голохвостовъ поклялись передъ гробомъ Св. Сергія отстоять лавру—«сидѣть въ ней безъ измѣны» *). Всѣ иноки, способные носить оружіе, устремились подъ ихъ знамена.

Не многочисленны были защитники Лавры... Что значило двѣ тысячи воиновъ въ сравненіи съ тридцати тысячнымъ Сапѣгинскимъ отрядомъ? Но защитники Лавры были преисполнены мужества и увѣренности въ ихъ правое дѣло и грудью готовы были постоять за Троицкую Святыню.—Св. Преподобный Сергій поможетъ намъ!—говорили они, храбро устремляясь на обительскія стѣны, куда были направлены пушки, и туры непріятелей.

Но Сапѣга далъ себѣ слово взять Лавру, чего бы это не стоило и дѣятельно приступилъ къ трудному дѣлу.

Не за долго до появленія врага подъ стѣнами обители сюда устремилось много окрестнаго люда, искавшаго защиты въ обители.

Іеромонахъ Іосафъ охотно принималъ всѣхъ во имя преподобнаго Сергія. Прежде чѣмъ приступить къ штурму, Сапѣга прислалъ царскимъ воеводамъ грамоту, въ льстивыхъ выраженіяхъ склоняя въ ней измѣнить Шуйскому и предаться вмѣстѣ съ обителью на сторону Тушинскаго царя. За это онъ обѣщалъ великія милости отъ послѣдняго. Защитники Лавры съ негодованіемъ отвергли это гнусное предложеніе.

30-го Сентября былъ первый приступъ къ Лаврѣ. Шесть недѣль стрѣляли безостановочно Сапѣгинскіе пушкари изъ шестидесяти трехъ орудій разомъ по стѣнамъ святой обители. Но самъ преподобный Сергій хранилъ своихъ ино-

*) Соловьевъ. Томъ III.

ковъ. Стѣны держались, снаряды падали въ пруды и пустыри, не причиняя вреда осажденнымъ. Тогда 12-го Октября непріятель пошелъ на приступъ, съ лѣстницами, щитами, таранами подъ звуки музыки и побѣдные клики

Осада Троицко-Сергіевской лавры поляками 1608 года.

своихъ войскъ. Но иноки-воины храбро отразили этотъ первый штурмъ врага. Слѣдомъ за этимъ они сдѣлали нѣсколько удачныхъ вылазокъ. Видя, что открытою силою ничего не подѣлать, Сапѣга приказалъ рыть подкопъ подъ

Лавру... Святой обители грозило такимъ образомъ неминуемо взлетѣть на воздухъ.

Осажденные знали про страшный замыселъ врага, но имъ было невѣдомо мѣсто подкопа. Стали рыть подземные ходы «слухи», чтобы въ нихъ слушать, гдѣ ведется вражеская работа подъ землей. Въ то же тяжелое время нѣсколько ядеръ упало въ Лавру, причинивъ ей вредъ. Былъ разбитъ соборный колоколъ и повреждены иконы. Ужасъ сковалъ сердца иноковъ. Наконецъ, одинъ раскаявшійся передъ смертью мятежникъ, захваченный въ плѣнъ, открылъ мѣсто подкопа и, сдѣлавъ вылазку, иноки взорвали его. Кромѣ того, имъ удалось испортить въ свою очередь огромнѣйшую непріятельскую пушку Трещуру. Ободренные этими двумя счастливыми случаями, они взяли благословеніе у архимандрита и, выйдя изъ обители, напали на поляковъ, занимавшихъ сосѣднюю Красную гору. Послѣ страшнаго кровопролитія иноки одолѣли враговъ: 1500 вражескихъ тѣлъ полегло вокругъ обители. Защитниковъ же Лавры погибло сто семьдесятъ человѣкъ.

Наступила зима и съ зимними холодами прекратились штурмы и бои. Но Сапѣга стерегъ Лавру, не пропуская въ нее ни припасовъ, ни топлива.

Недостатокъ съѣстного, хорошей воды (непріятель отвелъ чистую воду отъ обители), духота въ помѣщеніяхъ, заполненныхъ сверхъ мѣры, и сырая студеная, безъ топлива зима породила болѣзни. Люди въ Лаврѣ заживо гнили, распухая отъ голода и цынги. Хоронили до двадцати человѣкъ ежедневно.

Живые были не лучше мертвецовъ и бродили исхудалые и ослабѣвшіе какъ тѣни. Многіе, не желая погибать отъ голода и болѣзней, шли на стѣны умирать подъ пищалями враговъ. Стонъ и вопль стояли въ обители. Число ея защитниковъ значительно убавилось на радость Сапѣги. Въ это время Келарь Лавры Авраамій Палицынъ, будучи въ Москвѣ, уговаривалъ царя послать подкрѣпленіе къ Лаврѣ. Но самъ, осажденный въ столицѣ, Василій могъ только отпра-

вить туда крошечный отрядъ изъ 60 казаковъ съ ихъ атаманомъ Останковымъ и тѣ, съ великимъ трудомъ, потерявъ четырехъ человѣкъ по пути, пробрались въ осажденную обитель.

Болѣзнь здѣсь, между тѣмъ, все свирѣпствовала. Иноки падали духомъ. Защитники Лавры гибли десятками ежедневно. Авраамій Палицынъ слалъ утѣшительныя грамоты изъ Москвы.

Наступила весна. Сапѣга зналъ, что въ Лаврѣ осталось весьма малое количество защитниковъ ъи рѣшилъ пойти на отчаянный и послѣдній приступъ.

. . . . . .

. . . . . .

Заунывно и печально звучали колокола монастырскіе. Только что отзвонили къ достойной. Архимандритъ Іосафъ, самолично служившій въ соборѣ, обратился съ прочувственной рѣчью къ молящимся. Онъ говорилъ, что Сапѣга, какъ видно, готовится къ новому приступу. Недаромъ шумитъ нынче съ зарею непріятельскій станъ. Недаромъ всю ночь пѣли пѣсни и веселились во вражескомъ лагерѣ.

— Тяжелое и можетъ послѣднее испытаніе готовитъ намъ Господь, православные!—звучитъ старческій голосъ архипастыря, обращенный къ вѣрующимъ,—соберите же послѣднія силы, братіи, и возстаньте еще разъ на защиту священной раки Преподобнаго Сергія... Немного насъ осталось въ живыхъ... Но Господь Милосердный не отвернется отъ насъ,—не допуститъ гибели своихъ вѣрныхъ защитниковъ! Мужайтесь, братіи, съ нами Богъ!—И еще много говорилъ архипастырь, обводя взоромъ усталыя, измученныя болѣзнью и бранными тревогами лица бойцовъ.

Не много ихъ осталось въ живыхъ. Всего двѣ, три сотни осталось. Но мужественно и непоколебимо выглядѣли они. Съ твердою вѣрою взирали на ликъ Преподобнаго Сергія, изображенный на иконостасѣ, и мысленно давали обѣтъ стойко выстоять за Троицкую святыню.

Вотъ кончилась обѣдня... Молящіеся разошлись по кельямъ. Только стража осталась на стѣнѣ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ непріятельскомъ лагерѣ.

Въ тѣсной, убогой келейкѣ, расположенной неподалеко отъ монастырской стѣны, сидитъ Саня. Печально пригорюнившись, смотритъ она въ крошечное оконце кельи. Думы, какъ рой докучныхъ мухъ, носятся въ ея головѣ. Не радостныя это думы... Правда, привезъ атаманъ Останковъ вѣсть изъ Москвы о славныхъ побѣдахъ ея ненагляднаго Миши. Разсказалъ ей, что вся Москва, вся Русь великая только и ждетъ его помощи. Что всюду, куда не вступитъ онъ—побѣда и слава вѣнчаютъ его путь... Что ляхи бѣгутъ отъ него, какъ отъ Божьяго гнѣва... Что близится часъ полнаго освобожденія родины отъ его могучей руки... И сладко замираетъ сердце Сани при одной мысли о томъ, что Русь обязана лишь ему, ея князю ненаглядному, ея дорогому любимому мужу своимъ скорымъ и полнымъ избавленіемъ.

А съ другой стороны, царящій здѣсь въ Лаврѣ ужасъ лишаетъ ее послѣдней надежды на спасеніе.

Весь годъ, проведенный въ «каменномъ гробѣ», какъ издѣваясь, называли Лавру поляки, навѣяли не мало горя на душу молодой женщины. Живя постоянно подъ грохотъ пушекъ и свистъ ядеръ и пуль, щедро разсылаемыхъ вражескими пищалями, Саня не надѣялась на хорошій исходъ... Вокругъ нея сотнями умирали люди отъ вражескихъ сабель и пуль, сотнями гибли другіе отъ цынги и голода... Стѣны Лавры дрожали, готовыя рушиться ежедневно... Скорая гибель казалась неминуемой молодой княгинѣ. Къ этому примѣшивался еще страхъ за участь мужа, все еще находившагося на бранныхъ поляхъ, и тоска по роднымъ, о которыхъ не могли проникнуть слухи въ осажденную обитель.

Печальная и понурая сидѣла она, не открывая глазъ отъ оконца, откуда былъ виденъ монастырскій дворъ. На

дворѣ шла суета и суматоха. Здѣсь стояли большіе котлы съ варомъ, кипящей водою и известью, приготовленные на гибель осаждающихъ враговъ. Предполагали лить горячую жидкость на головы штурмующимъ полякамъ и мятежникамъ. Блѣдные, какъ тѣни, сновали по двору воины и иноки, спѣшно изготовляясь къ предстоящему бою. Женщины, старики и дѣти складывали тутъ же камни на стѣнахъ обители. Саня знала для чего дѣлалось это: эти камни должны были во время штурма сбрасываться на головы непріятеля.

Вечерѣло. На небо набѣжали тучи, и свѣтлый майскій вечеръ вдругъ разомъ словно заволокся туманомъ; въ кельѣ стало сумрачно, какъ ночью. Саня невѣрной поступью—она давно уже чувствовала въ себѣ какую то изнемогающую слабость,—заправила жировой свѣтильникъ на столѣ. Голова молодой женщины, словно наполненная свинцомъ, болѣла и ныла. Исхудалая и блѣдная она мало напоминала теперь ту веселую, жизнерадостную, юную боярыню, какою была въ первые счастливые дни замужества.

Троекратный стукъ въ дверь заставилъ ее вздрогнуть.

— Войдите съ миромъ,—слабымъ голосомъ отозвалась Саня.

Вошелъ Свистуля. На немъ была кольчуга и шлемъ поверхъ кафтана, какъ и у всѣхъ защитниковъ Лавры. Вѣрный казакъ, попавъ со своею княгиней въ осажденную обитель, рьяно вступилъ въ ряды ея борцовъ. Огромный шрамъ на щекѣ, слѣдъ сабельнаго удара, наглядно свидѣтельствовалъ о его участіи въ бояхъ. Въ то-же время онъ не забывалъ своей боярыни и служилъ ей, чѣмъ могъ, въ свободное отъ боевъ и вылазокъ время. И сейчасъ передъ рѣшительнымъ боемъ онъ пришелъ къ ней. Пришелъ, перешагнулъ порогъ кельи и отступилъ въ ужасѣ назадъ.

— Што съ тобою, матушка-княгиня? Краше въ гробъ кладутъ! Аль не можется?—воскликнулъ онъ взволнованно, вперяя въ лицо Сани озабоченный взглядъ.

— Не можется, Свистуля... Чуетъ сердце, не увижу моего сокола,—прошептала, поникнувъ головою, ослабѣвшая Саня.

— И-и, матушка-боярыня, Господь съ тобою! Увидаешь князя—скоро увидаешь! Вонъ говорилъ гонецъ изъ Москвы, что близятся нѣмцы и наши. Подкрѣпись, княгинюшка. А я къ тебѣ съ великой просьбой пришелъ. Слыхала, я чаю, вѣдаешь, што въ ночь дѣло страшное будетъ?.. На стѣны не токмо мы,—ратники обительскіе, а и женщины и дѣти къ ночи пойдутъ. Понесутъ ковши и ведра со смолою и известью кипучей. Каменья потащутъ къ бойницамъ. Жаркое дѣло будетъ. Большое... Такъ, все можетъ статься, матушка, княгиня! Убьютъ, можетъ статься, и меня... Такъ передай моей Федосьѣ, что любилъ я ее больше жизни своей, а пуще всего за то, што изъ-за нее свернулъ я снова на правильный путь и вернулся на честную службу моего государя. Все это передай ей отъ меня Фенѣ моей, княгиня-матушка... А еще прошу—благослови ты меня передъ смертнымъ боемъ,—тихо, совсѣмъ тихо заключилъ чернобровый казакъ.

Дрожащими руками, роняя невольныя слезы, сняла со своей груди золотой тѣльный крестъ Саня на золотомъ же гайтанѣ и, осѣнивъ имъ Свистулю, произнесла растроганнымъ голосомъ:

— Господь Богъ тебѣ оплотъ и защита, безстрашный воинъ! Какъ сестра благословляю тебя на опасный путь. Какъ сестра буду молиться за тебя, и въ случаѣ твоей гибели передамъ твой завѣтъ Фенѣ... А теперь идемъ.

— Куда? Куда, боярыня?—такъ и встрепенулся Свистуля.

— Туда же! Къ своимъ, на стѣны! Самъ же говоришь, что старцы и женщины пошли помогать ратникамъ Господнимъ. Пойду и я.

— Но ты немощна, княгиня! Гляди на тебѣ лица нѣтъ!—въ смятеніи уговаривалъ казакъ Саню.

— Господь поможетъ! Съ именемъ Божіимъ легокъ

покажется тѣлесный недугъ!—смѣло отвѣчала молодая женщина, и, рѣшительно сверкнувъ глазами, обратилась къ Свистулѣ.

— Веди же меня на стѣны. Чѣмъ могу — пособлю и я правому и святому дѣлу! И, опираясь на плечо казака, пошла за нимъ туда, гдѣ въ сгущенныхъ отъ ненастья майскихъ сумеркахъ не слышно копошились тѣни защитниковъ Лавры мужчинъ и женщинъ.

Еще потемнѣло. Тучи все еще обволакивали небо... Ночь наступала сумрачная, темная, словно и не Майская ночь. Защитники притаились, наведя пищали и пушки въ ея сумракѣ. Съ мѣдными котелками, ушатами и ведрами стояли женщины на стѣнахъ, готовыя къ отпору... Среди другихъ находилась и Саня по сосѣдству съ Свистулей. Храбрый казакъ, не опуская пищали, ждалъ приближенія враговъ... Ждала, ихъ и Саня, схвативъ огромный ковшъ съ кипящею смолою, готовая на все, забывъ свою немощь.

И вдругъ странный шорохъ привлекъ вниманіе защитниковъ Лавры...

Точно тысячи змѣй, шурша своими хвостами, ползли по ея стѣнамъ.

Это и были змѣи, но еще болѣе страшныя, чѣмъ тѣ, что живутъ въ лѣсахъ и болотахъ. Не слышно укрѣплялись у подножія стѣнъ монастырскихъ стѣнобитныя орудія, укрѣплялись щиты и тараны, налаживались лѣстницы... По этимъ лѣстницамъ, чуть слышно шурша, ползли ляхи, а съ ними и Тушинскіе измѣнники.

И вотъ грянулъ оглушительный выстрѣлъ на Красной горѣ. Въ ту минуту луна вышла изъ-за облаковъ и освѣтила искаженныя злобныя торжествомъ лица враговъ, достигшихъ уровня стѣны монастырской. Вопль отчаянія вырвался изъ груди ея защитниковъ. Женщины истерически закричали. Врагъ подкрался незамѣтно въ ночной тишинѣ и находился теперь лишь на аршинъ ниже стѣны обительской.

Не помня себя отъ ужаса, заметались на стѣнѣ люди. И вдругъ чей то смѣлый голосъ прорѣзалъ тишину:

— Во имя Св. Сергія, защищайтесь, до послѣдней капли крови, православные!

И, словно въ отвѣтъ, полетѣлъ внизъ со стѣны градъ камней, засвистѣвъ въ воздухѣ. Стонъ... вопли... и гулъ отъ паденія раненыхъ, ушибленныхъ и мертвыхъ тѣлъ, огласили тишину ночи. Кипучая смола, сѣра и варъ полились въ ту же минуту рѣкою со стѣнъ обители, на смерть обжигая и обваривая осаждающихъ. Сыпучая известь ослѣпила очи.. Новые вопли... новые стоны... А изъ Троицкаго собора, словно отвѣтомъ на нихъ, несется хоръ старцевъ-священнослужителей, во главѣ съ первосвященнымъ Іосафомъ, возсылающихъ хваленіе Святому Преподобному Сергію.

Снова зловѣщая тишина водворяется на минуту. Пользуясь ею, Саня спѣшитъ къ Свистулѣ.

— Ты живъ? Ты не раненъ? шепчетъ она въ страхѣ.

— Слава Господу, живъ и невредимъ, боярыня!—отвѣчалъ ей его бодрый спокойный голосъ. И въ мигъ новое неожиданное смятеніе на стѣнѣ привлекаетъ вниманіе обоихъ. У самаго мѣста, гдѣ стоятъ Свистуля и Саня, появляются польскіе гусары, смѣло взобравшіеся на стѣну по веревочнымъ лѣстницамъ и выступамъ камней. На голову храбрецовъ снова льется сѣра, смола и известь. Но они безстрашно лезутъ впередъ. Въ лицѣ передоваго офицера, руководящаго боемъ, Саня узнаетъ стараго знакомца польскаго ротмистра, задержавшаго ихъ у Тушинскаго села. Но теперь его благообразное лицо искажено ненавистью и злобой... Вотъ онъ схватился со Свистулей не на жизнь, а на смерть... Внезапная слабость мѣшаетъ Санѣ слѣдить за боемъ. Голова у нея кружится, вѣки слипаются сами собой. Словно непроглядная мгла окутываетъ ее. А вокругъ сыпятся камни и пули, пули и камни... Цѣлый градъ камней низвергается со стѣны. Цѣлый потокъ горячей лавы

лъется на головы смѣльчаковъ. Но валятся одни, — другіе замѣняютъ погибшихъ. Все лезутъ и лезутъ они безстрашно по камнямъ неприступной твердыни... Польскій офицеръ все еще бьется, схватившись въ рукопашную съ чернобровымъ казакомъ. На помощь къ нему кидаются его ляхи... Но иноки, словно стерегли этотъ страшный мигъ... Они въ свою очередь бросаются на помощь къ Свистулѣ. Ляхи и иноки схватываются на смерть... Мечи сверкаютъ зловѣще въ лучахъ мѣсяца, выглянувшаго изъ за тучъ. Сердце Сани замираетъ. Дрожь охватываетъ ее всю. Глаза ея лихорадочно приковываются къ Свистулѣ и его противнику. Вотъ поднимаетъ саблю полякъ... Еще минута, другая и голова Свистули отдѣлится отъ туловища... Но тутъ, не помня себя, Саня дѣлаетъ надъ собою страшное усиліе и котелъ съ клокочущей въ немъ смолою опрокидывается на гребень стѣны... Стоны и вопли, раздавшіеся среди осаждающихъ, привлекаютъ вниманіе противника Свистули. Онъ оборачивается, прислушиваясь, и въ ту же минуту летитъ внизъ со стѣны, перехваченный поперекъ спины сильными руками казака. Адскій воплъ несется среди Сапѣгинскихъ войскъ... Новые потоки горючей смолы и сѣры льются имъ на головы. Новый градъ камней катится со стѣны. Обительскіе иноки отвѣчаютъ на эти крики громкимъ восхваленіемъ Бога священными псалмами въ честь преподобнаго Сергія. Но Саня уже не слышитъ ни воплей, ни молитвъ... Она въ глубокомъ обморокѣ лежитъ на рукахъ вѣрнаго Свистули... Бережно относитъ свою боярыню-княгиню въ келью чернобровый казакъ и снова возвращается на стѣну занять свое мѣсто среди ея защитниковъ.

Бой приходитъ къ концу. Двѣсти иноковъ — воиновъ заставили отступить тысячныя войска Сапѣги. Но не удовольствовались этимъ... Безстрашно спускаются они со стѣны и нападаютъ на непріятельское войско. 30 пановъ взято ими въ плѣнъ, захвачено много стѣнобитныхъ орудій... Сапѣга и его войска съ несчетными потерями от-

ходятъ отъ стѣнъ Лавры. А оттуда, изъ-за этихъ стѣнъ, изъ собора монастырскаго уже несется благодарственный гимнъ Богу и Его святымъ, такъ чудесно спасшимъ обитель отъ новаго штурма.

Однако, это была не послѣдняя битва поляковъ съ иноками. Снова, давъ передышку своимъ войскамъ, Сапѣга неоднократно повторялъ штурмы, но уже менѣе слабые и рѣшительные, нежели послѣдній... И снова отражали ихъ безстрашные иноки. Но тѣмъ не менѣе Лавра должна была погибнуть рано или поздно. Сапѣга рѣшилъ уже дать послѣднюю кровавую битву осажденнымъ на стѣнахъ обители, какъ неожиданное приближеніе Скопинскаго войска разомъ разрушило всѣ его планы.

На помощь къ осажденнымъ спѣшили союзники подъ начальствомъ безстрашнаго воеводы князя Михаила, одно имя котораго наводило трепетъ и страхъ на враговъ.

Передовой его отрядъ, подъ начальствомъ Валуева и Жеребцова, напалъ на станъ Сапѣги и, поразивъ его въ битвѣ, вернулся къ князю съ толпою плѣнниковъ.

Все войско князя Скопина ревностно ждало послѣдней и рѣшительной сѣчи съ поляками, Но ему не пришлось сразиться съ Сапѣгой. Узнавъ о спѣшномъ приближеніи «страшнаго» воеводы, Сапѣга снялъ свой таборъ и поспѣшилъ отступить къ Дмитрову. Но и здѣсь былъ разбитъ русскими войсками.

Иноки и воины не вѣрили своимъ глазамъ, видя какъ спѣшно снимался Сапѣгинскій таборъ, какъ удалялись поляки и мятежники отъ ихъ святой обители. Остававшіеся въ живыхъ двѣсти ея защитниковъ поспѣшили въ храмъ вознести благодарственное молебствіе. Воины и иноки горячо молились Богу, славя Его за свое чудесное спасеніе.

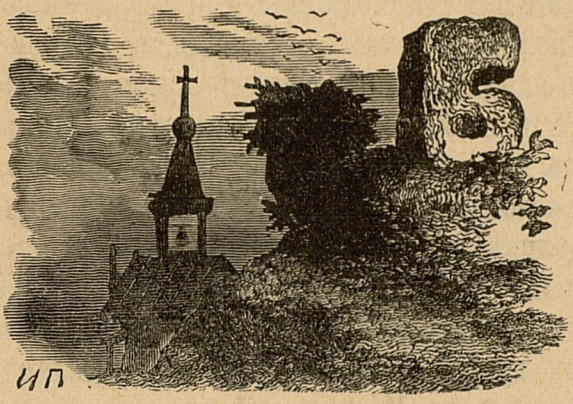
Еще черезъ нѣкоторое время спустя радостная вѣсть пронеслась по обители. Ея избавитель, мужественный и славный воевода князь Скопинъ подходилъ къ Лаврѣ.

Широко раскрылись ворота священной обители и съ

развѣвающимися знаменами, при торжествующихъ кликахъ ратниковъ-иноковъ въѣзжалъ въ освобожденную лавру спаситель ея и всея Россіи князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

ГЛАВА XVI.

Сонъ или дѣйствительность. Тріумфальная встрѣча. Черная зависть.



БУДИ здравъ, княже Михаиле! Буде тебѣ защита и оплотъ Святой преподобный Сергій! Многи лѣта тебѣ, спасителю Руси многострадальной!

Несутся ликующіе крики иноковъ и воиновъ далеко за стѣны монастыря.

Не много ихъ осталось. Вокругъ воеводинаго коня тѣснятся немногія изможденныя, вымученныя осадой и лишеніями лица. За шестнадцать долгихъ мѣсяцевъ штурмовъ и боевъ лишь двѣсти защитниковъ Лавры остались въ живыхъ. Остальные тысяча восемьсотъ частью погибли въ неравномъ бою, частью умерли отъ болѣзней и истощенія за стѣнами обители.

Но эти оставшіеся въ живыхъ такъ и сіяютъ улыбками, такъ и блестятъ очами, глубоко запавшими въ орбиты, и слабыми голосами славятъ своего спасителя. Самъ преосвященный Іосафъ вышелъ къ воротамъ Лавры въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ. Монастырскій служка несетъ возлѣ него кропильницу со святой водою. Князь Михаилъ сходитъ

съ коня, спѣшитъ на встрѣчу преосвященному, и преклоняетъ колѣна передъ животворящимъ Крестомъ Господнимъ.

Величавый старецъ протягиваетъ его къ устамъ князя. А слезы градомъ текутъ изъ его очей...

— Не я... не я...—шепчутъ губы монаха,—святые угодники Божіи благословятъ тебя за твои подвиги, стратегъ Господень,—и простираетъ надъ нимъ свои старческія трепещущія отъ волненія руки.

Сладко замираетъ душа князя. Вокругъ него тѣснятся исполненныя глубокой къ нему благодарности и любви лица. Слезы умиленія текутъ по нимъ. А сквозь открытыя двери Троице-Сергіевскаго собора глядятъ на него другіе лики, обычно суровые и строгіе, а теперь милостивые и кроткіе, лики святыхъ угодниковъ съ иконостаса храма. Князь вѣритъ, это они помогли ему освободить Русь отъ враговъ, очистить путь къ Москвѣ, вызволить царя и Москву престольную изъ ея долговременной осады! Вся Русь благословляетъ его за это, вся Русь молится за него, какъ одинъ человѣкъ. Самъ царь пишетъ ему какъ другу, называя его избавителемъ своимъ и, торопя его ѣхать въ Москву, гдѣ его ждетъ другая, еще болѣе торжественная, еще болѣе пышная встрѣча...

Съ благоговѣніемъ входитъ въ священный храмъ Михаилъ, чтобы отслужить благодарственный молебенъ, совершаемый самимъ преосвященнымъ Іосафомъ. Какъ дивно звучатъ дрожащіе отъ радостнаго волненія голоса пѣвчихъ. Какимъ счастьемъ сіяютъ лица молящихся вокругъ него!

Само лицо преподобнаго Сергія улыбается ему съ иконостаса. А кругомъ свѣтло и привѣтно. Весеннее солнце льетъ цѣлое море лучей на золотыя ризы образовъ, на изможденныя, но оживленныя лица защитниковъ обители, на крѣпкія, кое-гдѣ лишь поврежденныя непріятельскими снарядами, стѣны Лавры...

— Многія лѣта благовѣрному государю нашему Василію Ивановичу и супругѣ его благовѣрной государынѣ

Маріи Петровнѣ и князю Михаилу Васильевичу!—произносятъ уста Іосафа и взоры всѣхъ обращаются на него—Михаила.

Какой великой чести дождался онъ! Его имя произносятъ наравнѣ съ царствующими лицами... Его приноравливаютъ къ нимъ!

Но вотъ окончилось молебствіе. Народъ, тѣснясь, выходитъ изъ храма, спѣша на паперть, чтобы еще разъ взглянуть на того, кого считаетъ своимъ спасителемъ.

Князь Михаилъ выходитъ тоже. Солнце заливаетъ его своими горячими лучами, точно желая этою своею ласкою отличить побѣдителя.

А вокругъ него толпятся снова восторженно-счастливые люди.

Женщины поднимаютъ на руки дѣтей, чтобы тѣ могли видѣть въ свою очередь ихъ избавителя.

— Многія лѣта князю Михаилу!..—несется далеко, далеко за стѣны монастыря.

И вдругъ всѣ замолкаютъ въ недоумѣніи. Молчаніе воцарилось въ толпѣ... Передъ княземъ очутился человѣкъ въ казачьемъ кафтанѣ съ бараньей шапкой на головѣ.

— Княже! Княже! спѣши за мною!—лепечетъ онъ, хватая за руку молодого воеводу.

— Свистуля! Ты? Здѣсь?.. Гдѣ жена?.. Что съ нею?..—вырывается быстро изъ самаго сердца Михаила.

— Тутъ она, княже! Не бойся! Тутъ! слышится отвѣтный трепетный голосъ казака.

— Тутъ! Словно тяжелый молотъ ударилъ въ голову Михаила и отдался въ сердцѣ... И бурное ликованіе наполнило его до краевъ...

— Здѣсь боярыня?.. Княгиня моя здѣсь? Што говоришь ты! Не томи меня, друже? Гдѣ она? Гдѣ?—забрасываетъ онъ вопросами Свистулю.

— Поспѣшимъ, княже... говорю здѣсь она, твоя княгинюшка... Только немощна она... Да ты не пужайся... По-

легчало ей! торопился отвѣчать на всѣ вопросы князя вѣрный казакъ. И увидя, какъ поблѣднѣло лицо Михаила, поспѣшилъ еще разъ добавить:

— Говорю полегчало княгинюшкѣ, не убивайся, княже! И повелъ воеводу по длиннымъ обительскимъ переходамъ, наскоро сообщая ему по пути, какъ очутилась здѣсь въ обители княгиня, какъ занемогла ненарокомъ.

Вотъ и знакомая маленькая дверца. Вотъ и келья, куда помѣстили иноки больную Саню и гдѣ день и ночь ухаживалъ за нею, какъ вѣрный песъ, Свистуля. Вотъ широко распахнулъ дверь казакъ.

— Ты, Свистуля? послышался слабый голосокъ изъ глубины кельи. И больная приподнялась на локтѣ, желая разсмотрѣть, кто вошелъ въ свѣтличку. Но крошечное слюдовое оконце не пропускало достаточно свѣта и Саня успѣла лишь увидѣть, что вошли къ ней двое людей.

— Ты, казаче? снова прозвенѣлъ ея слабый голосокъ и блѣдное личико повернулось къ вошедшимъ.

— Я, княгиня, я, матушка,—поспѣшилъ отвѣтить Свистуля,—гостя я къ тебѣ привелъ... Изъ княжьяго отряда гость тотъ... Извѣдать отъ него все про князя своего можешь.

— Изъ княжьяго отряда!—такъ и всколыхнулась больная, — и блѣдное лицо ея разомъ загорѣлось румянцемъ. Говори-же, говори, гость дорогой, што мой князь,—супругъ? когда сюда въ обитель будетъ? И вся тоненькая, похудѣвшая, въ своей черной иноческой рясѣ, которую она носила здѣсь въ обители, Саня силилась подняться на встрѣчу невѣдомому пришельцу.

Но тотъ молчалъ. — Онъ не слышно стоялъ у порога и только горѣвшіе, какъ уголья, глаза его впивались съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ въ больную.

— Што же молчитъ онъ, Свистуля, нашъ гость дорогой, не знаю, какъ величать его по имени-отчеству,—волновалась все сильнѣе и сильнѣе Саня, съ трудомъ усаживаясь на лавкѣ.

Тихо, неслышно приблизилась къ ней богатырская фигура. Скудное освѣщеніе кельи мѣшаетъ ей разсмотрѣть того, кто передъ ней.

— Давно князя видалъ?—дрожащими звуками срывается съ устъ Сани и она пристально всматривается въ лицо пришельца.

И онъ смотритъ, смотритъ на нее, не отрываясь. Проходитъ минута длительная, какъ вѣчность. И вдругъ, словно охваченная непреодолимой силой, Саня поднимается съ лавки, дѣлаетъ шагъ... другой. Глаза ея теперь неотлучно прикованы къ лику вошедшаго. Тихій, чуть слышный шопотъ срывается съ устъ того:

— Санюшка! Жена моя ненаглядная!

— Миша! изъ самыхъ нѣдръ души вырывается у нея мучительно радостнымъ, не поддающимся описанію звукомъ.

— Миша!— И она, какъ подкошенная, падаетъ въ объятія мужа.

. . . . . .

. . . . . .

— Вотъ тебѣ лѣтникъ, вотъ кика, вотъ опашень! Да подвѣсы то дай прицѣпить! Ишь ты, словно козочка рѣзвая! А еще княгиня! Еще перваго послѣ царя человѣка супружница, а словно дѣвочка прыткая. Кику-то, кику не забудь. Чего добраго людей насмѣшишь, выйдя простоволосая на встрѣчу муженьку!

Такъ ворчала старая Домна Степановна, снаряжая свою ненаглядную княгинюшку на встрѣчу ея супругу.

Не могла не ворчать старая няня. По привычкѣ ворчала на свою любимицу, суетясь и возясь вокругъ нея съ неизмѣнной Феней, своей помощницей.

Старая няня ошибалась однако. Далеко не рѣзва была теперь ея Санюшка. Несмотря на природную живость и подвижность, много измѣнилась за послѣдніе годы молодая ея боярыня. Ея юное личико стало сосредоточеннѣе и

серьезнѣе. Въ прекрасныхъ лучистыхъ глазахъ притаилась ни то грусть, ни то тревога. Пережитыя горести и печали не могли не оставить на немъ слѣда. Только такая сосредоточенная и задумчивая Саня стала еще краше, еще пригожѣе. Недѣлю тому назадъ, быстро оправившуюся отъ болѣзни привезъ ее Свистуля въ Москву по желанію князя и передалъ ее съ рукъ на руки обезумѣвшимъ отъ счастья роднымъ, не чаявшимъ уже болѣе увидѣть ихъ ненаглядную Санюшку. Княгиня Елена Петровна не менѣе родителей Сани была счастлива, снова увидя здравой и невредимой свою любимицу. А объ отцѣ, матери и братѣ Семенѣ и говорить нечего.

Всѣ считали погибшей Саню и только усиленно скрывали это отъ князя Михаила, чтобы не привести его въ отчаяніе печальной вѣстью и тѣмъ помѣшать великому дѣлу, возложенному на него царемъ и Россіей. Теперь же радость и ликованіе наполнили Скопинскія и Головинскія хоромы. Саня словно воскресла изъ мертвыхъ, Саня ожила, Саня снова съ ними, въ кругу ея родныхъ и близкихъ. И дѣятельно стала она готовиться къ встрѣчѣ ея мужа за одно со всею Москвою.

Онъ долженъ былъ, по желанію царя, въѣхать со всѣми своими войсками торжественнымъ «въѣздомъ», какимъ въѣзжали римскіе тріумфаторы, возвращавшіеся домой послѣ одержанныхъ побѣдъ.

И вотъ давно ожидаемый всѣми радостный день этотъ наступилъ.

Саню наряжаютъ въ ея лучшій нарядъ. —Бѣлый глазетовый лѣтникъ съ наручниками и ожерельемъ, богато расшитыми жемчугомъ, красиво облегаетъ ея стройный нѣжный станъ.

Голубой опашень, отороченный по бортамъ золотымъ шитьемъ, съ большими запонами изъ камней самоцвѣтныхъ, накинутъ на плечи. Нарядная кика, алая какъ кровь, скрываетъ золотыя косы молодой княгини. На ней такъ и пе-

реливаются, играя, зеленые, желтые, красные каменья... Это топазы, изумруды, рубины... А между ними разноцвѣтными огнями горятъ алмазы крупной величины, словно яркія солнца среди мерцающихъ звѣздъ—другихъ каменьевъ. Дорогія алмазныя же подвѣски чистѣйшей воды отягощаютъ маленькія розовыя ушки Сани. Бѣлая, какъ пѣна морская, кисейная фата, волною струится вдоль спины отъ кики до самыхъ пятъ—до ногъ боярыни, до малиновыхъ сафьяновыхъ ея сапожекъ.

Въ этомъ тяжеломъ нарядѣ Саня кажется выше, значительнѣе, стройнѣе.

Гдѣ то ужъ разъ видала она себя въ этомъ нарядѣ, но гдѣ не помнитъ. И серебряное блюдо съ хлѣбомъ солью и бѣлымъ красиво вышитомъ шелками ручникомъ, что подаетъ ей съ улыбкой свекровь, гдѣ то уже видѣла она когда то...

И вдругъ вспомнила... Вся вспыхнула, какъ маковъ цвѣтъ, румянцемъ молодая княгиня.

— Няня! Нянюшка!—зашептала она на ухо старой Степановнѣ—помнишь у Назарьихи то мы гадали?..—Въ наговорную воду глядѣли. Такъ точь такая же тамъ была я, въ водѣ то наговорной?.. Вѣрно... Какъ есть.., И съ хлѣбомъ солью также встрѣчала моего князя.

Хотѣла отвѣтить Степановна своей ненаглядной боярынѣ и не успѣла.

Какъ разъ въ эту минуту ударилъ тяжелый колоколъ на колокольнѣ Ивана Великаго. Ему отозвался другой, третій и черезъ минуту другую вся Москва наполнилась звуками колоколовъ торжественными и радостными, какъ въ свѣтлый праздникъ.

Къ нимъ присоединилось церковное пѣніе великаго патріаршаго клира.—Тебе Бога хвалимъ! выводили пѣвчіе, выходя на церковную паперть Архангельскаго и Успенскаго соборовъ.

Подъ звуки этого пѣнія, подъ несмолкаемый гулъ ко-

локоловъ въѣзжалъ въ столицу князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Побѣдные торжествующіе клики народа привѣтствовали своего спасителя на всемъ пути. Царь велѣлъ чиновнымъ людямъ и всѣмъ боярамъ думнымъ, всѣмъ важнымъ сановникамъ Москвы, встрѣтить побѣдителя у одной изъ московскихъ заставъ, но народъ предупредилъ намѣреніе царя.

Несмѣтною толпою высыпалъ онъ къ Деревянному городу по Троицкой дорогѣ и тамъ, встрѣтивъ князя съ хлѣбомъ солью, проводилъ его подъ неумолкаемые клики восторга въ Москву...

Здѣсь новыя толпы шумными привѣтствіями встрѣтили князя.

Еще за долго до приближенія его отряда, народъ увидѣлъ бѣлаго коня и статнаго всадника на немъ, въ легкомъ шишакѣ и кольчугѣ. О бокъ съ нимъ ѣхалъ другой всадникъ на гнѣдой шведской лошади, бѣлокурый, не русскаго типа воинъ.

Оба вождя, Скопинъ и Делагарди, медленно подвигались, стѣсненные огромными толпами народа, желавшаго заглянуть въ лицо своему избавителю.

Солнце исполинскимъ алмазомъ горѣло на весеннемъ бирюзовомъ небѣ и, озаренные его сіяніемъ, въѣзжали оба воеводы, русскій и шведскій, въ сердце Россіи, въ престольную столицу ея Москву. Народъ падалъ на колѣни и, рыдая отъ счастья, взывалъ:

— Будь здравъ на многія лѣта, князь Михаилъ!

Тутъ же, въ толпѣ, наравнѣ съ его именемъ, но робко и нерѣшительно произносилось имя царя. Но хвала Шуйскому заглушалась торжествующими криками въ честь его племянника.

Одеждами устилался путь князя Михаила. По этимъ одеждамъ ступалъ его бѣлый конь, раздѣлявшій въ эти минуты славу своего всадника.

Солнце сіяло. Колокола звонили. Клиры сладкогласно звучали въ торжественномъ хорѣ. Народъ неистовствовалъ.

Делагарди склонился къ Скопину и шепнулъ:

— Любой царь позавидовалъ-бы подобной встрѣчѣ. Но не царь завидовалъ Скопину, а нѣкто другой, самый страшный, самый опасный врагъ Михаила.

Окруженный немногими своими друзьями, стоялъ въ толпѣ его дядя, князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Торжествующіе крики и шумное праздничное настроеніе болѣзненно отзывалось въ черной завистливой душѣ этого злонравнаго человѣка. Его жестокое сердце шептало: — Вотъ идетъ твой соперникъ. Послѣ бездѣтнаго Василія ты, какъ старшій его братъ, долженъ былъ-бы наслѣдовать престолъ Россійскій, но этотъ юноша любимецъ народа и счастливый побѣдитель враговъ отчизны отниметъ у тебя царскую власть. Спасай же ее, пока не поздно! Спѣши къ царю. Предупреди его, что этотъ юноша опасенъ для него самаго. Докажи ему честолюбивыя мечты Михаила, увѣрь подозрительнаго царя, что гибель ждетъ его, если онъ не избавится отъ столь опаснаго соперника! Вѣдь ты сумѣешь, долженъ сумѣть сдѣлать это!

Да, долженъ сумѣть! почти вслухъ произнесъ Дмитрій Шуйскій и поспѣшилъ во дворецъ предупредить царя и вооружить его противъ своего счастливаго соперника. А князь Михаилъ спѣшилъ туда же, не мало не подозрѣвая черныхъ мыслей своего дяди. Вотъ онъ, радостный и счастливый, ѣдетъ къ Кремлю. Его путь лежитъ мимо родного дома. Вотъ выглядываютъ изъ зелени садовъ его хоромы, окруженныя столѣтними ивами и тополями. Сердце князя замираетъ въ груди. Онъ придерживаетъ коня. Ѣдетъ шагомъ.

Его зоркіе глаза успѣли разсмотрѣть еще задолго до приближенія къ дому толпу людей, тѣснившуюся у воротъ. А впереди нея двухъ женщинъ: одну въ темномъ скромномъ вдовьемъ одѣяніи, другую въ голубомъ опашнѣ и малиновой кикѣ.

Быстро спѣшился князь и стремительной походкой приблизился къ матери.

Преклонилъ колѣна и почтительно коснулся губами ея руки:

— Матушка!—съ неизъяснимой почтительностью и любовью прошептали его уста.

— Сынокъ мой единый! Гордость моя! отвѣчала ему, зарыдавъ, княгиня, прижимая сыновью голову къ своей груди.

Но вотъ приближается къ князю другая женщина, юная, прекрасная, какъ сказочная королевна, и протягиваетъ ему хлѣбъ соль на серебряномъ блюдѣ.

Нѣжно обнимаетъ жену Михаилъ, беретъ блюдо у нее изъ рукъ и входитъ въ домъ, пригласивъ туда-же и своего друга Делагарди съ его генералами.

Наскоро проходитъ трапеза. Молодая княгиня самолично прислуживаетъ имъ у стола, подчуетъ дорогихъ гостей винами фряжскими, медомъ и брагою. Но имъ нельзя здѣсь оставаться долго. Царь ждетъ во дворцѣ съ нетерпѣніемъ племянника.

Оттрапезовали, вскочили на коней и помчались.

Вотъ и дворецъ. Самъ царь выходитъ на крыльцо. Съ нимъ молодая царица Марья и весь синклитъ бояръ. Въ рукахъ царя хлѣбъ-соль. По лицу текутъ слезы обильныя, сладкія.

Быстро соскочилъ съ коня Михаилъ и, приблизившись къ царю, поклонился ему въ землю.

Дрожащими руками поднялъ Василій племянника и, обнявъ его, произнесъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, обращаясь къ народу, толпившемуся вокругъ Краснаго Крыльца.

— Вотъ спаситель твой, народъ московскій! Самъ царь всея великій Руси бьетъ челомъ князю Михаилу Васильевичу!—И низко поклонился юному воеводѣ, коснувшись рукою земли.

Восторженные, неистовые крики народа были отвѣтомъ царю. на его короткую, знаменательную рѣчь.

ГЛАВА XX.

Лукавый врагъ. Прорицательница. Страшное слово. Шакалъ и волчица.

Грозенъ и сумраченъ сидѣлъ царь Василій Ивановичъ въ своей горницѣ. Противъ него весь блѣдный и сосредоточенный стоялъ братъ государевъ, Дмитрій Шуйскій. Царь поминутно пощипывалъ свою жидкую козью бородку, что случалось съ нимъ особенно часто въ тяжелыя минуты раздумья или гнѣва. Не радостныя вѣсти сообщалъ царю братъ Дмитрій. И не въ первый разъ онъ заикается царю про нихъ. Прошло много времени со дня торжественной встрѣчи князя Михаила Скопина, а народъ все еще не можетъ успокоиться отъ радости, увидя своего любимца, осаждаетъ толпами его домъ, ждетъ его на улицѣ. Славитъ громкими привѣтствіями при встрѣчахъ. Этими восторгами народа чудесно сумѣлъ воспользоваться лукавый Дмитрій Шуйскій. Нѣтъ дня, чтобы онъ не приходилъ къ царю и не клеветалъ ему на племянника...

Но царь, зная завистливый характеръ брата, не очень то придавалъ значенія его словамъ, до сегодня, по крайней мѣрѣ. Но сегодня... Сегодня сообщилъ Дмитрій Ивановичъ такія вѣсти брату, что волосъ сталъ дыбомъ на головѣ царя. Дознался князь Дмитрій про то, что предлагали рязанцы корону Михаилу. Про то, что народъ спитъ и видитъ, какъ бы ему свести съ престола Василія и возвести на его мѣсто юношу Скопина.

— Ну, што-же, государь? Ужели и теперь колеблешься?— насмѣшливо вопросилъ Дмитрій царя, опѣшавшаго и потерявшагося послѣ коварныхъ роскозней брата.

Василій поднялъ хмурыя очи на Дмитрія...

— Не вѣдаю, Митя, какъ помочь бѣдѣ!—произнесъ онъ глухимъ, печальнымъ голосомъ.

— Не вѣдаешь, какъ помочь бѣдѣ!.. А дѣло то проще простого выходитъ- недобро разсмѣялся Дмитрій...—Потомъ онъ быстро приблизилъ свое лицо къ лицу царя и прошепталъ чуть слышно ему на ухо: дѣло то просто, государь-братецъ! похерить надо со свѣта Мишеньку,вотъ и все!

Царь вздрогнулъ и отшатнулся отъ брата.

— Сатана ты или человѣкъ!—вскричалъ онъ, затрепетавъ отъ ужаса,—похерить!... Погубить спасителя отечества?! Человѣка, коему обязаны мы спасеніемъ престола и родины! Окснись Митя, не доброе задумалъ! Самъ дьяволъ смущаетъ твою душу! Спаситель вѣдь онъ нашъ, любимецъ народа! Избавитель Руси!

— Любимецъ народа! – злобно повторилъ Дмитрій,—а коли любимецъ народа этотъ очутится на престолѣ?.. Што тогда? Ты уже не молодъ и все едино тебѣ, какою жизнь кончать... Царемъ-ли, монахомъ-ли, а царицѣ твоей Марьѣ Петровнѣ, я чаю, не сладко будетъ хоронить красу свою въ кельѣ иноческой, а самъ знаешь, што ожидаетъ сверженныхъ царей и ихъ женъ? Петля либо келья! Чай, чуешь это? А што быть Михаилу на престолѣ, такъ это вѣрно... Не даромъ же распоряжается онъ поцарски... Корелы безъ вѣдома твоего отдалъ шведу... Посольство рязанцевъ принялъ, кое просило его въ цари, а здѣсь о томъ ни слова не сказалъ... Съ Прокофьемъ Ляпуновымъ, измѣнникомъ твоимъ, дружитъ... Народъ его болѣе тебя почитаетъ... Не сегодня, завтра, возведетъ въ цари, а тебя либо убьютъ, либо заточатъ по кельямъ съ твоей царицей...

Вздрогнулъ царь... Блѣднѣе плата сталъ бѣлаго...

— Не за себя, за Машу жутко... Молода она еще... Жизни не видала... Ей ли быть инокиней!—прошептали помимо воли его дрожащія губы. А Дмитрій уже подхватилъ этотъ трусливый шопотъ и, весь торжествуя, произнесъ:

— Коли мнѣ не вѣришь, попытай у вѣдуньи судьбу свою, государь. По твоему наказу, добыли мы бабку

вѣшую изъ земли Корельской. Ждетъ она съ утра предстать предъ твои свѣтлыя очи. Можетъ, она поможетъ тебѣ своимъ гаданьемъ, укажетъ какъ поступить... Позвать ее, што-ли?

— Позови къ ночи, какъ потемнѣетъ, Митя!—Будь другомъ, позови!—вдругъ разомъ оживился царь.

Какъ и всѣ далекіе наши предки онъ былъ большой охотникъ до всякаго рода гаданій и колдовства.

Дмитрій, торжествуя, поспѣшилъ удалиться, чувствуя заранѣе, что побѣда останется за нимъ.

. . . . . .

. . . . . .

Страшная, худая какъ смерть, столѣтняя старуха съ сѣдыми космами волосъ, разбросанными по плечамъ, въ грубой одеждѣ, опоясанной веревкой, вошла въ тотъ же вечеръ въ горницу царя.

Дмитрій Шуйскій ввелъ ее и наглухо заперъ двери царской опочивальни. Кромѣ нихъ троихъ здѣсь никого не было.

— Можешь мнѣ повѣдать мою судьбу, старуха?—обратился царь къ гадалкѣ трепетнымъ голосомъ. Та мотнула только своей сѣдой головою и произнесла глухо, чуть внятно:

— Прикажи растопить печурку, государь великій. По угольками увижу я, что ждетъ тебя.

Дмитрій Ивановичъ, не желая дѣлать слугъ свидѣтелями царскаго гаданья, самолично наложилъ дровецъ въ печку, зажегъ ихъ и когда полѣнницы достаточно обгорѣли и обуглились, раскрылъ дверцу печки и отошелъ назадъ. Колдунья заняла его мѣсто. Со странными прыжками и конвульсивными подергиваніями тѣла стала она медленно обходить печурку, что то таинственно бурча себѣ подъ носъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе и порывистѣе становились ея движенія. Вотъ уже закружилась она по горницѣ, точно обуреваемая злою силою, то шепча, то выкри-

кивая странныя непонятныя слова. Только сѣдыя космы ея развѣвались отъ быстроты движеній да черные глубоко запавшіе въ орбиты глаза горѣли страшнымъ зеленымъ огнемъ.

Наконецъ она дико выкрикнула: Царь—слушай!—и замертво упала на полъ у ногъ братьевъ Шуйскихъ.

Василій бросился къ печкѣ и приложилъ къ ней ухо.

Прошла минута... другая...

И вдругъ смертельная блѣдность разлилась по лицу царя. Глаза въ смертельномъ ужасѣ вскинулись на брата.

— Что ты слышалъ, государь? Что слышалъ?—такъ и бросился къ нему въ волненіи Дмитрій.

— Я слышалъ... я слышалъ клики народные... слышалъ ликованіе въ Кремлѣ... Народъ выбиралъ новаго царя... Народъ кричалъ о здравіи юнаго царя Михаила...—едва живой отъ волненія, чуть дыша, проговорилъ царь и снова пригнулся ухомъ къ печуркѣ.

— И все?—срывающимся шопотомъ произнесъ Дмитрій.

— Нѣтъ... и еще слышу—отвѣтствовалъ дрожащій съ головы до ногъ Василій,—слышу сейчасъ, какъ ворвались во дворецъ мои вороги... какъ приказываютъ они сложить мнѣ вѣнецъ царскій. И еще слышу... и еще... пѣніе монастырское... протяжное... заунывное... Постригаютъ въ иноки кого-то. Меня это... Меня... подъ клобукъ иноческій... Въ монахи меня... Митя! Митя!—И тяжело переводя духъ, царь въ изнеможеніи опустился на лавку.

Долгое молчаніе воцарилось въ палатѣ. Вѣдунья попрежнему лежала безъ движенія на полу горницы. Бурно вздымалась грудь царя. Но вотъ онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, поборолъ волненіе и блѣдный, какъ смерть, протянулъ руку брату.

— Митя...—разслышалъ тотъ его невнятный, чуть слышный лепетъ,—сама судьба, значитъ, противъ него, противъ Скопина... Михаила... Дѣлай, што знаешь... Только поаккуратнѣе, Митя. Я не перечу... Слабъ я. на дѣла эти... Не

могу самъ,—и закрылъ глаза, обезсиленный сразу своими страшными роковыми словами царь Василій.

Торжествующій вышелъ въ этотъ вечеръ Дмитрій Шуйскій отъ царя.

Дома дожидалась его княгиня Катерина.

— Ну што?—такъ и кинулась она на встрѣчу мужа.— Тотъ далъ ей молча знакъ слѣдовать за собою. Они прошли въ самую отдаленную горницу огромныхъ палатъ княжьихъ. Плотно закрывъ двери ея, Дмитрій Шуйскій близко подошелъ къ женѣ.

— Рѣшился, наконецъ, Василій,—произнесъ онъ шопотомъ,—перечить не станетъ въ гибели Михаила. Лишь бы поаккуратнѣе, почище. На тебя возлагаю все упованіе я, Катя, въ дѣлѣ семъ. Вы, бабы, похитрѣе насъ въ такихъ то дѣлахъ будете. Тебѣ и поручаю его. Захочешь быть царицей послѣ смерти братниной—живо и ловко оборудуешь дѣло. Слышь, пиръ будетъ крестный у Воротынскаго? Тебя князь Иванъ Михаиловичъ въ кумы звалъ, его въ кумовья. Что-же лучше? Отъ кумы чаша вина сладкаго можетъ и горькой прійтись. Поняла меня, я чаю, женушка?

— Поняла, муженекъ,—отвѣчала, чуть поблѣднѣвъ въ лицѣ, княгиня.

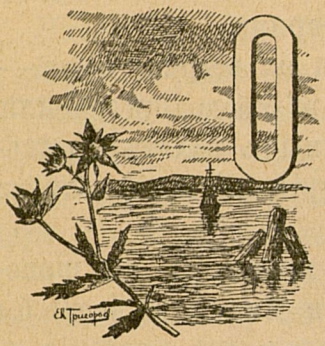
— Какъ не понять!—тихо и многозначительно разсмѣялся бояринъ,—не даромъ же ты дочка Скуратова-Бѣльскаго, умнѣйшаго изъ Ивановыхъ людей. Должна понять, коли хочешь быть царицей, Катеринушка!

— Хочу быть царицей!—отвѣчала княгиня и дьявольская улыбка разлилась по ея злому, некрасивому лицу.

Участь князя Михаила была рѣшена.

ГЛАВА XXI.

Недобрый сонъ. Отравленный кубокъ. Смерть.



КАКЪ весело и радостно сіяло солнце на голубомъ небѣ. Весело и радостно праздновала снова земля свой пышный весенній праздникъ... И въ огромныхъ палатахъ Скопиныхъ было не менѣе радостно, нежели въ природѣ...

Пришла свѣжая вѣсть изъ Калуги, что недавній Тушинскій царекъ наканунѣ своей гибели. Что Сигизмундъ польскій безуспѣшно ведетъ осаду Смоленска и что остатки Тушинскаго табора разсѣялись, разбились на множество мелкихъ незначительныхъ частей.

Въ этотъ счастливый радостный весенній день въ большой княжьей свѣтлицѣ слуги одѣвали своего молодого хозяина князя Михаила. Князь торопился... Сегодня у Ивана Михайловича Воротынскаго былъ пиръ, по случаю недавнихъ крестинъ его сына первенца—Алеши. Какъ крестный отецъ, князь Скопинъ не могъ не почтить празднество своимъ присутствіемъ. Въ нарядномъ аломъ кафтанѣ, въ широкихъ шелковыхъ шароварахъ, въ боярскомъ опашнѣ и въ высокой боярской шапкѣ, молодой князь поражалъ своей молодостью.

Ему едва минуло двадцать три года этой весною. Только глубокая морщинка, залегшая между глазъ, говорила о недавно пережитой имъ боевой страдѣ. Передъ княземъ сидѣлъ на лавкѣ думный бояринъ Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, недавно лишь вернувшійся изъ Рязани. Суровокрасивое лицо Ляпунова хмурилось поминутно. Глаза сердито поблескивали изъ подъ нависшихъ бровей. Въ полную противоположность ему, князь улыбался весело и безпечно,

какъ ребенокъ. Вотъ онъ отпустилъ слугъ и, подсѣвъ къ Ляпунову, дружески хлопнулъ его по плечу:

— Что, братъ Прокопъ, затуманился, а? Соскучился, што-ли по своей Рязани? О чемъ думки ведешь?—ласково вопросилъ онъ пріятеля.

— Да все о томъ же, княже!.. недовольнымъ голосомъ отвѣчалъ Ляпуновъ:—теряешь ты, Михаилъ Васильевичъ, золотое время. Смотри, какъ-бы плохо не вышло изъ того. Долженъ былъ бы ты принять корону, когда мои рязанцы тебѣ ее подносили. Вся земля Московская спитъ и видитъ тебя своимъ владыкой. Княже, княже! За кого ты вступаешься? Кабы мудрый, да смѣлый, да удачливый былъ-бы нашъ царь Василій, не звали-бы тебя на царство, а то... Глядика-сь самъ: народъ не сегодня завтра сведетъ его съ престола. Кому тогда присягнемъ? Ужели брату его Дмитрію? А то Самозванцу... Либо Владиславу польскому, што-ли? И черные жгучіе глаза Ляпунова впились въ лицо Михаила.

Нахмурился князъ. Отвелъ глаза на минуту. Потомъ снова свѣтло и радостно поднялъ ихъ на Прокопія.

— Эхъ, друже, друже, не уразумѣлъ ты меня, произнесъ онъ мягко. Не для царской короны родился Михайла Скопинъ. Но для дѣла, браннаго, великаго. Сплю и вижу себя подъ Смоленскомъ, глазъ на глазъ съ королемъ Жигимондомъ. Вижу какъ ударили мы на ляха... бѣгутъ они, какъ стадо барановъ... А мы тучей за ними, какъ молніи летимъ и таково быстро, быстро. Погоди, ужо послѣ пира, отправлюсь къ царю, буду подъ Смоленскъ проситься... Пойдешь со мною?

— Въ огонь и въ воду пойду я за тобою, воевода!—пылко вырвалось изъ груди Ляпунова,—коли не за царемъ вѣнчаннымъ, такъ за любимымъ вождемъ своимъ... Куды хошь, веди!—

— Ну, въ огонь не въ огонь, а на пиръ Воротынскаго ѣдемъ со мною!—весело пошутилъ Михаилъ, новымъ ласковымъ взоромъ окинувъ Ляпунова.

— Да ладно-ли будетъ, княже? Не званъ я!—отнѣкивался тотъ.

— Пустое. Мой гость будешь!.. Я приведу тебя и за тебя же отвѣтъ держать стану. Ѣдемъ, што-ли, пріятель?

Ляпуновъ хотѣлъ отвѣтить и не успѣлъ.

Широко распахнулась дверь горницы и въ нее стремительно вошла молодая княгиня.

Тревога ясно была написана на ея юномъ лицѣ.

— Князь мой! Миша желанный!—быстро заговорила она, бросаясь къ мужу,—не ѣзди ты къ Воротынскому нонѣ. Худой сонъ видала я сегодня, Миша... Будто гады... много гадовъ ползучихъ насъ окружили. И одна гадина поднялась къ тебѣ до самыхъ устъ и вцилась въ нихъ жаломъ. Тутъ я вскрикнула и проснулась. Мыслила тотчасъ къ тебѣ бѣжать, да не досугъ тебѣ было, дѣлами государственными ты былъ занятъ съ бояриномъ Ляпуновымъ, съ самаго ранняго утра... а теперь... Богомъ прошу я тебя, Миша: не ѣзди, голубчикъ мой!—И она припала головой къ плечу мужа, не обращая вниманія на присутствіе въ горницѣ посторонняго лица.

— Полно, Саня, полно, голубка, томишь себя по пустому,—нѣжно взглянувъ на жену, произнесъ князь Михаилъ.—Сны—старыхъ бабъ дѣло... Всякую дурь они про сны толкуютъ. Не правда все это. Сонъ отъ Бога. А можетъ ли, что дурное, отъ Бога идти? Сама помысли! Успокойся же, голубка, посуди сама! Мнѣ-ли, воеводѣ, ратному витязю, бояться сновъ, да примѣтъ, небылицъ вздорныхъ?.. Полно, милая, ступай къ матушкѣ, она тебя успокоитъ лучше меня—мужчины!.. А мы съ Прокопомъ спѣшить должны! Прости, голубка!

И, поцѣловавъ жену, князь Михаилъ стремительно вышелъ изъ горницы. Саня бросилась къ оконцу свѣтлицы. Изъ него ей хорошо было видно, какъ подали мужу его бѣлаго неизмѣннаго аргамака. Вотъ вскочилъ на него ея Миша и спѣшно поѣхалъ къ воротамъ, въ сопровожденіи Ляпунова, своего вѣрнаго друга и сторонника. Но у

самыхъ воротъ конь князя разомъ остановился и, какъ ни понукалъ его Михаилъ, не хотѣлъ двигаться дальше бѣлый, какъ пѣна, аргамакъ. Только взмахомъ плети удалось заставить снова пуститься въ путь благородное животное.

— Не къ добру это!—услышала Саня чей то тихій голосъ за собою. Быстро обернулась назадъ и увидѣла подлѣ себя няню Степановну, тоже глядѣвшую въ оконце.

— Не къ добру!—эхомъ отозвались поблѣднѣвшія мгновенно, трепещущія губы молодой княгини, и вся дрожащая и на смертъ перепуганная, она прильнула къ груди своей пѣстуньи . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Шумно и весело закипаетъ пиръ у князей Воротынскихъ. Полъ-Москвы собралось на немъ. Вся знать боярская понаѣхала пировать въ просторныя княжьи палаты. Всѣ горницы были сплошь заставлены столами. Гостей набралось видимо-невидимо. Слуги подаютъ уже чуть-ли не девятую перемѣну, хитро разукрашеннаго пестраго фазана на серебряномъ блюдѣ, а вокругъ него тѣснится разная мелкая птица, тетеревы да рябы, утица съ гусями. Хозяинъ съ хозяйкой встаютъ передъ каждымъ новымъ блюдомъ и, низко кланяясь гостямъ, просятъ ихъ не побрезговать на скудномъ угощеньѣ!.. И гости, не заставляя себя долго улещивать, принимаются за ѣду, разрывая по просту руками жирные куски мяса, и обтирая грязные пальцы и бороды рукавами своихъ нарядныхъ, праздничныхъ кафтановъ.

Все это обильно заливается заморскими винами, выдержанными по полъ-сотни лѣтъ въ боярскихъ погребахъ. Золотистая малвазія и, какъ желтый янтарь, прозрачная романея наполняютъ серебряныя стопки и ковши. Ежеминутно провозглашается здравица за царя Василія, съ супругой, за царскихъ родичей, за хлѣбосольныхъ хозяевъ

и дорогихъ гостей. А пуще всего за новорожденнаго княжича—виновника торжественнаго пира. Между угощеніемъ идетъ несмолкаемая бесѣда. Особенно оживленъ почетный конецъ стола, гдѣ между Ляпуновымъ и Делагарди сидитъ князь Михаилъ. Тутъ-же бояре: Мстиславскій, Голицыны и другіе. Говорятъ о недавнемъ послѣднемъ походѣ, славномъ побѣдами. Лица разгорѣлись отъ винъ. Особенно оживленъ сегодня юный воевода, племянникъ царскій. Ему любо быть среди своихъ друзей—Прокопія Ляпунова, Якова Делагарди и другихъ соучастниковъ его славы бояръ. Ему сладко сознавать себя нужнымъ, необходимымъ Россіи. И не видитъ князь, какъ два мрачные глаза впились въ него. Не видитъ, что князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій глядитъ на него, не отрываясь уже нѣсколько минутъ. Не видитъ князь, какъ послѣ того его злѣйшій врагъ дѣлаетъ кому то невидимый знакъ рукою. И по этому знаку поднимается изъ за стола, поставленнаго для боярынь и боярышенъ—гостей въ сосѣдней горницѣ, какъ разъ насупротивъ открытой двери въ главную стольную палату, княгиня Екатерина Григоріевна. До краевъ наполнила она кубокъ виномъ, потомъ быстро опустила руку и незамѣтно сыплетъ что-то въ кубокъ изъ крошечнаго ларчика, вынутаго изъ кармана. Пирующимъ гостямъ, занятымъ угощеніемъ и обильнымъ возліяніемъ, не можетъ быть замѣтенъ поступокъ княгини Шуйской. Все это происходитъ въ одну минуту не больше. Въ слѣдующую же она уже стоитъ передъ княземъ Михаиломъ и съ низкимъ поклономъ протягиваетъ ему кубокъ:

— Не обезсудь, выпей до дна, куманекъ милый, за здравіе и благоденствіе кумы своей—говоритъ она сладкимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— Охотно, кумушка!—весело отвѣчаетъ князь—какъ не выпить?!. Вмѣстѣ, я чаю, принимали княжича Алешу отъ святой купели. Будь здорова, княгинюшка, —на многія лѣта!

Невеселый пиръ.

И смѣлой рукой принимаетъ князь Скопинъ кубокъ изъ рукъ Катерины.

Смертельная блѣдность разливается по лицу послѣдней. Эта блѣдность становится замѣтной даже сквозь густой слой бѣлилъ и румянъ, безъ которыхъ въ тѣ отдаленныя времена не обходилась, за малымъ развѣ исключеніемъ, ни одна русская боярыня.

Странная мысль вихремъ проносится въ ея головѣ...

Что царскій санъ, богатство, знатность, корона, въ сравненіи съ жизнью человѣческой!

— Не пей, не пей, хочется ей крикнуть князю: тамъ ядъ... тамъ смерть твоя! Остановись! Не пей!

Но въ ту же минуту два огненные глаза прожигаютъ ее насквозь... Это глаза Дмитрія Шуйскаго, ея мужа. Она до крови закусываетъ губы и опускаетъ долу закруглившіеся отъ ужаса глаза.

Въ тотъ же мигъ князь Скопинъ до дна осушаетъ кубокъ.

А пиръ попрежнему кипитъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Старые бояре разсуждаютъ о дѣлахъ бранныхъ и государственныхъ. Молодые лихо похваляются подвигами молодецкими. На концѣ стола съ устъ гостей не сходитъ имя короля Сигизмунда.

— Первое дѣло подъ Смоленскъ!—говоритъ князь Михаилъ, блестя разгорѣвшимися глазами, а тамъ и за измѣнниками, што еще держатъ сторону Самозванца.

— Рано надумалъ, воевода,—ехидно замѣчаетъ ему князь Дмитрій Шуйскій.—Надо допрежъ всего царя поспрошать, еще какъ рѣшитъ государь-братецъ, такъ и быть по сему.

— Царь-Государь мудръ, милостивъ и любитъ Русь пуще насъ съ тобою, дядя. Такъ ужели же ему не заблагоразсудится приняться въ первую голову за изгнаніе ея врага?—смѣло отвѣчаетъ ему Михаилъ.

— И помимо Жигимондова изгнанія еще другія дѣла найдутся у царя,— шипитъ снова непріятный голосъ Шуйскаго, и судить да рядить намъ, смердамъ его, дѣлъ государевыхъ негоже.

Князь Михаилъ быстро поднялся со своего мѣста и произнесъ, держа наполненный виномъ до верху кубокъ въ рукѣ:

— Богъ видитъ: не кладу осуды на дѣла государя. Пью за здравіе царя нашего Василія Ивановича. Дай ему, Господи, всякаго добра. Изгнать ляховъ изъ подъ Смоленска, и Князь не договорилъ, зашатался, выпустилъ кубокъ изъ рукъ... Красныя пятна поплыли у него передъ глазами...

И вдругъ алая струйка крови хлынула разомъ изо рта и ноздрей Михаила.

— Князю худо! Лекаря сюда! Лекаря! Спасите князя!— не своимъ голосомъ вскричалъ Прокопій Ляпуновъ, принимая безчувственнаго Скопина въ свои могучія объятія.

Шумъ, суета, вопли женщинъ—все это смѣшалось въ одинъ сплошной страшный гулъ... Люди метались вокругъ безчувственнаго Михаила, не зная чѣмъ помочь несчастью.

Наконецъ кто-то догадался привести нѣмца-лекаря. Прибывъ въ домъ Воротынскаго, тотъ долго выслушивалъ сердце больного и тутъ же старался унять кровь, все еще обильно текущую изъ носа и рта Михаила.

— Домой надо везти его... Причащать. Соборовать. Наука безсильна. При смерти князь,—произнесъ онъ, наконецъ, чуть слышно. Нѣмая тишина наступила въ горницѣ.

Растерянно и испуганно смотрѣли другъ на друга бояре. Блѣдная, какъ известь, жалась къ мужу Катерина Шуйская...

И вдругъ дикій нечеловѣческій крикъ пронзилъ наступившую тишину:

— Знаю! Все знаю! неистово воскрикнулъ, словно обезумѣвъ, Ляпуновъ,—отравили нашего князя, погубили Шуйскіе, злодѣи, родня царева!

И быстро съ нечеловѣческой силой поднялъ безчувственное тѣло князя и, взваливъ его себѣ на грудь, быстро выбѣжалъ съ нимъ изъ дома Воротынскаго.

Въ тотъ же вечеръ несмѣтныя толпы бунтующей черни осадили домъ князя Дмитрія Шуйскаго.

— Подать намъ отравителей князя-воеводы—вопилъ народъ,—Шуйскіе на судъ нашъ выходи, злодѣи!—И толпа ломилась въ окна и двери княжьихъ хоромъ. Чуть живые отъ страха, ждали Дмитрій съ Катериной суда Божьяго и человѣческаго. Но часъ ихъ еще не пробилъ.

Государь-братъ распорядился выслать отрядъ стрѣльцовъ имъ для защиты и тѣ бердышами и саблями разогнали бѣснующуюся толпу . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Испить! Воды! Водицы! Душно... мочи нѣтъ. Саня... Санюшка! Гдѣ ты, голубка, желанная.—Чуть слышно лепечутъ ссохшіяся отъ жара губы больного.

Легкая, какъ тѣнь, неслышно склоняется къ изголовью мужа княгиня Александра Васильевна.

— Здѣсь я, голубь мой! Здѣсь я, мое солнышко!—отвѣчаетъ она, съ трудомъ подавляя клокочущее въ груди рыданье и подаетъ ковшъ холодной ключевой воды безпокойно мечущемуся на своемъ одрѣ князю Михаилу.

Вотъ уже около двухъ недѣль, какъ Прокопій Ляпуновъ принесъ домой на своихъ могучихъ плечахъ своего безчувственнаго друга и воеводу. И съ этихъ поръ князь то находится въ безпамятствѣ, стонетъ и мечется по постели, то затихнетъ и молчитъ часами, глядя куда то въ даль печальными, затуманенными очами. И только, когда глаза его встрѣчаются съ лучистыми свѣтлыми глазами жены, теперь исполненными тоски и муки сердечной, ясная улыбка бороздитъ изсохшія отъ жара губы больного.

— Саня... Санюшка, голубка! – шепчутъ онѣ поминутно—подойди ко мнѣ... не уходи далече... побудь со мной.

Саня машинально исполняетъ все, что требуютъ отъ нея: поитъ князя снадобьемъ изъ травъ, мѣняетъ мокрые платы на его горячей головѣ и груди, подаетъ воду, поправляетъ подушки, но это уже не та прежняя живая Саня. Блѣдная, вымученная съ ярко горящими лихорадочными глазами, она не отходитъ ни на шагъ отъ своего сокола, голубя ненагляднаго, своимъ присутствіемъ услаждая его послѣдніе часы... Она знаетъ, эта похудѣвшая, на диво измѣнившаяся молодая женщина, что не жилецъ ея князь на этомъ свѣтѣ, что минуты его жизни сочтены. Она видитъ, какъ ядъ медленно, но вѣрно дѣлаетъ свое дѣло... Еще недавно прекрасное лицо молодого героя теперь все покрыто темными пятнами отравы... Глубоко запали въ орбиты когда то страшные по своей неотразимой силѣ для враговъ очи. Теперь они горятъ огнемъ безумія и муки.

Санѣ не надо утѣшеній. Она знаетъ. Безъ лекаря знаетъ, что лишится скоро, скоро желаннаго, любимаго мужа.

А въ сосѣдней горницѣ собрались уже всѣ родные и духовенство.

Надо совершить послѣдній обрядъ соборованія надъ умирающимъ. Но кто заикнется объ этомъ убитой горемъ молодой женщинѣ? Священники недоумѣвающе переглядываются, не зная, какъ приступить къ великому обычаю. Пора начинать, произноситъ наконецъ рѣшительно протопопъ Успенскаго собора—духовникъ князя, отысповѣдовавшій и причастившій его уже дней шесть тому назадъ.

Семенъ Головинъ первый подходитъ къ рыдающей княгинѣ матери, рѣшившись произнести страшное слово.

— Матушка, Елена Петровна, прикажи соборовать сынка.

Та только молча киваетъ головою и снова судорожное рыданіе оглашаетъ горницу.

Несчастная одинокая вдова, она теряетъ свою послѣд-

нюю и единственную радость въ лицѣ сына. Теперь остается только уговорить Саню. Надо осторожно приготовить къ этому молодую женщину.

Семенъ Головинъ тихо пріотворяетъ двери въ горницу больного и шепчетъ сестрѣ. нѣжно коснувшись рукою плеча ея:— дозволь приступить къ обряду,—Александрушка, а у самаго непослушныя слезы такъ и текутъ изъ глазъ,—дозволь приступить къ обряду!

— Приступайте!—безучастно отвѣчаетъ она и странное спокойствіе водворяется на лицѣ молодой женщины. Жутко и холодно становится Семену Васильевичу отъ этого страннаго спокойствія сестры.

Входитъ духовенство и родственники въ постельничью свѣтлицу Скопиныхъ.

Подъ руки съ двухъ сторонъ вводятъ княгиню Елену. Въ восковыя руки умирающаго вставляютъ богоявленскую свѣчу и обрядъ начинается.

Ни единой слезы не пролила во время него Саня... Только лицо ея стало блѣднѣе смерти, да губы сомкнулись, какъ у мертвой. Кончилось соборованіе и въ горницѣ снова остались подлѣ умирающаго двѣ женщины только: жена и мать.

А больному становилось все хуже и хуже, съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой. Предсмертныя судорги уже сводили все сильное могучее тѣло. Глухой хрипъ вздымалъ когда то могучую, теперь исхудалую грудь.

Матушка! Саня... Молитесь... Молитесь... за меня, родимыя—пришелъ, видно мой часъ...—чуть слышнымъ стономъ срывается съ устъ Михаила. Княгиня Елена нѣжно обвила ноги сына трепещущими руками.

Саня бережно кладетъ его голову къ себѣ на грудь. Глаза умирающаго приковываются къ ней неизъяснимо любящимъ взоромъ.

— Вотъ... Вотъ!—шепчутъ его уста,—только бы прогнать Жигимонда и ляховъ отъ Смоленска и... тогда... тогда...

Онъ не договариваетъ... Исхудалая, какъ щепка, уже похолодѣвшая рука тянется къ женѣ. Та нѣжно сжимаетъ ее своей сильной теплой рукой.

— Миша! Миша!—невольно срывается съ ея устъ—возьми меня съ собою! Не уходи безъ меня, Миша.

— Саня, желанная... жена моя... другъ мой! слышится ей тихо, тихо въ отвѣтъ... и ты... и ты, матушка! Спасибо за все... родныя мои... Не сѣтуйте... не горюйте... Богъ сподобилъ довершить дѣло... Спасена Русь! Умираю, выполнивъ свято приказъ царя. Не вините тѣхъ... злодѣевъ... не вольны они въ ихъ зависти... Богъ все проститъ... А мнѣ мой мечъ сюда! Скорѣче! Иду я! Впередъ, друзья! Врагъ близко! Богъ за насъ! Впер...

Онъ не докончилъ... Дивная улыбка озарила все его исхудалое лицо... Глаза широко развернлись... Послѣдній свѣтъ озарилъ ихъ и погасъ внезапно.

— Саня!.. Русь... матушка... Спасена Русь святая!

Еще разъ пролепетали его губы, и съ послѣднимъ вздохомъ отлетѣла изъ бреннаго тѣла свѣтлая душа прославленнаго и могучаго русскаго героя...

Душа отлетѣла... а мертвые синіе глаза все еще смотрѣли въ даль, какъ-бы видя въ ней славную побѣду своихъ вѣрныхъ дружинъ надъ врагами.

Княгиня Елена, безчувственная, лежала у ногъ сына.

Но Саня не потеряла ни на мигъ ни памяти, ни силъ.

Съ тѣмъ же блѣднымъ, словно изваяннымъ изъ мрамора лицомъ, поднялась она съ колѣнъ, молча осѣнила мужа широкимъ знаменемъ креста, тихо коснулась его мертвыхъ устъ губами и, прикрывъ пальцами незрячія уже очи, съ тѣмъ же мертвеннымъ спокойствіемъ вышла въ сосѣднюю горницу...

— Преставился!—звучно произнесла она и, какъ подкошенная, рухнула на руки подоспѣвшаго брата.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Съ царскою пышностью хоронили героя, спасителя Руси.

Въ Архангельскомъ соборѣ, въ новомъ предѣлѣ святого Іоанна Предтечи положили прахъ усопшаго Михаила. Вся Москва, весь народъ русскій неутѣшно плакалъ о безвременной гибели своего любимаго воеводы. Плакалъ и царь, поздно раскаявшійся въ томъ, что повѣрилъ клеветнику, чернившему передъ нимъ племянника.

Въ день погребенія ко гробу покойнаго въ великомъ смятеніи пробрались его друзья шведы. Впереди всѣхъ былъ Делагарди. Его блѣдное, встревоженное лицо, его затуманенныя очи говорили о великой потери.

— О московитяне! —вскричалъ онъ, заливаясь слезами у гроба своего почившаго друга—жизнь какого человѣка допустили вы пресѣчься въ угоду его врагамъ!

И, рыдая, упалъ къ ногамъ мертваго князя.

Еще горшими слезами залился народъ Московскій.

Казалось, само солнце померкло въ этотъ печальный апрѣльскій день ранней весны.

Померкло и скрылось въ потемнѣвшемъ подъ тучами небѣ, оплакивая, вмѣстѣ съ людьми, безвременную смерть великаго и славнаго юноши героя. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Мѣрно и глухо, рѣдкими, протяжными ударами звучитъ большой монастырскій колоколъ подъ куполомъ Ивановской обители.

Въ просторномъ храмѣ съ высокими сводами идетъ торжественный и длинный обрядъ постриженія. Жутко и заунывно звучатъ печальные клиросные напѣвы. Словно заупокойная молитва, словно отпѣваніе мертваго чудится въ нихъ.

И впрямь отпѣваніе. Молодую жизнь заживо хоронятъ погребаютъ въ холодномъ склепѣ монастырскихъ стѣнъ.

Блѣдная и спокойная стоитъ передъ аналоемъ Саня. На ней холщевая длинная изъ грубой ткани рубашка до пятъ. Золотыя волны пышныхъ косъ распущены по плечамъ и струятся вдоль стана до самыхъ колѣнъ ея. Священникъ читаетъ надъ ея головою страшные и грозные по своему смыслу обѣты инокинь.

Передъ нимъ на аналоѣ рядомъ съ крестомъ лежатъ большія ножницы. Ими по окончаніи обряда священникъ долженъ будетъ отрѣзать пышныя пряди волосъ вновь постриженной... А кругомъ нихъ степенно стоятъ монахини; у нихъ въ рукахъ четки, клобуки и скромная монашеская ряса, приготовленныя для новой инокини.

Протяжныя стихиры звучатъ все громче, все слышнѣй и скоро вся церковъ наполняется ихъ тоскливыми, заунывными мотивами. Саня смотритъ и не видитъ ничего кругомъ. Ея душа и мысли словно не присутствуютъ въ тѣлѣ. Словно парятъ они гдѣ то далеко за гранями этой жизни, тамъ, гдѣ живетъ теперь душа ея мужа, ея голубя сизокрылаго, навѣки покинувшаго ее. Холодное отчаяніе леденитъ ея сердце. Ненависть къ тѣмъ, къ злодѣямъ, погубившимъ князя, гложетъ его. О, если бы ей только встрѣтиться съ ними, узнать доподлинно, кто убилъ ея ненагляднаго Мишу!

И рвется душа молодой женщины на тысячу кусковъ. Ни одной слезы не проронила Саня со смерти князя Михаила: ея горе слишкомъ велико, чтобы вылить его слезами... Одна жгучая ненависть къ злодѣямъ—погубителямъ, одно мертвящее отчаяніе до краевъ наполняютъ все ея существо. Она потеряла все съ его смертью и пришла искать здѣсь въ этой тихой обители, если не полнаго спокойствія, то хоть малую толику утѣшенія. Одному Богу отнынѣ будетъ принадлежать она, обезсиленная муками и страданіями. Быть можетъ, она найдетъ здѣсь хотя-бы временное утѣшеніе. Святая обитель будетъ ей пристанищемъ и покровомъ отнынѣ.

Все глуше и глуше звучитъ хоровое пѣніе.

Вотъ оно затихаетъ совсѣмъ... Затихло... Священникъ задаетъ послѣдніе вопросы постригаемой, неизбѣжные при печальномъ обрядѣ. Саня отвѣчаетъ спокойно и ровно, странно закаменѣвшая въ своемъ смертельномъ отчаяніи. Вотъ поднялъ руку священникъ. Мигъ... И пышныя золотыя волны кудрей падаютъ на полъ подъ взмахомъ ножницъ съ головы Сани... Словно тѣни приблизились къ ней неслышно монахини. Черный клобукъ уже на ея головѣ. Черная же ряса наброшена на плечи...

Свершилось!

Боярыни—княгини Александры Васильевны нѣтъ уже больше на свѣтѣ. Вмѣсто нея стоитъ смиренная инокиня сестра Анастасія.

Затуманенными очами окидываетъ юная манахиня весь окружающій ея синклитъ монахинь...

Вокругъ нея все суровыя, строгія лица,—старыя и молодыя, чуждыя всего суетнаго, мірского.

А вновь постриженная чувствуетъ себя такъ далеко, далеко отъ нихъ всѣхъ!..

Злоба и ненависть къ врагамъ—погубителямъ ея единственнаго и любимаго друга—мужа снова кипитъ въ сердцѣ. Великій санъ иноческій не преградилъ доступъ къ ея душѣ бунтующимъ житейскимъ страстямъ...

Она обводитъ глазами монахинь и вдругъ легкій крикъ срывается съ ея устъ... Хорошо знакомыя черты, кроткое личико и печальныя очи съ любовью глядятъ на нее...

— Маша!—внѣ себя шепчетъ сестра Анастасія,—не вѣря своимъ глазамъ.

Передъ нею она, ея бывшая подруга, княжна Маша Буйносова, потомъ царица Московская, теперь скромная инокиня Ивановскаго монастыря, ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ.

Въ лицѣ Маши кротость и прощеніе. Печальныя кроткія очи льютъ необычайный свѣтъ изъ подъ темныхъ

стрѣльчатыхъ рѣсницъ. Въ душѣ недавней царицы нѣтъ ни злобы, ни ненависти къ ея врагамъ... Миромъ и спокойствіемъ вѣетъ отъ ея кроткаго, прекраснаго лица...

Недавнія подруги окидываютъ другъ друга долгимъ скорбнымъ взоромъ. Глаза бывшей царицы ласкаютъ ея прежнюю любимицу.

— Прости людямъ все зло, причиненное ими, и тебѣ вдвое станетъ легче на сердцѣ!—казалось, говорятъ эти тихіе, мерцающіе глаза.

И странное дѣло, подъ ихъ чуднымъ ласкающимъ свѣтомъ растопляется гнетущая лавина, навалившаяся всею своею тяжестью на сердце Анастасіи...

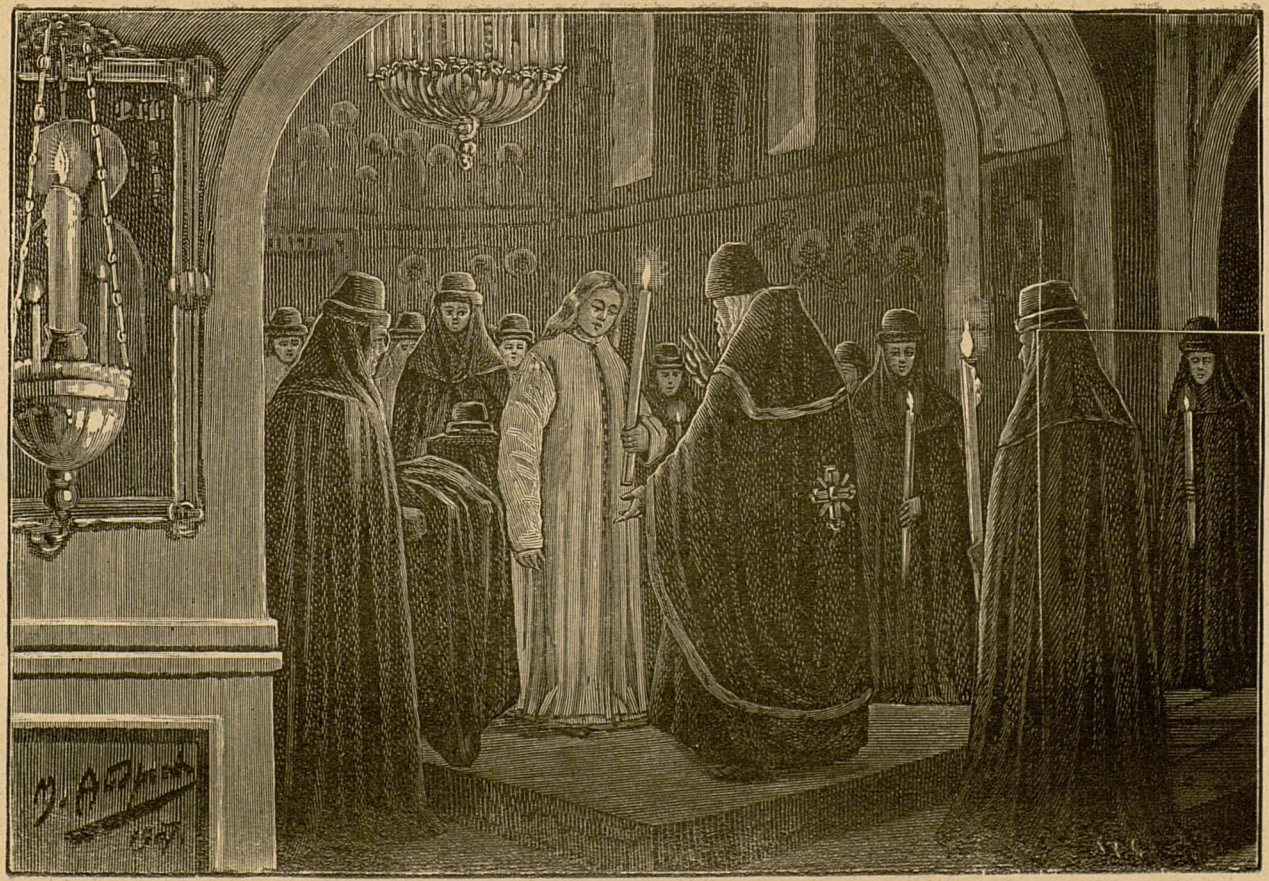
Злоба и ненависть затихаютъ постепенно въ нѣдрахъ ея души... Что-то клокочущее свѣтлое, всепрощающее подкатывается ей къ горлу... И внезапно, упавъ на колѣни, вновь постриженная молодая инокиня зарыдала навзрыдъ...

Заключеніе.

ТРАШНО отомстила судьба убійцамъ за смерть молодого героя.

Едва лишь зитихли погребальные напѣвы надъ гробницею юноши Скопина, какъ было послано огромное ополченіе царемъ Шуйскимъ подъ Смоленскъ. Главное начальство надъ войсками вручилъ царь своему брату — Дмитрію.

Подъ селомъ Клушинымъ на голову разбитыя ляхами, бѣжали позорно съ поля битвы царскія рати. Яковъ Делагарди, находившійся тутъ же, не пожелалъ служить подъ началь-



Изъ царицъ въ монастырь.

ствомъ бездарнаго полководца Дмитрія Шуйскаго, злѣйшаго врага его покойнаго друга князя Михаила и ушелъ изъ подъ Клушина со своими войнами въ Новгородъ Великій.

Клушинское пораженіе дало новый толчекъ недовольному царемъ Московскому народу. Чернь волновалась... Съ ненавистью произносились слова Василія Шуйскаго и его ненавистнаго всѣмъ Москвитянамъ брата Дмитрія.

Этой ненавистью, этимъ глухимъ недовольствомъ умѣло воспользовались братья Ляпуновы: Прокопій и Захарія, не терпѣвшіе безталаннаго, неэнергичнаго и несчастливаго царя. Захарій Ляпуновъ съ другими заговорщиками собралъ народъ у Серпуховской заставы 17-го Іюля и уговорилъ Москвитянъ свергнуть Шуйскаго съ престола. Отсюда Захарія Ляпуновъ съ боярами Голицынымъ, Воротынскимъ, съ духовенствомъ и стрѣльцами отправились въ Кремлевскій дворецъ.

— Василій Ивановичъ! Ты не умѣлъ править. Отдай же скипетръ и корону царскую!—произнесъ онъ смѣло въ лицо царя. Шуйскій заупрямился было, но весь народъ билъ ему челомъ, уговаривая оставить престолъ и онъ поневолѣ долженъ былъ согласиться.

Его постригли вмѣстѣ съ братьями. Молодой царицѣ Марьѣ предложили вернуться въ домъ ея матери, но благородная молодая женщина пожелала раздѣлить печальную участь своего несчастнаго супруга и добровольно постригласъ въ Іоанновскую обитель.

Прослышавъ о сверженіи Шуйскаго, притихшій за послѣднее время въ Калугѣ Самозванецъ, появился опять.

Смѣлая мысль завладѣть теперь престоломъ Московскимъ крѣпче прежняго засѣла у него въ головѣ. Онъ спѣшно направился къ Москвѣ, окруженный оставшимся въ его распоряженіи сбродомъ и всталъ станомъ въ селѣ Коломенскомъ, твердо надѣясь, что его теперь уже навѣрное выберутъ въ цари. Но не о немъ мечтали москвитяне. Иного

царя мыслили выбрать бояре, составлявшіе временное правительство послѣ свержения Шуйскаго. Счастливый побѣдитель подъ Клушинымъ, любимый гетманъ Сигизмунда панъ Жолкѣвскій, въ свою очередь, съ сильнымъ польскимъ от-

Постриженіе царя В. И. Шуйскаго въ 1610 г.

рядомъ подступилъ къ Москвѣ. Думцы-бояре пуще всего въ мірѣ боялись, чтобы народъ и казачество не провели въ цари Тушинскаго Самозванца, зная его ненависть къ нимъ и всегдашнее тяготѣніе къ простому народу. И вотъ, чтобы разъ навсегда избавиться отъ этого страха, они завели пе-

реговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, прося его прогнать Самозванца изъ села Коломенскаго. За это они обѣщали признать царемъ польскаго королевича Владислава, лишь только тотъ приметъ православіе, и впустить поляковъ въ Москву. Жолкѣвскій прогналъ царька и ляхи торжественно были впущены въ русскую престольную столицу.

Въ то же время было отправлено посольство, во главѣ съ митрополитомъ Филаретомъ и княземъ Голицынымъ подъ Смоленскъ къ королю, съ просьбою прислать въ Москву королевича Владислава, предварительно обративъ его въ православную вѣру.

Но лукавый Сигизмундъ медлилъ давать согласіе: онъ поставилъ съ своей стороны условіемъ русскимъ сдачу Смоленска, который все еще доблестно защищалъ мужественный воевода Шеинъ съ горстью смѣльчаковъ.

Смоленскъ, однако не сдавался. Бояринъ Шеинъ, несмотря на присылаемыя ему изъ Москвы грамоты, не передавалъ города ляхамъ. Не присылалъ и королевича Сигизмундъ, ссылаясь на его крайнюю молодость и необходимость окончить образованіе сына въ Польшѣ.

На самомъ же дѣлѣ, Сигизмунду хотѣлось самому стать русскимъ царемъ. У него были свои приверженцы въ Москвѣ между русскими боярами: Салтыковъ, Андроновъ и другіе бояре, обласканные и задаренные королемъ. Видя нерѣшительность Сигизмунда и предчувствуя новыя непріятности и смуты вслѣдствіе этого, Жолкѣвскій поспѣшилъ уѣхать изъ Москвы и увезти съ собою въ качествѣ плѣнныхъ троихъ братьевъ Шуйскихъ въ лагерь короля подъ Смоленскъ.

Вмѣсто него на Москвѣ остался хозяйничать другой ляхъ—гетманъ Гонсѣвскій. Между тѣмъ, кое кто изъ русскихъ перешелъ на сторону Самозванца, начавшаго вновь укрѣпляться въ Калугѣ. Вятка и Казань снова признали его и онъ въ третій разъ уже рѣшилъ подступить къ Москвѣ, какъ вдругъ неожиданно былъ убитъ на охотѣ.

Крещеный татаринъ Петръ Урусовъ. изъ мести, за убійство своего друга Касимовскаго царька, расправился съ Самозванцемъ.

Теперь, когда мертвый царекъ не былъ опасенъ, а власть польскаго короля грозила Россіи и православной вѣрѣ, многіе города открыто заявили нежеланіе присягать Владиславу. Первымъ возстала Рязань во главѣ съ Прокопіемъ Ляпуновымъ. За ними поднялись и остальныя области, спѣшно вооружаясь и выставляя служивыхъ людей для спасенія отечества.

Купцы давали денегъ, товары и припасы для ратниковъ.

Ополченіе росло съ каждымъ часомъ... Главное начальство надъ нимъ принялъ Прокопій Петровичъ Ляпуновъ. Къ нему присоединились казаки съ ихъ атаманами Заруцкимъ и Прасовецкимъ и бывшіе Тушинскіе воеводы во главѣ съ княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ.

Узнавъ, что огромное ополченіе подходитъ къ Москвѣ, поляки встревожились. Салтыковъ и Андроновъ бояре-приверженцы Сигизмундовы послали тотчасъ же грамоту подъ Смоленскъ Голицыну и Филарету, наказывая имъ немедленно испросить у Сигизмунда приказъ распустить ополченіе.

Чтобы усилить значеніе этой грамоты, они принесли ее для подписи патріарху Гермогену. Но великій старецъ безстрашно отвѣтилъ имъ:—«Не стану я подписывать сей грамоты, не стану и благословлять ее до той поры, пока не обратятъ въ нашу вѣру королевича Владислава. Ляпунова же и его ополченіе благословляю идти на защиту вѣры православной».

Поляки, узнавъ объ этихъ рѣчахъ святителя, взяли его подъ стражу и заточили въ тюрьму. Предвидя возстаніе въ городѣ, они приказали жителямъ столицы втаскивать пушки на стѣны Кремля, гдѣ заперлись за крѣпкою оградой. Но русскіе не послушались ихъ. Тогда завязалась

кровопролитная схватка, во время которой ляхи перебили до 7000 Московскихъ жителей въ Китай-городѣ.

Русскіе собрались и дружнымъ натискомъ загнали поляковъ въ Кремль, подъ начальствомъ мужественнаго воеводы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, уже отличившагося ранѣе, при защитѣ Зарайска.

Втиснутые въ Кремль поляки успѣли по дорогѣ поджечь Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Столица запылала. Это было 19-го марта, а 25-го того-же мѣсяца Ляпуновъ съ Пожарскимъ и Заруцкимъ привели стотысячное ополченіе подъ стѣны Москвы и осадили ляховъ.

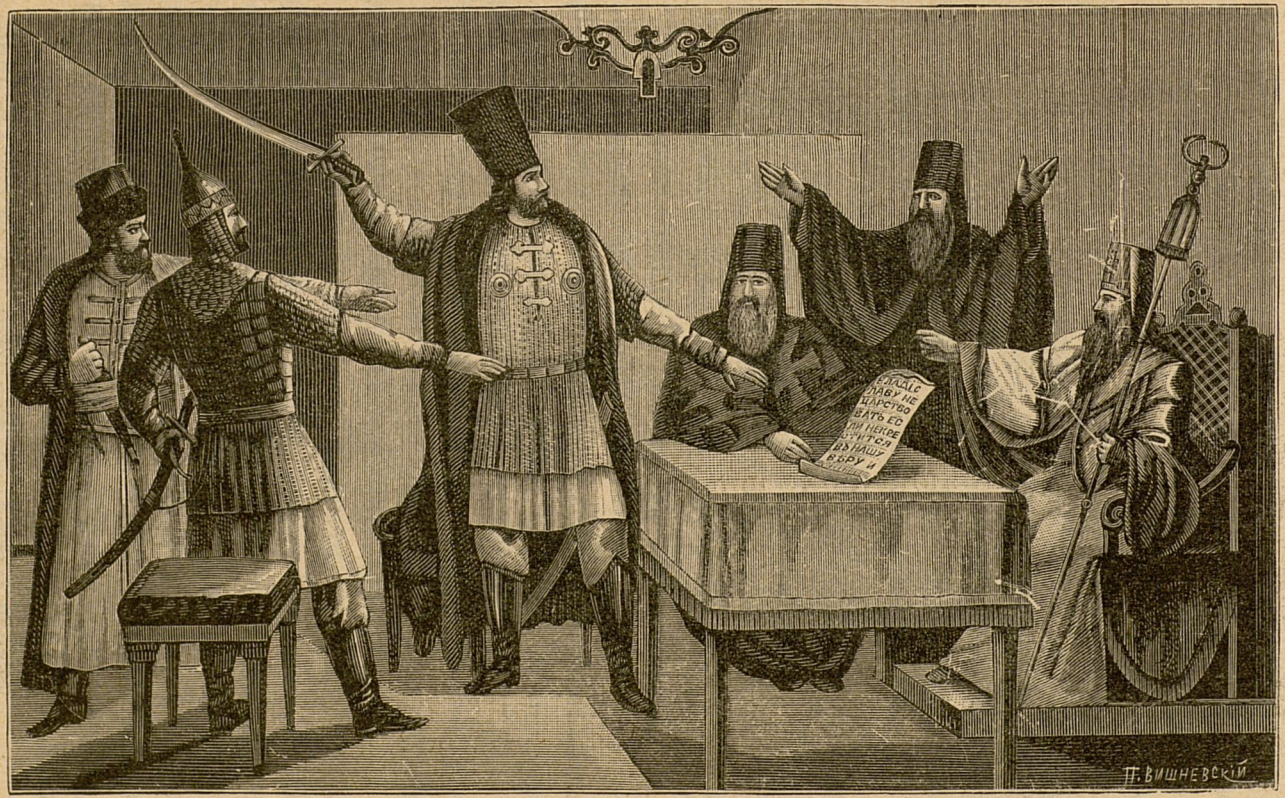
Главнымъ воеводою былъ Ляпуновъ. Онъ отличался мужествомъ, смѣлостью, любовью къ отчизнѣ и неподкупнымъ честнымъ характеромъ.

Совершенно противоположные ему по натурѣ Трубецкой и Заруцкій не благопріятствовали ему. Между вождями ополченія произошла рознь.

Ею и воспользовался Гонсѣвскій. Самымъ опаснымъ для себя врагомъ онъ считалъ Ляпунова и далъ слово погубить его, во чтобы то ни стало.

Гетману удалось поддѣлать руку Прокопія Петровича и подкинуть фальшивую грамоту отъ его имени. Въ этой грамотѣ московскій народъ призывался къ избіенію казаковъ. Узнавъ о ней, казаки, возмущенные такимъ къ нимъ отношеніемъ воеводы, призвали его «въ кругъ», то есть на свой казацкій судъ и, не дождавшись его оправданій, изрубили шашками ни въ чемъ неповиннаго Ляпунова.

Его ополченіе распалось съ гибелью вождя. Поляки сильнѣе забрали Москву въ свои руки. А между тѣмъ новыя тучи собирались надъ головой несчастной Россіи. Во Псковѣ появился третій Самозванецъ. Казацкія шайки разошлись по разнымъ мѣстамъ и разбойничали повсюду. А на сѣверѣ собралась едва-ли не самая грозная туча. Карлъ Шведскій приказалъ Делагарди взять Новгородъ и другіе сѣверные города. Въ Москвѣ же съ каждымъ днемъ



Начальники народнаго ополченія на совѣщаніи съ духовенствомъ.

все больше и безцеремоннѣе хозяйничали поляки. Москва, сердце Россіи, была попрежнему въ ихъ страшной власти. Смута все сильнѣе и шире охватывала Русь. Православная вѣра гибла вмѣстѣ съ Россіей.

Къ довершенію несчастья, гетманъ Ходкевичъ подступилъ къ Москвѣ съ сильнымъ отрядомъ, чтобы окончательно подчинить Москву, а за нею и всю Россію...

Къ этому же времени ужасная вѣсть разнеслась надъ Москвою: Смоленскъ былъ, наконецъ, взятъ Сигизмундомъ послѣ упорной и продолжительной осады. Мужественнаго Шейна ляхи жестоко пытали и отправили плѣнникомъ въ Варшаву. Увезли туда же и трехъ другихъ, еще болѣе почетныхъ плѣнныхъ. Сверженнаго царя Василія Шуйскаго и его двухъ братьевъ, ввидѣ военной добычи, привезъ въ Варшаву побѣдитель король.

Не вынесъ позорнаго плѣна бывшій царь и вскорѣ умеръ въ заточеніи въ Гутынскомъ замкѣ. За нимъ послѣдовалъ и Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Одинъ только младшій изъ братьевъ Иванъ вернулся значительно позже въ Россію изъ литовскаго плѣна.

А Россія все гибла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Поляки, шведы, новый Самозванецъ осаждали ее со всѣхъ сторонъ. Русь гибла, но горячее чувство любви къ несчастной родинѣ еще не вполнѣ угасло въ русскихъ сердцахъ. Какъ яркое солнце выплыло изъ за высокихъ стѣнъ Троице-Сергіевской обители это чувство свѣжаго и горячаго патріотизма. Выплыло и озарило души и мысли погибающаго въ несчастьяхъ и горѣ русскаго народа: Архимандритъ Лавры Діонисій и келарь ея Авраамій Палицынъ разсылали грамоту за грамотой по всей Руси великой, призывая въ ней соединиться всѣхъ вѣрныхъ, любящихъ сыновъ отчизны и отстоять святую Русь,—спасти ее отъ враговъ.

Одна изъ такихъ грамотъ залетѣла въ Нижній-Новгородъ. Священникъ прочелъ ее послѣ вечерняго бого-

служенія съ высоты амвона. Толпы народа, наполнявшія храмъ, прослушали ее съ глубокимъ умиленіемъ. Слезы скорби и муки безпредѣльной текли по лицамъ потрясенныхъ прихожанъ.

Но сильнѣе всѣхъ казался взволнованнымъ одинъ человѣкъ мѣщанинъ Нижегородскій. По прочтеніи грамоты онъ направился на площадь и, взойдя на Лобное мѣсто, съ горящими очами, взволнованнымъ голосомъ обратился съ рѣчью къ Нижегородцамъ.

— Православные!—могучими раскатами прозвучалъ его зычный призывъ,—спасемъ матушку Русь, родимую!

Заложимъ дѣтей и женъ нашихъ! Отдадимъ все имѣніе наше, все, чѣмъ владѣемъ, православные! А на вырученныя деньги купимъ оружіе, доспѣхи бранные, пищали, пушки, ядра отольемъ и грудью выйдемъ на ляховъ! Спасемъ матушку Русь святую, спасемъ родину нашу и вѣру православную!

Вдохновеннымъ призывомъ, силою необъятною, святою любовью къ родинѣ звучала эта рѣчь. Дрогнули сердца Нижегородцевъ. И со всѣхъ сторонъ потянулись къ лобному мѣсту горожане съ приношеніями. Каждый отдавалъ все, что могъ. Кто деньгами, кто вещами. Даже ризы серебряныя съ прадѣдовскихъ иконъ неслись на площадь и складывались у лобнаго мѣста. А взволнованный человѣкъ съ пылающими глазами счастливымъ взоромъ слѣдилъ за своими согражданами, такъ рьяно отозвавшимися на его призывъ. Этотъ человѣкъ былъ простой мясникъ и мѣстный староста Козьма Захарьевичъ Мининъ, по прозвищу Сухорукъ.

Теперь оставалось лишь выбрать вождя, которому можно было поручить собрать ополченіе и вести его на Москву.

Вспомнили о молодомъ князѣ Пожарскомъ, достойномъ принять званіе воеводы и нарядили къ нему посольство въ Суздаль, гдѣ онъ лечился отъ ранъ, полученныхъ подъ Москвою при битвѣ съ Ляхами.

Князь Дмитрій Михайловичъ охотно принялъ начальство надъ ополченіемъ и въ свою очередь указалъ на Минина, какъ на своего ближайшаго помощника.

Разослали призывныя грамоты по всѣмъ русскимъ городамъ и вскорѣ собралось подъ знамена Пожарскаго и Минина огромное ополченіе. Изъ Нижняго Новгорода. Ополченіе это двинулось къ Ярославлю; отсюда было рѣшено идти прямо къ Москвѣ.

Узнавъ о томъ, поляки въ ужасѣ кинулись къ заключенному въ темницѣ патріарху Гермогену, требуя отъ него, чтобы онъ послалъ грамоту Пожарскому немедленно распустить войска.

Но Гермогенъ безстрашно отвѣтилъ на это:

— Да будетъ благословеніе Божіе надъ защитниками Руси православной! Вы же будьте прокляты, какъ ея злѣйшіе враги!

Разсвирѣпѣвшіе ляхи уморили за это голодной смертью доблестнаго святителя...

Когда ополченіе выступило изъ Ярославля, князь Пожарскій чуть было не погибъ отъ руки подосланнаго къ нему убійцы. Это Заруцкій съ казаками, враждебно относившимися къ Нижегородской рати, мѣшавшей имъ разбойничать и грабить, рѣшили погубить воеводу. Но Господь сохранилъ отъ новаго несчастья многострадальную Русь. Друзья спасли князя... Узнавъ о томъ, Заруцкій бѣжалъ изъ Москвы, захвативъ съ собой и бывшую Тушинскую царицу Марину, съ ея малолѣтнимъ сыномъ, которыхъ онъ все еще мечталъ возвести на Московскій престолъ. Узнавъ о приближеніи рати, поляки подъ начальствомъ ихъ храбраго воеводы Струся заперлись въ Кремлѣ, рѣшивъ выдержать осаду до послѣдней возможности. Къ нимъ на выручку спѣшилъ Гетманъ Ходкевичъ изъ Литвы. Но рать Пожарскаго подоспѣла прежде польской рати. Князь Трубецкой, по исчезновеніи Заруцкаго, начальствовавшій надъ казаками, предложилъ Минину и Пожарскому соеди-

ниться съ ними. Но воеводы отказали князю. Ихъ ополченіе не могло сливаться съ бродячими, воровскими шайками казаковъ. Къ тому же казаки не очень-то и желали сближенія. Только благодаря грамоты Авраамія Палицына, пообѣщавшаго имъ подѣлить между ними сокровища лавры, согласились они выступить на защиту родины.

Ходкевичъ подошелъ къ Москвѣ и былъ на голову разбитъ Мининымъ и Пожарскимъ. Пораженный гетманъ поспѣшилъ уйти обратно въ Литву.

Теперь Нижегородскому ополченію оставалась трудная задача выгнать поляковъ изъ Кремля. Потянулась долгая, продолжительная осада. Голодъ свирѣпствовалъ въ Кремлѣ; дошло до того, что поляки ѣли крысъ, мышей, собакъ, а когда послѣднее было съѣдено ими, они принялись за мертвые трупы своихъ погибшихъ товарищей.

Наконецъ осажденные не выдержали мученій голода и сдались.

Ворота Кремля раскрылись настежь и поляки вмѣстѣ съ томившимися у нихъ въ неволѣ русскими плѣнниками боярами вышли къ побѣдителямъ. Слѣдомъ за Москвою и вся остальная Русь была очищена отъ враговъ, благодаря мужеству и смѣлости двухъ ея главныхъ вождей: Минина и Пожарскаго. Теперь оставалось только выбрать царя и этимъ положить окончательный предѣлъ всѣмъ междоусобнымъ неурядицамъ и смутамъ.

Съ этою цѣлью по всѣмъ городамъ были разосланы грамоты съ приказаніемъ собираться въ Москву всѣмъ выборнымъ людямъ для избранія новаго царя. 21-го февраля 1613 года былъ назначенъ послѣдній, рѣшающій соборъ, къ нему готовились трехдневнымъ постомъ и молитвою всею Москвою. На этомъ соборѣ прозвучало одно, дружно произнесенное всѣми выборщиками, имя. Шестнадцатилѣтній юноша Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ сынъ митрополита Филарета, ближайшаго родственника царя Іоанна

Васильевича Грознаго, по женѣ его Анастасіи, являлся по своему происхожденію самымъ достойнымъ царемъ.

Юноша Михаилъ проживалъ до сей поры въ тиши Ипатьевской женской обители, куда постриглась его мать въ тяжелое время гоненія на бояръ Романовыхъ Борисомъ Годуновымъ.

Объ этомъ-то ближайшемъ по крови къ прежнимъ законнымъ русскимъ царямъ юношѣ и вспомнили теперь выборные люди Московскіе.

Зазвонили въ колокола, заслужили молебны по всѣмъ церквамъ и соборамъ. Торжественнымъ гулкимъ звономъ наполнилась Москва.

Выборщики вышли на Лобное мѣсто и обратились къ толпѣ, запрудившей Красную площадь:

— Народъ православный, кого выбираешь себѣ въ цари? трижды спросили они толпы Москвитянъ. И народъ громкими кликами отвѣтилъ:

— Михаилъ Федоровичъ Романовъ пусть царствуетъ надъ нами.

. . . . . .

. . . . . .

Не обманула корелская гадалка обоихъ Шуйскихъ.

Юный царь Михаилъ вступилъ на царство, но не тотъ Михаилъ, котораго такъ боялись лукавые братья.

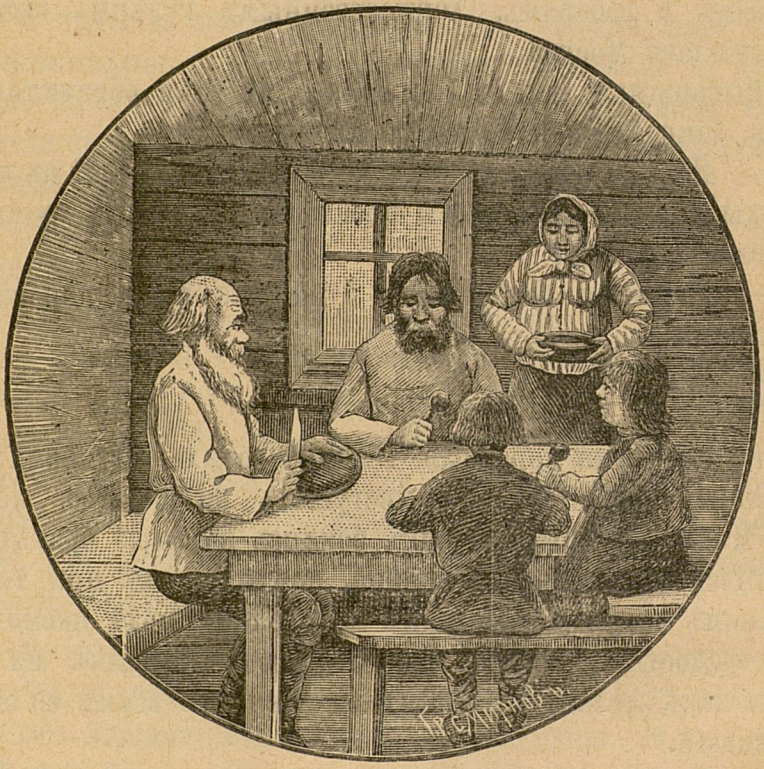
Шестнадцатилѣтній юноша, почти отрокъ при торжественномъ звонѣ Московскихъ колоколовъ, подъ несмолкаемые, радостные крики своего народа всходилъ на престолъ, какъ желанный спаситель Руси отъ всѣхъ ея смутъ и бѣдствій.

А другой ея спаситель и защитникъ лежалъ въ это время безгласнымъ трупомъ, надавленный тяжелой могильной плитою.

Умеръ юноша витязь, но не умерла слава о немъ.

Разлилась она могучимъ потокомъ, эта слава, за моря и рѣки, за лѣса и горы по всей великой землѣ Русской.

И долго еще вспоминали потомъ славное имя молодого воеводы... Осталось и доселѣ это имя, славное и свѣтлое наравнѣ съ именами главныхъ русскихъ богатырей и героевъ... И долго будетъ жить въ памяти народной великій юноша и герой Руси, безвременно и невинно погибшій молодой князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.



Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

ГПБ Русский фонд
Эк. 53. 1. 55